

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»**

На правах рукописи

Крайнова Надежда Александровна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ: УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЕ И ПЕНИТЕНЦИАРНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

**Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

**Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Шестаков Дмитрий Анатольевич**

Севастополь - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	4
Глава 1. Теоретические основы противодействия преступности в контексте ресоциализации	37
1.1. Государственная политика противодействия преступности в контексте ресоциализации.....	37
1.2. Теоретические представления о противопреступной социализации (ресоциализации) в триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация».....	58
1.3. Стратегия ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества.....	78
1.4. Ретроспективный анализ и перспективы противодействия преступности в контексте ресоциализации в России	95
Глава 2. Личность как объект ресоциализационного воздействия: уголовно-правовой и криминологический анализ.....	119
2.1. Личность преступника в контексте ресоциализации.....	119
2.2. Социально-демографическая характеристика личности осужденного как объект ресоциализирующего воздействия.....	141
2.3. Нравственно-психологические особенности личности осужденного в контексте ресоциализации.....	171
2.4. Потерпевший как объект ресоциализации.....	191
Глава 3. Нормативно-правовые основы противодействия преступности в контексте ресоциализации	215
3.1. Нормативно-правовое регулирование ресоциализации в Российской Федерации.....	215
3.2. Противопреступная социализация (ресоциализация) в системе единого законодательства о противодействии преступности. Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации.....	233
3.3. Право безопасности и ресоциализация: грани соприкосновения.....	253
3.4. Стратегии реализации противопреступной политики в международном сравнении: основные тренды и проблемные вопросы.....	269
Глава 4. Перспективы противодействия преступности в контексте ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) развития общества (уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и постпенитенциарный аспекты)	288
4.1. Ресоциализационный потенциал трансформации системы	

	наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества.....	288
4.2.	Обоснование парадигмы реформирования пенитенциарной системы с позиций противопреступной социализации (ресоциализации).....	313
4.3.	Служба пробации в государственной системе ресоциализации.....	351
	Заключение	374
	Список использованных источников	392
	Приложение 1. Анкета для опроса осужденных, поступающих в ИУ, для индивидуализации подхода в выборе средств и методов психологической работы.....	456
	Приложение 2. Анкета для опроса осужденных, освобождаемых от дальнейшего отбывания наказания в ИУ, для оценки результатов нахождения в ИУ.....	460
	Приложение 3. Анкета для изучения личности осужденных.....	461
	Приложение 4. Анкета для изучения личности лиц, отбывших уголовное наказание.....	466
	Приложение 5. Анкета экспертной оценки.....	471
	Приложение 6. Проект Кодекса о предупреждении преступлений и ресоциализации	476

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современное общество и государство переживают непростые процессы трансформации, обусловленные значительными изменениями социальной и культурной среды. Широкое распространение пандемии Covid-19, затронувшей все мировое сообщество, принимаемые в целях противодействия пандемической угрозе меры, современная геополитическая ситуация, сопровождающаяся усложнением общественных отношений, экспоненциально ускорили процессы цифровизации, обострили социальные противоречия, обнажили существовавшие ранее скрытые проблемы, поставили мировое сообщество перед необходимостью осознания качественного изменения традиционного уклада общественных отношений.

В настоящее время очевидной становится технологическая перспектива развития общества. И, если пока еще технологии не оторваны от повседневной жизни, а дополняют ее, привнося определенный комфорт, то уже в не столь отдаленном будущем можно ожидать более глубокого и, возможно, осознанного влияния технологий на глобальные общественные отношения, прогнозировать возникающие в этой связи социальные риски и угрозы. Выступая на ежегодной пресс-конференции 14 декабря 2023 года, Президент РФ В.В.Путин отметил невозможность создания препятствий для развития искусственного интеллекта, а также перспективы решения возникающих в связи с этим проблем исключительно путем переговоров между странами-лидерами в данной сфере, в числе которых должна быть Россия¹.

Сейчас можно с определенной долей уверенности утверждать, что формируется новая информационная культура общества, использующая либо абсолютно новые, либо видоизмененные существующие коммуникативные практики. Современное общество уже поставлено перед необходимостью оценки появляющихся социальных вызовов и угроз и поиска оптимальных способов их

¹URL: <https://rg.ru/2023/12/14/putin-rasskazal-nado-li-boiatsia-iskusstvennogo-intellekta.html>.

преодоления, что осознается ведущими мировыми державами и находит свое закрепление в нормативно-правовых документах стратегического характера.

О необходимости согласованных действий по реализации стратегических национальных приоритетов РФ, направленных на нейтрализацию внешних и внутренних угроз, путем гармоничного сочетания сильной державы и благополучия человека в целях формирования справедливого общества и процветания России, говорится в утвержденной указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 Стратегии национальной безопасности РФ¹. Только сильное государство, политика которого основана на стратегически выверенных, оптимальных и продуманных решениях, в будущем будет конкурентоспособным игроком на внешнеполитической арене, обеспечит законность и правопорядок во внутригосударственных отношениях, эффективно противостоит внешним и внутренним опасностям.

Одной из традиционных угроз, на протяжении веков стоящих перед обществом и государством, является воспроизводство преступности. Цифровая трансформация общественных отношений затронула и эту сферу. За последние три года на фоне общего снижения количества регистрируемых преступлений уровень так называемой киберпреступности демонстрирует существенный рост. Так, в 2018 г. было выявлено 174674 (+92,8%) преступлений, совершенных с использованием компьютерных и/или информационно-коммуникационных технологий, в 2019 г. – 294409 (+68,5%), в 2020 г. – 510396 (+73,4%), в 2021 г. – 517722 (+1,4%), в 2022 г. – 522065 (+0,8), в 2023 г. – 676951 (+29,7%) преступление с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации². Столь неутешительные показатели демонстрирует официальная статистика, вместе с тем преступления, совершаемые в цифровой среде, отличаются значительной латентностью, их раскрываемость

¹Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

²Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>.

крайне низка, в этой связи можно с достаточной долей уверенности предполагать, что реальное количество таких деяний еще больше.

Изменения происходят как в используемых формах и методах воспроизводства преступности, так и в ее качественных характеристиках, что предопределяет необходимость поиска новых путей, выработки иных стратегий противодействия преступности. Применяемые в настоящее время традиционные формы и методы противопреступной деятельности очевидно уже не являются действенным инструментарием, способным удержать воспроизводство преступлений на социально терпимом уровне. О недостаточности применяемых мер говорит и увеличивающийся уровень рецидивной преступности, являющийся определенным индикатором эффективности противодействия преступности. За последние пять лет этот показатель в РФ демонстрирует рост. Так, по данным ФГБУ ГИАЦ МВД РФ за 2021 г. каждое второе преступление совершено ранее судимыми лицами, удельный вес таких лиц по сравнению с 2020 годом увеличился с 29,9% до 33,6% (на 3,5%). В 2022 г. ситуация еще более усугубилась: удельный вес ранее судимых лиц в общем числе совершивших преступления составил 34,4% (рост на 3%), в 2023 г. рост продолжился и показатель составил 34,9% от всех расследованных преступлений¹.

Негативный сценарий реализации традиционных стратегий противодействия преступности в Российской Федерации, основанный, прежде всего, на применении карательных пенологических практик, отсутствии четко организованной системы предупреждения преступлений, позволил к концу 20-х годов второго тысячелетия говорить о том, что российская система наказаний пребывает в кризисном состоянии, действующая модель реформирования уголовного законодательства противоречит общемировой тенденции спада уголовной репрессии, современная политика противодействия преступности не эффективна (об этом свидетельствуют, в том числе, статистические данные о

¹В 2020 году по сравнению с 2019 годом удельный вес преступлений, совершенных ранее судимыми лицами увеличился с 29,6% до 29,9% от всех расследованных. В 2021 году по сравнению с 2020 годом этот показатель вырос с 29,9% до 33,6%. В 2022 году наблюдается увеличение с 33,6% до 34,4%, в 2023 г. – до 34,9%. Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> .

рецидивной преступности) и нуждается в поиске концептуально новых подходов, основанных на приоритете личности, ее прав и законных интересов.

Общество, основанное на развитии технологий, в значительной степени озабочено поиском баланса между экспоненциальным развитием технологического прогресса и сохранением человеческой жизни, поиске моделей обеспечения безопасности личности как носителя знаний, социальных ценностей. Постиндустриальное (информационное) общество рассматривает человека (личность) встроенным в цепочки коммуникаций, взаимодействие в которых оценивается с позиций социализации, десоциализации, ресоциализации. В этой связи актуальными становятся исследования характеристик личности (социально-демографических, глубинных нравственно-психологических и др.), изучение их изменений за определенные временные промежутки, поиск оптимальных способов воздействия в целях социализации и ресоциализации.

В процессе поиска оптимальной модели противодействия воспроизводству преступлений актуальными становятся межинституциональные взаимосвязи и взаимодействия, роль которых существенно повышается. Противодействие преступности только силами специально уполномоченных государственных институций не дает должного эффекта, о чем свидетельствуют и результаты исследования опыта зарубежных стран. Так, Япония демонстрирует самые низкие показатели преступности, прежде всего, за счет использования различных форм социального контроля, организации противопреступной деятельности по принципу «семейной» модели.

Однако исследование зарубежного опыта не должно в дальнейшем воплощаться в бездумном инкорпорировании чуждых нам норм в отечественное законодательство и правоприменительную практику. России необходимо сохранить самоидентичность, выработать оптимальную модель противодействия преступности, основанную на собственном веками сложившемся опыте, учитывающем вовлеченность России в мировые интеграционные процессы, что обуславливает несомненную актуальность научных исследований в данной сфере.

Зарубежный опыт реализации различных стратегий противодействия преступности демонстрирует эффективность пенальных и постпенальных (постпенитенциарных) практик противопреступного воздействия. В России в течение длительного времени активно обсуждается, но до сих пор практически не реализован опыт функционирования системы пробации (помощи, испытания). Создание и развитие такой системы в Российской Федерации предусмотрено Концепцией развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 года № 1138¹ (далее также Концепция), разработан и принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»². Положения указанного Федерального закона нашли свое развитие в приказе Минюста России от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»³.

Особое значение имеет признание в Концепции того, что «лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе, а отсутствие системы пробации приводит к потере социальных связей, отсутствию востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию таких лиц и, как следствие, влияет на рост рецидивной преступности»⁴. Однако на данный момент не вступили в силу, не апробированы практикой положения законодательных актов, регламентирующие отношения, связанные с организацией службы пробации, не приведено в соответствие уголовно-исполнительное и иное законодательство. Палитра

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

²Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10 // Российская газета. 2023. № 29. 9 февраля.

³Приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2023.

⁴Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

теоретических изысканий в данной области достаточно широка, однако не позволяет в полной мере выстроить конкретные представления о системе пробации, ее организации, что предопределяет востребованность и перспективность продолжения научных изысканий. Не случайно вопрос организации службы пробации в России стал предметом обсуждения на встрече президента РФ В.В. Путина с министром юстиции РФ К.А. Чуйченко, в ходе которой был обозначен вектор на создание такой службы в самой ближайшей перспективе¹.

Достаточно подробно институт пробации на примере США исследован в диссертационной работе Н.Б. Хуторской «Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты» в 1992 году. Проблемные вопросы и перспективы реализации института пробации в Казахстане освещены в диссертации М.Р. Гета «Пробация и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан» в 2000 году. Исследование в сравнительном аспекте условного осуждения и пробации проводила Е.Н. Шатанкова в диссертации на тему «Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ» в 2008 году. Однако данные научные труды не охватывают весь спектр существующих и перспективных проблем, связанных с реализацией института пробации именно в Российской Федерации. Кроме того, в связи с тем, что исследования проводились достаточно давно, на данный момент анализ возникающих в обозначенной сфере вопросов нуждается в актуализации.

Актуальность темы диссертационного исследования детерминирована потребностью ревизии существующих стратегий противодействия преступности с учетом трансформации общественных отношений в условиях постиндустриального (информационного) общества, обоснования концептуальных основ противопреступной деятельности в целях сохранения благополучия человека, его ресоциализации для формирования справедливого общества и процветания России. Это, прежде всего, переосмысление и внесение

¹ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48724/>.

изменений в действующее законодательство, конструирование современных кодифицированных актов, составляющих систему единого законодательства о противодействии преступности, программных документов, имеющих соответствующее целевое предназначение, разработка методик построения индивидуальных программ ресоциализации человека, выстраивание актуальной и эффективной целостной стратегии противодействия преступности.

Степень научной разработанности темы исследования. Различные аспекты проблематики противодействия преступности являются достаточно изученными в научной доктрине. Следует отметить, что вопросы, связанные с противодействием преступности в контексте ресоциализации человека, входят в предметную область исследования разных наук, к числу которых можно отнести уголовное право, уголовно-исполнительное право, криминологию, социологию, психологию, педагогику, чем обуславливается перспективность междисциплинарного подхода к исследованию предметного поля диссертации, изучение широкого спектра научных разработок.

К проблемам государственной политики противодействия преступности в том или ином аспекте в разное время обращались А.И. Александров, М.М. Бабаев, Н.А. Беляев, С.С. Босхолов, А.А. Герцензон., Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, П.С. Дагель, А.Л. Дзигарь, В.С. Джатиев, А.И. Долгова, В.К. Дуюнов, Ю.С. Жариков, Н.И. Загородников, С.М. Зубарев, А.Н. Игнатов, Н.А. Колоколов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.И. Коробеев, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, В.А. Номоконов, П.Н. Панченко, Ю.Е. Пермяков, Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин, В.В. Ревина, Л.И. Романова, Ю.Е. Пудовочкин, Д.А. Шестаков, А.В. Усс и др. Концептуальные исследования уголовной политики, проблем криминализации проводили известные зарубежные специалисты: Ч. Беккариа, М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, А. Кетле, Р. Мертон, Т. Парсонс, Г. Спенсер, Э. Ферри и др. Значительный вклад в разработку данных вопросов внесли отечественные ученые: М.П. Чубинский, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский, И.Я. Фойницкий и другие.

Исследованию проблем противодействия рецидивной преступности, изучению ее причин, особенностей личности рецидивистов посвятили свои труды Ю.И. Бытко, Р.Р. Галиакбаров, М.Н. Гернет, П.Ф. Гришанин, М.А. Ефимов, М.М. Гродзинский, А.И. Гуров, А.Ф. Зелинский, Т.М. Кафаров, К.А. Панько, Н.С. Таганцев, Б.С. Утевский, В.Д. Филимонов, В.А. Шкурко, А.М. Яковлев и другие авторы.

Теоретические представления о социализации, ресоциализации, десоциализации, асоциализации были существенно углублены исследованиями Г.М. Андреевой, И.С. Кона, Л.В. Мардахаева, Б.Д. Парыгина, Т.И. Соловьевой, А.М. Яковлева и др. Правовые аспекты социализации освещены в работах Н.М. Байкова, С.Н. Жевакина, С.А. Жинкина, М.С. Журавлевой, С.Ю. Зязина, А.И. Ковалевой, Е.А. Крутько, И.В. Лескова, Т.А. Радченко, Т.А. Рубанцовой, Д.К. Танатовой, Н.А. Перинской, А.В. Пищелко, Д.В. Сочивко, О.Б. Пановой, Р.М. Шамионова, Т.А. Фолиевой, Ю.В. Хармаева, Н.Е. Шустовой.

Противопреступный потенциал социализации в контексте ресоциализации осужденных и отбывших наказание лиц был предметом диссертационных исследований А.В. Чернышевой (1990), Т.Н. Волковой (1995), Ю.В. Жулевой (2000), Е.Г. Багреевой (2001), М.С. Рыбака (2001), И.И. Евтушенко (2003), Н.С. Фомина (2005), Ю.В. Баранова (2008), Н.Е. Колесниковой (2011), Б.А. Пайзулаевой (2011), И.В. Прысь (2011), М.Н. Садовниковой (2011), Я.С. Васильевой (2011), Е.В. Гузь (2014), К.С. Тумарова (2012), А.Г. Финаевой (2012), Л.А. Латышевой (2015), Т.В. Темаева (2017), освещается в трудах Г.Д. Агамова, О.А. Адоевской, А.В. Бриллиантова, В.И. Горобцова, Ш.Х. Иногамова, В.В. Кима, М.И. Коваль, Т.В. Кленовой, В.И. Селиверстова, О.Б. Лысягина, В.Б. Писарева, В.И. Позднякова, В.Б. Первозванского, В.И. Силенкова, В.М. Трубникова, И.В. Шмарова и др. По проблемам, касающимся различных аспектов ресоциализации осужденных, были подготовлены и защищены докторские диссертационные исследования Е.Г. Багреевой «Социокультурные основы ресоциализации преступников» (2001), М.С. Рыбака «Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы

теории и практики» (2001), Ю.В. Баранова «Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы» (2008). В указанных работах исследуются проблемы ресоциализации осужденных, отбывающих наказание или освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, сделаны актуальные для своего времени теоретически обоснованные предложения в данной сфере, однако ввиду давности проведенных изысканий сформулированные в них выводы нуждаются в существенном пересмотре и оценке с позиций текущего момента.

Динамично изменяющиеся условия социальной среды, выразившиеся, в том числе, в изменениях преступности, повлекли необходимость пересмотра подходов к сложившимся социальным практикам, исследованиям социальных отношений в условиях постиндустриального (информационного) общества, что нашло отражение в трудах зарубежных исследователей: Д. Белла, К. Шваба, Т. Маллере, Р. Монтау и др., а также отечественных ученых: В.Л. Иноземцева, И.В. Честнова, В.В. Архипова и др., зафиксировано принятой Доктриной информационной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646¹.

В условиях цифровизации экономических и социальных отношений актуализируются научные изыскания в сфере поиска новых парадигм противодействия преступности, акценты смещаются в сторону сохранения человеческого потенциала, исследований свойств личности в целях выявления противопреступных возможностей тех или иных социальных практик. Проблемам анализа свойств личности преступника, выявления возможностей профилактического (в том числе психологического) воздействия в целях коррекции поведения посвятили свои труды С.Н. Абельцев, Ю.М. Антонян, Ю.Д. Блувштейн, С.В. Бородин, В.Н. Бурлаков, Я.И. Гишинский, А.Д. Глоточкин, П.С. Дагель, У.С. Джекебаев, А.И. Долгова, М.В. Елеськин, М.И. Еникеев, А.Ф. Зелинский, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, А.Г. Ковалев, А.И. Коробеев,

¹Указ Президента РФ от 5.12.2016 № 646. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Е.Б. Кургузкина, Н.С. Лейкина, А.Б. Марданов, И.М. Мацкевич, А.С. Михлин, И.С. Ной, В.А. Номоконов, В.Ф. Пирожков, Я.И. Резник, Л.А. Рогачевский, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, И.Г. Филановский, С.А. Тарарухин, Т.В. Темаев, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов и др. Зарубежные исследования проблем личности преступника в контексте социализации и ресоциализации представлены трудами Л. Хевита, Р. Дженкинса, Д. Сандфорда и др.

Вопросами предупреждения преступности, исследованием криминологического законодательства в той или иной степени в разное время занимались А.И. Алексеев, В.Н. Бурлаков, Ю.А. Воронин, С.И. Герасимов, Д.Ю. Гончаров, А.И. Долгова, В.А. Зикеев, Н.Ф. Кузнецова, П.А. Кабанов, М.Н. Клейменов, Н.А. Лопашенко, А.В. Петровский, В.И. Полудняков, А.Я. Сухарев, Д.А. Шестаков, В.С. Харламов и др. Актуальными в изменяющемся мире являются проблемные вопросы выбора средств и методов противодействия преступности в целях определения перспективных противопреступных стратегий, оперирующих не только имеющимся арсеналом уголовно-правовых и уголовно-исполнительных средств, но и ресурсов зарождающегося права безопасности, глубокую научную проработку теоретической базы которого в России вел Н.В. Щедрин, а в зарубежной научной среде известны труды Й. Арнольда, Ф. Риклина, А. Бехтольда, Х.-Й. Альбрехта, У. Зибера и др.

Исследованием психологических практик противодействия преступности, проблемных вопросов назначения и исполнения наказания, постенитенциарному контролю, в том числе сквозь призму опыта зарубежных стран, посвятили свои труды Х.Д. Аликперов, Т.П. Афонченко, Ю.И. Блохин, Я.И. Гишинский, Ф.В. Грушин, А.В. Звонов, В.И. Зубкова, Н.Н. Кирилловская, И.Д. Козочкин, И.Я. Козаченко, Н.С. Малолеткина, Н.А. Морозов, А.И. Рарог, И.М. Рагимов, Р.А. Ромашов, В.И. Селиверстов, В.Н. Орлов, А.В. Палий, И.М. Режапова, Д.Н. Сергеев, А.П. Скиба, Л.Б. Смирнов, П.В. Тепляшин, В.М. Хомич, В.Е. Южанин, В.А. Уткин, Д. Берн, К-Г. Гросс, Г. Макс и др.

Однако, несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных исследованию вопросов противодействия преступности, в условиях

динамично меняющихся характеристик социальной среды, обусловленных потрясениями природного, техногенного и социального характера, экспоненциально ускоряющимися темпами цифровизации, сопровождающимися необходимостью оперативного реагирования, все более очевиден становится разрыв между криминальными реалиями и противодействием им, все более заметно отсутствие у общества и государства современных концептуальных подходов, методологической основы для комплексного решения проблем. До сих пор в науке на монографическом уровне не рассматривались в комплексе вопросы противодействия преступности с учетом существующих и потенциальных проблем уголовно-правового и пенитенциарно-криминологического характера, использования ресоциализационного потенциала общества и государства с последующей адаптацией и включением в социальную среду как осужденных, так и потерпевших. Представляется, что в ходе диссертационного исследования автору удалось решить научную проблему разработки модели противодействия преступности на основе предлагаемой теории противопреступной социализации (ресоциализации) в условиях постиндустриального (информационного) общества, имеющую важное политическое, социально-экономическое, культурное и криминологическое значение.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является совокупность криминологических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и пенитенциарных отношений, складывающихся в сфере противодействия преступности в контексте ресоциализации личности.

Предметом исследования являются существующие закономерности в сфере противодействия преступности, государственной политики противодействия преступности, понятия ресоциализации в криминологическом смысле как процесса и результата процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемого на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью

недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса, социально-демографические и нравственно-психологические характеристики личности преступника как объекта ресоциализации, законодательство о противодействии преступности (отечественное, зарубежное и международное), материалы судебной практики в рассматриваемой сфере, результаты проведенного автором эмпирического исследования.

Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование эффективной криминологической модели противодействия преступности в контексте ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества, а также обоснование практического применения ресоциализационных практик в уголовно-правовых, пенитенциарно-криминологических и иных отношениях.

В соответствии с поставленной целью основными **задачами** исследования являются:

1. Постановка, обоснование и описание научной гипотезы о проблеме поиска новых стратегий противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества, в этой связи осмысление теоретических представлений о противодействии преступности на основе имеющихся доктринальных воззрений, формулирование понятия противодействия преступности, политики противодействия преступности, содержания, уровней и направлений реализации противодействия преступности.

2. Изучение механизма социальных взаимодействий в контексте триады «социализация-десоциализация-ресоциализация» в целях определения модели организации противопреступной деятельности с позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации).

3. Анализ социальной и правовой природы отношений, складывающихся в процессе ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества. Формулирование понятия ресоциализации в криминологическом смысле. Определение структуры процесса ресоциализации, его свойств, правовой

природы ресоциализации, обоснование места и роли в системе правового регулирования.

4. Проведение ретроспективного исследования российского опыта противодействия преступности в контексте ресоциализации в целях выявления положительных аспектов и оценки возможности использования такого опыта для конструирования модели организации противопреступной деятельности с позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации).

5. Анализ доктринальных воззрений на понятие личности преступника, обоснование необходимости учета ее свойств с позиций практической реализации теории противопреступной социализации (ресоциализации).

6. Исследование социально-демографических и нравственно-психологических особенностей личности как объекта ресоциализации в 20-летней динамике в целях определения степени влияния изменений на процесс ресоциализации, выявления общих закономерностей, определения типов личности в контексте ресоциализации, построения прогнозного плана (матрицы) изменений характеристик личности с определением ресоциализационного потенциала.

7. Осмысление проблемных вопросов ресоциализации потерпевших от преступления лиц на основе критического анализа используемых на данный момент средств ресоциализации в целях определения функционального концепта механизма ресоциализации потерпевших, встроенного в общую систему ресоциализации личности человека.

8. Изучение законодательства Российской Федерации о противодействии преступности в целях выявления проблем и конструирования его модели с позиций разрабатываемой теории противопреступной социализации (ресоциализации).

9. Осмысление возможностей реализации положений теории противопреступной социализации (ресоциализации) в системе единого законодательства о противодействии преступности.

10. Исследование граней соприкосновения права безопасности и ресоциализации, выявление ресоциализационного потенциала права безопасности.

11. Рассмотрение зарубежных ресоциализационных практик в международном сравнении в целях выявления мировых стратегий (трендов) противодействия преступности.

12. Анализ уголовно-правовых и пенитенциарно-криминологических аспектов назначения и исполнения наказаний в контексте ресоциализации в целях верификации предлагаемых концептуальных положений теории противопреступной социализации (ресоциализации) и выработки предложений по дальнейшей модернизации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

13. Осмысление парадигмы реформирования пенитенциарной системы Российской Федерации на основе предлагаемой теории противопреступной социализации (ресоциализации), критическое исследование модели организации службы пробации в условиях постиндустриального (информационного) общества.

14. Проведение эмпирических исследований, подтверждающих выдвигаемые в рамках диссертационного исследования предложения, обосновывающих научно-практическую значимость реализации теории противопреступной социализации (ресоциализации).

15. Разработка научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства, практики его применения в целях повышения эффективности противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составляют фундаментальные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные различным аспектам противодействия преступности. Учитывая сформулированные в работе цель и задачи исследования, в ходе выполнения диссертационной работы использовался междисциплинарный подход, который позволил применить методологию, концептуальные принципы и категориальный

аппарат доктринальных разработок в уголовно-правовой, пенитенциарно-криминологической сферах сфере уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, теории и истории государства и права, социологии, психологии, педагогики, экономики.

Основой диссертационного исследования явился диалектический метод научного познания. Применялись сравнительно-правовой, статистический, логико-формальный, социологические методы, историко-правовой (ретроспективный) анализ, а также метод теоретического моделирования, что позволило определить концептуальные основы противодействия преступности в контексте ресоциализации человека.

Методологическая структура исследования основывалась на мультипарадигмальном подходе, позволяющем оценить качественные стороны социальных процессов и явлений с разных сторон их реализации. В работе использовались научные идеи теории социального взаимодействия (М. Вебера), функциональной теории изменений (Т. Парсонса), теории социального конструирования реальности (Г. Блумера), теории аномии, функций и дисфункций (Р. Мертон), теории стигматизации (Э. Гофмана), теории семантических пределов права в условиях медиального поворота (В. Архипова). *Сравнительно-правовой* метод использовался для оценки опыта реализации стратегий противодействия преступности в международном сравнении, выявлении положительных и отрицательных практик уголовно-правового регулирования и предупредительного воздействия в целях определения возможности использования для оптимизации отечественной политики противодействия преступности. *Историко-правовой (ретроспективный)* аналитический метод познания позволил определить периоды, отличающиеся той или иной степенью реализации различных парадигм противодействия преступности в контексте ресоциализации, дать почву для последующих исследований позитивных практик нормативно-правового регулирования и социального контроля. *Логико-формальный метод* использовался в процессе изучения правовых норм, регламентирующих понятие ресоциализации и иных

правовых конструкций, входящих в понятийно-категориальный аппарат настоящего диссертационного исследования. *Статистический метод* обработки числовых данных использовался для анализа информации, полученной в результате статистических опросов в различных модификациях (анкетирование, интервьюирование, беседа), результатов исследований, проведенных другими авторами, материалов опубликованной статистики МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Судебного департамента при Верховном суде РФ, ФСИН России. *Метод теоретического моделирования* применительно к достижению цели исследования позволил сконструировать абстрактные модели организации общественных отношений: процессов и состояний, представить варианты возможных правовых норм в целях создания общей модели правового регулирования в рассматриваемой сфере, предложить перспективные идеи, составляющие сбалансированный конструкт теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Полученные лично диссертантом данные дополнялись результатами исследований, проведенных Т.В. Темаевым (Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: дис. ... д-ра соц. наук. - Саратов, 2017), Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю.М. Ткачевского МГУ им. М.В. Ломоносова (с 1 марта 2019 г. по 29 февраля 2020 г. научно-исследовательский проект по созданию Теоретической базы социальной поддержки и защиты граждан, освобожденных из пенитенциарных учреждений).

Теоретическая основа исследования определяется существующими в юриспруденции и смежных социогуманитарных науках (философии, социологии, психологии, педагогике) концептуальными подходами к пониманию процессов социализации, десоциализации, ресоциализации (И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, А.М. Яковлев, Т.И. Соловьева, Л.В. Мардахаев и др.) и их методологической сущности (А.М. Новикова, Д.А. Новикова и др.).

В работе используются научные конструкции, раскрывающие понятие и структуру преступности («многослойная» модель преступности Д.А. Шестакова), воззрения в отношении политики противодействия преступности (Н.А. Беляев, А.А. Герцензон, А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик, Н.А. Лопашенко, В.А. Номоконов, А.Л. Репецкая, И.Э. Звечаровский, Э.Ф. Побегайло, П.Н. Панченко, Д.А. Шестаков и др.).

Настоящим диссертационным исследованием востребованы экономические и социологические теоретические изыскания, в рамках которых выработаны различные концепции постиндустриального (информационного) общества (Д. Белл, К. Шваб, Т. Маллере, Иноземцев В.Л.), и их проекции на сферу правового регулирования (И.В. Честнов), в частности, противодействия преступности (Я.И. Гилинский).

В ходе исследования использовались выводы и предложения, имеющие отношение к ресоциализационным пенитенциарным практикам (Е.Г. Багреева, Т.В. Темаев, М.С. Рыбак и др.), концептуальные положения науки уголовно-исполнительного права (В.И. Селиверстов и др.), доктринальные воззрения на структуру личности, психологию преступного поведения и психологические аспекты противопреступного воздействия (Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Д. Филимонов, В.Е. Эминов и др.).

Нормативную основу исследования составили российские и зарубежные нормативные источники, Конституция РФ, международно-правовые акты. Автором были изучены решения ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, региональные правовые документы, программы предупреждения преступности, действующее и утратившее силу законодательство РФ.

Эмпирический материал был получен в ходе проведения криминологических исследований, выполненных автором или при его участии, результаты которых отражены в опубликованных автором монографиях, научных статьях, отчетах по результатам НИР.

Эмпирическую базу исследования составили материалы анкетного опроса, глубинного интервьюирования ранее судимых осужденных, содержащихся в

исправительных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области (более 700 человек), Кемеровской области (более 530 человек), Приморского края (более 300 человек), экспертной оценки сотрудников исправительных учреждений Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Кемеровской области и Приморского края (всего более 200 человек), изучение личных дел осужденных (всего изучено более 300 личных дел осужденных), беседы с начальниками отрядов, психологами исправительных учреждений, проведенные в период с 2002 по 2021 гг. В ходе исследования были опрошены освобожденные от отбывания наказания лица, в том числе 5 состоящих под административным надзором (всего опрошено более 50 человек), а также потерпевшие от преступлений из различных социально-демографических групп населения (всего опрошено более 50 человек). В работе были использованы данные исследования, проведенного автором в Приморском крае¹.

Эмпирическую основу диссертации составили также результаты анализа сведений уголовной статистики и аналитических материалов Генеральной Прокуратуры РФ, МВД РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ФСИН России за 2000-2023 гг., опубликованная судебная практика (всего изучено более 1500 приговоров судов РФ), практика Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, результаты криминологических и социологических исследований, проведенных другими авторами, аналитические материалы, опубликованные в средствах массовой информации и сети «Интернет».

В работе нашел отражение опыт практической деятельности диссертанта, связанной с проблематикой исследования, при работе с населением на должности помощника депутата Законодательного собрания Ленинградской области в период с 2007 по 2011 гг., при участии в составе экспертных групп по подготовке

¹ Результаты исследования представлены в авторской диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 255 с.

аналитических и законопроектных материалов для Законодательного собрания Санкт-Петербурга в период с 2008 по 2009 гг.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что она представляет собой первое комплексное монографическое исследование, в котором предложена актуальная для современных условий постиндустриального (информационного) общества модель противодействия преступности, учитывающая существующие и потенциальные проблемы уголовно-правового и пенитенциарно-криминологического характера, основанная на использовании ресоциализационного потенциала общества и государства, представлено методологическое обоснование решения проблем с позиций предлагаемой криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации), сделаны предложения практического характера.

В диссертации определено понятие ресоциализации в криминологическом смысле, решена актуальная задача по оценке обоснованности и перспективности использования категории ресоциализации в рамках предлагаемой модели противодействия преступности.

Научные результаты диссертационного исследования, обладающие научной новизной и полученные лично соискателем, отражены в следующих основных положениях, выносимых на защиту:

1. Аргументирована авторская позиция о том, что процессы, происходящие в обществе, экспоненциальное развитие технологий, качественное изменение показателей современного уклада общественных отношений, свидетельствуют о переходе к постиндустриальному (информационному) обществу, что требует переосмысления существующих теоретических и практических положений о противодействии преступности. В качестве методологической основы организации предупредительной деятельности предложена теория противопреступной социализации (ресоциализации) как система научных положений и практических рекомендаций по организации противодействия преступности, предполагающая использование ресоциализационного потенциала общества и государства в интересах обеспечения безопасности, основанная на

балансе репрессивной и нерепрессивной парадигм. Сформулировано авторское понятие ресоциализации в криминологическом смысле.

2. В работе на основе прогноза реализации предложенной теории противопреступной социализации (ресоциализации) в постиндустриальном (информационном) обществе предложена и обоснована модель организации противопреступной деятельности, характеризующаяся следующими признаками: а) нелинейные социальные взаимосвязи и взаимодействия, в числе которых процессы социализации, десоциализации, ресоциализации; б) необходимость ресоциализации не только преступника, но и его жертвы; в) вовлеченность каждого члена социума в процесс ресоциализации: либо на позиции объекта воздействия, либо на позиции субъекта воздействия; г) важное значение приобретает социальный контроль; г) стратегия ресоциализации должна разрабатываться и реализовываться государством.

3. Проведенное ретроспективное исследование политики противодействия преступности в контексте ресоциализации продемонстрировало актуальность дифференцированного рассмотрения практик и использования позитивного опыта нормативно-правового регулирования и социального контроля, которые применялись в различные исторические периоды и доказали свою эффективность. Такой подход имеет исторические перспективы и реализован при конструировании модели противопреступной деятельности в условиях постиндустриального (информационного) общества.

4. Обосновано, что ресоциализация в криминологическом смысле относится не только к лицам, совершившим преступления, но также и к потерпевшим. С позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации) потерпевший рассматривается как физическое лицо, пострадавшее от совершения преступления и нуждающееся в восстановлении социально положительного статуса. На основе критического анализа используемых на данный момент средств предложен механизм ресоциализации потерпевших, сформулированы его концептуальные признаки. В работе отмечается, что такой механизм должен предусматривать перечень субъектов и

содержание, которое составляют средства ресоциализации: 1) меры защиты, 2) компенсация вреда, 3) оказание помощи потерпевшим, психологическая коррекция и медиация.

В целях совершенствования судебной практики в контексте ресоциализации потерпевших предложено внести изменения в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» следующего содержания: «В п. 12. слова «споры о возмещении вреда в случае потери кормильца» исключить». Предложено дополнить п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 года № 23 абзацем 4 следующего содержания: «При решении вопроса о компенсации морального вреда суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего».

5. На основе имеющихся в доктрине типологий личности преступника, проведенного эмпирического исследования предложена авторская типологизация на основе характера и степени десоциализации (в том числе степени общественной опасности личности, психологических признаков и особенностей потребностно-мотивационной сферы) в целях выявления особенностей и типичных признаков для разработки стратегии противопреступного воздействия, выбора применимых средств ресоциализации: а) асоциализированный агрессивный (антисоциальный тип), б) десоциализированный опасный тип, в) дефектно социализированный (ситуативный) тип, г) дефектно социализированный (случайный), д) несоциализированный делинквентный тип.

6. Проведенное исследование изменений социально-демографических признаков осужденных лиц в двадцатилетней динамике, за период с 2000 г. по 2020 г., анализ полученного в результате объема данных, позволили выявить основные изменения, на их основе составить перспективный прогноз, имеющий значение для формирования общей стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации. Разработана матрица изменений (прогнозный план) основных характеристик (индикаторов) с определением ресоциализационного

потенциала каждого. Матрица может быть использована в практической деятельности субъектов ресоциализации в целях определения мер ресоциализирующего воздействия на ближайшую перспективу: формирования программ предупреждения преступлений и ресоциализации на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации, составление индивидуальных программ ресоциализации совершивших преступления лиц, а также потерпевших.

7. Обосновано, что в настоящее время в Российской Федерации комплексная, системная нормативно-правовая база регулирования противодействия преступности не сформирована. Разработаны и приняты законы, регламентирующие отдельные виды противопреступной деятельности. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» является первым нормативным актом, заложившим основы комплексного регулирования, однако его положения нуждаются в развитии.

На основе предложенной в научной доктрине концепции единого права противодействия преступности обосновано представление о едином законодательстве, включающем в себя Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, Кодекс мер безопасности, УК, УПК, УИК. Предложены и аргументированы конкретные меры безопасности, которые могут использоваться в процессе ресоциализации, будут регламентированы в Кодексе мер безопасности. Разработан авторский проект Кодекса о предупреждении преступлений и ресоциализации.

Внесены предложения о введении в нормативно-правовой оборот понятия ресоциализации в криминологическом смысле, сделаны конкретные предложения по изменению действующего законодательства.

8. На основе проведенного исследования аргументирована авторская позиция о введении понятия «ресоциализация» в Уголовный кодекс Российской Федерации в том смысле, в котором под ресоциализацией понимается процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного

члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса. Предложено ввести ресоциализацию в перечень задач Уголовного кодекса Российской Федерации, а также дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой нормой о функциях уголовно-правового воздействия, к числу которых отнести функцию защиты человека, функцию защиты его прав и свобод и функцию ресоциализации человека.

9. Обоснована перспективность трансформации российской системы уголовных наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества. В обновленной парадигме предложено сохранить наказание, как уголовно-правовой институт, являющийся крайней мерой реагирования на преступность, но количественную долю его применения минимизировать за счет применения мер безопасности.

В ходе исследования практики применения предусмотренных Уголовным кодексом РФ видов наказаний с позиций ресоциализационного потенциала, были определены три группы наказаний: а) ресоциализационный потенциал связан с воздействием в условиях контроля и/или изоляции (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части); б) ресоциализационный потенциал связан с привлечением к труду (обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе); в) ресоциализационный потенциал обусловлен только фактом назначения наказания (штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград).

В работе обосновано предложение об исключении из УК РФ наказания в виде смертной казни и ареста. Штраф, лишение права занимать определенные

должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, исправительные работы, ограничение по военной службе предложено отнести к категории мер безопасности с закреплением в соответствующем Кодексе.

10. На основе анализа зарубежных стратегий противодействия преступности установлено, что значительным фактором, обуславливающим современные мировые тенденции, является характерный для недавнего времени феномен конвергенции правовых систем, приводящий к стиранию до некоторой степени различий в правовом регулировании и проявлении общемировых тенденций (трендов) противопреступной деятельности. Сделан вывод о том, что таким общим трендом выступает ориентация на ресоциализацию преступника и идеи поиска баланса между безопасностью общества и реинтеграцией в него данных лиц. В целях сохранения общероссийской гражданской идентичности в условиях современной геополитической обстановки России необходим собственный путь реализации противопреступной стратегии, обусловленный историческими традициями, сложившимся укладом общественных отношений, экономическими, политическими, климатическими и социальными условиями.

Установлена эффективность стратегии реабилитации, использующей различные программы, применяющей электронный мониторинг, но отмечена и ее опасность, которая заключается в перенесении акцента с нарушения на нарушителя, чрезмерном расширении его прав в осуществлении «обращения», неопределенности и субъективизме при решении вопроса об освобождении при исправлении. Отмечена значимость социальной работы с преступниками, когда к ресоциализирующей деятельности привлекаются не сотрудники правоохранительных или пенитенциарных органов, а социальные работники, важным направлением деятельности которых является установление доверительных отношений со своими подопечными и возможность обратиться за помощью в любое время. Установлено, что успехи противопреступной деятельности отмечаются в тех государствах, где реализуется адекватная государственная социальная политика, в предупредительную деятельность

вовлечены широкие общественные круги, используются различные формы неформального контроля, основой которого является семейный контроль как средство ресоциализации.

11. Обосновано, что в современных условиях уголовно-исполнительная система нуждается в реформировании. Акцент при этом должен быть сделан в пользу противопреступной социализации (ресоциализации).

Предложено отказаться от отрядного содержания осужденных, заменив условия коллективного нахождения большого числа людей в течение значительного времени в едином пространстве на проживание осужденных в помещениях гостиничного типа, рассчитанных максимум на 2-3 человека, с регламентацией распорядка дня и контролем над эффективным распределением личного времени.

Установлена необходимость реформирования деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в части образования и профессиональной подготовки осужденных, психолого-педагогического воздействия, предложены конкретные реформаторские меры, в числе которых: а) построение основных профессиональных образовательных программ, реализуемых в исправительном учреждении, с учетом требований рынка труда (с ориентацией на профстандарты); б) минимизация бюрократизации сферы образования в исправительном учреждении (снижение количества требуемых форм отчетности в пользу высвобождения времени для психолого-педагогической деятельности); в) воспитательное воздействие на осужденного с целью сохранения индивида от дальнейшего скатывания к деградации; г) вывод психологической службы из уголовно-исполнительной системы, организация работы психологической службы на базе предлагаемых к созданию Центров ресоциализации.

Подтверждена целесообразность реализации государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной сфере. Однако, реформирование в данной области должно учитывать российскую специфику. В ходе проведенного в 20-летней динамике исследования изменений уголовно-исполнительной системы

сквозь призму ресоциализации установлено, что реформа в обозначенной сфере будет эффективна в контексте общей социально-экономической трансформации российского общества. Максимально следует использовать антикриминогенный потенциал института семьи.

12. Обосновано отсутствие в Российской Федерации единой системы постпенитенциарной помощи и постпенитенциарного контроля в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания. На основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики, доктринальных воззрений аргументирована необходимость создания в Российской Федерации самостоятельной социальной службы постпенитенциарной помощи (службы ресоциализации) в структуре Министерства юстиции Российской Федерации. К ее полномочиям следует отнести: а) социально-психологическое сопровождение лиц со стадии возбуждения уголовного дела, применения мер уголовного воздействия, в том числе подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, нуждающихся в такого рода сопровождении; б) формирование программ социально-психологической помощи, организация участия подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших в такого рода программах, в том числе с использованием процедур медиации; в) социальное сопровождение осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период; г) оказание медицинской, психологической, юридической, материальной и иных видов помощи нуждающимся освобожденным от отбывания наказания лицам; д) выявление проблем в семейных отношениях, реагирование путем направления обращений в компетентные органы и учреждения, оказание консультативной помощи и поддержки семье ресоциализируемого.

На основе анализа российского опыта и зарубежной практики предложено дифференцировать функции постпенитенциарного контроля и постпенитенциарной помощи. Реализацию контрольных функций рекомендовано сохранить за подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний

(уголовно-исполнительными инспекциями), полномочия постпенитенциарной помощи передать в ведение вновь создаваемой службы ресоциализации.

Научные результаты настоящего диссертационного исследования также выражены в сформулированных с учетом представленных выше положений предложениях по совершенствованию законодательства Российской Федерации (в порядке *de lege ferenda*):

1) в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», изложив ее в следующей редакции: «1. Государственная защита осуществляется в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц»;

2) в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» внести следующие изменения:

- пункт 8 части 1 ст. 17 исключить;
- ст. 25 исключить;
- дополнить ст. 2 пунктом 8 следующего содержания: – «ресоциализация - процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса».

- дополнить ч. 1 ст. 6 пунктом 2.1. «2.1. обеспечение ресоциализации».

3) В п. 5) ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 6 декабря 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» внести изменения, изложив ее в следующей редакции:

5) «ресоциализация – процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса»;

4) внести изменения в ст. 2 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«УК РФ Статья 2. Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации»

1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений и ресоциализация.

2. Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, функции уголовно-правового воздействия, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний за совершение преступлений и иные меры уголовно-правового характера. К лицу, признанному виновным в совершении преступления могут быть применены меры безопасности в случаях, предусмотренных законодательством РФ.

3. Функциями уголовно-правового воздействия являются защита человека, его прав и свобод и ресоциализация человека».

5) Внести следующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации:

- п.п. «а) штраф, «б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», «в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград», «д) исправительные работы», «е) ограничение по военной службе», «и) арест», «н) смертная казнь», статьи 44, статью 46 (штраф), статью 47 (лишение права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), статью 48 (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград), статью 50 (исправительные работы), статью 51 (ограничение по военной службе) статью 54 (арест), статью 59 (смертная казнь) – исключить;

- дополнить статьи 53, 55, 56, 57 УК РФ каждую частью 2.1 следующего содержания: «2.1. При назначении вида наказания учитывается возможность оказания в отношении осужденного социально-психологического воздействия, помощи и поддержки».

б) внести изменения в ч. 1 ст. 9 УИК РФ и изложить ее в следующей редакции: «1. Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения в целях их ресоциализации.».

7) дополнить п. IV Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года положением следующего содержания: «повышение уровня взаимодействия с семьей, как институтом гражданского общества, в целях обеспечения ресоциализации и социальной адаптации осужденных, освободившихся от отбывания наказания.».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование представляет собой оригинальную концепцию противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества, основанную на теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологической основы противопреступной деятельности. Предлагаемая теория позволяет объединить и сделать максимально эффективными усилия государства и общества по противодействию воспроизводству преступлений, в том числе рецидивных. Концептуальные основы теории противопреступной социализации (ресоциализации) могут быть положены в основу формирования государственной

политики противодействия преступности, использованы для решения задач правотворческой деятельности, правоприменительной практики.

Выводы диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейших научных разработок в области противодействия преступности, системы наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, совершенствования уголовно-исполнительной системы, создания и развития системы ресоциализации (пробации) в Российской Федерации, формирования индивидуальных программ ресоциализации человека.

Сформулированные теоретические выводы и положения будут пригодны в практической деятельности по исправлению осужденных в местах лишения свободы, при создании эффективной системы содействия возвращению в общество социально адаптированных граждан. Результаты исследования смогут быть полезны при преподавании, а также разработке учебников и учебных пособий по базовым курсам бакалавриата и магистратуры: «Криминология», «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право», разработке специальных курсов «Предупреждение преступлений», «Правовые основы противодействия коррупции», «Уголовная политика в сфере предупреждения преступлений», а также в целях подготовки квалифицированных специалистов по работе с осужденными, отбывшими уголовные наказания лицами и потерпевшими.

Научная обоснованность и достоверность результатов исследования предопределены скрупулезным анализом отечественных и зарубежных правовых и доктринальных источников, касающихся различных сторон противодействия преступности в контексте ресоциализации, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических и пенитенциарных аспектов противопреступной деятельности, анализом представительной нормативно-правовой и правоприменительной базы, использованием современной методологии, апробацией результатов. Диссертация представляет собой совокупность многолетних (более 20 лет) исследований проблем ресоциализации осужденных, использования ресоциализационного потенциала в целях разработки стратегий противодействия преступности, выбора эффективных форм и методов

противопреступной деятельности, выполненных автором самостоятельно, а также в составе научных коллективов.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре «Уголовное право и процесс» Севастопольского государственного университета.

Апробация и практическая реализация результатов исследования. Результаты проведенного автором исследования, а также научные выводы и предложения излагались на более чем 30 международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, круглых столах, конгрессах, форумах, в том числе: международных конференциях Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Право и современная экономика» (Россия, Санкт-Петербург, апрель 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 г.), V,VI Международном экономическом форуме «Евразийская экономическая перспектива» (Россия, Санкт-Петербург, 2018, 2019 г.), Международной научно-практической конференции «Преступность в странах Европейского Союза и странах Содружества Независимых государств: развитие, тенденции, проблемы профилактики и противодействия» (Молдова, Кишинев, 12-13 июня 2012 г.), VII Петербургском Международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, май 2018 г.), Международная конференция «Economy and law practical challenges in the digital era» (Италия, Рим, 2019), Международной научно-практической конференции «Юридическая конвергенция: в условиях цифровизации» (Россия, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 г.), Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе России» (Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 17 мая 2021 г.), Юго-Западном юридическом форуме (Россия, Курск, 16 октября 2021 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященной памяти профессора Н.А.Стручкова и М.П.Мелентьева (Россия, Рязань, 5 февраля 2021 г.), межрегиональной научно-практической конференции «Дальневосточные юридические научные чтения» (Россия, Хабаровск, 2 апреля 2021 г.), IX Балтийском юридическом форуме «Право и закон в третьем тысячелетии»

(Россия, Калининград, 11 декабря 2020 г.), Московском юридическом форуме онлайн-2020 (Москва, май 2020), Международной научно-практической конференции «Достижения Казахской государственности и права: международные и внутригосударственные аспекты» (Казахстан, Караганда, 10 февраля 2022 г.), V Севастопольском юридическом форуме (Россия, Севастополь, 27 сентября 2022 г.), XIX, XX Международных научно-практических конференциях «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Россия, Москва, январь 2022, 2023 г.), VII Международной научной конференции «Донецкие чтения» (Россия, Донецк, 2022 г.), Межрегиональном конгрессе «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности России» (Россия, Владимир, 23 марта 2023 г.), Международной научно-практической конференции «Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере как форма взаимодействия государства, институтов гражданского общества и бизнеса» (Россия, Севастополь, 12 мая 2023 г.), Международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина» (Россия, Краснодар, 1-2 февраля 2024 г.) и других.

Результаты исследования апробировались в ходе выступлений диссертанта в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе, а также в рамках авторского проекта д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного юриста РФ Н.А. Лопашенко «Уголовно-правовые посиделки у Н.А. Лопашенко», совместно с Саратовским филиалом Союза криминалистов и криминологов.

Предложения по совершенствованию законодательства, сделанные в результате диссертационного исследования, направлены в Совет Федерации Федерального Собрания РФ и Комитет Государственной Думы РФ по законодательству и судебно-правовой реформе. Рекомендации по работе с осужденными представлены в УФСИН России.

Материалы исследования используются автором при проведении занятий лекционного и семинарского типа по дисциплинам бакалавриата «Уголовное

право», «Криминология», «Предупреждение преступлений в сфере экономики», «Уголовно-исполнительное право» и магистратуры «Научный семинар» со студентами второго, третьего и четвертого курсов юридического института Севастопольского государственного университета. Исследовательские материалы внедрены диссертантом во внеучебную научную работу с обучающимися в рамках организации деятельности студенческого научного кружка (ссылка на информацию о работе кружка: <https://vk.com/club203248097>). Результаты исследования внедрены в учебный процесс Санкт-Петербургского государственного экономического университета (акт внедрения 13.03.2024 г.), Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (акт внедрения 13.03.2024 г.), Карагандинского университета Казпотребсоюза, Казахстан (акт внедрения 18.03.2024 г.), используются на курсах повышения квалификации Адвокатской палаты г. Севастополя (акт внедрения 13.03.2024 г.), Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург» (акт внедрения 14.03.2024 г.), применяются в практической деятельности следственного отдела по Нахимовскому району г. Севастополь ГСУ СК РФ по Республике Крым и г. Севастополю (акт внедрения 14.03.2024 г.), Нахимовского районного суда г. Севастополя (акт внедрения 13.03.2024 г.), прокуратуры Нахимовского района г. Севастополя (акт внедрения 14.03.2024 г.)

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в опубликованных автором лично и в соавторстве монографиях (3 монографии опубликованы лично и 4 в соавторстве), учебнике, учебных пособиях (5 учебных пособий опубликовано лично и 2 в соавторстве) и других работах общим объемом более 50 печатных листов. В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки Российской Федерации, опубликовано 29 научных статей. Ряд публикаций автора размещен в справочных правовых системах «Гарант» и «КонсультантПлюс».

Объем и структура работы определены логикой системного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников. Диссертация выполнена в соответствии с требованиями ВАК.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

1.1. Государственная политика противодействия преступности в контексте ресоциализации

Исследование концептуальных вопросов, касающихся стратегии и тактики противодействия преступности невозможно в отрыве от анализа понятийно-категориального аппарата. В настоящее время в отношении терминов, так или иначе обозначающих направления деятельности государства в сфере противодействия преступности, до сих пор нет единства мнений. Да и в отношении самой деятельности по противодействию преступности также нет единообразия, используются термины «борьба с преступностью», «предупреждение преступности», «противодействие преступности», «реагирование на преступность», «социальная реакция на преступность», «превенция» и т.д. Сопоставительное исследование используемых в данной сфере понятий представляет определенный научный интерес, так как позволяет на теоретическом уровне определить наиболее приемлемый инструментарий для дальнейшего исследования.

Сам термин «противодействие преступности» достаточно часто используется в законодательстве Российской Федерации. Так, за последнее время были приняты целый ряд нормативно-правовых актов, в которых анализируемая терминология находит отражение уже в самом названии, конкретизируется в тексте. Например, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ¹, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ², Федеральный

¹Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

²Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ¹, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ², Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 июня 2010 г. № 224-ФЗ³ и др.).

Содержательный анализ указанных нормативных документов показывает, что под противодействием преступности законодатель понимает деятельность, включающую в себя профилактику, предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие преступлений, то есть, трактует анализируемое понятие достаточно широко.

Так, в статье 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ противодействие терроризму определяется как «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по а) предупреждению терроризма, в том числе выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма»⁴. В статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ под противодействием коррупции понимается «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти

¹Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

²Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

³Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.06.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.

⁴Ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений»¹.

Семантическое толкование термина «противодействие» подразумевает деятельность, направленную против чего-либо. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет противодействие как «действие, препятствующее другому действию ... Действие равно противодействию»². Если экстраполировать семантическое толкование определения термина противодействие на правовую материю, то можно увидеть отсутствие коренных противоречий между используемыми дефинициями: и профилактика, и борьба, и предупреждение, и реагирование отражают ту или иную форму воздействия на преступность, выражающуюся в деятельности различных субъектов. Схожую позицию занимают и другие ученые³.

В научной периодике обращается внимание на то, что предупреждение преступности и борьба с преступностью имеют разные цели, но могут быть объединены по целевому признаку дефиницией «противодействие преступности». Так, А.П. Алексеева, П.И. Бабошкин отмечают, что «в процессе предупреждения преступлений происходит воздействие как на правомерное поведение (профилактика), так и на противоправное (предотвращение, пресечение) поведение людей... Борьба с преступностью находится полностью в плоскости воздействия на противоправное поведение, что предполагает активное осуществление мероприятий, направленных на выявление, раскрытие и

¹Ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

²Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24969>.

³Так, авторы учебника «Уголовная политика», изданного в Академии управления МВД России, акцентируют внимание на том, что в работе термины «борьба с преступностью» и «противодействие преступности» используются как синонимичные. См. Уголовная политика Российской Федерации: учебник - в 2-х ч.; под ред. Л.И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 3.

расследование уже совершенных противоправных деяний.... цель противодействия – сопротивление преступности всеми перечисленными способами. Следовательно, предупреждая преступления и проводя мероприятия по борьбе с преступностью, мы противодействуем преступности»¹. Полагаем, что такое представление о соотношении понятий вполне жизнеспособно, что подтверждается и логикой законодателя, и современными тенденциями в области научных исследований, превалирующая доля в палитре которых посвящена изысканиям в области именно противодействия преступности.

Действительно, анализируемое нами понятие объемлет различные формы и виды деятельности, направленной на сдерживание преступности, противопоставление ей неких барьеров, и в этой связи особую актуальность приобретает определение ее (деятельности) направлений. Полагаем, что научно обоснованное исследование в области противодействия преступности невозможно в отрыве от анализа данных направлений, определения концептуальных основ, которые могут служить фундаментом для построения моделей противодействия преступности.

Пожалуй, чаще всего в доктрине уголовного права в целях обозначения направления противодействия преступности используется термин «уголовная политика», ведутся научные споры о месте и роли уголовной политики, ее самостоятельном или зависимом существовании. Так, М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин в своей монографии отмечают, что «до самого последнего времени не прекращается, хотя постепенно и утрачивает свою энергию, спор о том, каков научный статус уголовной политики, является ли она самостоятельной наукой, или же, как это было на заре ее развития, уголовная политика остается составной частью уголовного или других отраслей права»². Если говорить о месте уголовной политики в системе наук в данный конкретный момент, то общепризнанным, как представляется, следует считать мнение о

¹Алексеев, А.П., Бабошкин П.И. Понятие противодействия преступности // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ. 2008. № 3 (28). С. 34.

²Бабаев М.М. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 5.

самостоятельности уголовной политики как науки, как полноценной области научного исследования и познания, обладающей собственным предметом, методом, однако не имеющей единого подхода к определению своего понятия.

Палитра доктринальных мнений о понятии и содержании уголовной политики весьма разнообразна, но изучение представленных в доктрине интерпретаций позволяет сделать вывод о том, что различия в трактовках зависят, прежде всего, от того объема, который вкладывает исследователь в понятие уголовной политики. Так, различают узкое и широкое толкование уголовной политики. Сторонники узкого подхода определяют уголовную политику сквозь призму уголовного права и уголовного закона, не делая различий между уголовной политикой и уголовно-правовой политикой (Ю.Е. Пермяков, Н.А. Беляев, Н.А. Лопашенко, В.К. Дуюнов)¹. Как представляется, свидетельствуют об узком подходе также определения уголовной политики, сформулированные А.Л. Репецкой² и И.Э. Звечаровским³. Специалисты, придерживающиеся широкого подхода, включают в понятие уголовной политики не только сферу уголовного права, но весь спектр мер воздействия на преступность (А.А. Герцензон, Э.Ф. Побегайло, А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик, С.С. Босхолов)⁴. Некоторые исследователи придерживаются так называемого среднего подхода, толкуя уголовную политику с точки зрения ее систем (подсистем) (А.И. Александров, Н.И. Загородников, П.Н. Панченко, А.Н. Игнатов)⁵.

¹Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики. Самара. 1993. С. 7,8; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтер Клувер, 2009. С. 25; Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 15-16; Дуюнов В.К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной науч.-практ. конф. М., 2007. С. 20.

²Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994. С. 8.

³Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С. 74.

⁴Герцензон А.А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. Л., 1970. С. 178-179; Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С.87-88; Коробеев А.И. Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск. 1991. С. 7; Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР. С. 32.

⁵Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В.З. Лукашевич. СПб., 2003. С. 80; Загородников Н.И.

Широкого подхода в понимании уголовной политики придерживались в свое время известные российские ученые, выдающиеся юристы, такие как С.К.Гогель и М.П. Чубинский. Так, например, последний отмечал, что уголовная политика «распадается на политику превентивную и политику репрессивную и имеет главной, но не единственной задачей борьбу с преступностью»¹. С.К.Гогель также указывал на то, что уголовная политика должна изучать «применяемые уже ныне меры борьбы с преступностью, как репрессивные, так и превентивные..... Таким образом,.....уголовная политика...представляет собой учение о существующих уже ныне мерах борьбы с преступностью»².

Анализируя различия между существующими подходами, Н.А. Лопашенко отмечает, что таковые кроются в авторском взгляде на предназначение уголовной политики и взаимоувязке с другими разновидностями близких политик³. Соглашаясь в целом с данной позицией, отметим, что различия также обоснованы и содержанием уголовной политики, в которую некоторые авторы включают меры уголовно-правового воздействия, меры по профилактике, меры социального воздействия и т.д.⁴

Не вдаваясь в дискуссии относительно логичности и обоснованности каждого из определений уголовной политики, что составило бы предмет самостоятельного исследования, согласимся с мнением Н.А. Лопашенко, что в том случае, когда речь идет о «правовых, социальных, экономических и иных мерах, направленных на пресечение, реагирование и предупреждение преступности, ее сокращение, в том числе сокращение наиболее опасных ее

Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: учебное пособие. М., 1979. С. 8-10; Панченко П.Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. тр. / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 1996. С. 106; Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2001. С. 4. Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 7.

¹Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 78.

²Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 4-5.

³Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 20-21.

⁴См. об этом Воронин М.Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития. М., 2000. С. 4-16.

проявлений, преодоление негативных тенденций, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и действенности законодательных и других нормативных актов»¹ следует говорить о политике государства в сфере противодействия преступности.

Что касается самой дефиниции уголовной политики, то воспользуемся предложенным А.И. Коробеевым, А.В. Уссом, Ю.В. Голиком², а в дальнейшем уточненном, определением данного феномена как «выработанной государством генеральной линии, определяющей основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений»³. Однако, позволим себе уточнить представленное определение и сформулировать его таким образом: *уголовная политика есть часть внутренней политики государства, выражающей генеральную линию, основные направления, цели и средства противодействия преступности путем формирования законодательства, практики его применения, определения принципов уголовно-правового воздействия на преступность в целях уменьшения негативного воздействия на общество.*

Определяя уголовную политику (а пока данное понятие законодательно не регламентировано, исследовательская мысль будет только развиваться), целесообразно обратить внимание на необходимость сохранения сущностной характеристики данного феномена: уголовная политика формирует генеральную линию, общую стратегию противодействия преступности⁴. Но, несмотря на значительные терминологические дискуссии, в научной доктрине, в практике

¹Лопашенко Н.А. Указ соч. С. 20-21.

²Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Указ соч. С. 7.

³Как отмечает в своей работе А.И. Коробеев, приводя уточненное понятие уголовной политики, изменения, происшедшие за последнее время, не носят столь радикального характера, они произведены в основном за счет модификации уже имеющихся теоретических наработок. Коробеев, А.И. Уголовная политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 16.

⁴Аналогичное суждение высказывает в своей работе П.Н. Панченко: «Несмотря на различия в объеме содержания, сущностная основа уголовной политики и политики борьбы с преступностью одна и та же. Состоит она в том, что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью». Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Томск. 1988. Цит. по Ревин, В.П., Жариков Ю.С., В.В. Ревина. Уголовная политика: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 2018. С. 12.

очевидна социальная потребность в выработке концептуальных положений, направляющих дальнейшее развитие современной уголовной политики, выступающих в роли ее фундамента¹.

В научной литературе высказывается тезис о том, что «сам термин «уголовная политика» безнадежно устарел, но, тем не менее, может быть использован, ибо ничего более емкого, современного юридическая наука пока не выработала»².

Не лишено логики мнение о том, что термин «уголовная политика» не совсем корректен и в буквальном толковании означает преступную или криминальную политику³. Следует отметить, что научная доктрина уже давно находится в поиске иных понятий в данной сфере. Однако, как представляется, нет никакого практического смысла отказываться от использования термина «уголовная политика», ориентируясь на весьма ненадежные основания «устарелости» и морфологические признаки. Новые конструкции будут куда более прочными, если их строить на основе апробированного годами фундамента, коим можно себе представить термин «уголовная политика». Нужно только учесть сферу его применимости, не допускать чрезмерного расширения, не подменять им другие понятия⁴.

Акцентируем внимание на том, что для обозначения противопреступной деятельности в науке в течение продолжительного периода времени используются термины «противодействие», «предупреждение», «социальный контроль», «борьба», «управление», «социальная реакция». Причем, некоторые исследователи не видят различия между данными терминами и предлагают

¹Епифанова Н.В. России необходима концепция уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2008. № 4. С. 29; Бабаев М. Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4-12.

²Колоколов Н.А. Уголовная политика государства: в поисках «дорожной карты» // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 3-12.

³Номоконов В.А. Некоторые проблемы правовой политики // Правовая политика субъектов Российской Федерации: материалы круглого стола, г. Владивосток 26 сентября 2001 г. Владивосток. С. 29; Разгильдиев Б.Т. Категория «уголовно-правовая политика»: содержание и форма // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы: сб. науч. тр. ; под ред. Н.И. Матузова. Тольятти, 2001. С. 245.

⁴Так, как представляется, не следует отождествлять дефиниции «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика».

употреблять их как взаимозаменяющие¹. Другие же видят существенные различия в терминологии².

Как видим, инструментарий довольно широк, но, несмотря на различия в формулировках, целевая установка всегда одна – уменьшение негативных социальных последствий преступности. Анализируя вышеуказанные конструкции, некоторые криминологи выступают за использование словосочетания «противодействие преступности», «которое ориентирует не столько на владение информацией о преступности (ее созерцание), сколько на активные меры против нее»³. Соглашаясь с таким предложением, полагаем, что термин «противодействие преступности», в принципе, адекватно обозначает деятельность, связанную с реагированием на преступность с учетом признания существования преступности как некоего «неизбежного зла», необходимости общества сосуществовать с данным злом.

Обозначенная позиция позволяет сформулировать определение политики противодействия преступности, как *основных направлений деятельности по противодействию преступности, включающих в себя весь спектр правовых, социальных, экономических, организационных и иных противопреступных мер.*

Сам термин «противодействие преступности» предлагаем определить как *деятельность как государственных, так и общественных институций в целях воспрепятствования преступлениям, сопротивление преступности предусмотренными законодательством способами и средствами.*

В научной литературе можно встретить следующие определения государственной политики в сфере противодействия преступности: «объединяющая правовые, социальные, экономические и иные меры,

¹ См., например, Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 193; Криминология: учебник ; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: БЕК, 1998. С. 177; Шевченко В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности: на материалах Санкт-Петербурга: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1998. С. 119.

² См., например, Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 8-9; Аванесов Г.А. Криминология: учебник. М., 1984. С. 339-342; Алексеев А.И., Герасимов А.Я., Сухарев С.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: НОРМА, 2001. С. 8-12; Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 14.

³ Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 246.

направленные на пресечение, реагирование и предупреждение преступности...»¹, «особый вид социальной деятельности в системе единой государственной политики...»², «целенаправленная деятельность (направления деятельности) государства (и общества), связанная с разработкой и реализацией стратегии и тактики (генеральной линии) организованного сопротивления преступности...»³ и другие. Представленные подходы к определению политики в сфере противодействия преступности в целом адекватно отражают ее суть. Однако, как представляется, они имеют некий статический характер, не акцентируют внимание на значительной социальной вредности преступности. Указанную тонкость, на наш взгляд, подметил профессор В.К. Дуюнов⁴, который предложил расширить действие политики в сфере противодействия преступности, распространив ее и на противодействие правонарушениям⁵.

В последнее время исследователи обращают внимание на то, что политика в сфере противодействия преступности должна носить не оборонительный характер, а наступательный. Используемый понятийно-категориальный аппарат обязан отражать особенности такого подхода. В этой связи учеными предлагается использовать понятие «антикриминальная политика» (В.А. Номоконов)⁶. Очевидно, что проф. В.А. Номоконов, говоря об антикриминальной политике, имеет в виду политику правовую⁷.

Сам термин «антикриминальная политика» появился в научной литературе относительно недавно, но тут же стал активным участником дискуссий относительно своего места в системе государственной политики. Некоторые

¹Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 2-21.

²Кузнецов А.П. Противодействие преступности – основное направление реализации уголовной политики // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права, Москва, 29-30 мая 2008 г. М., 2008. С. 411.

³Дуюнов В.К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной науч.-практ. конф. М., 2007. С. 17.

⁴Там же. С. 17.

⁵Как представляется, это чрезмерно расширяет объект воздействия политики противодействия преступности, не соответствует логике обособления данного вида государственной политики. Полагаем, что в целях определения стратегии и тактики противодействия преступности, следует ориентироваться, все-таки, на очерченный уголовным законодательством круг преступных деяний.

⁶Номоконов В.А. Некоторые проблемы правовой политики // Правовая политика субъектов Российской Федерации: материалы круглого, г. Владивосток, 26 сентября 2001 г. Владивосток, 2001. С. 29.

⁷Номоконов В.А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2014. № 1 (15). С. 32-36.

исследователи отождествляют антикриминальную политику с уголовной политикой¹, другие говорят о сложном составном понятии государственной антикриминальной политики, включающей в себя уголовную политику, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, прокурорско-надзорную².

Не возвращаясь к анализу дискуссий относительно соотношения уголовной политики и политики противодействия преступности, отметим, что, как представляется, все точки зрения имеют право на существование. В том смысле, который вкладывают ученые в понятие уголовной политики в широком смысле, политики в сфере противодействия преступности, антикриминальной политики, политики в сфере борьбы с преступностью³ эти определения можно признать равнозначными, направленными на достижение одной благой цели – определения понятия, объемлющего стратегии и тактики реагирования на преступность. Однако, с учетом расстановки акцентов, полагаем целесообразным в дальнейшем рассуждать именно о государственной политике противодействия преступности (противопреступной политике).

Размышляя о политике государства в сфере противодействия наркопреступности, Л.И. Романова говорит о государственной криминологической политике и отмечает, что «криминологическая составляющая является неразрывной частью российской уголовно-правовой политики, реализуемой через систему законов, направленных на борьбу и профилактику преступности в целом и ее разновидностей, в частности наркопреступности»⁴. Как представляется, автор имеет в виду, что криминологическая политика может отражаться в уголовно-правовой, и наоборот. Иными словами, речь идет о взаимодействии и взаимопроникновении.

¹Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 301.

²Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 33.

³Э.Ф. Побегайло рассуждает о единой политике в сфере борьбы с преступностью, в которой выделяет составные части (подсистемы): уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная (пенитенциарная), криминологическая (профилактическая), административно-правовая. См. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112.

⁴Романова Л.И. Наркопреступность: цена, характеристика, политика борьбы: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 190.

С точки зрения сущностной характеристики, будучи, в том числе политикой государственной, уголовная политика имеет четко выраженную социальную направленность. Безусловно, уголовно-правовые нормы (с точки зрения их разработки и принятия органом государственной власти) оказывают решающее влияние в деле формирования уголовной политики, но следует акцентировать внимание на значимости деятельности различных общественных организаций и институтов в рассматриваемой сфере¹.

Применительно к антикриминальной политике (как представляется, в данном случае это суждение можно смело распространить на характеристику уголовной политики) В.А. Номоконов указывает на наличие в ее структуре двух основных компонентов: социальной и уголовной политик. Однако полагаем такую дифференциацию искусственной. Между уголовной и социальной политиками нет линейной взаимосвязи, а есть взаимодействие и взаимопроникновение. В противном случае мы должны будем говорить о существовании уголовной политики в отрыве от социума, ее самостоятельности, и в этом случае она не может рассматриваться в структуре политики противодействия преступности, так как и сама рискует быть преступной².

Политика противодействия преступности исходит от государства, поддерживается государственными структурами, но основывается на существующем в обществе социальном запросе, ориентируется на сложившиеся и динамически изменяющиеся общественные отношения, соответствует общепринятым мировым представлениям о добре и зле, учитывает ментальность и социокультурные устои общества. По сути, уместно говорить о «полинормативности» противопреступной политики³.

¹ Как отмечается в научной литературе, «политика, в том числе и уголовная, превращается, таким образом, в более широкое поле, где перекрещиваются и обсуждаются интересы не только государства, но также общества и мира в целом». См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С. 25.

²Номоконов В.А. Политике нужна криминологическая оценка. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/416-2021-01-30-15-16-22.html>.

³Г.Ю. Лесников, анализируя уголовную политику в широком смысле, отмечает, что «...уголовная политика имеет полинормативную основу». См. Лесников Г.Ю. О современных тенденциях уголовной политики России // Российский криминологический взгляд. 2006. № 2. С.102.

Рассуждения о политике противодействия преступности приводят к необходимости определить *ее содержание (содержательные элементы), уровни и направления реализации, методологию.*

Применительно к уголовной политике в широком смысле (в нашем понимании политики противодействия преступности) в доктрине можно встретить суждение о том, что предпочтительным является определение содержания уголовной политики сквозь призму ее аспектов¹. Как представляется, вычленение неких «аспектов уголовной политики» выглядит до некоторой степени искусственным и не способствует целевой установке научных исследований: определения сущности уголовной политики.

В целях конкретизации сущности политики противодействия преступности целесообразным мыслится обособление ее содержательных элементов, к числу которых можно отнести следующие:

- 1) разработка теоретических основ, позволяющих сформулировать концептуальные положения данной политики;
- 2) законодательное закрепление ее идей, целей, задач, принципов, форм реализации;
- 3) правоприменительная деятельность субъектов реализации;
- 4) профилактическая деятельность гражданского общества, отдельных его институтов.

В развитии научного дискурса о вертикализации политики противодействия преступности очевидным представляется обособление ее уровней. Однако более логичным кажется вычленение не уровней самой политики², а уровней ее реализации. Государственная политика противодействия преступности формируется на едином уровне федеральной государственной власти, а вот реализация этой политики возможна на различных иерархических ступенях: федеральном, региональном и местном уровнях реализации политики противодействия преступности.

¹ Ревин В.П., Жариков Ю.С., Ревина В.В. Указ. соч. С. 20-21.

² Там же. С. 21.

Если рассуждать об основных направлениях реализации анализируемой политики, то, как представляется, можно выделить противодействие преступности в целом, отдельным криминальным проявлениям (терроризму, экстремизму, наркопреступности, экономической и организованной преступности, коррупции, киберпреступности и т.д.), предупреждение преступлений. В целом такой подход реализован и в других научных исследованиях¹.

В доктринальных источниках обосновываются идеи выделения отдельных видов предупреждения преступлений, которые обособляются в зависимости от субъектов, объектов воздействия, используемых форм и средств. Так, заслуживает внимания обоснованная И.И. Ивановым частная теория криминалистической превенции как «система научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию»². Полагаем, что выделение отдельных форм и видов предупредительной деятельности, разработка теоретических моделей и конструкций, направленных на совершенствование противопреступной деятельности, логично увязываются с представлениями о направлениях реализации политики противодействия преступности.

Воплощение в жизнь политики противодействия преступности обусловлено ее целями и задачами, которые, в свою очередь, должны быть реализованы с

¹Так, О.В. Волкова, анализируя понятие уголовной политики в сфере защиты личной свободы человека, определяет уголовную политику в данной сфере как направление уголовной политики, предлагая под данным термином понимать «уголовную политику по противодействию отдельным видам преступлений, исходя из объектов уголовно-правовой охраны. Волкова О.В. Уголовная политика в сфере защиты личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2014. С. 8, 11.

²Иванов И.И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 5.

использованием определенной методологии. Основными методологическими приемами в любого рода и качества регулирования по-прежнему остаются императивный либо диспозитивный¹. Разнообразные модификации, сочетания императивного и диспозитивного методов в процессе формирования политики противодействия преступности выстраиваются в некие парадигмы, дающие почву для «научного исследования, интерпретации, оценки, систематизации научных данных, для осмысления гипотез и решения задач, возникающих в процессе научного познания»².

По мнению Д.А. Шестакова «среди парадигм можно выделить психолого-воспитательную, социальную, реститутивную и репрессивную. Соотношение репрессивной с нерепрессивными парадигмами является важным показателем уровня цивилизации, на котором находится общество. Чем выше стоит общество на ступенях цивилизации, тем в большей мере отдает оно предпочтение гуманным мерам в ущерб применению силы»³.

Как представляется, в противопреступной политике России к настоящему дню пока еще превалирует репрессивная парадигма⁴. Анализ доктринальных источников также демонстрирует приоритет исследований, резолютивная часть которых сводится к предложениям о криминализации деяний, усилению наказаний и т.д. Это отмечают и другие ученые. Так, профессор С.А. Денисов обращает внимание на то, что «многолетние наблюдения за процессом исследований в области уголовного права и криминологии показывает, что современные авторы в своих предложениях *de lege ferenda* тяготеют все-таки к предложениям по ужесточению ответственности. Причем порой эти предложения не подкрепляются ни статистикой роста преступности (а иногда и наоборот), ни

¹По сей день человечество не придумало ничего нового в данном направлении, да и вряд ли возможно здесь изобрести еще какой-нибудь «велосипед», кроме методов «кнута и пряника».

²Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, 1997. С. 257.

³Шестаков Д.А. Указ. соч. С. 249.

⁴По мнению Д.А. Шестакова, с которым автор согласен, «в политике реагирования государства на преступность, несмотря на делающиеся время от времени прогрессивные декларации, используются из указанных средств главным образом худшие, которые сориентированы лишь на тактические, а не на стратегические задачи, решающие, а чаще лишь создающие видимость решения сиюминутных вопросов, таких как изоляция человека, вызывающего негодование окружающих тем, что он совершил преступление, но не снимающие, а «загоняющие вглубь» решение подлинных проблем преступности. См. об этом: Шестаков Д.А. Указ. соч. С. 242.

практикой назначения наказаний, ни другими показателями, объективно свидетельствующими о необходимости криминализации либо усиления репрессивности уголовно-правовых норм¹. Однако репрессивные меры, применяемые в моноформате, никогда не обладали достаточной эффективностью. В этой связи полагаем необходимым при выработке политики противодействия преступности в РФ обратиться также и к нерепрессивным парадигмам.

Необходимость коренного переформатирования государственной политики противодействия преступности отмечается специалистами уже достаточно давно². Основано данное утверждение на крайне неутешительных показателях преступности и работы всей государственной системы противодействия данному негативному социальному явлению³. Специалисты говорят о том, что «Россия постепенно превращается в криминальное государство» и «преступность создает угрозу национальной безопасности»⁴. Несмотря на снижение количества регистрируемых в стране преступлений, говорить об улучшении состояния преступности и делать оптимистичные прогнозы в настоящее время преждевременно, так как существенно растет количество так называемых IT преступлений, криминализируется Интернет-пространство, увеличивается количество регистрируемых убийств, растет удельный вес тяжких и особо тяжких деяний в структуре зарегистрированной преступности⁵. Иными словами, «латаем» с одной стороны, но непременно «вылезает» с другой.

За последнее время в Российской Федерации были предприняты серьезные шаги, направленные на улучшение ситуации, однако, как представляется,

¹Денисов С.А. Декриминализация деяний как одно из направлений уголовно-правовой политики // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.А. Огарь, Д.М. Кокина. СПб, 2022. С. 92.

²Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112.

³С.М. Зубарев отмечает, что «корректировка уголовной и уголовно-исполнительной политики важна с точки зрения минимизации социологического парадокса наказания, заключающегося в том, что чем шире и суровее применяется в обществе наказание, тем в большей степени общество расписывается в своем бессилии. Зубарев С.М. Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: некоторые аспекты гуманизации карательной политики // Журнал российского права. 2004. № 4 (88). С. 26.

⁴Побегайло, Э.Ф. Указ соч. С. 112.

⁵По статистическим данным МВД РФ удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных вырос с 27,3% в январе-декабре 2022 г. до 30,3 % в 2023 году. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports>.

практикуемые меры не были основательно обдуманно, обоснованы новыми концептуальными подходами к решению проблем. По сути можно констатировать попытки решить актуальные вопросы, неким образом «залатать дыры» в рамках существующей системы, основанной на реализации репрессивной парадигмы. В данной логике были реализованы усилия по изменению уголовного законодательства, реформированию¹ пенитенциарной системы (выделены и продолжают выделяться весьма значительные суммы в рамках утвержденной Постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2030 годы)»²). Однако следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые усилия, поводов для оптимизма недостаточно.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р³ и проведенная в ее рамках пенитенциарная реформа не дали значимого результата⁴. При разработке данного документа не были приняты во внимание обоснованные предложения научной среды. Так, профессор В.И.Селиверстов указывал на то, что Концепция носит явно выраженный ведомственный характер, что существенно сужает сферу ее действия, обедняет практический реформаторский потенциал. Ученый предлагал принять стратегический документ иного характера, без явной ведомственной ориентации: концепцию развития уголовной политики или концептуальные основы уголовно-

¹Термин «реформирование» применительно к данной ситуации, полагаем, следует использовать весьма условно.

²Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 07.02.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2030 годы) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2374.

³Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁴На безрезультативность пенитенциарной реформы, как и в целом судебно-правовой реформы указывают исследователи. См. об этом: Селиверстов В.И. Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1-4). № 2. С. 188; Кленова Т.В., Щукина Н.П., Адоевская О.А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. 2017. № 4 (26). С. 42.

исполнительной политики¹. Однако разумные и обоснованные доводы так и не были услышаны законодателем, и в 2021 г. была принята очередная Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года².

Мы, по сути, «топчемся на одном месте» и наблюдаем за безрезультативностью предпринимаемых действий при очевидной значительности организационных и финансовых затрат. Полагаем, что уже всем видна необходимость смены парадигмы формирования противопреступной политики, однако готовых рецептов выстраивания новой системы противодействия преступности пока не было предложено.

Исследование обозначенного нами круга вопросов, базирующееся на анализе нынешней ситуации и в ретроспективном плане, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что рецептом решения проблем противодействия преступности на основе парадигмального подхода могла бы стать модель, основанная на предлагаемой в данном диссертационном исследовании криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Политика противодействия преступности в контексте ресоциализации сквозь призму теории противопреступной социализации (ресоциализации) должна формироваться на основе баланса репрессивной и нерепрессивной парадигм, основываться на признании положения о том, что можно и нужно противодействовать преступности, не преследуя цели возмездия (кары) за содеянное, но охраняя права и свободы человека как наивысшее благо, и в то же время ориентируясь на интересы безопасности общества. Схожей позиции придерживается профессор Д.А. Шестаков, который ставит под сомнение навязываемую с Запада «двухвекторную» модель реформирования отечественного уголовного права, отмечая, что «двунаправленность противоречит

¹Селиверстов В.И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А.И. Зубкова // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития: материалы межвузовской науч.-практ. конф., г. Рязань, 8 февраля 2019 г. Рязань, 2019. С. 259-266.

²Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

объективной, в конечном счете, неотвратимой тенденции спада уголовно-правовой репрессии»¹.

Наблюдаемые в последнее время изменения уголовного законодательства в сторону увеличения санкций за совершение некоторых преступлений (в основном, насильственного характера) и значительное ослабление репрессивности в отношении иных преступлений (по большей части касающихся преступлений в сфере экономической деятельности), свидетельствуют о «двунаправленности» политики государства в данной сфере, что не представляется позитивным фактором, не соответствует объективной логике, не способствует стабильности ситуации. Современная политика противодействия преступности со всей очевидностью нуждается в балансе.

Теория противопреступной социализации (ресоциализации) объединяет в себе два подхода: с одной стороны, противопреступная социализация (ресоциализация) является методологической основой противопреступной деятельности, отвечая на вопрос: как, каким образом следует выстраивать стратегию и тактику противопреступной деятельности. Так, криминализируя или декриминализируя очередные общественно опасные деяния, внося любые изменения в уголовное законодательство, законодатель должен оценивать возможности вводимого инструментария с точки зрения противопреступной социализации, то есть, сохранения индивида как полноправного члена общества, не совершающего преступления. Ведь конечная цель противопреступной деятельности – сдерживание преступности. С другой стороны, противопреступная социализация (ресоциализация) является результатом противопреступной деятельности, индикатором которой выступает социализированность.

Определяя противопреступную социализацию (ресоциализацию) как методологию противопреступной деятельности, как определенным образом организованный процесс, следует обратиться к существующим в науке

¹Шестаков Д.А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. С. 24; Шестаков Д.А. Сужения о преступности и вокруг нее. 2-е издание. СПб: Юридический центр Пресс, 2020. С. 33.

определениям методологии, которых также представлено немало. Воспользуемся предложенным А.М. Новиковым и Д.А. Новиковым понятием методологии как учения об организации деятельности¹.

Анализируя понятие деятельности, специалисты выделяют репродуктивную и продуктивную деятельность, а также отмечают, что репродуктивная деятельность не нуждается в организации, в отличие от продуктивной, направленной на достижение результата². Полагаем, что противопреступную социализацию (ресоциализацию) следует рассматривать как продуктивную деятельность, направленную на достижение нового результата (социализированности), как методологическую основу противопреступной деятельности с позиций диалектического подхода к познанию социализации, десоциализации и ресоциализации как социальных явлений.

В настоящем исследовании мы будем опираться на предложенную Д.А.Шестаковым «многослойную» модель преступности (воронку Д.А.Шестакова), согласно которой противодействие преступности необходимо осуществлять применительно к девяти уровням преступности: 1) обыденному, 2) уровню обыденной профессиональной преступной деятельности, 3) уровню «серой экономики», 4) уровню шлаковой организованной преступной деятельности, 5) терроризму и экстремизму, 6) внутреннему государственному уровню, 7) внутреннему «олигархическому» уровню, 7) внешнему государственному уровню, 8) планетарному «олигархическому» уровню³. В силу того, что противопреступная социализация (ресоциализация) имеет субъективный характер (то есть о категориях социализации, десоциализации, ресоциализации можно вести речь только применительно к конкретному индивиду), в настоящем исследовании будет идти речь о противодействии преступности применительно к первым пяти уровням. Противодействие преступности 6-9 уровней, как

¹Новиков А.Д., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. С. 21.

² Чиророва И.И. Соотношение репродуктивного и продуктивного видов деятельности при осуществлении перевода // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12. С. 141.

³Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 13-22.

представляется, является предметом исследования в рамках политической криминологии.

Таким образом, проведенное исследование теоретических положений о политике противодействия преступности в контексте ресоциализации позволяет сделать следующие выводы:

1. Содержательный анализ понятийно-категориального аппарата, используемого для обозначения противопреступной деятельности, позволяет говорить о значительном многообразии и целесообразности оперировать максимально объемным термином «противодействие преступности». Под противодействием преступности предлагается понимать деятельность как государственных, так и общественных институций в целях воспрепятствования преступлениям, сопротивление преступности предусмотренными законодательством способами и средствами.

2. Исследованием установлено, что для обозначения направлений противодействия преступности, имеющих важное значение, чаще всего используется термин «уголовная политика». Однако исследованием востребована более широкая дефиниция «уголовная политика в сфере противодействия преступности», которую следует понимать как «часть внутренней политики государства, выражающей генеральную линию, основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования законодательства, практики его применения»¹, определения принципов противодействия преступности в целях уменьшения негативного воздействия на общество. Уголовная политика в широком смысле может рассматриваться как политика противодействия преступности.

3. Политика противодействия преступности выражается в основных направлениях деятельности по противодействию воспроизводству преступности, включающих в себя весь спектр правовых, социальных, экономических, организационных и иных противопреступных мер.

¹Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс [Текст] : в 10 т. / [Наумов А. В. и др.] / под ред. Н. А. Лопашенко. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность. М., 2016. С. 55-61.

4. Политика противодействия преступности исходит от государства, поддерживается государственными структурами, но основывается на существующем в обществе социальном запросе, ориентируется на сложившиеся и динамически изменяющиеся общественные отношения, соответствует общепринятым мировым представлениям о добре и зле, учитывает ментальность и социокультурные устои общества.

5. Определены содержание (содержательные элементы), уровни и направления реализации, методология политики противодействия преступности.

6. Сформулирована гипотеза о необходимости реформирования государственной политики противодействия преступности в пользу отказа от «двухвекторной» модели. Взамен на основе анализа современной криминологической ситуации в стране предложено использовать концептуальные положения теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологии политики противодействия преступности на основе парадигмального подхода. В последующих параграфах положения теории противопреступной социализации (ресоциализации) будут раскрыты и обоснованы, продемонстрированы варианты использования концептуальных основ предлагаемой модели в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

1.2. Теоретические представления о противопреступной социализации (ресоциализации) в триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация»

Концептуальные основы противодействия преступности в контексте ресоциализации не могут быть в полной мере осознаны и определены без исследования содержательной сущности самого понятия ресоциализации. В свою очередь анализ феномена ресоциализации невозможен в отрыве от смежных понятий социализации и десоциализации.

В научной литературе обозначенные понятия достаточно хорошо изучены, прежде всего, с точки зрения социологии. Исследуются они и применительно к уяснению механизма преступного поведения и индивидуального предупреждения преступлений¹. В настоящей диссертационной работе предлагается использовать категории социализации, десоциализации, ресоциализации в сфере противопреступной деятельности в целях выработки адекватных действительности и эффективных стратегий противодействия преступности.

Первичным среди обозначенных понятий, безусловно, является социализация. Несмотря на существующие различия в определении указанного феномена, в настоящее время достаточно устоявшимся следует признать определение социализации как процесса усвоения человеком норм и ценностей окружающей его социальной среды (И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, А.М. Яковлев, Т.И. Соловьева)². Некоторые специалисты акцентируют внимание на результате социализации, определяя ее как «естественный, закономерный процесс социального развития, определяющий личностное становление человека, направленность и качественное самоизменение его социальности на протяжении всей его жизни» (Л.В. Мардахаев)³.

Анализ многочисленных дефиниций феномена социализации с позиций социологических, педагогических, психологических наук свидетельствует о выделении в формулируемых понятиях двусторонности данного процесса с точки зрения восприятия личностью социально-культурных норм с одной стороны, и

¹Как отмечают ученые, «есть понятийная триада: «социализация-десоциализация-ресоциализация», где каждая составляющая, как правило, обусловлена двумя другими, определяется ими и зависит не только от их наличия в соответствующей модели, но и от их смыслового наполнения». См. об этом: Танатова Д.К., Зязин С.Ю., Лескова И.В. Понятийно-терминологическая триада «социализация-десоциализация-ресоциализация» и обозначаемый этими терминами круг явлений социокультурного характера // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. яз. рус., англ.

²Яковлев А.М. Социальная психология о преступности. М. 1975. С. 12; Кон И.С. Социология личности. М., 1967. – 383 с.; Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1967. 262 с.

³Мардахаев Л.В. Социализация и ресоциализация в формировании здорового подрастающего поколения Отечества // Социализация и ресоциализация несовершеннолетних в обеспечении безопасности подрастающего поколения Отечества: материалы Всероссийской конференции с международным участием XXI социально-педагогические чтения, посвященные 130-летию Антона Семёновича Макаренки, г. Москва, 23 марта 2018 года ; под ред. Л.В. Мардахаева. М.: изд-во ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2018. С. 6; Соловьева Т. И. Социальные процессы как объект социального познания // Новая советская литература по общественным наукам. Философские науки. 1987. № 3. С.43.

влияния качеств индивида на социум, с другой стороны. Иными словами, в процессе социализации как человек влияет на общество, так и общество формируется за счет влияния свойств и качеств человека, это процесс двусторонний и взаимосвязанный. Наиболее точно такая сущностная характеристика социализации воспроизведена в формулировке Г.М. Андреевой, определяющей социализацию как «двусторонний процесс, который содержит, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой – процесс активного воспроизводства системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду»¹.

Социализация не является однозначным процессом и не обязательно приводит к формированию личности, всецело принимающей и соблюдающей социальные нормы. В процессе социализации под влиянием различных факторов происходит трансформация внутренних установок личности, идет процесс постоянного включения индивида в различные социальные связи, в результате чего воспринятые ранее нормы могут видоизменяться. Анализируя динамику социализации, Л.В. Мардахаев выделяет факторы социализации, среди которых отмечает внутренние (объектные) и внешние (средовые)². Взаимодействие указанных факторов демонстрирует результат социализации, такую его качественную характеристику, как социализированность.

Социализированность обладает и количественной характеристикой, с учетом которой она может быть достаточной и недостаточной. О недостаточной социализированности свидетельствует полное или частичное отсутствие навыков социального взаимодействия, что может приводить к десоциализации, а в особо критичных случаях - к асоциализации.

Под асоциализацией в социологии и психологии чаще всего понимают «процесс усвоения личностью антиобщественных, антисоциальных норм, ценностей, ролей, установок, стереотипов поведения, которые объективно

¹ Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 1998. 376 с.

² Мардахаев Л.В. Указ. соч. С. 7-8.

приводят к деформации общественных связей, к дестабилизации общества»¹. Асоциализация фиксирует глубинные поражения нравственно-психологической характеристики личности до степени восприятия деформированных явлений в качестве нормы. По меткому выражению А.Н. Сухова, такая личность становится «перевернутой» и считает, что воспринятые им отрицательные ценности должны стать правилами для других². Асоциализация личности неприемлема для общества и государства и выступает объектом воздействия, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Определение социализированности только на основе качественной характеристики приводит к утверждению о том, что в отношении некоторых индивидов, в частности преступников, можно говорить об отсутствии социализации. А раз не было социализации, то, соответственно, нельзя говорить и о других компонентах триады – отсутствует десоциализация и ресоциализация. Преступника необходимо только социализировать³. Однако такая точка зрения представляется не совсем верной.

Полагаем, что об отсутствии социализации можно говорить только в отношении несовершеннолетних и/или малолетних правонарушителей, там, где необходимо воспитательное воздействие, где личность только формируется и процесс социализации, действительно, еще не начался (например, так называемые дети-маугли) или еще не завершен. Что же касается человека (преступника), который выполняет хотя бы примитивные социальные функции (например, умеет транслировать свои мысли посредством воспроизводства слов, ходит в магазин за покупками, общается с другими людьми в своей социальной группе и т.д.), в таких случаях мы можем констатировать факт минимальной социализации, недостаточной социализации, дефектной социализации, но никак ни ее отсутствие в принципе.

¹Фишман Л.С. Асоциализация несовершеннолетних потребителей ПАВ и их ресоциализация. URL: <https://arnar.ru/stati/asotsializatsiya-nesovershennoletnih-potrebiteley-pav-i-ih-resotsializatsiya/>.

²Сухов А.Н. Преодоление асоциализации личности как научно-практическая проблема // Человеческий капитал. 2022. № 11 (167). С. 163.

³Лесников Г.Ю. Ресоциализация осужденных или социализация? URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/410-2020-12-20-16-57-43.html>.

Исследуя феномен социализации, ученые выделяют в отдельную категорию правовую социализацию¹, которую определяют как «процесс освоения (интернационализации) личностью стандартов нормативного (правомерного) поведения»². Правовая социализация в данном ключе рассматривается, скорее, как правомерная социализация, результатом которой является правомерное поведение лица³. При таком подходе акцент делается на активном поведении субъекта: невыполнение правовых норм указывает на отсутствие правовой социализации. Однако, как представляется, это не совсем так. Следует различать соблюдение норм права и реализацию правовых норм. Вполне достаточно, чтобы субъект, демонстрирующий минимальную правовую социализацию, соблюдал правовые нормы, не нарушал их, при этом вовсе необязательно активно использовать весь спектр правовых норм.

Некоторые исследователи рассматривают социализацию с криминологической точки зрения, понимая под таковой «обеспечивающий законопослушное поведение индивида процесс реального усвоения им правовых знаний и нравственных ценностей общества»⁴. Однако полагаем, что в таком обособлении нет практического смысла, так как это и есть правовая социализация.

Взаимосвязанным с социализацией является феномен десоциализации, который может быть обозначен как процесс (результат) утраты индивидом социальных ценностей, ролей, усвоенных ранее норм и правил поведения.

¹Как отмечает С.А. Жинкин, правовая социализация является органически присущим, необходимым моментом общей социализации. Жинкин С.А. Психологические проблемы права. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С. 231.

²Радченко Т.А. Правовая социализация личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 192-199.

³Журавлева М.С. Правовая социализация личности // Безопасность, личность, общество: социально-правовые аспекты: сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Петрополис, 2016. С. 307-310.

⁴Хармаев Ю.В. Криминологические проблемы социализации воспитанников детских домов и школ-интернатов: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13.

Некоторые исследователи, анализируя сущность десоциализации, указывают на ее тесную взаимосвязь с социальным отчуждением и маргинальностью¹.

Достаточно интересным представляется определение десоциализации как «процесса разрушения усвоенных личностью социальных норм, ценностей и образцов поведения, который происходит под влиянием негативного социального взаимодействия, асоциальных условий среды в зонах дискомфорта человека, связанных с усилением социальных рисков (потеря работы, близкого человека, социально-экономическая нестабильность, боевые действия и т. д.)»². В данном определении представляются верно расставленными акценты на процессуальной природе десоциализации и детерминирующих этот процесс факторах. Однако следует указать и на недостаток приведенной дефиниции, не отражающей того, что десоциализация представляет собой не только процесс, но и результат этого процесса.

В отличие от социализации, которая происходит в течение всей жизни³ и может рассматриваться только как процесс, десоциализация конечна, определяется и как процесс, и как результат. Иными словами, можно говорить о том, что «десоциализация наступила». Она оканчивается либо начавшейся ресоциализацией, либо наступившим концом жизненного пути (смертью), уходом в отшельничество и т.д. Крайним проявлением десоциализации является асоциализация.

Если использовать при анализе процессов в триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация» такие социально-экономические категории, как точки бифуркации, то действие существующих взаимосвязей можно объяснить

¹Рубанцова Т.А., Крутько Е.А. Десоциализация и личностные формы отчуждения в обществе // Идеи и идеалы. 2016. № 4 (30). С. 90.

²Танатова Д.К., Зязин С.Ю., Лескова И.В. Понятийно-терминологическая триада «социализация-десоциализация-ресоциализация» и обозначаемый этими терминами круг явлений социокультурного характера // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. яз. рус., англ. (дата обращения 23.12.2023); Зязин С.Ю. О возможности создания условий системы ресоциализации отбывших наказание представителей мусульманской культуры в условиях современного урбанизированного сообщества // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41357107_26193520.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. яз. рус., англ.

³Некоторые исследователи определяют социализацию и как процесс, и как результат, что представляется не совсем верным. См., например Жевакин С.Н. Социальное управление и правовая социализация личности: дис. канд. юрид. наук. М., 1992. С. 11-12.

следующим образом: попадая в точку бифуркации, человек может оказаться в траектории десоциализации, утратив социальные связи и установки в той или иной степени, либо пойти по траектории ресоциализации, приобретая положительный социальный опыт, вписываясь в социум¹. Такая трактовка представляет определенный научный интерес, однако данный подход не охватывает всех вариантов взаимодействия в триаде. Например, таких, которые исключают попадание личности в точку бифуркации, а предполагают эволюционный переход от состояния десоциализации к ресоциализации.

Ресоциализация с точки зрения семантического толкования является неким антагонистом социализации. Как отмечается в социологических исследованиях: «(от лат. re - приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие, и socialis - общественный; англ. resocialization; нем. Resozialisierung) - вторичная социализация, происходящая на протяжении всей жизни индивида в связи с изменениями его установок, целей, норм и ценностей жизни; процесс приспособления девиантного индивида к жизни без острых конфликтов...

С позиции теории идентичности ресоциализация предполагает обретение новой социальной идентичности или закрепление достигнутой ранее в новых социальных условиях реконструированной реальности»². Вместе с тем противопоставление социализации и ресоциализации не будет адекватно отражать существо данных понятий. Как справедливо отмечается в научной литературе, «на фоне социализации реализуется процесс ресоциализации социализация и ресоциализация могут быть представлены как элементы двустороннего движения»³. По сути, ресоциализация происходит параллельно социализации и приводит в конечном итоге к социализированности.

¹См. об этом Танатова Д.К., Зязин С.Ю., Лескова И.В. Указ. соч.

²См. об этом: Перинская Н.А. Ресоциализация // Энциклопедия гуманитарных наук. 2005. № 4. С. 161–162; Пишелко, А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация / под общ. ред. Ю.И.Калинина. М.: PerSe, 2003; Панова, О.Б. Правовая ресоциализация воспитанников детских исправительных учреждений: монография. Вологда, 2013; Ресоциализация осужденных средствами образовательного пространства / Н.И. Скок, Л.Л. Мехришвили, Е.Ю. Екимова [и др.]. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 262 с.; Ресоциализация несовершеннолетних: проектный опыт: пособие для специалистов / С.Ю. Артюхова [и др.]. М.: Оргсервис-2000, 2005. С 67; Ковалева А.И., Перинская Н.А. Ресоциализация // Энциклопедия гуманитарных наук. 2016. № 1. С. 298.

³Шамянов Р.М. Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность // Известия Саратовского ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. № 4. С.4.

В настоящее время термин «ресоциализация» равным образом используется как в социологии, так и в юридической науке и практике. Причем некоторые ученые-социологи (Т.А. Фолиева) утверждают, что «рабочим» понятие ресоциализации «является только в социологическом ключе, поскольку позволяет нам говорить о развитии и динамике изменения личности». Аргументируя свою позицию, автор указывает на то, что «ресоциализация в юридическом понимании, это не приобретение чего-то, а возвращение в общество» и при таком понимании мы допускаем «ее процессуальную обратимость, что невозможно»¹. Соглашаясь в целом с невозможностью процессуальной обратимости, отметим, что содержание ресоциализации в юридическом смысле не может и не должно ограничиваться только возвращением в общество, это чрезмерно сужает дефиницию и делает бессмысленным ее юридическое закрепление и использование.

Нет никакой необходимости, разрабатывая модели правового регулирования, отгораживаться от достижений и наработок, сделанных другими науками, в частности социологией, и формулировать конструкции, диаметрально противоположные уже апробированным на практике. Наоборот, полагаем уместным, при определении ресоциализации в юридическом смысле (и, в частности, в криминологическом) пользоваться выработанными в социологии подходами, рассматривать ресоциализацию как противопреступную социализацию.

История «легализации» ресоциализации в российском правовом пространстве насчитывает всего порядка 30 лет. До сих пор юридическая доктрина не выработала единого представления о содержании этого понятия, о месте ресоциализации в системе правовых институтов, о социальной значимости и необходимости законодательного закрепления². Кроме того, в условиях российской ментальности существует достаточно большое количество

¹Фолиева Т.А. К вопросу об уточнении содержания некоторых категорий теории социализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Общественные науки. Социология. 2014. № 2 (30). С. 131.

²На отсутствие единого мнения о понятии ресоциализации указывают современные исследователи. См., например, Козловский С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2019. № 1. С. 123; Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 74.

противников идеи правового регулирования ресоциализации осужденных как института, абсолютно чуждого российскому обществу, либо лиц, исповедующих в отношении ресоциализации принцип нигилизма, основанный на убеждении в необходимости заботы со стороны государства в отношении всех без каких-либо исключений граждан. Как представляется, такая ситуация обусловлена непониманием сущности ресоциализации, ее социального предназначения и той роли, которую она выполняет.

Рассуждая о понятии ресоциализации, А.В. Чернышева акцентирует внимание на том, что она может выступать в качестве средства, направленного против асоциальной деградации личности¹. Соглашаясь с таким утверждением, полагаем, что о ресоциализации в юридическом смысле необходимо вести речь в том случае, когда мы говорим о противодействии преступности в контексте нерепрессивной парадигмы.

Безусловно, сам термин «ресоциализация» нуждается в правовой регламентации. В настоящее время юридическое определение ресоциализации дано в нормативно-правовых документах, упоминается анализируемый термин и в судебных актах. Так, в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»² приведено определение ресоциализации как формы профилактического воздействия. В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается, что «правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали... их ресоциализацию, а

¹Чернышева А.В. Ресоциализация женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях: правовые и организационные вопросы: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1990. С. 27-28.

²Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

также защиту законных интересов потерпевших»¹. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ также содержит понятие ресоциализации, обозначая ее, с одной стороны, в статье 4 целью пробации, с другой стороны, определяя в статье 5 ресоциализацию как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера².

К настоящему времени сам термин «ресоциализация» уже довольно прочно вошел в оборот и используется в практической юриспруденции. Однако его семантическое толкование не всегда совпадает с тем содержанием, которое в него вкладывается законодателем.

Законодательная регламентация понятия ресоциализации не остановила понятийно-категориальной дискуссии в научной доктрине в связи с тем, что используемая правотворцем интерпретация по сути неверна. В научной литературе можно встретить достаточно много работ, в которых ресоциализация трактуется как социальная адаптация³, либо как система (комплекс) мер, применяемых к осужденному⁴, или как процесс, имеющий в своей основе

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2011. Апрель.

²Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета. № 29. 2023. 9 февраля.

³См., например, Громов В.В., Крылов А.С. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. М., 1989. С. 95. Махмудов З.Ш. Постпенитенциарная адаптация: к вопросу о понятии // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 41.

⁴Писарев В.Б. Ресоциализация освобожденных от отбывания наказания // Исполнение наказаний и социальная адаптация освобожденных: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. С. 4-5; Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 23.

комплекс мер¹. Довольно часто ресоциализация отождествляется с исправлением осужденного² или противопоставляется исправлению³.

Вполне объяснимо, что при существующем плюрализме мнений законодателю довольно сложно было сформулировать оптимальное определение, однако уже сам факт существования легальной дефиниции свидетельствует о заинтересованности законотворца в правовом регулировании данной сферы. Проведенный контент-анализ предусмотренных Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» норм о формах ресоциализации и социальной адаптации⁴ позволяет говорить о допущенной законодателем подмене понятий. Неверное, как представляется, понимание ресоциализации тиражировано и в нормах федерального закона о пробации, а также в принятых в его развитие подзаконных нормативно-правовых актах. По сути, «процессуальное» по содержанию понятие ресоциализации подменено перечислением мер, то есть носит материальный характер. Нелогичным, противоречащим сущности представляется отнесение ресоциализации, наряду с социальной адаптацией, к мерам профилактического воздействия.

В научной литературе социальная адаптация ассоциируется с процессом и результатом установления определенных взаимоотношений между личностью и социальной средой⁵. По сути, это процесс приспособления индивида к обществу,

¹Ким В.В. Ресоциализация как основа индивидуальной профилактики преступности лиц, больных туберкулезом // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С 475.

²Астемиров З.А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР. Рязань, 1973. С 16.

³Селиверстов В.И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева [и др.]; отв. ред. В.Г.Голубцов, О.А. Кузнецова, г. Пермь, 16-17 октября 2015 г. М.: Статут, 2016. С. 52.

⁴В качестве предмета исследования были выбраны нормы именно данного закона, так как в нем впервые на уровне нормативного акта федерального значения понятия ресоциализации и социальной адаптации были дефинированы.

⁵Философские проблемы теории адаптации ; под ред. Г.И. Царегородцева. М., 1975. С. 33; О природе адаптаций, ее междисциплинарности см. Урманцев Ю.А. Природа адаптаций (системная экспликация) // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 21.

господствующим в нем ценностям и социальным установкам¹. Соглашаясь в целом с таким пониманием социальной адаптации, отметим, что, скорее, социальная адаптация действует на личностном уровне каждого индивида².

В течение всей жизни социальное окружение человека постоянно меняется, и ему необходимо приспосабливаться к новым условиям, то есть адаптироваться. Процесс адаптации носит казуальный характер и свидетельствует о готовности человека воспринимать изменившиеся условия, в то время как ресоциализация более глобальна. Например, можно приспособиться (адаптироваться) и к преступному образу жизни, скажем, тюремной субкультуре, однако это вовсе не будет означать ресоциализацию. Ресоциализация представляет собой более сложный и разнообразный процесс восприятия человеком социальных норм и ценностей.

В процессе ресоциализации человек может адаптироваться к различным социальным условиям, в том числе и к тем, которые не одобряются обществом. Например, вести праздный образ жизни, курить, вызывающе одеваться и др. Продолжающийся в течение определенного времени процесс ресоциализации может включать совершенно разные виды адаптаций. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что, несмотря на содержательную близость ресоциализации и социальной адаптации, между данными категориями существуют различия, прежде всего по объему. Ресоциализация включает в себя социальную адаптацию.

Некоторые авторы указывают на то, что социальная адаптация является аспектом ресоциализации³, что представляется обоснованным, и в этой связи полагаем неверным отождествление данных понятий.

¹Хасмамедов Эльдар Али Оглы. Уголовно-правовые и социальные меры предупреждения рецидивной преступности: дис...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 171. Соломатина И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): дис. ...д-ра. пед. наук. М. 2007. С. 10.

²Шустова Н.Е. отмечает, что адаптация как социальный процесс должна рассматриваться в контексте проблемы развития личности, в единстве адаптации личности и адаптации социальной группы. Шустова Н.Е. Социальная адаптация личности: дис. ...канд. соц. наук. Саратов. 1999. С. 9.

³Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 27.

Некоторые исследователи рассматривают социальную адаптацию частью социализации¹, что, на наш взгляд, также не противоречит сути анализируемых понятий.

Другие ученые (например, Е.Г. Багреева) понимают ресоциализацию как адаптацию и вторичную социализацию², что представляется смешением понятий. В таком понимании, как видится, стирается грань между несколькими терминами, имеющими разную содержательную наполненность, смысловую нагрузку, хотя и очень близкими по целевому предназначению.

Анализируя феномен ресоциализации в триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация», можно прийти к выводу о некой двойственности сущности ресоциализации, которую, с одной стороны, следует рассматривать как процесс, протяженный во времени, с другой стороны, как результат данного процесса. Ресоциализация в самом общем понимании конечна, так как приводит либо к состоянию социализированности, либо к асоциализации.

Социализированность есть индикатор успешности ресоциализации, показатель достижения результата. Однако, несмотря на такой дуализм, применительно к целевому предназначению ресоциализации как противопреступной социализации важна именно процессуальная сущность рассматриваемого феномена. Возможно, для обозначения результата ресоциализации было бы уместным использовать термин «ресоциализированность». Но с учетом проведенного исследования теоретических конструкций, представленных в доктринальном поле, и собственного мнения автора настоящего диссертационного исследования, представляется соответствующей логике рассуждений категория «социализированность» как индикатор успешности ресоциализации. Вполне возможно также употреблять и сам термин «ресоциализация» применительно к

¹Коваль М.И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы: дис. ...канд. юрид. наук. Рязань. 1995. С. 17. Байков Н.М. Особенности социализации и социальной адаптации личности // Труды Камчатского филиала Дальневосточного государственного университета. Вып. 3 ; отв. ред. С.В. Гунько. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 7.

²Багреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. д-ра. юрид. наук. М., 2003. С. 35.

оценке результативности процесса (в том смысле, что ресоциализация состоялась).

В научной литературе и правоприменительной практике зачастую термин «ресоциализация» употребляется применительно к восстановлению социально положительного статуса¹ преступника (или осужденного, бывшего осужденного). Однако полагаем, что, рассматривая акт преступного поведения в контексте социальных отношений было бы упушением акцентировать внимание только на криминальной личности. Совершение преступления является определенной точкой бифуркации не только для преступника, но и для потерпевшего, чья социальная роль также подвергается изменениям.

Зачастую именно виктимное поведение потерпевшего формирует саму ситуацию, приводящую в результате к совершению преступления. В таких ситуациях о десоциализации в отношении потерпевшего можно говорить даже в большей степени, чем применительно к преступнику. Некоторые преступления по своему характеру являются десоциализирующим фактором для потерпевшего. Например, данное утверждение логично применить к преступлениям против половой свободы, половой неприкосновенности. Ситуации семейно-бытовых конфликтов, нередко заканчивающиеся совершением преступного деяния, свидетельствуют о десоциализации обеих сторон конфликта и необходимости ресоциализации как преступника, так и потерпевшего. Полагаем, что объектом ресоциализирующего воздействия могут выступать также и потерпевшие от преступлений. И с такой позиции следует говорить не только о ресоциализации осужденных, но и о ресоциализации в криминологическом смысле

¹Здесь и далее под социально-положительным (или социально-позитивным) статусом человека понимается его социальная позиция, в фокусе которой индивид выполняет одобряемые обществом социальные функции и роли. Безусловно, именно общество определяет правила и ценности, ранжирует их по характеристикам и оценивает с точки зрения положительного или отрицательного. В тот или иной период исторического развития отношение к правилам и ценностям может меняться, что предопределяет и изменения конфигурации статусов. Однако, как представляется, можно выделить те социально-положительные или социально-отрицательные статусы, отношение к которым отличается стабильностью. Так, к социально-положительным статусам можно отнести статус семьянина, члена трудового коллектива, законопослушного гражданина, члена одобряемых государством общественных организаций и т.д. К социально-отрицательным статусам отнесем следующие: тунеядец, попрошайка, преступник, беспризорник, БОМЖ, проститутка и т.д.

(противопреступной социализации), что позволяет распространить суждения об анализируемом феномене и на преступника, и на потерпевшего.

Исследование различных подходов к определению ресоциализации осужденных позволяет сделать вывод об использовании так называемых широких и узких подходов. В узком смысле под ресоциализацией понимается социальный процесс в постпенитенциарный период, в широком – процесс, реализуемый с момента назначения наказания и до полного восстановления социального статуса осужденного¹.

Как представляется, именно широкий подход следует использовать, формулируя определение ресоциализации в криминологическом смысле (противопреступной социализации). При этом начальным моментом ресоциализации следует определять не момент назначения наказания, а момент совершения преступления (как некой «точки бифуркации», свидетельствующей о десоциализации и необходимости ресоциализации).

В качестве рабочего определения ресоциализации в криминологическом смысле можно предложить следующую дефиницию:

Ресоциализация в криминологическом смысле – это процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление, и/или осужденному за него, и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

Широкий подход позволяет выделить структуру ресоциализации, которую составляют:

¹Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 18-19.

- а. объект (преступники¹ и потерпевшие/пострадавшие);
- б. субъекты (государственные органы, негосударственные структуры, общество в целом);
- в. факторы.

В сферу ресоциализации включены преступники и потерпевшие/пострадавшие от преступления. Применительно к процессу ресоциализации соответствующему воздействию подвергаются социальные установки, ценностные ориентиры, индивидуальное сознание личности, все то, что входит в сферу невербального восприятия сознанием и не может быть отделено от самой личности. Иными словами, объектом ресоциализации выступает личность.

Субъектами ресоциализации выступают, по сути, все те, кто находится как бы «на противоположной стороне» от объектов. Общее социальное взаимодействие включает неограниченное количество цепочек взаимосвязей, разнонаправленных по содержанию. В случае ресоциализации немаловажное значение имеет как раз направленность процесса. Именно определение вектора взаимодействия и входит в задачу субъектов. Государственные органы формулируют задачи и реализуют ресоциализирующее воздействие в рамках своей профессиональной деятельности. Но и рядовые члены общества осуществляют функции ресоциализации, что проявляется в различных формах социального контроля. В этой связи их также можно обозначить субъектами ресоциализации.

Анализируя факторы ресоциализации лиц с делинквентным поведением, Я.С. Васильева подразделяет их на социальные и социально-криминологические. К социальным автор относит «наличие собственной семьи, значимые межличностные отношения и семейную поддержку; среднее специальное и высшее образование; наличие профессии и профессиональную занятость. К социально-криминологическим отнесены: длительность и характер опыта пребывания в криминальной среде; статья и

¹Под преступниками в целях настоящего исследования понимается широкая категория лиц, совершивших преступление(я), в отношении которых реализуется процесс ресоциализации в криминологическом смысле.

срок условной судимости, возложенные судом обязанности, воздействие со стороны инспекторов уголовно-исполнительных инспекций. Интегральными психологическими факторами и одновременно показателями процесса ресоциализации лиц с делинквентным поведением выступают: 1) система поддерживающих отношений личности со значимыми другими; 2) удовлетворенность значимыми сферами жизни; 3) осмысленность жизни»¹.

Соглашаясь в целом с избранным автором подходом, отметим, что пул факторов ресоциализации в криминологическом смысле в целом является интегральным и может быть очерчен путем выделения групп криминологических, социальных и психологических факторов.

К числу криминологических относится сама ситуация совершения преступления, привлечение к уголовной ответственности, осуждение и назначение наказания. Полагаем необходимым разделять эти понятия, так как, учитывая латентность преступлений, не все они раскрываются и не все лица привлекаются к уголовной ответственности. Так, исключает назначение наказания, но не отвергает необходимость ресоциализации, как представляется, применение к лицу, совершившему преступление, иных мер уголовно-правового характера.

Социальными факторами ресоциализации в криминологическом смысле выступают социальный контроль во всех сферах его проявления, межличностные взаимодействия, контакты с государственными и негосударственными социальными институтами.

К числу психологических факторов можно отнести особенности личностных характеристик, психологические процессы и состояния.

Исследование сущности ресоциализации в криминологическом смысле (противопреступной социализации) позволяет выделить ее свойства, к числу которых можно отнести:

1. Непрерывность.

¹Васильева Я.С. Социальные и психологические факторы ресоциализации лиц с делинквентным поведением: автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2011. С. 7.

Ресоциализация представляет собой непрерывный процесс «ухода» от десоциализации к состоянию социализированности. Перерывы могут быть обусловлены появлением новых точек бифуркации, «выпадением» личности из текущего процесса ресоциализации, свидетельствуют о десоциализации и выступают отправной точкой новой ресоциализации. В то же время сам процесс ресоциализации является непрерывным.

2. Целостность.

Ресоциализация является целостным процессом, объединяющим этапы, однако это не означает, что ресоциализацию нужно понимать как сумму ее элементов. Этапы адаптации выделяются по процессуальному признаку и необходимы для очерчивания особенностей ресоциализации в конкретный временной промежуток.

3. Динамичность.

Ресоциализация тесно связана с социальными отношениями, которые подвержены объективным изменениям. Средовые модификации влекут необходимость корреляции ресоциализаторских процессов с учетом динамических трансформаций.

4. Обусловленность положительными социальными отношениями.

Будучи процессом восстановительного характера, ресоциализация связана с положительными социальными взаимодействиями и взаимосвязями, прежде всего семейными. В отрицательной среде социализация дефектна, могут развиваться только процессы десоциализации индивида. В свое время А.И. Герцен писал: «Зависимость человека от среды, от эпохи не подлежит никакому сомнению. Она тем сильнее, что половина уз скрепляется за спиной сознания... он не может не отражать в себе, собою своего времени, своей среды»¹.

5. Целестремительность.

Ресоциализация в криминологическом смысле всегда подчинена достижению конкретной цели: недопущения совершения противоправных деяний

¹Герцен А.И. С того берега: собр. соч. в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 14. Цит. по Социология: хрестоматия / О.Н. Козлова [и др]. М.: Соц. полит. журнал, 1993. С. 230.

и/или восстановления социально-положительного статуса. Цель является важным свойством ресоциализации, поскольку в противном случае не было бы никакого практического смысла рассуждать о данной категории вообще, процесс бы протекал индивидуально и без какого-либо контроля со стороны. Очевидно, что, выделяя категории социализации, десоциализации и ресоциализации, мы имеем в виду нахождение человека в обществе, постоянном социальном взаимодействии и необходимость каждого индивида быть встроенным в такую интеракцию, порождающую синергетический эффект.

Ресоциализацию в криминологическом смысле можно рассматривать на микро- и макроуровнях. Микроуровень представляет собой ресоциализацию конкретного индивида (преступника, потерпевшего/пострадавшего) в условиях определенной микросреды, обозначенные свойства ресоциализации проявляются применительно к индивидуальному ее объекту. На макроуровне ресоциализация представляет собой непрерывный, целостный, динамичный, обусловленный положительными социальными отношениями, целестремительный процесс противопреступного воздействия в масштабах всего социума.

Выделение уровней осуществления ресоциализации имеет практическое значение в целях определения возможностей противопреступного воздействия. На микроуровне происходит непосредственное влияние на личность человека, имеющего свой круг общения, материальные, социальные и эмоциональные условия, в которых он находится. На макроуровне ресоциализирующее воздействие оказывается опосредованно путем формирования благоприятной, стабильной экономической, социальной, духовной среды в масштабах населенного пункта, района, региона, страны в целом.

Таким образом, проведенное исследование ресоциализации в механизме социальных взаимодействий, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Исследование содержательной сущности ресоциализации в криминологическом смысле в контексте триады «социализация-десоциализация-ресоциализация» позволит глубже осознать и сформулировать концептуальные положения противопреступной политики в контексте ресоциализации.

2. Социализация представляет собой динамический процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющий ему функционировать в роли полноценного члена общества, длящийся в течение всей жизни человека. Индикатором положительной социализации является социализированность, обладающая количественными и качественными характеристиками. Формой социализации является правовая социализация.

3. Десоциализация конечна, может рассматриваться как процесс и результат процесса разрушения усвоенных личностью социальных норм, ценностей и образцов поведения, который происходит под влиянием негативного социального взаимодействия, асоциальных условий среды в зонах дискомфорта человека, связанных с усилением социальных рисков¹.

4. Ресоциализация конечна, происходит параллельно социализации и приводит, в конечном итоге, к социализированности либо асоциализации. Учитывая дуализм сущности ресоциализации, в случае ее успешности можно употреблять термин «ресоциализация» в том смысле, в котором следует полагать, что ресоциализация состоялась.

5. При формулировании понятия ресоциализации в юридическом смысле (и, в частности, в криминологическом) полагаем уместным использование выработанных в социологии подходов, предлагаем рассматривать ресоциализацию как противопреступную социализацию.

6. Законодательная регламентация понятия ресоциализации в ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не остановила понятийно-категориальной дискуссии в научной доктрине в связи с тем, что используемое толкование было выбрано неверно.

7. Проведенное исследование позволило предложить дефиницию ресоциализации в криминологическом смысле как процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества,

¹См. об этом Зязин С.Ю. Указ. соч.

осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него, и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

8. Исследование позволило выделить структуру ресоциализации в криминологическом смысле, которую составляют: объект (преступники и потерпевшие/пострадавшие); субъекты (государственные органы, негосударственные структуры, общество в целом); факторы (криминологические, социальные и психологические).

9. Ресоциализацию в криминологическом смысле можно рассматривать на микро- и макроуровнях. Свойствами ресоциализации являются непрерывность, целостность, динамичность, обусловленность положительными социальными отношениями, целестремительность.

1.3. Стратегия ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества

Общество и государство находятся в непрерывном развитии. Динамичные изменения, происходящие в современном социуме, имеют характер не только эволюционный, но и, зачастую, революционный. Право, как инструмент государственного регулирования общественных отношений, тесно связано с происходящими изменениями. Правовые нормы не являются чем-то навсегда застывшим и ортодоксальным, напротив, они нуждаются в совершенствовании по мере изменения общественных отношений. Тем более постоянным изменениям подвержена правоприменительная практика.

Современное общество переживает немало потрясений и катастроф, как природного, техногенного, так и социального характера¹. Значительными темпами развиваются наука и технологии, и общество стремится к таким изменениям, поощряет их.

Трансформируются нравственная и духовная сферы. Происходящие во всем мире события свидетельствуют о необходимости обращения особого внимания на такие категории, как нравственность, духовность, патриотизм, особо ощущается потребность в сохранении истинных ценностей и традиционных скреп. Логичным проявлением понимания государством истинных, традиционных ценностей представляется утверждение Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей².

Современное общество неоднородно, сложно организовано. Регулирование общественных отношений в таких условиях требует выработки качественно новых современных решений. Мы можем смело утверждать, что переживаем новый этап развития, предопределяющий необходимость переосмысления сложившихся идиом, выработки новых подходов к решению насущных вопросов³. Данный вывод основан на наблюдениях происходящих в обществе изменений, обусловленных экспоненциальным развитием цифровых технологий, появлением возможностей невербального общения между людьми посредством использования социальных сетей, мессенджеров, иных виртуальных коммуникативных площадок. По данным организации We Are Social, которая

¹К числу угроз для общества относится и преступность. О качественных изменениях преступности и необходимости выработки новых стратегий противодействия в свое время предупреждали ученые. См. Голик, Ю., Иногамова-Хегай Л., Комиссаров В., Номоконов В. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. 2006. № 2. С. 18.

²Указ Президента РФ от 9.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

³О новых перспективах, обусловленных трансформацией общественных отношений и структур под влиянием развития и распространения информационных технологий, указано в Декларации Мале, принятой на IX общей конференции ИПРОГ 22-26 февраля 2021 г. в г. Мале в дополнение Римской декларации ИПРОГ 2018 г. «Некоторые объективные тенденции глобальной трансформации человечества. См. Делягин Д. «Цифровой след» личности. Новый смысл существования человечества и некоторые следствия этого. URL: https://zavtra.ru/blogs/tcifrovoy_sled_lichnosti_novij_smysl_sushestvovaniya_chelovechestva_i_nekotorie_sledstviya_etogo_deklaratsiya_male..

представила доклад Digital 2020, «на текущий момент свыше 4,5 млрд человек на Земле пользуются интернетом, то есть почти 60% населения планеты имеют возможность выходить в онлайн.... Количество пользователей социальных сетей преодолело отметку в 3,8 млрд человек. Среднестатистический пользователь интернета в возрасте от 16 до 64 лет проводит онлайн 6 часов 43 минуты ежедневно»¹. Это весьма значимый показатель, демонстрирующий то, что существенную часть времени бодрствования человек проводит в виртуальном пространстве: работает, общается, получает информацию. Следовательно, по большей части именно виртуальное медиaprостранство (в том числе блогосфера) оказывает влияние на взгляды человека, формирует его мировоззрение.

Преступность также все больше «уходит» в сферу медиа. Согласно статистической информации МВД РФ, количество выявленных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации неуклонно растет: в 2018 г. - 174674 (+92,8%), в 2019 г. – 294409 (+68,5%), в 2020 г. – 510396 (+73,4%), в 2021 г. – 517722 (+1,4%), 2022 г. – 522065 (+0,8) преступлений². Как представляется, приведенные показатели только подтверждают тезис об очевидном изменении качества общественных отношений, определенной смене парадигмы, необходимости учитывать такие изменения и разрабатывать новые стратегии противодействия.

Социологические исследования фиксируют определенные изменения, особенности, характерные для данного этапа развития общества и обозначают его как общество постиндустриальное (информационное)³. Как и всякая научная гипотеза, теория о постиндустриальном (информационном) обществе, выделение доиндустриального и индустриального типов общества, критически оценивается исследователями, которые утверждают, что такую классификацию можно

¹Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в Интернете. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml.

²Статистика и аналитика. Данные отчетов о состоянии преступности в РФ на официальном сайте МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>.

³Концепция постиндустриального (информационного) общества была проработана в трудах Д. Белла. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М. 2004. - 783 с.

распространить только на экономический уклад, характер хозяйственных отношений, но «само это понятие (постиндустриального общества) – абстракция очень высокого порядка, и уже сегодня реальная жизнь предъявляет исследователю различные типы обществ, формирующихся на основе постиндустриального хозяйственного уклада»¹. Соглашаясь в целом с данным утверждением, нельзя не отметить, что экономические базисные отношения оказывают серьезное влияние на отношения социальные. Наметившиеся и уже реализующиеся в экономике тенденции перехода от индустриализации к высокотехнологичному укладу и экономике знаний не могут не оказывать существенного влияния и на социальные вопросы, порождая доселе неизвестные конструкты. И те же исследователи, отрицающие целесообразность распространения действия парадигмы постиндустриального (информационного) общества на социальные отношения, констатируют порождаемые новым укладом «серьезные социальные проблемы, связанные в первую очередь с нарастающими диспропорциями в распределении общественного богатства»². А, следовательно, тем самым подтверждают трансформацию общественных отношений, их изменение в связи с появлением и значительным распространением цифровых технологий и увеличением сферы влияния медиапространства.

Очевидность происходящих малообъяснимых, скачкообразных, глобальных социальных трансформаций позволила ученым охарактеризовать текущую ситуацию как «постпостмодернизм» или «метамодерн». Метамодернизм, по мнению специалистов, «проектируется как философия в самом широком смысле, включая в себя социальную теорию, культуру, политику и экономику»³. Такое общество отличается «единством различий», противоречивостью и неопределенностью, «социальными качелями». Человек в таком обществе выступает в роли элемента, единицы, «агента чего-то им самим созданного, но

¹Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и постиндустриальное общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 140-152.

²Там же. С. 147.

³Хлыщева Е.В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // Вопросы элитологии. 2021. № 2. С. 12.

более сложного»¹. Метамодерн – это «постчеловеческая цивилизация», это «мир, созданный и создаваемый человеком, но приобретающий независимость от своего творца»².

Нам представляются очевидными изменения отношений в социуме, его развитие в соответствии с общими принципами модели постиндустриального (информационного) общества. Парадигма постиндустриализма фиксирует смещение акцентов в сторону технологий³. Информация становится тем общественным благом, что, объективируясь, приобретает самостоятельную ценность. Однако сама по себе информация не может быть реализована в общественных отношениях, для этого ей необходимо быть осознанной человеком, субъективироваться и превратиться в знания. Человек, обладающий знаниями, приобретает особый статус в постиндустриальном обществе, в то время как отсутствие таковых может являться серьезным риском для индивидуума, влечь фрустрацию и в дальнейшем десоциализацию.

Постиндустриальное общество является по своей внутренней сущности «рисковым», сопровождающимся катаклизмами и потрясениями. Ярким примером практической реализации данного утверждения является пандемия Covid-19, локальные вооруженные конфликты, грядут и последующие экстраординарные события.

Пандемическое потрясение, которое и до сих пор переживает весь мир, позволило некоторым исследователям выдвинуть теорию глобальной перезагрузки и предложить варианты нового мироустройства (К. Шваб, Т. Маллере)⁴. Исследуя проблему, авторы справедливо отмечают, что «на самом деле пандемия резко обостряет уже существующие опасности, которым мы не

¹Там же. С. 15.

²Кутырев В.А. Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской Академии гос. службы, 2006. С. 19

³Так, например, И.В. Честнов отмечает, что новый тип социальных отношений феноменологически выражается в информатизации (цифровизации) жизни, в новых технологиях, культурных и социо-экономических отношениях, прежде всего, в связи с глобализацией. Честнов И.Л. Право в ситуации постмодерна // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: сборник материалов III науч.-практ. конф. с междунар. участием юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г. / под науч. ред. Н.А. Крайновой. СПб., 2020. С. 71.

⁴Клаус Шваб, Тьерри Маллере, COVID-19: Великая перезагрузка. URL: <https://www.litlib.net/bk/135579/read>.

могли адекватно противостоять слишком долго. Это также ускорит тревожные тенденции, которые накапливались в течение длительного периода времени»¹.

Современные «санкционные» процессы, сотрясающие экономики европейских стран, с неизбежностью оказывающие влияние и на глобальную общемировую повестку, также, на наш взгляд, подтверждают тезис о «рисковости» эпохи постиндустриального общества, что в настоящее время представляет уже несомненную реальность. Информация становится неким «продуктом», который важно правильно «приготовить» и не менее правильно «подать». И вот уже правильно приготовленный и своевременно поданный продукт способен формировать общественное мнение, регулировать отношения между людьми, провоцировать различные процессы, действия, события в реальной жизни. Одно и то же событие может быть осознано обществом в совершенно разных видах.

В условиях постиндустриального (информационного) общества актуализируются вопросы исследования личности, ее структуры и свойств. Как отмечает Б. Ситарская, «одной из наибольших угроз, характерных для современного мира, есть отставание людей от темпов и изменений, какие же они сами провоцируют»². Такой феномен вслед за Б. Ситарской А.З. Рыбак именуется «человеческим пробелом», то есть дистанцией между растущей сложностью мира и нашей способностью его понять...»³. Пожалуй, эту угрозу можно обозначить в качестве основных проблем современности. Чем раньше человечество задумается о роли личности в конструкторе постиндустриального (информационного) общества, тем больше оно сделает для сохранения своей реальной жизни на нашей планете.

Одной из концептуальных основ-характеристик современного мира исследователи называют взаимозависимость. Зависимость различных элементов системы между собой как побочный продукт глобализации и технического

¹Там же.

²Ситарська Б. Теоретичні і методологічні засади дидактичних завдань з педагогіки у процесі підготовки та вдосконалення вчителів: Переклад з польської мови Ігор Родюк. К.: Основа, 2005. С. 263.

³Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология: монография. М.: изд-во «Перо», 2019. С. 25.

прогресса. Причем эта зависимость касается всех сфер жизни: экономических, социальных, геополитических, экологических. Несмотря на территориальные и национальные различия, мы объединены целой сетью нелинейных зависимостей, которые затрагивают, по сути, каждого члена социума.

Информационное пространство прозрачно, что открывает простор для различного рода взаимодействий, как позитивных, так и негативных. Технологии позволяют успешно контролировать деятельность, например, выявлять лиц, совершающих противоправные деяния, что существенно сокращает время раскрытия преступления, экономит усилия. В то же время такая открытость создает предпосылки для возможных злоупотреблений, различного рода манипуляций. Информационное общество позволяет манипулировать общественным сознанием и предопределяет возможность управления конкретным индивидом. Необходимо выстраивать систему безопасности: с одной стороны, технологии обеспечивают безопасность общества в целом и отдельного индивида, с другой стороны, реализуют контроль и возможность слежения.

Взаимозависимость предопределяет ценность каждого члена общества и необходимость заботы о его состоянии. Решение вопросов социального характера, формирование комфортной среды обитания, в том числе забота об экологии, становятся ключевыми в актуальной повестке будущего. Человеческий капитал объявляется центральным звеном, основным ресурсом будущего эволюционного развития общества.

Процессы социализации и ресоциализации индивидов в системе цепочек взаимодействия происходят постоянно и обусловлены коллективным информационным сознанием. По сути, социальные взаимодействия подчинены алгоритму матрицы, где каждое звено взаимосвязано, выполняет свой потенциал и заинтересовано в том, чтобы все ключевые компоненты функционировали исправно.

Проекция социальных взаимодействий на сферу противодействия преступности демонстрирует схожесть механизмов действия. Так, срабатывающий в результате совершения преступления фактор десоциализации,

влечет «неисправность» в цепочке взаимодействий информационного общества и заинтересованность остальных участников процесса в восстановлении, иными словами, ресоциализации. Ведь, если этого не произойдет, десоциализированного члена взаимодействия необходимо заменять или перестраивать всю цепочку. Такой прогноз развития постиндустриального (информационного) общества, безусловно, возможен и его не следует исключать, но в таком случае это процесс конечный.

Парадигма информационного общества в контексте такого фактора, как совершение преступления, предполагает необходимость ресоциализации не только преступника, но и его жертвы. Являясь взаимосвязанными участниками процессов взаимодействия, в контексте социальной взаимозависимости, нередко преступник и жертва как бы меняются местами. Очень часто это происходит в ситуациях внутрисемейных насильственных преступлений, где сам факт совершения преступления может провоцироваться аморальным или даже противоправным поведением потерпевшего. Примеры этому мы можем найти в актуальной судебной практике¹.

Исследуя различные половозрастные группы преступников, ученые акцентируют внимание на феномене замещения или даже смещении социальных ролей преступников и их жертв в современном обществе, что особенно

¹Например, решением Президиума Свердловского областного суда Л. была освобождена от ответственности по части 4 статьи 111 УК РФ за совершение деяния при следующих обстоятельствах: «конфликт был спровоцирован потерпевшим Л.А.В., который (/ /) вернулся домой около 17 часов в состоянии сильного алкогольного опьянения, через некоторое время стал избивать ее, нанес несколько ударов кулаками по голове, попал по лицу и носу, она почувствовала, что у нее сломан нос, идет кровь. Л.А.В. был очень агрессивен, избивал ее на протяжении двух часов, нанес не менее 20 ударов, при этом она кричала и звала на помощь. Около 20 часов супруг побежал на кухню и вернулся с ножом в руках, подошел к ней и махнул ножом в область бока, порезав халат и тело, после этого подставил нож к ее шее и сделал колющее движение ножом в шею слева. При этом в период конфликта на руках у нее находилась малолетняя дочь, 2012 года рождения. Л.А.В. угрожал убийством, говорил, что проколел ей вену, и она скоро умрет. Она очень испугалась, у нее из раны на шее текла кровь. По требованию Л.А.В. она встала с дивана и поставила дочь в ходунки. Л.А.В. сел на диван с ножом в руках, продолжал оскорблять ее и угрожать убийством, после чего лег, потянулся за бутылкой пива, а нож положил рядом с собой. Когда Л.А.В. отвлекся, чтобы взять бутылку, она подошла к дивану, схватила нож и стала наносить мужу удары в область правого бока. Потом с ребенком выбежала на площадку, стала стучать во все квартиры на этаже. Сообщила соседке, вызвала скорую помощь и полицию (т. 3 л.д. 80-82)..... Как видно из протокола судебного заседания, в ходе судебного следствия исследованы материалы уголовного дела и представленные стороной защиты медицинские документы, которые свидетельствуют о том, что ранее Л.А.В. неоднократно причинял Л. телесные повреждения различной степени тяжести, при этом Л. обращалась за помощью в правоохранительные органы и медицинские учреждения (т. 1 л.д. 29, 39; т. 3 л.д. 32, 34, 49-71). Постановление Президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 по делу № 44у-126/2015). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f7p37yIzaEK/>.

характерно для социально незащищенных слоев, таких как женщины и малолетние дети¹. Они зачастую терпят издевательства, унижения в течение длительного времени, а потом сами совершают преступление в отношении источника страданий².

Изученные нами материалы уголовных дел³ подтверждают предположение о достаточно часто встречающемся в современной криминальной практике изменении роли потерпевших и жертв во внутрисемейных бытовых конфликтах. Так, из 257 изученных нами приговоров, вынесенных в отношении лиц, осужденных по ч. 1 ст. 105, ч. 1, 2 ст. 111, ч. 1, 2 ст. 112, ч. 1 ст. 109 УК РФ, где виновный и потерпевший находились в родственных или близких взаимоотношениях, в 192 (75 %) приговорах первым в бытовой конфликт вступал потерпевший, он являлся, по сути, инициатором. Поведение потерпевшего провоцировало конфликтную ситуацию, что приводило в конечном итоге к совершению преступления в его отношении. Но изначально правонарушающее или аморальное поведение было допущено именно потерпевшим.

Взаимосвязи и взаимозависимости в информационном обществе обусловлены высокоскоростным распространением информации, что касается и совершения преступлений⁴. Информация криминального характера является наиболее востребованной в обыденном правосознании, что влечет за собой несколько последствий. Прежде всего сам осужденный/потерпевший становится объектом внимания общества, что, с одной стороны, может рассматриваться как позитивный фактор в контексте ресоциализации, с другой стороны, как негативный, влекущий элемент стигматизации. Во-вторых, сама по себе

¹Montau, R. (1996). Täter als Opfer: Jugendliche Gewalttäter als Legitimierungskünstler // *Psychologie und Gesellschaftskritik*. 20(1/2). P. 63-79.

²Тренд инверсионных изменений статуса «преступник-жертва» отмечает В.В. Измайлов, указывая на то, что явление инверсионных преступлений, смены статусов, давно известно криминологии. Полагаем, что в информационном обществе такие явления еще больше актуализируются. См. Измайлов В.В. Динамическая модель преступности: новый взгляд на «Воронку Шестакова» // *Актуальные вопросы борьбы с преступностью*. 2015. № 4. С. 26-27.

³Всего изучено 1015 материалов уголовных дел, опубликованных на сайтах <https://sudact.ru/regular/doc> и <https://sud-praktika.ru/precedent/>.

⁴Роль социальной информации и информационных процессов неоднократно подчеркивали в своих исследованиях. См. об этом. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации личности. СПб. 2007. - 365 с.; Шамионов Р.М. Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность // *Известия Саратовского ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2012. № 4. С. 5.

достаточная насыщенность информационного поля событиями криминального характера дестабилизирует общество, угрожает социальной стабильности, фрустрирует отдельных членов социума.

Потоки информации, проходя через некий внутренний фильтр человека, по-разному интерпретируются, что также может провоцировать совершение преступлений. Все большее распространение получают истории о том, когда человек вовлекается в преступную деятельность посредством социальных сетей. Современной следственной практике известны случаи участия в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершения террористических актов, экстремистской деятельности, мошенничества и др. лицами, вовлеченными в преступную сферу посредством социальных сетей. Так, например, согласно обстоятельствам дела, изложенным в приговоре суда Дзержинского района г. Оренбурга по ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, Соколов С.Д. «примерно в апреле 2017 года, находясь в г. Оренбурге, испытывая затруднения материального характера, имея преступный умысел на получение имущественной выгоды от незаконного сбыта наркотических средств, вступил с неустановленным следствием лицом, являющимся зашифрованным абонентом в глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту – сеть «Интернет»), в преступный сговор, договорившись с ним посредством переписки в интернет-мессенджере о получении с целью сбыта партий синтетических наркотических средств, их незаконном хранении с той же целью, а также незаконном сбыте наркотических средств путем помещения их в тайники-«закладки» на территории г. Оренбурга»¹. И такая ситуация не единична. Всего из изученных нами 76 приговоров по ст. 228¹ УК РФ в 37 (48%) информацию о возможности участия в преступлении виновные получали из сети Интернет.

Вышеобозначенные обстоятельства позволяют утверждать, что в условиях современного информационного общества одним из приоритетных направлений

¹Приговор суда Дзержинского района г. Оренбурга по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ дело № 1-346/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/422334.html>.

обеспечения его позитивного развития становится информационная безопасность и информационная гигиена. О проблеме влияния информационных потоков на человека ученые говорят и в медицинском аспекте. Так, А.Л. Еремин отмечает, что «при росте традиционной информационной зависимой заболеваемости по МКБ-10 появляется новая патология: компьютерный синдром; аддикции от телевидения; депрессии от соцсетей; интернетмания, лудомания; номофобия; интернет-суициды».¹ Совершенно справедливыми представляются утверждения о формировании самостоятельного раздела медицинской науки, «изучающего закономерности влияния информации на психическое, физическое и социальное благополучие человека, его работоспособность, продолжительность жизни, общественное здоровье социума, в рамках которого разрабатываются нормативы и мероприятия по оздоровлению окружающей информационной среды и оптимизации интеллектуальной деятельности»². Полученные в результате таких исследований результаты будут способствовать расширению знаний о человеке в эпоху постиндустриализма, повышению эффективности различных социальных практик, в том числе в контексте ресоциализации человека.

Как представляется, цепочки взаимосвязей процессов ресоциализации и десоциализации в информационном обществе не линейны, а объемны, в отличие от общества неинформационного, что наглядно можно продемонстрировать в виде следующих схем:

Схема 1. Общество традиционное (неинформационное)

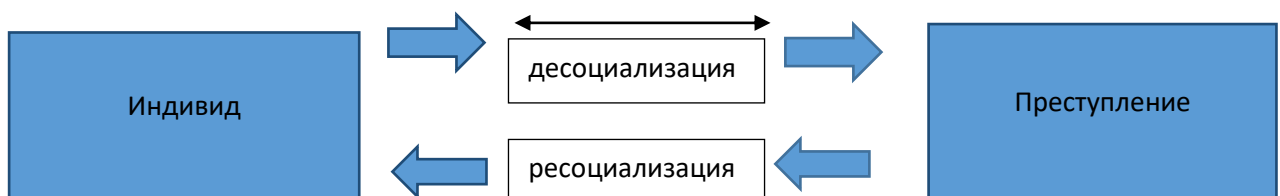
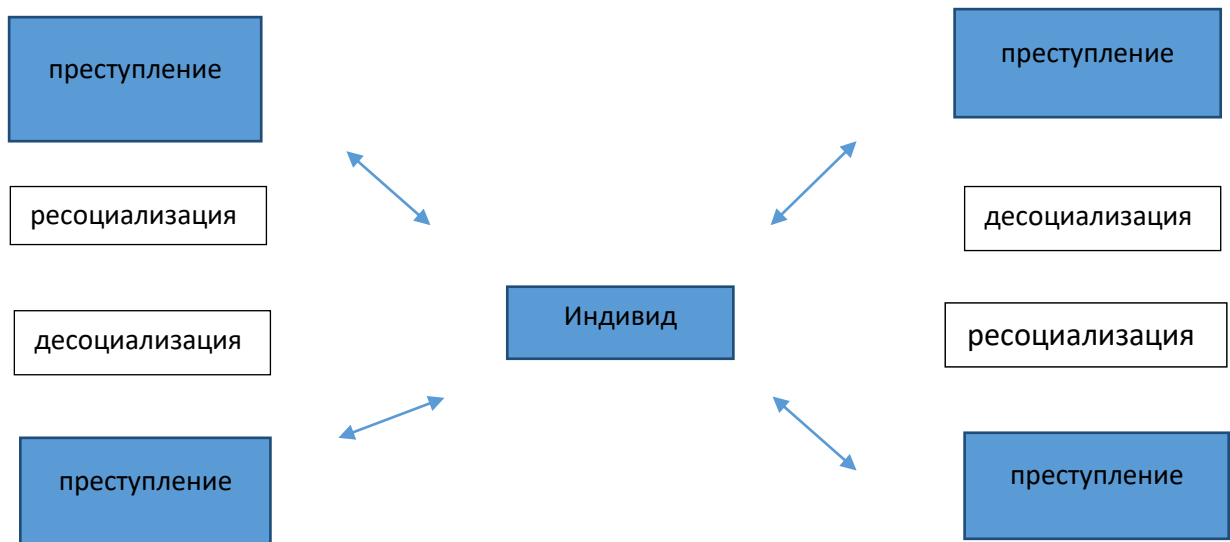

Схема. 2 Общество информационное

¹Еремин А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации // Гигиена и санитария. 2020. 99(4). С. 351.

²Там же.

В информационном обществе каждый член социума вовлечен тем или иным образом в процессы, связанные с информационными потоками. Социализирующие, как и десоциализирующие, факторы окружают индивида, по сути, объемно, соответственно, и процессы ресоциализации так же происходят объемно.

Информационное общество обладает большим фрустрирующим потенциалом, но оно также и в большей степени обладает потенциалом заботы по отношению к каждому индивиду. И эту возможность информационного общества следует учитывать при оценке ресоциализационного потенциала общества постиндустриального (информационного).

Информационные потоки, при всей относительной сложности и децентрализации данных процессов, можно перенаправить, можно организовать таким образом, чтобы их ресоциализирующее воздействие было очевидным и приносило практические результаты. Примеры такого рода решений уже реализуются в практической плоскости. Так, удачным представляется практика использования социальных сетей для благотворительных акций и сборов. Как отмечается на страницах тех же интернет изданий (РБК), «по данным Global Trends in Giving Report, все больше людей в мире предпочитают онлайн-пожертвования: 40% опрошенных в США и Канаде хотя бы раз делали их при помощи Facebook, а 12% — через Instagram. В Европе похожие цифры: 44% и

12% соответственно. В России, по данным НИУ ВШЭ, 85% НКО используют собственные соцсети в своей работе»¹. Безусловно, этот процесс не может быть бесконтрольным, но сама идея использования ресурсов Интернет пространства в целях возбуждения интереса граждан, общественных структур к ресоциализационной деятельности, представляется весьма плодотворной.

Следует поощрять активность гражданского общества в области содействия ресоциализации, формировать такую вовлеченность как элемент гражданской позиции. Каждый член социума в информационном обществе может быть вовлечен в процесс ресоциализации: либо на позиции объекта воздействия, либо на позиции субъекта воздействия. В таком обществе особое значение приобретает социальный контроль, в том числе контроль в целях противодействия преступности.

Полагаем, что именно специфические признаки информационного общества, в медиaprостранстве которого реализуется множество социальных функций, позволяют расширить возможности социального контроля. Используя ресурсы медиaprостранства, можно реализовывать как формальные, так и неформальные требования к поведению подконтрольных.

Формальный контроль в информационном обществе может осуществляться посредством активизации деятельности специальных субъектов (правоохранительных органов, судебной системы, юстиции, органов уголовно-исполнительной системы и т.д.) в медиасфере – активное использование ресурсов социальных сетей, сайтов, мессенджеров с целью распространения информации о работе таких органов, а также общению с аудиторией в социальных сетях и мессенджерах. В этой связи стоит отметить решение Правительства РФ, закрепленное Распоряжением Правительства РФ от 2 сентября 2022 г. № 2523-р, которым на государственные органы, органы местного самоуправления, подведомственные организации и суды возлагается обязанность по созданию и

¹Как использовать соцсети для благотворительных целей. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/621c0b169a794724116d7102>.

ведению своих официальных аккаунтов в данных социальных сетях¹. Немногом ранее Президент Российской Федерации «подписал Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ², в соответствии с которым госорганы должны создавать и вести официальные страницы в социальных сетях, список которых утверждает Правительство РФ, для размещения информации о своей работе. В частности, речь идет о публикации отчетов о реализуемых мероприятиях, комментариев по актуальным вопросам, номеров телефонов справочных служб, включая адрес электронной почты. Поправки в Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» вступили в силу 1 декабря 2022 года³». Полагаем, что такие законодательные шаги являются следствием того, что государство понимает важность и целесообразность использования цифровых ресурсов в условиях информационного общества в целях реализации функций социального контроля.

Неформальный социальный контроль реализуется ближайшим окружением, общественным мнением, отношением людей, чьим мнением мы дорожим, кого уважаем. В тоже время в информационном обществе центральное значение приобретает именно общественное мнение, которое формируется СМИ, блогосферой, поддерживается в социальных сетях. Влияние такой формы социального контроля, возможно, кажется не столь очевидным, но потенциал здесь довольно большой. Формирование посредством использования ресурсов медиaprостранства положительного социального климата, чувства стабильности, комфорта, заботы по отношению к близким, сострадания и равнодушия,

¹Распоряжение Правительства РФ «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» от 2.09.2022 № 2523-р // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6381.

²Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5237.

³С 1 декабря 2022 года госорганы должны будут вести официальные аккаунты в «ВКонтакте» и «Одноклассниках». URL: <https://www.garant.ru/news/1564104/>.

внимательного отношения к чужим проблемам – все это является важным элементом ресоциализирующего воздействия и составляет содержательную часть модели противопреступной деятельности в условиях информационного общества.

Социальный контроль реализуется всеми членами общества, однако главным заинтересантом обеспечения безопасности в обществе, продвижения идеи ресоциализации является государство. Именно государственные институты обладают потенциалом реализации контролирующих функций в информационной среде в целях обеспечения безопасности медиaprостранства и соблюдения баланса интересов всех участвующих в информационном обмене субъектов. И, безусловно, государство может и должно это делать.

Обеспечение информационной безопасности и информационной гигиены сквозь призму противопреступной социализации (ресоциализации) возможно реализовать посредством методов контроля (государственного и социального), активизации позитивных социальных практик (добровольчество, взаимопомощь, подвижничество, взаимоконтроль и т.д.), а также использованием методов правового просвещения и воспитания. Последнее максимально эффективно в отношении представителей молодого поколения, социализация которых еще не завершена, в целях предупреждения дефектной социализации и десоциализации. Специалисты отмечают высокую активность молодежи в использовании цифровых технологий, что предопределяет их фактическое нахождение в группе риска, «уязвимой перед угрозами информационного общества»¹.

Следует отметить, что не только молодым людям, но и более старшим поколениям достаточно сложно разобраться в качестве и достоверности контента информационных потоков. В этой связи в научной дискуссии уже довольно отчетливо проявляются предположения о возможной в ближайшем будущем «оруэлизации» общества, тотальном информационном контроле². Безусловно, в глобализованном обществе использование информационного контроля влечет

¹Руденкин Д.В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования // Социодинамика. 2022. № 1. С. 36.

²Чернобровкина Н.И. Информационный контроль в России и мире: реальные основания и практики // Гуманитарий юга России. 2014. № 4. С. 134 – 135.

совершенно определенные криминологические риски: здесь очень важно в чьи руки попадут «бразды правления». Представляется очень важным обеспечение национального технологического суверенитета, позволяющего специально уполномоченным государственным органам Российской Федерации осуществлять информационный контроль.

С точки зрения обеспечения безопасности, совершившие преступления лица представляют собой угрозу для общества, которую необходимо в широком смысле «нейтрализовать», но без излишней репрессивности. Стратегия ресоциализации должна ориентировать на реализацию этой задачи, не ставя во главу угла обязательное нравственное перевоспитание преступника, привитие ему социально-полезных свойств и качеств. Необходимо дать возможность лицу, совершившему преступление, жить по своим внутренним убеждениям, возможно, не принимая и не воспринимая принятые в данном обществе правила поведения, но относясь к ним нейтрально и не совершая преступлений. В этой связи теория противопреступной социализации (ресоциализации), как методология противопреступного воздействия, может стать реально действенным инструментом, способным обеспечить построение функциональной системы противодействия преступности, а основанная на данной теории модель организации противопреступной деятельности в постиндустриальном (информационном) обществе в ближайшем будущем будет реально применима.

Модель организации противопреступной деятельности в контексте ресоциализации в постиндустриальном (информационном) обществе представляет собой систему взаимосвязанных между собой нелинейными социальными связями субъектов, оказывающих ресоциализирующее воздействие в отношении лица, совершившего преступление и/или его жертвы, центром которой является личность. Схематично такую модель можно представить следующим образом:

**Схема 3: модель организации противопреступной деятельности в
постиндустриальном (информационном) обществе**

Предлагаемая модель предполагает активное использование ресурсов медиaprостранства в целях ресоциализации личности преступника, а также потерпевшего (жертвы) от преступления, учет ресоциализирующих и десоциализирующих возможностей окружающей личность информации, корректировка информационных потоков, широкое использование возможностей социального контроля.

Таким образом, анализ стратегии ресоциализации в контексте постиндустриального (информационного) общества позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализ современной ситуации в обществе позволяет говорить о том, что развитие человечества движется по сценарию от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу, от модернизма к постмодернизму, постструктурализму. Парадигма постиндустриализма фиксирует смещение акцентов в сторону технологий. Информация становится тем общественным благом, которое объективируясь, приобретает самостоятельную

ценность. Информация реализуется в общественных отношениях опосредованно, трансформируясь в знания.

2. Постиндустриальное (информационное) общество – общество риска, высоких скоростей, кризисов и катаклизмов. Задачей постиндустриального общества является сохранение жизни человека, обладающего знаниями. Автором на основе прогноза реализации разрабатываемой им теории противопреступной социализации (ресоциализации) в постиндустриальном (информационном) обществе, анализа ресоциализационных возможностей современного информационного общества предложена схематическая модель организации противопреступной деятельности, характеризующаяся следующими признаками:

- ✓ нелинейные социальные взаимосвязи и взаимодействия, в числе которых процессы социализации, десоциализации, ресоциализации;

- ✓ парадигма информационного общества в контексте такого фактора, как совершение преступления, предполагает необходимость ресоциализации не только преступника, но и его жертвы;

- ✓ В информационном обществе каждый член социума вовлечен тем или иным образом в процесс ресоциализации: либо на позиции объекта воздействия, либо на позиции субъекта воздействия. В таком обществе особое значение приобретает социальный контроль;

- ✓ стратегия ресоциализации должна разрабатываться и реализовываться государством. Государству отводится роль координатора.

1.4. Ретроспективный анализ и перспективы противодействия преступности в контексте ресоциализации в России

Ретроспективное исследование законодательной регламентации и правоприменительной практики в сфере ресоциализации имеет теоретическое и прикладное значение, так как позволяет проследить диалектику феномена

противодействия преступности сквозь призму конкретных исторических событий, проанализировать особенности законодательного закрепления и практической реализации в целях использования накопленного опыта, совершенствования подходов к современной противопреступной политике в рассматриваемой сфере.

История противодействия преступности в контексте ресоциализации в ранние периоды российской государственности тесно связана с историей становления и развития уголовного законодательства о повторности и рецидиве в российском уголовном праве. Связано это, прежде всего, с тем, что в периоды становления и так называемого «раннего» периода уголовного права России направленность противодействия преступности основывалась исключительно на репрессивных парадигмах.

В научной литературе в зависимости от периодизации политического развития государственного устройства выделяются периоды развития уголовной политики России: дореволюционный (вторая половина XIX – начало XX века), Гражданская война, НЭП, конец 20-х – начало 50-х годов; 60-е, 80-е годы, постсоветский период. Причем, как отмечает Г.Ю. Лесников, интерес к уголовной политике то усиливался, то ослабевал в зависимости от содержания политических процессов, происходивших в обществе¹.

Дореволюционный период развития уголовной политики демонстрирует практически полный отказ от применения идей ресоциализации преступников в связи с тем, что построение законодательства, как и реализация правоприменительной практики, осуществлялись с позиций применения к преступнику мер карательных, направленных на воздаяние за содеянное. Уголовное законодательство предусматривало наказания, имеющие целью, прежде всего, воздействовать на совершившее преступление лицо, физически и морально, дабы не допустить повторения преступлений с его стороны, со стороны других лиц, для чего уголовные наказания приводились в исполнение, в том числе, при большом скоплении людей. А к случаям повторного совершения

¹Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 4.

преступлений законодатель был особенно суров, допуская применение смертной казни. Так, например, смертная казнь за третью кражу предусмотрена ст. 5 Двинской уставной грамоты, ст. 8 Псковской судной грамоты¹.

Не рассматривались, как содержательный элемент системы противодействия преступности, вопросы ресоциализации осужденных и в средневековом законодательстве России. Судебник 1550 г. (так же как и Судебник 1497 г.) не содержали каких-либо норм, дающих основания полагать, что государство проявляло интерес к судьбе лиц, совершивших преступление и подвергнутых наказанию за него². Наоборот, как отмечает В.С. Егоров, «значительное развитие получают в Судебнике 1550 г. меры воздействия, связанные с членовредительством. Их применение, кроме устрашения, позволяло внешне обозначить преступника, наделив его легко бросающимися в глаза меткой или клеймом»³. При этом формируются новые цели наказания: устрашение и изоляция преступника, демонстрация всемогущества власти над обвиняемым, его душой и телом⁴. Судебник 1550 года предусматривал наказание в виде помещения в места лишения свободы, однако целью данного вида наказания была изоляция от общества, но не исправление или ресоциализация. Современник отмечал: «Боязнь кары закона, вызываемая строгой репрессией, вот единственное средство, могущее удержать преступника от нарушений; вероятность вторичных нарушений закона была меньшей тогда, когда закон говорил, что виновные за второе воровство будут повешены, или, когда он, как в 1791 году, удваивал наказание за повторение. В этом постоянно увеличивающемся и неизбежном усилении наказания, усилении, возрастающем с каждым новым преступлением, есть несокрушимая сила репрессии, которая рано или поздно должна повлечь за собой уменьшение числа рецидивистов»⁵. Закрепление в уголовном праве наказания в виде заключения в тюрьму свидетельствовало, с одной стороны, о

¹Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 332.

²Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 72.

³Егоров В.С. История уголовного наказания в период становления Российского права // Государство и право. 2006. № 5. С. 116.

⁴Исаев И.А. История государства и права России: полный курс лекций. М., 1995. С. 48-49.

⁵Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Том 2. М.: Наука, 1994. С. 309.

дальнейшем укреплении российской государственности, а с другой - отражало потребность в более гибких видах наказания¹.

Уголовная политика русского государства в средние века была ориентирована на борьбу с преступлениями, представляющими наибольшую опасность для государства, при этом внимание акцентировалось на решении проблемы путем устранения личности, порождающей данную проблему. Исследователи отмечают, что к середине XVI века в русском праве отчетливо сформировался статус «лихого человека», для которого разбой и бандитизм были профессиональными занятиями².

Как отмечает В.А. Рогов, «анализ губных грамот и документов позволяет сделать вывод о том, что в отношении преступников-профессионалов главной заботой государства было фактическое доказательство их принадлежности к категории «лихих», и в случае доказательства этого факта следовала смертная казнь».³

Следующим шагом по пути совершенствования уголовной политики Российского государства следует назвать принятие в 1649 году Соборного уложения, крупнейшего памятника средневекового русского права. Хотя в Уложении по-прежнему уделялось много внимания вопросам уголовного процесса, нормы о преступлениях и наказаниях стали уже более конкретными и систематизированными. Наказание преследовало цель кары. Как отмечает В.В. Паульская, «Уложение 1649 года как бы видит в каждом члене общества действительного или предполагаемого лихого человека и спешит устрашить угрозой жестокой кары»⁴.

Впервые в истории российского законодательства именно в Уложении была предусмотрена возможность выдачи писем, подтверждающих отбытие лицом наказания за преступления, повторение которых влекло за собой усиление ответственности. Это была первая попытка более «цивилизованного»

¹Уповор И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 90.

²Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XVI – XVII веков. М.: Юрист, 1995. С. 61.

³Там же. С. 65.

⁴Паульская В.В. Развитие института наказания в законодательстве России (период начало X века – эпоха Петра I) // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 72.

письменного учета потенциально опасных рецидивистов. Ранее в этих целях применялось клеймение преступников¹.

Стабилизация политической ситуации в стране обусловила возможность государства вести продуманную и гибкую уголовную политику, акценты которой смещаются в сторону исправления преступников. В.А. Рогов высказывает свою позицию в отношении законодательства того времени: лояльное отношение к преступникам, стремление принудительно «исправить» их и вернуть в общественную жизнь прослеживается вплоть до Уложения 1649 г., хотя репрессивность государства постоянно увеличивается².

В дальнейшем уголовная политика российского государства сохраняла репрессивный характер, была подчинена главной цели – защите интересов государства. И Устав благочиния Императрицы Екатерины II 1782 г., и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сохраняли тенденцию к усилению наказания за повторение преступлений. Система наказаний соответствовала господствовавшему в то время представлению о его целях: возмездие и извлечение из преступника и преступления имущественных выгод.

Ю.И. Бытко писал: «Никогда в истории русского государства борьба с повторностью и рецидивом не осуществлялись с позиций выяснения причин этих явлений....такое положение было обусловлено тем, что никогда в русском дореволюционном уголовном законодательстве система наказаний и практика их назначения не строились с учетом причин преступности»³. Выдающийся русский мыслитель А.Н. Радищев, касаясь вопроса о несоразмерности наказания преступлению, писал, что эта несоразмерность проистекает от того, что «закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производимых»⁴.

Исследования российской уголовной политики в дореволюционный период свидетельствуют о том, что она опиралась, прежде всего, на воззрения классической школы уголовного права, однако социологические и

¹Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений (исторический очерк). Саратов, 1978. С. 19.

²Рогов, В.А. Указ. соч. С. 261.

³Бытко, Ю.И. Указ соч. С. 27.

⁴Цит. По Солодкин Н.Н. Очерки истории русского уголовного права. Л., 1961. С. 83.

антропологические теории также были представлены. В отношении преступников-профессионалов главной заботой государства было фактическое доказательство их принадлежности к категории «лихих», и в случае доказательства этого факта следовала смертная казнь¹. Уголовно-правовая политика основывалась на реализации карательной парадигмы, идеи ресоциализации не были не только популярными, но их не существовало вообще.

Конец XIX начало XX веков в России ознаменовались наметившейся тенденцией реализации нерепрессивной парадигмы, что, как представляется, проявилось в самом факте обращения специалистов к теме социальной адаптации осужденных. Так, Н.С. Таганцев писал: «Как бы много не говорили, что проступок искуплен, что виновный расквитался с правосудием, но практическая жизнь столь часто свидетельствует нам, что все эти положения теряют силу перед опасностью возврата к преступлению. С другой стороны, при выходе из тюрьмы многое меняется в личной жизни освобождаемого, особенно долгосрочного, порываются личные связи и отношения, он поневоле чувствует себя одиноким, да к тому же тюремная жизнь приучила его к пассивности, к жизни чужим умом. Поэтому естественно, что освобожденный преступник нуждается в заботе и попечении именно в первое время по освобождении»². Особое внимание уделялось воздействию на осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы. Так, И.Я. Фойницкий отмечал в своих работах: «Напрасны все усилия тюремной деятельности для перевоспитания узника, бесплотными окажутся и те усилия, которые употреблены арестантом в тюрьме для самоисправления, напрасным будет и стремление его стать на дорогу честной жизни и честного труда, если общество, отвернувшись от него, будет толкать на путь порока и новых преступлений»³. Однако по своей сути пенитенциарный процесс был карательно-воспитательным⁴.

¹ Рогов, В.А. Указ. соч. С. 65.

² Таганцев, Н.С. Указ. соч. С. 253.

³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. С. 441.

⁴ См. об этом: Алексеев В.И. Правовое регулирование исполнения уголовных и исправительных наказаний: аспект соотношения 1879-1917 // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 60-64.

Исследователи отмечают, что «исторический анализ становления и развития института социальной адаптации осужденных свидетельствует о формировании двух направлений этой деятельности: 1) осуществление работы по социальной адаптации осужденных, отбывающих уголовное наказание, с целью привития им социально-полезных навыков: привлечение к труду, духовно-нравственное развитие и т.д.; 2) осуществление попечительства над освобожденными из мест лишения свободы с целью включения их в общество, оказания первичной помощи при освобождении»¹. Именно в создании системы патроната и попечительства видится точка отсчета в формировании концептуальных основ противопреступной политики в сфере ресоциализации осужденных, отправной момент, свидетельствующий о реализации нерепрессивной парадигмы.

В 1819 г. было учреждено Российское Попечительное о тюрьмах общество, основной задачей которого являлись контроль и надзор за нравственным состоянием осужденных, воздействием на них в период нахождения в местах лишения свободы, а также помощь после освобождения². Общество уделяло внимание заботе о религиозном воспитании осужденных, привлечению к труду и иной социально-полезной деятельности.

Следует отметить значение разработки и принятия в 1832 г. Устава о предупреждении и пресечении преступлений (в своде законов Российской империи), который особое внимание уделял соблюдению духовно-нравственных императивов³. В 1916 г. был принят Устав благочиния и безопасности, который исследователи, наряду с Уставом о предупреждении и пресечении преступлений, относят к историческим источникам криминологического законодательства⁴.

¹ Попова Е.Э. Как опыт исторических практик по социальной адаптации осужденных применяется в современных условиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С 15.

² Высочайше утвержденный доклад Министра Духовных дел и Народного Просвещения «Об утверждении в России Попечительного Общества о тюрьмах» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е с 1649 г. по 12 дек. 1825 г. Т. 1. СПб: Тип. 2-го Отделения собств. е.и.в. канцелярии, 1830 - 1851. 1819. С. 306.

³ Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Св. зак. т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. URL: <https://www.prlib.ru/item/459984>. См. об этом также Шестаков Д.А. Криминология: краткий курс. СПб, 2001. С. 49; Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 149-150.

⁴ Орлов В.Н. Криминологическое законодательство: учебное пособие; Университет ФСИН России. М.: Криминологическая библиотека, 2021. С. 26.

Практика работы российского попечительского о тюрьмах общества получила свое распространение: всего Главным Тюремным Управлением было зарегистрировано 117 попечительных обществ.

Закон от 24 декабря 1912 г. обязывал все общества патроната и благотворительности подчиняться Главному Тюремному Управлению, представлять отчеты о деятельности, в том числе о материальных ресурсах, по соответствующей статистической форме¹.

Говоря о противодействии преступности в контексте ресоциализации осужденных в дореволюционной России, нельзя обойти вниманием работу так называемых благотворительно-тюремных комитетов, которые функционировали на общественных началах. В состав таких образований входили равнодушные граждане, которые готовы были оказывать содействие семьям осужденных, устраивать судьбу их детей или малолетних правонарушителей, оказывать иные виды социальной помощи. По сути, заниматься благотворительностью в отношении какого-либо тюремного учреждения было до некоторой степени модным среди российской «буржуазной» интеллигенции. Немаловажным результатом деятельности благотворительно-тюремных комитетов явилась организация приютов для бывших заключенных. Однако период активной работы таких комитетов был достаточно непродолжителен, и к 1920 г. практически все они прекратили свою деятельность и распались.

Общеизвестно, что каждая революция, каждая большая или малая война, каждая амнистия увеличивают состав рекрутов преступного мира². Это же произошло и с преступностью в России как следствие Революции 1917 г. Сей переломный исторический момент оказал огромное влияние и на противопреступную деятельность, в том числе и в сфере ресоциализации.

Рост преступности, обусловленный политическими событиями, продолжающейся войной, голодом и разрухой, требовал новых подходов в

¹См.: Громов В.В., Лебедев, В.В., Попов В.И. Социальная помощь осужденным в ИТУ и освобожденным от наказания: генезис, проблемы, предложения // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний: сб. науч. тр. М., 1991. С. 87– 89; Рассказов, Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999. С. 105-107.

²Кузьмин С. Волки преступного мира // Молодая гвардия. 1995. № 7. С. 255.

противодействию. В то же время молодой советской власти необходимо было создавать новую нормативно-правовую базу, в том числе в области уголовного права.

Деятельность, направленная на противодействие преступности в первые годы существования Советского государства, отличалась противоречивостью, что вполне объяснимо как противоречиями, имевшимися в руководстве молодого советского государства, так и многообразием стоящих перед советской властью задач, решить которые одномоментно было крайне сложно. Тем более, что советское законодательство строилось на принципе полного неприятия законодательства дореволюционного. Однако, что касается формирования уголовной политики в рассматриваемой сфере, то следует отметить, что, несмотря на все современные мифы о крайней жестокости и репрессивности советской политики, анализ нормативных актов того времени демонстрирует обращение нормотворца к нерепрессивным идеям. Так, в приказе Главного тюремного управления № 3 от 18 марта 1917 г. отмечалось, что борьба с преступностью, ограниченная одним только применением наказания, никогда не может дать благоприятных результатов. Она только тогда в состоянии достичь успеха, если наряду с наказанием будут применяться и другие меры оздоровления общества. Как бы ни было правильно поставлено тюремное воспитание, оно само по себе не может надлежащим образом выполнить свои задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывающих наказание. Освобожденный из тюрьмы, оказавшись в таких условиях жизни, к которым он не приспособлен, может сразу же опуститься и погибнуть, если ему не будет оказана своевременная поддержка в той или иной форме¹.

Системное изучение кодифицированных актов советского периода позволяет сделать вывод о том, что идеи гуманизма по отношению к преступнику в нормах уголовного права в какой то степени были реализованы. Так, ст. 8 УК РСФСР 1922 г. в качестве цели наказания предусматривала приспособление

¹Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 15.

нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия. Вообще труд, как средство исправления, активно практиковался как в РСФСР, так и в Советском Союзе, а исправительно-трудовое воздействие выступало в роли основополагающего начала советской уголовно-исполнительной политики.

Один из разделов Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. был посвящен социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. В качестве видов помощи предусматривались: предоставление на первое время помещения и питания на льготных условиях, ссуд на приобретение рабочих инструментов, устройство мастерских для применения труда бывших заключенных, подыскание им занятий. В каждой губернии создавались комитеты помощи освобожденным из мест заключения. Однако функции оказания помощи возлагались на ведомство НКВД, не располагавшее для этого, как отмечают исследователи, необходимыми полномочиями, а также материальными ресурсами¹. Тем не менее ИТК РСФСР 1924 г. был весьма прогрессивен для своего времени, его принятие имело большое практическое значение. Как отмечал в свое время С.А. Денисов, «впервые с изданием Кодекса можно было говорить о продуманной системе мер борьбы с преступностью, исправления и перевоспитания осужденных, строящейся на единых принципах уголовной и исправительно-трудовой политики»².

Несмотря на то, что законодательство молодого советского государства содержало положения о необходимости исправительного воздействия в отношении осужденных, все же репрессивная парадигма организации противодействия преступности была основной. Именно борьба с преступностью, конечной целью которой объявлялось ее полное искоренение, стала девизом деятельности советской власти. Осужденный признавался своего рода «опасностью» для общества, которую в целях безопасности необходимо было исправить.

¹Там же. С. 44-45.

²Денисов С.А. К вопросу о становлении и развитии кодифицированного исправительно-трудового законодательства // Актуальные проблемы деятельности внутренних войск и органов внутренних дел в современных условиях: сб. трудов адъюнктов и соискателей ; под общ. ред. С.Ф. Зыбина. Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1990. С. 16.

УК РСФСР 1922 г. предусматривал применение к осужденным мер наказания и иных мер социальной защиты. В качестве целей использования последних были названы: а) общее предупреждение новых нарушений, как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (ст. 8 УК РСФСР 1922 г.)¹.

УК РСФСР 1926 г. пошел еще дальше и отказался от использования термина «наказание», заменив его термином «меры социальной защиты». В разделе 3, который именовался «Общие начала уголовной политики РСФСР», были обозначены цели применения мер социальной защиты: а) предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их, б) воздействие на других неустойчивых членов общества и в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся (ст. 9 УК РСФСР 1926 г.)². Меры социальной защиты можно было применить не только к лицам, совершившим преступление, но и к лицам, представляющим опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности³. То есть, по сути меры социальной защиты также являлись и мерами безопасности. Реализация такой уголовной политики привела фактически к произволу, к физическому уничтожению элитарных, культурных слоев российского дореволюционного общества, борьбе с инакомыслием.

Законом СССР от 25 декабря 1958 г. были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, с введением в действие которых связан новый этап реализации противодействия преступности со стороны российского государства. Законодатель отказался от применения мер

¹Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#09618060606678327>.

²Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&dst=100001#04519299903287721>.

³См. об этом также Уголовно-правовое воздействие / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев / под ред. А. И. Рарога. Москва : Проспект, 2015. – 288 с.

социальной защиты в отношении чрезмерно широкого, практически неопределенного круга лиц, закрепил понятие преступления и мер наказания за его совершение¹.

Законом СССР от 11 июля 1969 г. Основы уголовного законодательства были дополнены статьей 23.1 «Особо опасный рецидивист», которая фактически закрепила «клеймение» неоднократных преступников. Акцент ответственности был перенесен на личность преступника. Однако в данном документе уже проявляются гуманистические принципы применения наказания. Так, в статье 20 отмечено, что «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. Отдельно отмечается, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства»².

Гуманистические идеи обращения с осужденными были реализованы в ИТК РСФСР 1970 г. Несомненным достижением ИТК была глава 19, в которой закреплялось право отбывших уголовные наказания лиц на оказание материальной помощи, трудовое и бытовое устройство³.

ИТК РСФСР 1970 г. предусматривал установление административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы особо опасными рецидивистами и некоторыми категориями ранее судимых лиц, в чем проявлялась забота о безопасности общества.

Так называемый «зрелый советский период» развития российской государственности характеризовался широкомасштабным внедрением идей социализма во все сферы общественной жизни, в том числе и в деятельность по

¹Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4905#0012168936100531491>.

²Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4905#0012168936100531491>.

³Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 18.12.1970 (ред. от 21.12.1996). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5748/d31dbe3fb43e4a360005a794f3d8c0560381bfd3/.

противодействию преступности. Фактически была создана уникальная для своего времени система профилактики преступности, объемлющая не только и не столько реализацию соответствующих полномочий государственных органов, сколько вовлекающая в свою орбиту каждого гражданина государства, каждого члена общества.

Безусловно, особая роль в системе профилактики преступлений отводилась государству, от лица которого выступали Советы народных депутатов и их исполкомов. Функционал данных органов состоял из разработки программ предупреждения рецидивной преступности, организации деятельности государственных органов и общественных организаций по бытовому и трудовому устройству освобожденных из мест лишения свободы, определение конкретных предприятий для беспрепятственного приема на работу, контроль за фактическим трудоустройством ранее судимых при участии постоянных комиссий, депутатских групп и постов, заслушивание на заседаниях исполкома представителей администрации предприятий, учреждений, организаций о состоянии работы с ранее судимыми лицами, вовлечение ранее судимых, особенно молодежи, в общеобразовательное обучение и т.д.¹

Как представляется, в этот период была создана реально действующая практическая модель противопреступной политики в контексте ресоциализации осужденных, которая включала в себя не только правовую регламентацию, но и контроль над всеми сферами общественной жизни путем стимулирования организации общественного самоуправления. Государство контролировало все направления деятельности социума, но делало это во благо как общества в целом, так и конкретного индивидуума.

Примером реализации такой функции может служить формирование и деятельность наблюдательных комиссий при исполкомах Советов депутатов

¹См.: Косоплечев Н., Григорян В., Федулов И. Система мер предупреждения преступности: деятельность государственных органов и общественных организаций. М., 1988. С. 115-116.

трудящихся РСФСР.¹ Такие наблюдательные комиссии осуществляли общественный контроль за расположенными в территориальных пределах исправительно-трудовыми учреждениями. Основной функцией комиссии являлась организация шефства трудовых коллективов и общественных организаций над исправительным учреждением. Такое шефство заключалось в привлечении комсомольской молодежи к деятельности по перевоспитанию осужденных: организация и проведение лекций, вечеров вопросов и ответов, просветительских бесед.

Активно работали в советской России комиссии (бюро) по трудоустройству² и комиссии по борьбе с пьянством, чей вклад в профилактику преступности трудно переоценить. Как пишет В.Н. Колемасов, «широкие профилактические меры, усиление административно-правовой ответственности, объединение деятельности государственных органов и общественности – все это составляло единый фронт борьбы с пьянством и алкоголизмом»³.

Следует отметить, что такой подход был характерен для выстраивания всей системы профилактики в этот период. Общественный контроль широко поощрялся государством и практиковался на всех уровнях реализации государственной политики. Как отмечает И.Э. Звечаровский, «трудовые коллективы и общественные организации, согласно закону, могли выступать в качестве субъектов процесса исправления еще и на стадии исполнения отдельных мер уголовно-правового характера»⁴. Однако существовала и другая сторона медали, когда на волне «общественного» управления в местах лишения свободы лидирующие позиции занимали «воры в законе», реализуя дублирующие функции управления, как администрацией, так и со стороны «авторитетов», насаждающих нормы и традиции тюремной субкультуры.

¹Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.09.1965 б/н «Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР». URL: <http://www.conventions.ru/lex/277425/>.

²Пискунов С.А., Баранов А.В. История становления и деятельности органов по трудоустройству населения в РСФСР, 1967-1987 г.г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. № 3. С. 43.

³Колемасов В.Н. Борьба с пьянством и алкоголизмом в России в 1917-1930 годах // Наука. Общество. Государство. 2016. № 2 (14). URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/25760>.

⁴Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 81.

Следует отметить, что советские правоохранительные органы были также активно вовлечены в ресоциализаторскую деятельность: суд, прокуратура, органы внутренних дел. Но особо следует отметить деятельность участковых инспекторов милиции, которые осуществляли функции административного надзора за некоторыми категориями ранее судимых лиц, хорошо знали обстановку на подведомственной территории, вели серьезную профилактическую работу.

В Советском Союзе в большом количестве функционировали различные общественные организации, которые в той или иной мере профилактировали преступность: добровольная народная дружина, комсомольский оперативный отряд, советы общественных пунктов охраны правопорядка и т.д. Особое внимание уделялось моральному облику советского гражданина, самым серьезным образом охранялись семейные отношения.

Особое внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения, для детей и подростков были организованы многочисленные бесплатные кружки и секции. Для подростков с отклоняющимся поведением (так называемых «трудных подростков») законодательно предусматривалась и фактически была реализована практика трудоустройства на предприятия¹.

Распад Советского Союза, формирование на его «останках» новой государственности с неизбежностью повлекли и изменение уголовной политики, которая в первое время носила некий хаотичный характер. Ранее действовавшие правовые нормы были заменены новыми, общественные институты перестали существовать.

90-е годы XX столетия характеризовались практически полным сломом действовавшей государственной социальной системы, произошла существенная трансформация экономических отношений. Резкий скачок в рыночные отношения, практически полное подражание Западу, причем не лучшим образцам европейской и американской политики, привели к тому, что население страны в

¹См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 329-332.

своей общей массе было вынуждено решать вопросы собственного выживания. Общественный контроль за преступностью отсутствовал вовсе.

Реформирование противопреступной деятельности было основано на презумпции того, что «с преступностью должны бороться специально уполномоченные на то органы и организации»¹. Соглашаясь принципиально с этой позицией, отметим, что государство в этот период не только полностью отказалось от организации общественного контроля, но и минимизировало свои функции по борьбе с преступностью, что не могло не сказаться на ее состоянии. Фактически в данный период можно было говорить о полной утрате контроля за преступностью со стороны государства, разгуле преступности и отсутствии желания и возможностей у населения осуществлять социальный контроль.

По мере осознания последствий пренебрежительного отношения к социальному злу, преступности, во многом под воздействием призывов, звучащих от ученых и практиков, ситуация стала меняться. По сути, в период с 2000-го года по настоящее время происходит некий возврат к инструментам социального и уголовно-правового воздействия, которые использовались в так называемые «развитые советские» времена, но уже с учетом накопленного современного опыта.

Существенные реформы коснулись уголовно-исполнительной политики, что выразилось в большей открытости уголовно-исполнительной системы для внешнего независимого контроля со стороны общественности. В 2000 г. была создана и действует по сей день Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы»². При органах Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН РФ) стали создаваться Общественные советы: 26 января 2007 года создан ОС при ФСИН России³, а

¹Звечаровский, И.Э. Указ. соч. С. 81.

²Приказ Министерства юстиции РФ от 19.03.2015 № 62 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» // Российская газета. 2015. № 73. 8 апреля (первоначальная редакция).

³Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 01.10. 2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной

затем постепенно были созданы Общественные советы при территориальных органах ФСИН РФ по субъектам федерации.

10 июня 2008 г. был принят Федеральный закон № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», который закрепил деятельность наблюдательных комиссий.¹

Но максимально масштабная трансформация уголовно-исполнительной системы началась с принятием Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., в которой в качестве целей было обозначено «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества».²

Несмотря на заявленные цели, фактически итогом реализации концепции стала только разгрузка пенитенциарной системы: к 2020 г. контингент учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, сократился более чем наполовину по сравнению с 2000 г. Так, по состоянию на 1 июня 2000 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 1 092 000 человек, по состоянию на 1 января 2020 г. 482 888 человек³. За период с 1 января 2020 г. по 1 августа 2022 г. темпы снижения несколько уменьшились, но отрицательная динамика в отношении количества осужденных, содержащихся в

системы и утверждения его состава» конкретизировал деятельность Общественного совета при ФСИН РФ // Бюллетень Минюста РФ. 2014. № 2 (недейств. ред.).

¹Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

²Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

³Данные за 2000 год взяты: Калинин, Ю.И. Реформирование уголовно-исполнительной системы в России. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/>. Данные на 2020 год взяты из: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы на сайте ФСИН РФ. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

учреждениях уголовно-исполнительной системы, сохраняется. Так, по данным ФСИН РФ, по состоянию на 1 августа 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 465 347 чел. (-549 чел. к 1 января 2022 г.), по состоянию на 1 января 2023 г. – 433006 чел. (- 32890 чел. к 1 января 2022 г.)¹. Налицо тенденция сокращения количества осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, однако при этом нельзя в полной мере утверждать, что заявленные амбициозные цели в области ресоциализации осужденных были достигнуты.

Принятый 8 января 1997 г. Уголовно-исполнительный кодекс РФ впервые в главе 22 закрепил нормы, регламентирующие права освобождаемых осужденных на помощь, трудовое и бытовое устройство, иные виды социальной помощи, а также корреспондирующие им обязанности администрации исправительных учреждений. Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 в развитие положений Уголовно-исполнительного кодекса РФ были образованы так называемые группы социальной защиты, целями деятельности которых заявлено «создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы»².

Правовое положение освобожденных от наказания судимых лиц было конкретизировано Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ, которым внесены изменения в ч. 1 ст. 18, ч. 1 ст. 86 УК РФ в части указания на ограничения, установленные законодательством РФ³.

Введенный Указом Президиума ВС СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI (в ред. от 22 сентября 1983 г.) административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, с распадом СССР фактически перестал реализовываться. Юридически действие административного

¹Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы на сайте ФСИН РФ. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

²Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 3.

³Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2039.

надзора было прекращено с момента издания Приказа МВД России от 12 февраля 2003 г. № 98 «О признании неприменяемыми нормативных правовых актов МООП СССР, МВД СССР, МВД РСФСР», а фактически административный надзор не исполнялся органами милиции с 1990-х годов¹.

Отказ от практики использования административного надзора обусловлен той сложной экономической ситуацией, социальной неопределенностью и напряженностью, которая была присуща достаточно противоречивому периоду существования российского государства на рубеже веков, однако относительно быстро государственная власть вернулась к опыту реализации административного надзора, и 6 апреля 2011 г. был принят Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»².

Следует отметить, что реформа уголовно-исполнительного законодательства, как и уголовно-исполнительной системы в целом, по своей сути имела выраженную ресоциализаторскую направленность. Растущий уровень рецидива преступлений³ предопределял необходимость уделять пристальное внимание проблемам социальной адаптации осужденных, их реального включения в жизнь общества.

Был сделан значительный шаг в развитии законодательства в сфере противодействия преступности в контексте ресоциализации в целом. Так, впервые на федеральном уровне было закреплено само понятие ресоциализации. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 25 предусмотрел определение ресоциализации осужденных и отнес ее к формам профилактического воздействия. Однако, несмотря на истекший с тех пор более чем 10-летний период, как представляется, к настоящему моменту утверждать о

¹Административный надзор / Серия «Знай свои права!»; сост. В.М. Фридман. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2017. С.5.

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

³ Если в 2003 г. удельный вес преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, в общем числе регистрируемых преступлений составлял 21,7%, в 2005 – 30,5%, в 2010 – 37,1%, то в 2015 г. это уже 55,1%.

полномасштабной реализации ресоциализационных идей в уголовно-исполнительной системе пока преждевременно.

В апреле 2021 г. была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года, которая предусматривает создание и развитие в РФ системы пробации, задачей которой является ресоциализация и социальная адаптация осужденных¹. В феврале 2023 г. был принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации».

Первый проект закона «О системе пробации в Российской Федерации» был подготовлен межведомственной рабочей группой, созданной на базе Департамента нормативно-правового регулирования, анализа и контроля в сфере исполнения уголовных наказаний и судебных актов Министерства юстиции Российской Федерации в апреле 2021 г. Однако ввиду широкого спектра мнений и развернувшихся активных дискуссий завершить работу над законопроектом в 2021 г. не удалось². В апреле 2022 г. была подготовлена новая редакция проекта, регламентирующего вопросы организации и реализации пробации в Российской Федерации, который также заслуживает внимательного рассмотрения, обсуждения и вызывает некоторые вопросы, и, наконец, 6 февраля 2023 г. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» был принят.

Тем не менее, в настоящее время нельзя в полной мере утверждать, что сформирована четкая стратегия дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы. Принятие Концепции следует рассматривать как позитивный шаг, но предстоит еще долгий путь. Государство пока не демонстрирует четких ориентиров и установок, а действующие правовые нормы достаточно размыты и неконкретны.

Что касается тенденций развития основных направлений противодействия преступности в целом, то наблюдаемая за последние 20 лет некоторая разнонаправленность свидетельствует об отсутствии концептуального подхода в

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

²Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021-2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 178.

противодействию преступности. Повышение градуса репрессивности в отношении некоторых преступлений наряду с очевидным его снижением в отношении других, криминализация деяний, представляющих высокую общественную опасность «в текущем моменте», сокращение количества осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях, а также разработка проектов документов, свидетельствующих о понимании проблем, связанных с возвращением осужденных к жизни в обществе, - все это говорит об отсутствии единой методологической основы реформирования деятельности, направленной на противодействие преступности.

Вместе с тем, следует отметить, что за период развития российской государственности накоплен вполне достаточный опыт, свидетельствующий об успешности решения проблем противодействия преступности в контексте ресоциализации, который можно было бы использовать в целях формирования эффективной противопреступной стратегии, в частности для разработки и обоснования криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ российского опыта противодействия преступности в контексте ресоциализации в его проекции на ближайшую перспективу, позволил нам сделать следующие выводы:

1. Противодействие преступности в ранний период российской государственности носило исключительно репрессивный характер. Уголовное законодательство, правоприменительная практика, уголовная политика в целом не имели ресоциализирующей направленности.

2. В так называемые «средние века» в России деятельность государства была ориентирована на решение политических вопросов путем жесткого и даже жестокого устранения противников государственной власти. В этот же период появились первые упоминания о клеймении преступников, своеобразной форме учета лиц, преступивших закон и понесших за него наказание, что также не свидетельствует об ориентации государственной власти на ресоциализацию личности, возвращение человека к жизни в социуме.

3. К концу XIX началу XX веков в России наметилась тенденция реализации нерепрессивной парадигмы, что проявилось в обращении исследователей к вопросу о социальной адаптации осужденных. Как следствие, появились научные исследования, труды, авторы которых все громче стали говорить о необходимости заботиться не только о «покарании» преступника за содеянное, но и о его душе, спасение которой является благом не только для конкретной личности, но и для общества в целом.

4. Проявлением тенденций реализации нерепрессивной парадигмы в противодействии преступности в контексте ресоциализации осужденных явилось создание в 1819 г. Российского Попечительного о тюрьмах общества, которое занималось попечением над исправительными учреждениями и оказывало помощь освобожденным от наказания. Учреждение такого Общества явилось прообразом всей системы патроната, функционировавшей достаточно успешно в России в «предреволюционный» период. Все общества патроната регистрировались Главным тюремным управлением, контролировались государством, что свидетельствовало именно о государственной политической воле. Особо следует отметить принятие Устава о предупреждении и пресечении преступлений (в своде законов Российской империи) 1832 г. с последующими изменениями и дополнениями, который является прообразом российского законодательства о противодействии преступности.

5. Несмотря на то, что направленность противопреступной деятельности в первые годы советской власти отличалась репрессивностью, законодательство содержало положения об оказании исправительного (воспитательного) воздействия на осужденного, содействия его возвращению к жизни в обществе. Государство заботилось о преступнике больше для того, чтобы обеспечить безопасность собственную. Политика в сфере противодействия преступности была направлена на физическое уничтожение элитарных, культурных слоев российского дореволюционного общества, борьбу с инакомыслием, однако человеческий капитал был востребован.

6. Направленность противопреступной деятельности советского государства в период его зрелости была максимально ориентирована на идеи ресоциализации в отношении осужденных, включая помощь в трудовом и бытовом устройстве и социальный контроль. Уголовно-правовая политика строилась на широком применении принципа демократизма, что привело к появлению в уголовном законодательстве не свойственных ему институтов, как, например, передача материалов дела в товарищеский суд. В этом усматривается проявление гуманистических, общечеловеческих начал противодействия преступности в целом. Опыт использования проанализированных социальных практик следует учесть в процессе реформирования системы противодействия преступности в России в настоящее время.

7. В 90-е годы прошлого столетия сложившаяся советская система контроля за преступностью была полностью утрачена. Принятые нормативные акты практически не содержали норм ресоциализационной направленности, а те, которые предусматривали помощь осужденным, были формальны и практически не реализовывались. Такая ситуация просуществовала вплоть до конца XX столетия и привела к значительному росту рецидивной преступности.

8. Начиная с конца 90-х гг. XX столетия деятельность государства в сфере противодействия преступности в РФ демонстрирует тенденцию реализации нерепрессивной парадигмы в части ее ориентации на идеи ресоциализации осужденных.

По сути, происходит возвращение тех институтов, которые существовали ранее и были ориентированы на ресоциализацию, а также разработка и внедрение новых социальных практик. Сам термин «ресоциализация» получил законодательное закрепление. Однако следует отметить тенденцию некоторой разнонаправленности, когда, с одной стороны, чрезмерно увеличиваются сроки лишения свободы за одни преступления, а с другой стороны, ослабляется защита от преступлений, не представляющих, по мнению законодателя, большой общественной опасности.

Очевидно отсутствие концептуального подхода в противодействии преступности, необходимость поиска иных путей, разработки качественно новых моделей противопреступной деятельности. Полагаем, что предлагаемая теория противопреступной социализации (ресоциализации), обосновывающая функциональность модели противопреступной деятельности в условиях постиндустриального (информационного) общества, может претендовать на позиции такого нового решения. Безусловно, никакое новое решение не может быть эффективно в отрыве от анализа исторического опыта. Теория противопреступной социализации (ресоциализации) предполагает активное и основательное использование отечественного опыта.

ГЛАВА 2. ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1. Личность преступника в контексте ресоциализации

Исследование вопросов, так или иначе связанных с противопреступным воздействием, поиск оптимальных конструкций, способных минимизировать криминализацию общества, не может обойтись без исследования особенностей личности акторов связанных с совершением преступления процессов. Полагаем, что с точки зрения выдвинутой нами гипотезы о теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологии противодействия преступности необходимо детальным образом исследовать особенности личности - как преступника, так и потерпевшего от преступления. Ведь именно личность является объектом ресоциализационного воздействия, и ответ на вопрос о том, насколько личность способна воспринять такое воздействие, позволит нам определить, так ли необходимо ставить этот вопрос в принципе.

Современные криминологические исследования в большинстве своем акцентируют внимание на личности как центральном элементе учения о преступности, ее причинах и способах противодействия. Так, описывая новую методологию криминологического познания, А.З. Рыбак предлагает во главу угла поставить именно личность¹. Полагаем, что такое видение не входит в противоречие с предлагаемой в настоящей работе теорией противопреступной социализации (ресоциализации), а только подтверждает внимание научной среды к необходимости исследования особенностей личности преступника.

¹Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология: монография. М.: изд-во «Перо», 2019. С. 30.

Наибольшие сложности вызывает ответ на вопрос о существовании личности преступника как таковой и ее способности к ресоциализации. Следует отметить, что особенности личности индивида, совершившего преступление, стали объектом научных исследований уже достаточно давно. Однако и по сей день в доктрине отсутствует единомыслие относительно необходимости такого обособления. В настоящее время ряды ученых разделились на два лагеря. Представители первого полагают такое обособление излишним (Ю.Д. Блувштейн, И.И. Карпец, Г.М. Резник, Я.И. Гишинский и др.)¹, в то время как представители второго считают, что личность преступника имеет особенности, заслуживающие самостоятельного изучения (Ю.М. Антонян, П.С. Дагель, Н.С. Лейкина, А.Б. Сахаров и др.)². Однако, как представляется, такое разделение не носит категоричного характера, и даже противники выделения категории «личность преступника» говорят о том, что есть рациональное зерно в рассуждениях о существовании различий в проявлении поведенческих форм в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств³.

Некоторые ученые придерживаются ригористической точки зрения в данном вопросе, говоря о том, что «личность – это всего лишь набор историй о человеке». В этой связи они предлагают полностью отказаться от учения о личности преступника⁴. Однако в то же самое время указывают на необходимость изменения ситуации вокруг человека настолько, насколько это возможно, что, на наш взгляд, практически нереализуемо в полной мере, не учитывая особенности самой личности, без познания ее свойств, как врожденных, так и приобретенных⁵.

¹См. об этом: Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 88-89.

²См. об этом Курганов С.И. Теоретические вопросы изучения личности преступника // Личность преступника и предупреждение преступлений. М., 1987. С. 27; Андрианов А.В. Личность преступника и индивидуализация уголовной ответственности // Актуальные проблемы права России: сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 57.

³Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 90.

⁴Рыбак А.З. Указ соч. С. 299-300.

⁵В некоторых современных исследованиях, как справедливо отмечает В.А. Номоконов, указывается на то, что не существует различий между законопослушным человеком и преступником. Между тем «задача глубокого и конкретного изучения личности преступника, выдвигается, прежде всего, потребностями практики борьбы с преступностью». Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М., 2018. С. 21.

Таким образом, изучение особенностей свойств личности преступника как объекта противопреступной социализации (ресоциализации) является необходимым условием понимания механизма противопреступного воздействия, формирования оптимальной модели противодействия преступности¹.

В некоторых современных криминологических исследованиях отмечается преобладание в науке «механического, упрощенного взгляда на личность преступника» и предлагается в качестве нового методологического подхода использовать гуманно-личностный, основанный не только на изучении свойств личности, но и на понимании ее сущности². Такой подход предлагается в качестве одного из принципов позитивной криминологии, задачами которой является познание причинного комплекса преступности и противопреступное воздействие в целях человекобережения, повышения человеческого потенциала и качества жизни³. Данная позиция, безусловно, акцентирует внимание на необходимости более глубокого изучения личности без определения искусственных границ между личностью преступника и личностью законопослушного индивида. Однако, как представляется, идеи позитивной криминологии не находятся в противопоставлении с предложением о выделении свойств личности преступника в целях позитивного воздействия на него. Позитивная криминология вполне может использовать методологию противопреступной социализации (ресоциализации) в русле реалистической диалектики в целях выработки новых прорывных подходов для формирования стратегий противодействия преступности.

Предлагая авторскую методологию криминологического познания, А.З. Рыбак акцентирует внимание на личности и ее месте (роли) в системе познания. Так, автор говорит том, что «оставаясь в рамках «старой» методологии, с новыми вызовами реальности справиться будет невозможно. Искомая

¹Профессор О.В. Старков полагал, что личность преступника является категорией криминальной психологии, а не криминологии. Как представляется, такая точка зрения не находится в противопоставлении с нашей позицией и только подтверждает суждение о личности преступника, как об объекте противопреступной социализации (ресоциализации). См. об этом Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. С. 213.

²Номоконов В.А. Манифест позитивной криминологии // Наука и жизнь Казахстана. 2020. № 10. С. 211.

³Номоконов В.А., Судакова Т.М. Позитивная криминология в борьбе за человека // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 20, 24.

эффективность будет зависеть исключительно от того, окажется ли в центре познания сам человек, а не его тень в виде каких-то там «свойств личности»¹.

Как представляется, исследование личности с позиций ее ресоциализации не умаляет значение самой личности. Вычленение свойств индивида не ставит своей целью отодвинуть на второй план его самого в угоду определения неких свойств, а наоборот, акцентирует внимание на личностных взаимосвязях и взаимодействиях. Ведь без осознания себя как личности, своей роли в социуме невозможен был бы и сам социум.

В научной литературе нет единства мнений относительно временного и пространственного критериев существования понятия «личность преступника». Ученые отмечают, что ввиду того, что сама сфера преступного и непроступного определяется волей законодателя, «понятие «личность преступника» должно рассматриваться в пространственном и временном контексте соответствующего уголовного закона»². Безусловно, в таком понимании есть своя логика, но в этом случае мы должны будем признать существование жесткой зависимости исследования личности преступника от воли законодателя, а это не так.

Как представляется, категория «личность преступника» является некоей юридической (или криминологической) фикцией, устоявшейся дефиницией, позволяющей обособить и изучить те или иные свойства личности, которые чаще всего приводят к совершению преступлений³. Использование законодателем в ч. 3 ст. 60 УК РФ при перечислении ориентиров для назначения наказания понятия

¹Рыбак А.З. Указ. соч. С. 30.

²Марданов А.Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс. 2014. С. 13. На аналогичный парадокс обращает внимание в своих работах и Я.И. Гишинский. См. Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 91.

³Не видим ничего плохого, в том, чтобы использовать устоявшиеся конструкции. Однако в научной литературе есть и другое мнение. Так, проф. Д.А.Шестаков отмечает, что «терминологически правильнее говорить не о личности преступника, а о личности преступной или предрасположенной к совершению преступления». См. Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 223-224. Бурлаков В.Н. предлагает вместо понятия личности преступника использовать термин «криминогенная личность». См. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. СПб., 1998. С. 21. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 1998. С. 7. Кургузкина Е.Б. в своем диссертационном исследовании акцентирует внимание на использовании «привычного криминологического понятия» личности преступника. См. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2003. С. 29.

«личность виновного» также ориентирует исследователя на предпочтительность употребления именно такого термина.

Упомянув о криминологическом исследовании личности преступника, А.И. Долгова акцентирует внимание на субъектно-целевом подходе и указывает на то, что «в рамках собственно криминологического изучения недостижимо исчерпывающее изучение личности... криминология изучает личность как «социальное лицо» лишь такого человека, который преступил уголовно-правовой запрет и прирожденные особенности которого, обстоятельства его социального становления допускали нормальную социализацию личности, жестко не определяли ее поведение вне рамок закона»¹. Данное утверждение представляется верным с позиций познания тех причин и условий, которые привели лицо к совершению преступления, но с позиций выработки стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации не следует отказываться от попыток познать личность и выделить типичное, что привело к совершению преступления, а также приветствовать конвергентность исследований в данной сфере.

Что касается временного и пространственного критерия существования категории личности преступника в контексте ресоциализации, то следует отметить, что будет явно неточным ограничение такого исследования временем совершения преступления.

Такой узкий подход ничего не даст для понимания причин и условий, побудивших и способствовавших совершению преступления, как и не откроет возможностей оценить все факторы ресоциализации и адекватно применить меры ресоциализирующего воздействия. Важным здесь представляется исследование не только особенностей личности преступника после совершения преступления², но всего предшествующего периода до наступления социализированности или асоциализации.

¹Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М., 2018. С. 6.

²Нам представляется, что совершение преступления является катализатором появления категории «личность преступника». Вне связи с совершением преступления нет никакого практического смысла говорить о личности преступника и исследовать ее особенности и механизм преступного поведения. В то время как совершение преступления «сигнализирует» о необходимости начала такого процесса.

Немаловажное значение для определения стратегий ресоциализирующего воздействия имеет изучение особенностей формирования личности преступника, что дает возможность исследователям предлагать различные варианты ресоциализирующего воздействия: от полной изоляции и даже ликвидации человека до воздействия на внешние по отношению к человеку условия окружающей среды.

К настоящему времени можно с определенной долей условности говорить об оформлении трех направлений, аккумулирующих научные воззрения о путях формирования личности преступника: *антропологическое, социологическое и социобиологическое*. В наиболее концентрированном виде антропологический подход, то есть, идеи «врожденности преступных свойств» удалось синтезировать и развить известному итальянскому исследователю Ч. Ломброзо, согласно теории которого преступник является скорее человеком больным, чем виновным. Отсюда вытекала невозможность исправления преступника, а только его пожизненная изоляция¹. Поиски «гена преступности» привели немецкого психиатра Штумпфля к выводам о практической целесообразности широкого применения в целях предупреждения преступности медицинских методов (кастрация и стерилизация) и пожизненной изоляции². Представители социологического направления объясняли преступное поведение человека причинами социальными, точнее, наличием социальных противоречий³.

¹В дальнейшем идеи антропологического направления развили последователи Ч. Ломброзо, предложив концепцию умственной отсталости преступников (Дагдейл, Годдард), концепцию конституционной предрасположенности к преступлению (Шлапп, Хуттон, Шелдон, супруги Глюк), концепцию генетической обусловленности преступного поведения (Ланге, Легра, Штумпфль), концепцию опасного состояния преступника (Ферри, Гарофало). Во многом антропологические идеи были восприняты учением З. Фрейда. См. об этом: Катаев Н.А. Размышления о доминантах формирования преступного поведения и проблемах ресоциализации личности // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. Рязань, 1994. С. 50.

²Результаты генетических исследований, как отмечает С.М. Иншаков, побудили конгресс США принять закон о сексуальных психопатах. В соответствии с этим законом для преступников, у которых выявлена генетическая предрасположенность к сексуальной агрессии, устанавливалось тюремное заключение на неопределенной основе. Иншаков С.М. Зарубежная криминология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 125.

³Последователями социологических идей являлись Кетле, Тард, Дюркгейм. К социологическому направлению можно отнести концепцию аномии (Мертон), теорию конфликта культур (Селлин, Коэн), теорию стигмы (Танненбаум). К числу социобиологических теорий можно причислить социобиологическую теорию деструктивности (Фромм).

Несмотря на обилие взглядов, ни одной из представленных теорий так и не удалось в полной мере объяснить причины совершения преступлений особенностями личности преступника. Казавшиеся перспективными популярные в относительно недавнем прошлом изыскания, в основу которых был положен примат социальных свойств личности (что позволяло делать далеко идущие выводы о полной деградации преступности и возможности «пожать руку последнему преступнику»), не подтвердили своей реалистичности¹. Хотя, как представляется, данный подход в максимальной степени близок к реализации ресоциализационных практик.

Современная российская доктрина, как и советская криминологическая наука, признает многополярность подходов и точек зрения на вопрос о формировании личности преступника, все более ориентируясь на признание взаимовлияния биологических и социальных факторов. Так, уместным будет процитировать Н.А. Катаева, который в своей работе пишет следующее: «Вряд ли можно категорично отвергать биологические предпосылки, на основе которых формируется социальная информация, превращаясь постепенно в черты характера, в мировоззрение, в отношение к человеческим ценностям, то есть во всё то, что создает личность»². Такой подход с позиций ресоциализации личности представляется вполне оптимальным.

Вызывает научные дискуссии и само понятие личности преступника, то есть тот объем, который вкладывается в данную дефиницию. Попытки сгруппировать имеющиеся в доктрине воззрения позволяют выделить три подхода, разграниченные между собой в зависимости от расставленных авторами акцентов. Первый подход определяет личность преступника как личность человека, совершившего преступление³. Приверженцы второго подхода под личностью

¹Советская криминология исходила из приоритета социальных свойств личности преступника. Отсюда идея реальной возможности полного искоренения преступности путем улучшения социально-экономических условий жизни общества. См. об этом: См.: Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 85; Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 200-202; Ной И.С. О возможностях использования генетики в криминологии // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сб. науч. тр. М., 1979. С. 165-170.

²См.: Катаев, Н.А. Указ. соч. С. 50–51.

³Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 12; Алауханов Е.О. Криминология: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. С.75.

преступника понимают совокупность его социальных свойств, связей, отношений, влияющих в сочетании с внешними условиями на преступное поведение¹. Сторонники третьего подхода акцентируют внимание на специфических чертах личности преступника, отличных от присущих законопослушному индивиду².

Полагаем, что указанные подходы, в принципе, не находятся друг с другом в противоречии, указывают на наличие особенностей, которые являются предметом исследования. Личность преступника представляет собой результат сложного взаимодействия психофизиологических свойств индивида и социальных условий микро- и макросреды, в которой эта личность формируется³.

Личность преступника индивидуальна, в этой связи, безусловно, правы те, кто указывает на невозможность использования одинаковых критериев оценки поведения профессиональных преступников и лиц, впервые совершивших преступления, неосторожных преступников⁴. Кроме того, характеристики лиц, совершающих отдельные виды преступлений, также имеют свои особенности, что необходимо учесть в процессе ресоциализации⁵. Однако полагаем, что для целей нашего исследования самостоятельную ценность представляет выявление обобщенных структурированных свойств личности преступника, аспекты их взаимодействия и дифференциации.

Личность преступника представляет собой целостное структурированное образование, все составные части которого находятся во взаимодействии и проявляются в поведении индивида. Именно личность формируется в процессе социализации в результате преломления внутренних психофизиологических

¹Алексеев А.И. Криминология. М., 2000. С. 82

²Иншаков С.М. Криминология. М., 2000. С.40.

³О взаимосвязи физиологического (генетического) и социального в поведении человека см, например, Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 14; Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. М., 1982. С. 28.

⁴Марданов А.Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. С. 12.

⁵См., например, Минкина Н. Характеристика личности взяточполучателя // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 57-58; Яковлев А. Социально-психологические детерминанты личности неосторожного преступника // Уголовное право. 2003. № 2. С. 110-112; Елеськин М.В. Уголовно-правовая и пенитенциарная характеристика личности лидеров преступной среды // Следователь. 2000. № 9. С. 25-27; Кузнецов А.Г., Иванов Л.Н., Волков А.С. Роль всестороннего изучения личности преступника и криминалистическая характеристика группового киднеппинга // Право и политика. 2001. № 10. С. 52-61. Марданов А.Б. Указ. соч. - 184 с.; Мацкевич И.М. Криминологический портрет наемного убийцы // Прокурорская и следственная практика. 2003. № 1-2. С. 139-150.

свойств под воздействием внешних факторов социальной среды. Таким образом, как личность воздействует на среду, так и среда воздействует на личность.

Совершение преступления является показателем десоциализации личности, свидетельствует о наличии дефектов социализации и необходимости ресоциализации. Е.Г. Багреева высказывает схожую точку зрения, акцентируя внимание на факте преступления как результате психологической, морально-нравственной, социокультурной, правовой дезадаптации и протеста личности против социальной среды, идентификации с общепринятыми нормами¹. В процессе ресоциализации именно личность преступника является объектом сначала исследования в целях выявления причин десоциализации, а затем объектом ресоциализирующего воздействия. В этой связи обратим внимание на отдельные составляющие личности преступника (ее структуру).

В целом в юридической науке сформировался единый взгляд на структуру личности, однако нет единства мнений относительно составляющих ее элементов². Можно говорить о существовании двух подходов: сторонники первого перечисляют элементы структуры личности и придают им равное значение³. Другие исследователи предлагают выделять системообразующие признаки, определяющие поведение человека⁴. Можно встретить среди ученых мнение о том, что предмет изучения (то есть структура личности) должен быть более обобщен⁵.

¹Багреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2003. С. 39.

²Так, например, В.Е. Эминов определяет структуру личности как условное разделение свойств и отношений, характеризующих абстрактного преступника, на демографические, социально-ролевые, правовые, психологические, физиологические и иные значимые с криминологической точки зрения однородные группы свойств и отношений; совокупность черт и психологических свойств личности преступника. Криминология / под ред. В.Е. Эминова. М.: ИНФРА-М, 1997. С.89.

³Так, например, Волков Б.С. определяет структуру личности через единство трех составляющих: 1) личностная установка (жизненная программа поведения); 2) система влечений, потребностей и интересов; 3) характер и особенности воли. См.: Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. С. 32.

⁴Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М. 1996. С. 11.

⁵Так, А.И. Долгова указывает на следующую классификацию признаков: субъективные: социальные позиции и роли, деятельность личности; и объективные: потребностно-мотивационная сфера, ценностно-нормативная характеристика сознания. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И.Долговой. М.: Изд-во НОРМА, 2005. С. 281.

Как представляется, каждая личность целостна и индивидуальна, следовательно, и воздействие должно быть индивидуальным, однако осуществлять его следует в определенной системе координат в соответствии с некими базовыми направлениями. В целях конкретизации таких направлений можно воспользоваться предлагаемыми наукой воззрениями о структуре личности, выбрав среди предлагаемых оптимальное в интересах нашего исследования.

Анализ предлагаемого доктриной для изучения особенностей личности преступника инструментария, позволяет сделать вывод о необходимости поиска «золотой середины», то есть выявления такого набора составляющих структуру личности признаков, изучение которых имело бы практическое значение, позволило бы направлять и корректировать процесс ресоциализации.

В настоящее время практически общепризнанным является представление о том, что структуру личности составляют две подсистемы: психологическая и социальная¹. В течение длительного времени рассуждения криминологов строятся вокруг выявления точек соприкосновения, соотношения биологического и социального в поведении людей². Полагаем, что именно в этой плоскости и должны быть выдержаны исследования личности преступника, позволяющие выявить ресоциализационный потенциал противопреступной деятельности.

К признакам, объединенным в социальную подсистему структуры личности преступника, традиционно относятся социально-демографические³ и социально-ролевые⁴. Целесообразным представляется приобщить к социальной подсистеме также и признаки уголовно-правовые⁵. В психологическую подсистему включим

¹См.: Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 13-14.

²Чернышова Н.Д. Социальные и биологические факторы, влияющие на формирование преступного поведения // Наука и мир. 2018. № 3 (55). С. 45-48.

³Под социально-демографическими признаками предлагаем понимать достаточно традиционно данные о поле, возрасте, образовании, социальном положении, роде занятий, семейном положении и т.д.

⁴К социально-ролевым отнесем демонстрирующие социальные роли и место в социальной стратификации признаки.

⁵К уголовно-правовым признакам отнесем количество и характер совершенных преступлений, их субъективно-объективные характеристики, данные о судимостях и т.д.

потребностно-мотивационную¹ и ценностно-нормативную² сферу сознания личности³. Каждый из этих признаков в той или иной степени играет свою роль в формировании индивидуального преступного поведения, свидетельствующего о десоциализации. И каждый из этих признаков в той или иной степени играет роль в восстановлении социального статуса (ресоциализации). Безусловно, биологические признаки человека, к которым, прежде всего, отнесем состояние здоровья, имеют существенное значение для ресоциализации, однако не определяют ее специфику. Биологические признаки человека, вне зависимости от его социального статуса, учитываются, прежде всего, в программах медицинского сопровождения и реабилитации.

Изучить и выявить признаки личности с целью коррекционного воздействия невозможно, не владея соответствующими компетенциями, не имея в своем распоряжении годного инструментария. Логично предположить, что признаки социальной подсистемы можно выявить, владея криминологической (или социологической) подготовкой, а признаки психологической подсистемы следует анализировать психологам, хотя значимость участия в таких исследованиях криминологов также не следует приуменьшать.

Конституирующим (формирующим) свойством личности преступника специалисты зачастую обозначают общественную опасность, которая заключается в реальной угрозе совершения нового преступления, порождаемой антисоциальным отношением лица к другим лицам, общественным организациям или государству, а также способствующими ему общественными отношениями, входящими в содержание его личности⁴. Профессор П.С. Дагель в своих работах

¹К потребностно-мотивационной сфере отнесем жизненные ожидания и стремления, мотивация, потребности.

²К ценностно-нормативной сфере отнесем взгляды, убеждения, оценки, ценностные ориентации, особенности интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств.

³ А.И. Долгова в своей работе указывает на наиболее распространенный подход в криминологии, согласно которому выделяют 6 групп признаков: 1) социально-демографические; 2) уголовно-правовые; 3) социальные связи; 4) нравственные свойства; 5) психологические признаки; 6) физические (биологические) характеристики. См. об этом Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М., 2018. С. 10.

⁴См. об этом: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 34.

указывал на общественную опасность как на отличительное свойство личности преступника¹.

В качестве критерия (показателя) общественной опасности некоторые исследователи называют сам факт совершения преступления². Полагаем, что это не совсем верно. Такое представление чрезмерно сужает исследовательский потенциал категории «общественная опасность», которую в буквальном смысле следует понимать, как «опасность для общества». На наш взгляд, преступник (лицо совершившее преступление) всегда опасен для общества³, но следует признать и существование опасности для общества лиц, еще не совершивших преступления⁴.

Категория общественной опасности имеет отношение как к самому преступлению (деянию)⁵, так и к личности преступника. В этой связи встает вопрос о возможности и целесообразности распространения положений об общественной опасности на личность преступника: ведь опасно само преступление⁶. Перенесение акцента на личность преступника может привести к губительной практике стигматизации, что не способствует ресоциализации, скорее, наоборот. Проявлением такого подхода, на наш взгляд, явилось

¹См., например, Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 27.

²Некоторые авторы отмечают, что сам феномен личности преступника в наиболее полном виде существует лишь в момент совершения преступления. См., например, Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. М., 1975. С. 21.

³ Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что преступление обладает повышенной опасностью, именно этот признак положен в основу криминализации деяний. Хотя в научных исследованиях и приводятся достаточно убедительные доводы относительно некоей «политизированности» криминализации. В этой связи внесение в УК РФ, не обладающих значительной общественной опасностью составов преступлений по политическим соображениям. Например, на это указывает в своем исследовании Радошнова Н.А. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 8-9. Однако, как представляется, признание того, что преступление может не обладать общественной опасностью, противоречило бы основным принципам уголовного права, нарушало логику отраслевого разграничения.

⁴Общественная опасность личности, складывающаяся до совершения преступления, обнаруживается в особенностях допреступного поведения, что и обеспечивает возможность предупредительного воздействия. См. об этом: Миненок, М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 64.

⁵Анализируя понятие личности преступника В.А. Номоконов справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на связанность понятия личности преступника не с процессуальными моментами, а именно с самим фактом совершения деяния, обладающего признаками преступления. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под редакцией профессора А.И. Долговой. М., 2018. С. 24.

⁶В научной литературе получила достаточное распространение и теория опасного состояния личности. См. об этом, например, Иванов А.К. Вопросы опасного состояния рецидивной личности преступника // Вестник Саратовской Государственной Академии права. 1998. № 4 (15). С. 28.

закрепление в УК РСФСР категории опасного рецидивиста и всестороннем изучении опасности данной личности¹.

В настоящее время УК РФ, хотя и не содержит определения рецидивиста (повторного преступника, ранее судимого и т. д.), но в некоторых составах предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение преступления «лицом, имеющим судимость за ранее совершенные преступления».²

Полагаем, что данный законодательный шаг свидетельствует о попытке перенести акценты с деяния на деятеля, и мерами уголовной репрессии повлиять на длительность сроков изоляции таких преступников. Обозначенный подход представляется малоэффективным, не способствующим ресоциализации, о чем, как представляется, свидетельствуют и данные судебной статистики. Например, проведенный анализ данных официальной информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что после дополнения ст. 134, 135 УК РФ квалифицирующим признаком «лицом, имеющим судимость за ранее совершенные преступления...» был зафиксирован прирост числа осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в 2012 г. было зарегистрировано 7598 осужденных³, в 2013 г. – 7081; в 2014 г. – 6026; в 2015 г. – 5627; в 2016 г. – 6126; в 2017 г. – 7273; в 2018 г. – 7575; в 2019 г. – 7510; в 2020 г. – 5911, в 2021 г. – 7057, в 2022 г. – 4064 осужденных⁴. Относительно небольшое снижение в 2020 г. можно объяснить «пандемическим» воздействием на статистику. В тоже время 2021 г. продолжил выявленную тенденцию к росту.

Более эффективным, на наш взгляд, стало бы не реформирование действующего уголовного законодательства путем включения норм, противоречащих первоначальной логике самого уголовного закона, а

¹Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву. М., 1974. С. 36.

²Такой квалифицирующий признак предусмотрен, например, ч. 6 ст. 134 УК, ч. 5 ст. 135 УК РФ.

³Несмотря на намечившееся было вначале снижение, начиная с 2016 года, количество таких преступлений растет.

⁴Данные взяты из официальной статистики, представленной на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

использование потенциала криминологической политики, прежде всего, предупреждения и профилактики, в широком смысле противодействия преступности. Обособление фигуры профессионального преступника, криминогенной личности, повторного преступника (рецидивиста) полагаем оправданным именно в криминологическом плане в целях изучения особенностей личности, типологизации и выработки мер предупредительного воздействия.

Типологизация личности преступника представляется необходимой в целях нашего исследования для проверки научной гипотезы о противопреступной социализации (ресоциализации) как методологии противопреступного воздействия, оценки эффективности реализации модели противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества. Как уже давно справедливо отмечается в научных исследованиях, основанные на знании типичного в поведении людей методологические конструкции позволяют повышать эффективность противопреступной деятельности¹.

О выделении отдельных типов преступников по различным классификационным основаниям специалисты задумались уже достаточно давно. В 1897 г. Гейдельбергский съезд Международного союза криминалистов принял следующую классификацию преступников: а) преступники случайные, эпизодические; б) преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления; в) преступники упорные и профессиональные².

В криминологической доктрине к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт типологизаций по самым различным основаниям и в различных целях³. Однако нас интересуют типологизации, пригодные для целей

¹По мнению К.Е. Игошева знание типичного в преступнике позволяет постоянно совершенствовать систему социального контроля, повышать эффективность предупредительных мер, улучшать профилактическую и воспитательную работу. См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного. Горький, 1974. С. 11.

²Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Бондарь А.Я. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 133. См. об этом также Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 23.

³О различных типологиях личности преступника достаточно подробно изложено в следующей работе: Корецкий С.В., Петьков В.А. Критерии разграничения типологии личности преступников // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 1. С. 48-58.

выявления возможностей (или потенциала) применения ресоциализирующих мер и методов воздействия.

Проведенное исследование позволило нам сгруппировать представляющие интерес типологизации в зависимости от избранного для этого основания и отметить индикаторы ресоциализации, то есть, что именно позволяет установить та или иная типологизация для целей ресоциализации (таблица 1). В таблицу вошли не все имеющиеся в криминологии типологизации, а только те, которые, как видится, представляют интерес с позиций их возможного использования для аргументации практического применения модели противопреступной деятельности в условиях постиндустриального (информационного) общества, реализуемой в рамках теории противопреступной социализации (ресоциализации), вычленения индикаторов ресоциализации и на их основе построения авторской типологизации личности в целях определения возможности реального практического применения теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Таблица 1

Основание типологизации	Типы личности преступника	Индикаторы ресоциализации
психологические признаки (В.М. Бехтерев)	1) преступники по страсти – порывистые, импульсивные; 2) преступники с недостатками чувственной, нравственной сферы, которые совершают преступление умышленно, хладнокровно; преступники с нарушениями интеллекта; 3) преступники, имеющих слабую силу воли, ленивые, склонные к употреблению алкогольных напитков ¹ .	врожденные психологические свойства, определяющие способность в той или иной степени воспринимать психологическое воздействие.
мотивационно-потребностная сфера (К.К. Платонов)	1) наиболее отягощенный тип с внутренним стремлением к совершению повторных преступлений; 2) способные совершить преступления под влиянием	Сформированные в ходе жизненного пути потребности, предопределяющие выбор ресоциализационного воздействия

¹Бехтерев В.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. СПб.: тип. т-ва В. Андерсона и Г. Лойцянского, 1912. – 61 с. Цит. по Корецкий С.В., Петьков В.А. Критерии разграничения типологии личности преступников // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 1. С. 48-58.

	сложившихся обстоятельств; 3) случайные преступники; 4) уровень правосознания высокий по отношению к содеянному, но пассивное отношение к правонарушениям других; 5) уровень правосознания высокий, противодействует правонарушениям других ¹ .	
наличие/отсутствие антисоциальной установки (М.И. Еникеев)	1) асоциальный (менее злостный); 2) антисоциальный (злостный); 3) случайный (тип личности преступника, характеризующийся дефектами психической саморегуляции) ² .	частично сформированное или не сформированное в результате социализации отношение к одобряемым в обществе ценностям, определяющее пределы и объем ресоциализирующего воздействия.
степень криминальной зараженности (А.Г. Ковалев)	1) глобальный преступный тип, который характеризуется полной преступной зараженностью; 2) парциальный преступный тип, который отличается частичной криминальной зараженностью; 3) предкриминальный тип обладает такими морально-психологическими свойствами, которые в определенной ситуации неизбежно приведут к совершению преступления ³ .	степень криминогенной десоциализации (полная, частичная), определяющая пределы и объем ресоциализирующего воздействия.
мотивы преступного поведения (Н.С. Лейкина)	1) особо опасные государственные преступления; 2) умышленные насильственные преступления; 3) корыстные преступления; 4) нарушители общественного порядка, не считающие для себя обязательными выработанные нормы поведения, правила общежития; 5) лица, совершающие неосторожные преступления ⁴ .	области реализации потенциала преступной личности, определяющие направления ресоциализационного воздействия.
степень общественной опасности (А.И. Алексеев)	1) последовательно-криминогенный тип; 2) ситуативно-криминальный тип; 3) ситуативный тип; 4) случайный тип ¹	устойчивость криминогенной десоциализации, определяющая качество ресоциализационных мер.

¹Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. – 254 с.

²См.: Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. М.: Юрист, 1996. - С. 302; Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1997. С. 21; Антонян Ю.М. Об «асоциальном» типе преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сб. науч. тр. М., 1979. С. 60-65.

³Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., 1968. С. 49-51

⁴Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1969. С. 7-34.

динамические закономерности поведения (А.И. Долгова)	1) тип криминогенной личности с тремя подтипами (последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный); 2) тип случайного преступника ² .	характер ведущей стороны взаимодействия ситуации и личности
степень социализации (Л. Хевит, Р. Дженкинс)	1) несоциализированные, агрессивные; 2) социализированные – продукт делинквентной субкультуры; 3) подавленные невротики (внутриличностные конфликты и подавление со стороны родителей) ³	определяющая наличие или отсутствие социализированности степень социализации
характеристика бессознательного (Д.Сандфорд)	1) десоциальные с инфантильным «супер-эго»; 2) десоциальные со слабым «эго» ⁴	степень социализации, обусловленная врожденными психологическими свойствами, позволяющая определить возможности психологического воздействия

В наибольшей степени, отвечающей задачам исследования, представляется типологизация, предложенная американскими учеными Л. Хевитом и Р.Дженкинсом, однако, было бы неверным использовать в данном случае только одно основание для типологизации – степень социализации.

На основе анализа представленных в доктрине типологий личности, полагаем, что ничто из проанализированного не может быть использовано в целях проверки практической реализации модели противопреступной деятельности в контексте ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества, так как не имеет под собой необходимого основания для типологизации и не позволяет вычлнить критерии ресоциализации.

Как представляется, в основу типологии личности в целях определения возможности реального применения теории противопреступной социализации (ресоциализации) может быть положено несколько оснований, к числу которых

¹См.: Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1998. С. 106-109; Чукмаитов Д.С. Влияние первого преступления на последующую противоправную деятельность рецидивистов. М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. С. 27.

²Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М., 2018. С. 11, 16.

³Hewitt L. E., Jenkins R. L. Fundamental Patterns of Maladjustment: The Dynamics of Their Origin. Springfield, 1946. P. 23–41. Цит. по Корецкий С.В., Петьков В.А. Критерии разграничения типологии личности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 1. С. 58.

⁴Neuropsychological and Personality Characteristics of Predatory, Irritable, and Nonviolent Offenders: Support for a Typology of Criminal Human Aggression Criminal Justice and Behavior. June 2010. P. 633 - 655. Цит. по Корецкий С.В., Петьков В.А. Указ. соч. С. 48-58.

следует отнести характер и степень социализации, степень общественной опасности личности, психологические признаки и особенности потребностно-мотивационной сферы. Схожий подход был использован А.И. Долговой, которая указывала на необходимость использования нескольких основных характеристик: социальные позиции и роли, а также потребностно-мотивационную сферу¹. Однако, как представляется, предложенная профессором А.И. Долговой типология, учитывая цели типологизации, имеет до некоторой степени статический характер, не акцентируя внимание на ресоциализационном потенциале различных типов личности.

Следует отметить, что в законодательстве и в научной доктрине уже предпринимались попытки классификаций в целях определения возможности ресоциализации преступников, что привело, как отмечает В.И. Селиверстов, к разделению осужденных на способных к ресоциализации и не способных к ней². Полагаем, что такой подход не способствует выработке адекватной стратегии противодействия преступности, а заводит человечество в тупик, причем, в такой, с которым мы все уже были.

Как представляется, нет не способных к ресоциализации индивидов (так как процессы социализации-ресоциализации являются неотъемлемой частью жизни человека, происходят постоянно, о чем обстоятельно было изложено в главе 1 настоящего исследования), есть не нуждающиеся в содействии этому процессу лица или нуждающиеся, в той или иной степени. Но ни в коей мере нельзя говорить о том, что применение ресоциализирующих практик невозможно по отношению к какой-то категории лиц. Пусть даже эти лица и демонстрируют полную несостоятельность применения стандартных ресоциализаторских мероприятий в силу, например, психических особенностей или иного болезненного состояния здоровья. В отношении таких лиц следует применять индивидуальное ресоциализирующее воздействие, нестандартные ресоциализирующие практики. Иначе в противном

¹Долгова А.И. Указ. соч. С. 11.

²Селиверстов В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 31.

случае, мы рискуем стать на сторону идей и концепций, очень схожих с теориями и моделями национал-социализма и даже неофашизма, пропагандирующими идеи расового и иного личностного превосходства.

Иными словами, в рамках теории противопреступной социализации (ресоциализации) типологизация/классификация личности необходима в целях индивидуализации ресоциализационного воздействия.

Итак, с учетом избранных для типологизации оснований в контексте ресоциализации, основываясь на личных наблюдениях диссертанта и выводах, полученных в ходе анкетирования и интервьюирования осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях и освобожденных от отбывания наказания, можно предложить следующие типологии личности преступника:

- *Асоциализированный агрессивный (антисоциальный) тип* - наиболее криминально заражен. Как правило, такие лица имеют несколько судимостей, противопоставляют свои интересы интересам общества. Типичны недостатки в чувственной, нравственной сфере, хладнокровность при совершении преступления. Зачастую занимают высшие позиции в преступной иерархии. Проявляют склонность к совершению преступлений, сами провоцируют криминогенную ситуацию. Ресоциализация таких лиц требует использования методов ограничения и изоляции.

- *Десоциализированный опасный тип* – степень криминальной зараженности значительна, но она, скорее потенциальна. Для таких преступников характерно совершение преступлений под влиянием внешних обстоятельств. Характерны психические расстройства, заниженная самооценка. Среди представителей данного типа чаще всего встречаются лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотиками, ведущие паразитической образ жизни (занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством). Ресоциализация таких лиц требует применения методов контроля, трудового и (или) медицинского воздействия, помощи и поддержки.

- *Дефектно социализированный (ситуативный) тип* – степень криминальной зараженности таких лиц незначительна. Дефекты социализации обусловлены, зачастую, недостатками воспитания, правосознания и правовой культуры, ослабленными внутренними «самоограничителями». Преступления

совершаются в зависимости от сложившейся ситуации, которая формируется объективно, не зависимо от данного лица. Ресоциализация в данном случае осуществляется с применением методов контроля и воздействия.

- *Дефектно социализированный (случайный) тип* – степень криминальной зараженности также как и в предыдущем типе, незначительна. Преступления совершаются, зачастую, в группе, под влиянием более опытных товарищей. Опасность данного типа состоит в подверженности негативному влиянию. Представители этого типа слабовольны, обладают предкриминальными морально-психологическими качествами, имеют дефекты психорегуляции. Ресоциализация требует применения мер контроля, помощи и поддержки, поощрения.

- *Несоциализированный делинквентный тип* – Такой тип личности характерен для несовершеннолетних преступников, большинство из которых не достигли социализированности, а находятся на том или ином этапе социализации. Совершение преступления свидетельствует о том, что достигнутая степень социализации является дефектной и нуждается в корректировке. Противопреступная социализация (ресоциализация) таких лиц должна ориентироваться на методы воспитания, контроля, трудового и психологического воздействия.

В научной литературе уже обсуждался тезис о том, можно ли выделить социализированный тип преступника¹. Полагаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно и согласиться с тезисом о том, что «преступление – всегда является следствием дефектов социализации». Совершение преступления следует рассматривать как десоциализирующий фактор, который усугубляет уже имеющиеся дефекты социализации.

Проведенное нами исследование (анкетирование и интервьюирование) осужденных, содержащихся в ФКУ ИК № 6, № 5 ГУФСИН по СПб и ЛО, ФКУ ИК № 40 ГУФСИН по Кемеровской области, подтвержденное экспертными оценками работников психологической службы данных исправительных

¹См. об этом. Потемкин В.С. Социологический подход к изучению лиц, освобожденных их мест лишения свободы // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности: тр. по криминологии. Тарту, 1985. С. 129.

учреждений, позволило выявить процентное соотношение преступников того или иного типа, содержащихся в данных учреждениях.

Так, к асоциализированному агрессивному типу можно отнести 35,4 % изученных лиц (основная масса таковых содержится в ИК-3). Опрошенные нами эксперты (сотрудники данных ИУ) отмечают значительную криминальную зараженность представителей указанной группы, их склонность к вовлечению в свою среду других осужденных, агрессивность, ненависть к сотрудникам исправительного учреждения.

К десоциализированному опасному типу могут быть отнесены 43,5% опрошенных лиц. Сотрудники ИУ указывали на сложности работы с такой категорией осужденных, обусловленные некоторым безразличием к своей судьбе, правовым и бытовым нигилизмом, избирательностью в одобрении тех или иных социальных ценностей, склонностью к манипуляциям.

К категории дефектно социализированных (ситуативных) преступников можно отнести 13,3% опрошенных осужденных, в основном, содержащихся в ИК-6. В подавляющем большинстве это были впервые осужденные, испытывающие максимальные фрустрации от нахождения в местах лишения свободы, желающие быстрее отбыть срок. По мнению сотрудников, такие осужденные неустойчивы психологически, подвержены влиянию со стороны более «авторитетных» осужденных, нуждаются во внимании со стороны руководства исправительного учреждения.

Дефектно социализированными (случайными) преступниками оказались 7,8% опрошенных, которые также содержались в основном в ИК-6. Сотрудники отмечали, что такие лица склонны к самооправданию, расценивают свое пребывание в исправительном учреждении как неожиданное стечение обстоятельств, склонны к жалобам на условия содержания.

Несоциализированных делинквентов в результате опроса осужденных в указанных исправительных учреждениях не было выявлено ввиду специфики режима и вида колонии. Такой тип осужденных следует искать в воспитательных колониях.

Таким образом, проведенное исследование теоретических конструкций о личности вообще, о личности преступника, в частности, имеющих значение для построения модели противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества в контексте теории противопреступной социализации (ресоциализации) позволяет сделать следующие выводы:

1. Личность преступника представляет собой целостное структурированное образование, все составные части которого находятся во взаимодействии и проявляются в поведении индивида. Личность формируется в процессе социализации в результате преломления внутренних психофизиологических свойств под воздействием внешних факторов социальной среды. Таким образом, как личность воздействует на среду, так и среда воздействует на личность.

2. Совершение преступления является показателем десоциализации личности, свидетельствует о наличии дефектов социализации и необходимости ресоциализации. В процессе ресоциализации именно личность преступника является объектом сначала исследования в целях выявления проблем социализации, затем объектом ресоциализирующего воздействия.

3. На основе изучения имеющихся в научной литературе типологий личности преступника, а также проведенного эмпирического исследования была предложена авторская типологизация в целях выявления особенностей и типичных признаков для разработки стратегии противопреступного воздействия, выбора применимых методов ресоциализации. Установлено, что в основу типологии личности в обозначенных целях может быть положено несколько оснований, к числу которых следует отнести характер и степень социализации, степень общественной опасности личности, психологические признаки и особенности потребностно-мотивационной сферы.

4. На основе изученных типологий в целях выявления возможностей применения ресоциализирующих мер и методов воздействия предложена авторская типология личности преступника, включающая следующие типы личности: асоциализированный агрессивный (антисоциальный) тип, десоциализированный опасный тип, дефектно социализированный (ситуативный) тип, дефектно социализированный (случайный), несоциализированный делинквентный тип.

2.2. Социально-демографическая характеристика личности осужденного как объект ресоциализирующего воздействия

Предваряя исследование социально-демографических признаков личности преступника в контексте ресоциализации, необходимо определиться с используемой терминологией: что именно нас интересует: личность преступника или личность осужденного. Различия между данными понятиями применительно к целям нашего исследования не видятся существенными¹, однако, учитывая специфику изученного контингента, предпочтительным будет использовать термин «личность осужденного»².

Социально-демографические и иные признаки осужденного, демонстрирующие социальные роли и место в социальной стратификации, относятся к группе социальных признаков структуры личности преступника. Отнесем к данной категории в целях нашего исследования также и признаки уголовно-правовые (количество и характер совершенных преступлений, их мотивы, данные о групповом характере, предшествующей судимости и т.д.).

Исследуя социально-демографические ресурсы осужденных сквозь призму выявления ресоциализационного потенциала, Т.В. Темаев ограничивает их только возрастом и гендером (полом)³, как наиболее показательными характеристиками. Полагаем, что в целях нашего диссертационного исследования излишне вычленять из группы социально-демографических признаков какие-то отдельные, необходимо изучить весь комплекс вышеуказанной группы свойств в целях

¹Понятие «личность преступника» является более широким, используется в целях вычленения специфических свойств, предопределяющих с той или иной степенью неизбежности совершение лицом преступления. Категория «личности осужденного» необходима для обособления специфической группы лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда.

²Следует согласиться с мнением О.В. Старкова о том, что в структуре личности осужденного выделяется блок уголовно-исполнительный, то есть, характеристика осужденного в зависимости от его восприимчивости к ресоциализации, исправлению. Именно этот аспект нас и интересует. Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. С. 221.

³Темаев Т.В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: дис. ... д-ра. соц. наук. Саратов, 2017. С. 122.

получения общего представления об объекте ресоциализации и уточнения ресоциализационного потенциала группы социально-демографических признаков, что позволит сформировать общий концепт стратегии противопреступной социализации (ресоциализации).

Проведенный нами анализ эволюции социально-демографических признаков осужденных лиц в двадцатилетней динамике, за период с 2000 по 2020 гг., позволил выявить основные изменения, на их основе составить перспективный прогноз, имеющий значение для формирования общей стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации¹.

За период с 2000 года по 2021 год абсолютное число зарегистрированных преступлений показывает нестабильную динамику: рост с 2002 по 2006 гг. и снижение с 2007 г. по настоящее время. В то время как динамика рецидивных преступлений (криминологический рецидив), оставаясь относительно стабильной, свидетельствует о незначительном изменении показателей, демонстрирующих тенденцию к росту (диаграмма 1).

Диаграмма 1²

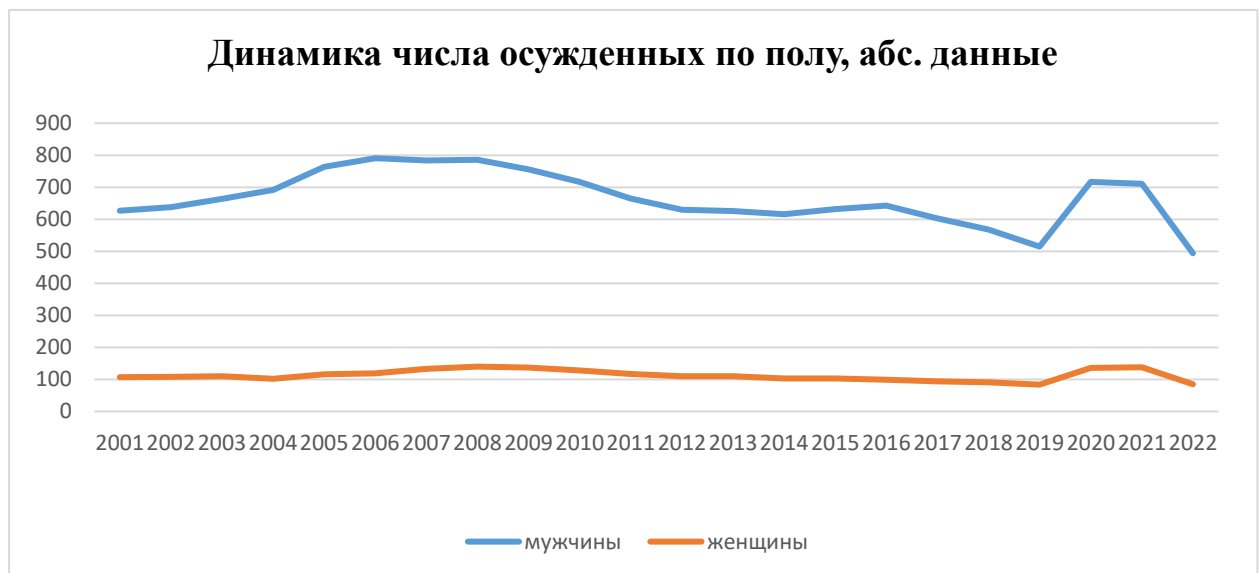
¹Эмпирическую базу исследования составили материалы анкетного опроса, интервьюирования ранее судимых осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях Приморского края, Санкт-Петербурга (всего 637 человек), экспертной оценки сотрудников исправительных учреждений Приморского края, Санкт-Петербурга (всего 200 человек), изучение личных дел осужденных, беседы с начальниками отрядов, сотрудниками психологической службы исправительных учреждений, проведенные в период с 2001 г. по 2021 г.

²Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

Учитывая относительную погрешность показателей официальной статистики, и делая скидку на ее некоторую конъюнктурность, отметим, что сближение показателей общей и рецидивной преступности говорит о том, что большинство регистрируемых преступлений совершаются повторно. При условии сохранения данной тенденции методом экстраполяции можно прогнозировать, что через 10 лет, а может быть и раньше, официальная статистика в России будет регистрировать только повторные (рецидивные) преступления.

Гендерная характеристика ежегодно фиксируемых статистикой преступлений демонстрирует преобладание мужчин (диаграмма 2).

Диаграмма 2¹

Отметим, что за 20-летний период наших наблюдений динамика количества осужденных женщин отличалась большей стабильностью, в то время как для осужденных мужчин этот показатель фиксировал, как рост, так и снижение.

Интерес представляет изучение данных о гендерных изменениях в зависимости от количества судимостей. Проведенное нами исследование в 2000 г. позволило выявить сокращение разрыва между соотношением мужчин и женщин

¹Данные для построения диаграммы взяты из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=.

с двумя судимостями от 1/14 до 1/1,75 с четырьмя и более судимостями (таблица 2)¹.

По данным изучения личных дел осужденных, экспертных опросов, проведенных нами в 2020 году, это соотношение не изменилось. Полагаем, что причины кроются в быстрой и, как правило, необратимой десоциализации женщин, заканчивающейся асоциализацией. Женщина-преступница гораздо чаще отвергается обществом, да и сама в силу присущих большинству лиц женского пола психофизиологических качеств испытывает весомые трудности в социальной адаптации.

Ресоциализация женщин значительно усложнена, обусловлена многими проблемами, решение которых реализуется в виде совершения преступлений.

Выявление специфики ресоциализации женщин-преступниц приводит некоторых авторов к идее об отдельном изучении теории и практики гендерной ресоциализации и даже о формировании новой частно-криминологической теории – гендерной криминологии².

Как представляется, ресоциализация женщин, безусловно, имеет особенности, которые необходимо учитывать, но нет никакой практической целесообразности разделять ресоциализацию по гендерному признаку. Противоположное создаст ненужную границу между полами, явится дополнительным поводом для формирования феминистских социальных практик противодействия преступности.

¹См. об этом Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

²Темаев Т.В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2017. С. 123.

**Доля мужчин и женщин в общем числе ранее судимых лиц, %
(в двадцатилетней динамике)**

Количество судимостей год	Мужчины		Женщины	
	2000	2020	2000	2020
Две судимости	48,46	62,20	3,26	14,81
Три судимости	36,34	28,34	2,30	7,40
Четыре судимости	3,46	5,9	1,92	3,70
Пять и более судимостей	3,73	3,54	0,96	0
Всего	476 чел. (100,00)	1167 (100,0)	44 чел. (100,00)	87(100,00)
Среднее число судимостей	3 - 4	3-4	3	2-3

Исследование возрастных особенностей осужденных лиц позволяет оценить степень криминальной активности, выявить ее пиковые показатели. Анализ распределения осужденных по возрастным группам 14-29, 30-49 и 50 лет и старше² в динамике за 20 лет (по данным официальной статистики) демонстрирует значительные изменения в возрастной структуре преступности. Если с 2000 по 2008 гг. преобладающей была возрастная группа от 14 до 29 лет, то начиная с 2008 г. начинается уверенное снижение этого показателя. В то же время с 2015 г. можно наблюдать тенденцию увеличения числа осужденных в возрасте от 30 до 49 лет. Относительно стабильными остаются показатели числа осужденных в возрасте от 50 лет и старше (диаграмма 3).

Отмеченные факты, безусловно, отражают тенденции правоприменительной политики, являются следствием гуманизации уголовного законодательства и практики его применения по отношению к молодым осужденным. Возможно, в какой-то степени правы специалисты, объясняющие такую ситуацию большей образованностью молодого поколения, желанием выстраивать свою «социальную карьеру в рамках законопослушного поведения»³. Однако полагаем, что большее

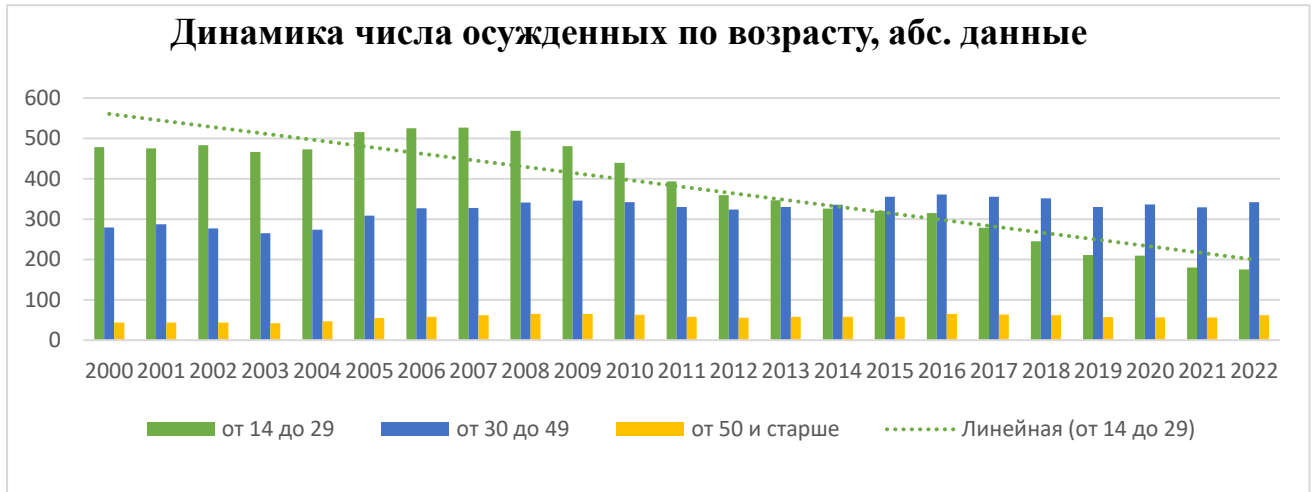
¹ По данным изучения личных дел осужденных, экспертных опросов: всего изучено 281 личных дела осужденных, содержащихся в ИК строгого режима.

² Возрастные группы приведены в соответствии данными судебной статистики Верховного суда РФ.

³Бовин Б.Г., Москвитина М.М. Количественные и качественные изменения состава осужденных на современном этапе развития УИС // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 163.

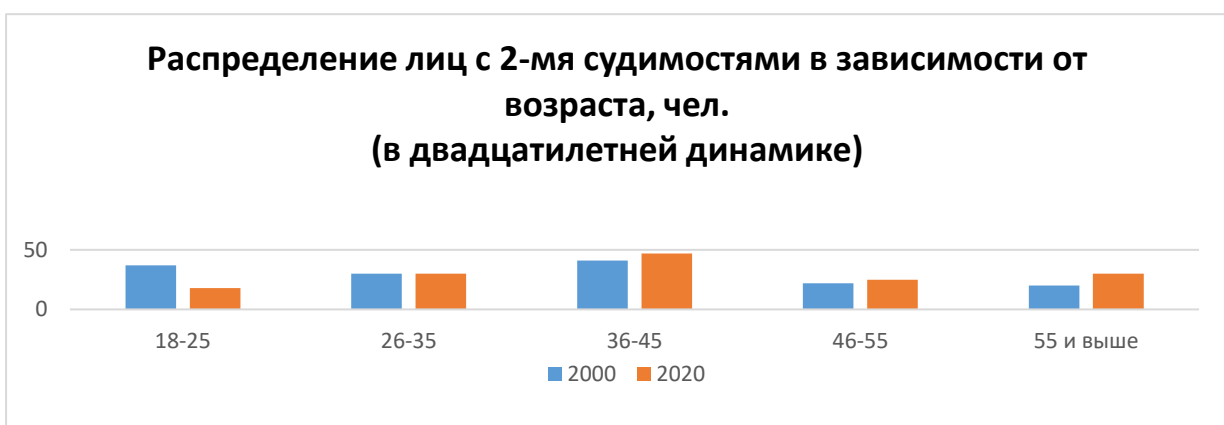
значение в достижении обозначенных показателей имеет введение в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ судебного штрафа и значительной практики применения данной меры уголовно-правового характера.

Диаграмма 3¹

Проведенное нами исследование подтвердило данные официальной статистики в части очевидного изменения возрастной категории осужденных и пиков криминальной активности. Если в 2000-2008 гг. высший предел данного показателя приходился на возрастную группу до 30 лет, то к 2020 г. криминально активной становится возрастная группа 30- 50 лет (диаграмма 4).

Диаграмма 4²

¹Данные для построения диаграммы взяты из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=.

²По данным анкетного опроса осужденных: в целях сопоставительного исследования приведены данные опроса в 2000 г. и с 2020 г. 150 человек соответственно, содержащихся в ИК общего режима, имеющих 2 судимости.

Определенный интерес в целях нашего исследования представляет сопоставление среднего возраста осужденных и количества судимостей. Изучение в динамике за 20 лет показало некоторые изменения данных значений.

Таблица 3¹

**Данные о среднем возрасте ранее судимых лиц
в зависимости от числа судимостей, лет
(в двадцатилетней динамике)**

	2000 г.		2020 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Две судимости	28	26	32	25
Три судимости	29	34	34	32
Четыре судимости	36	32	42	54
Пять и более судимостей	41	34	62	-
Средний показатель	26,8	25,2	34	27,75

Сопоставление значений среднего возраста мужчин и женщин демонстрирует более низкие показатели у женщин по сравнению с мужчинами. Данное обстоятельство можно объяснить ускоренными темпами деградации лиц женского пола. Женщины быстрее теряют семью (если она была изначально), работу, скатываются вниз по социальной лестнице и, как следствие, встают на преступный путь².

Сопоставительный анализ высчитанных средних показателей возрастных изменений за 20-летний период, демонстрирует, что средний возраст осужденных мужчин, имеющих несколько судимостей, вырос на 7,2 пункта, женщин – на 2,55 пункта. В целом это соответствует выявленной тенденции увеличения среди осужденных лиц старше 30 лет.

Значимым показателем социально-демографической характеристики личности осужденного, влияющим на успешность ресоциализации, является уровень образованности. Многочисленными исследованиями установлено, что анализируемый признак совершающих преступления лиц ниже, чем у

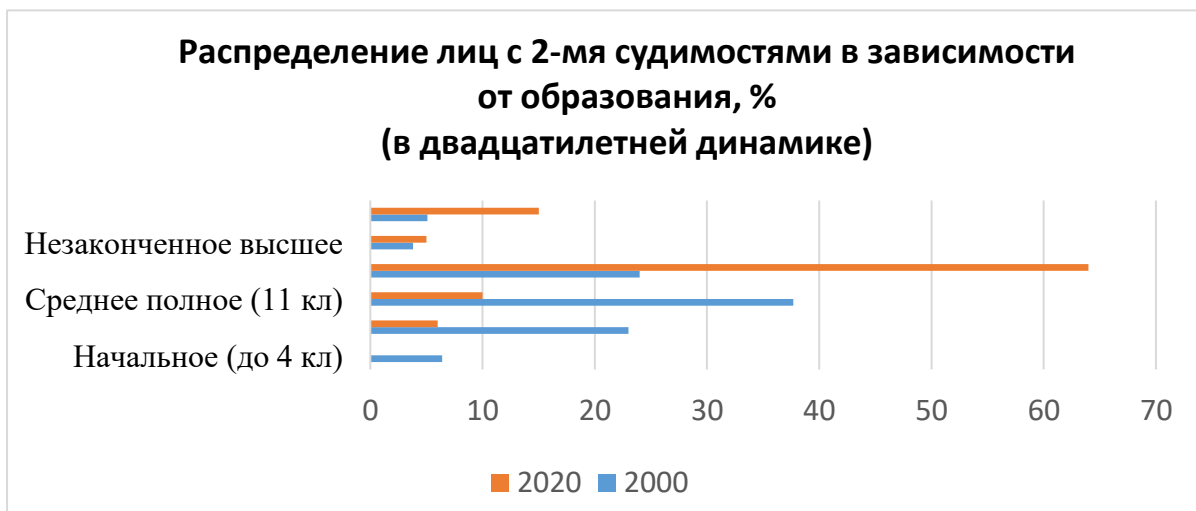
¹По данным изучения личных дел осужденных, экспертных опросов: всего изучено 281 личных дела осужденных, содержащихся в ИК строгого режима.

²Учеными установлено, что, хотя женщины и реже встают на преступный путь, их деградация, коль скоро она началась, выражается сильнее, чем у мужчин, и происходит быстрее. См. об этом, например, Предупреждение рецидива преступлений / под ред. С.А. Елисеева. Томск, 1990. С. 49.

законопослушных граждан. Отмечается незначительная доля имеющих высшее профессиональное образование осужденных¹.

Наше исследование подтвердило этот факт, однако сопоставление в динамике продемонстрировало существенное увеличение к 2020 году доли лиц, имеющих среднее специальное и высшее образование (диаграмма 5). Полагаем, что данное обстоятельство объясняется возможностью получения образования в исправительном учреждении². Так, по данным нашего опроса таковое в исправительном учреждении получили 72 % опрошенных, большинство респондентов указывали на получение среднего специального образования. Высшее образование также стало доступным благодаря тому, что вузы предлагают обучение осужденным в заочной форме, с применением дистанционных образовательных технологий.

Диаграмма 5³

Кроме того, как представляется, увеличение доли имеющих высшее и среднее специальное образование лиц в исправительном учреждении можно отчасти объяснить и тем, что многие из них осуждены за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их

¹Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1997. С. 136.

²Данное обстоятельство было подмечено Е.Г. Багреевой по результатам проведенного ею исследования. Багреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2003. С. 168.

³По данным анкетного опроса осужденных: в целях сопоставительного исследования приведены данные опроса в 2000 г. и в 2020 г. 150 человек, соответственно, содержащихся в ИК общего режима, имеющих 2 судимости.

аналогов, что обусловлено усилением пенализации за такого рода деяния, что, соответственно, привело к росту количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы по таким статьям.

Сравнение среднего уровня образованности мужчин и женщин демонстрирует отличия в пользу более высокого показателя у мужчин. Большинство опрошенных осужденных лиц женского пола (около 56%) имели только основное общее образование. Полагаем, что причины такого положения дел кроются в различиях между социальными ролями мужчин и женщин и более быстрой деградации личности женщин, особыми психоэмоциональными характеристиками¹.

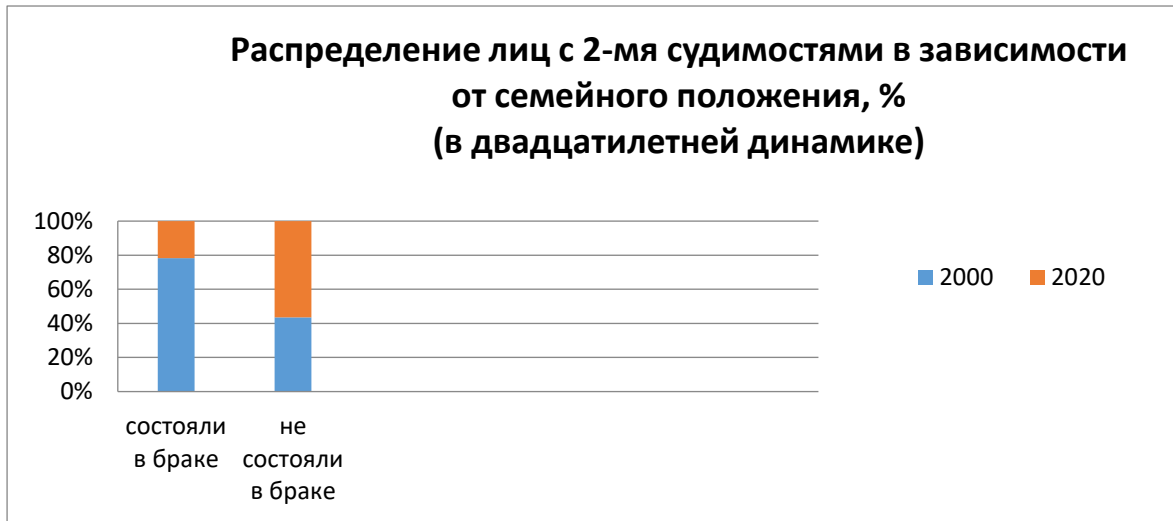
Семейное положение является весьма значимой социально-демографической характеристикой ввиду того, что семья может выступать как криминогенным фактором, так и содействовать противопреступной социализации (ресоциализации).

Анализируя влияние семьи и брака на уровень преступности и характер совершаемых преступлений, В. Кудрявцев приходит к выводу о том, что люди, находящиеся в браке, судя по всему, более благополучны не только с криминологической точки зрения — они дольше живут, у них выше достаток². Полагаем, что это так. Благоприятное влияние позитивных семейных отношений неоднократно отмечалось в различных научных изысканиях.

Проведенное нами исследование продемонстрировало существенное увеличение доли лиц, не состоящих в браке в 2020 г. по сравнению с 2000 г. (диаграмма б).

¹Изучая личность ранее судимых женщин, ученые говорят о наличии присущих им специфических свойств, таких как неустойчивость психических состояний. Для многих из них характерны резкие переходы от слезливости, проявлений жалости к себе и окружающим к грубости к себе и к окружающим. См. об этом, например, Заплата Е.А. Особенности личности женщины-рецидивистки // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1990. С. 78; См. об этом также Ершов С.Н. Обеспечение профилактики насильственных преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 20-21.

²См.: Кудрявцев В. Преступление против брака. Влияет ли матримониальный статус на криминальное поведение. URL: <https://www.vtimes.io/2021/02/14/prestuplenie-protiv-braka-a3161>.

На наш взгляд, такие результаты обусловлены формирующимся в современном обществе отношением к институту брака и семьи. Большинство молодых людей не торопятся вступать в официальный брак, предпочитая гражданский брак (сожительство) или иные варианты.

В целях укрепления приоритетов развития Российской Федерации в Конституцию РФ были внесены одобренные 1 июля 2020 г. Всенародным голосованием поправки, в числе которых «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. ж. 1 ст. 72 Конституции РФ)»². Изменения свидетельствуют об озабоченности государства вопросами значимости брачно-семейных отношений в связи с крайне тревожными общемировыми тенденциями. Полагаем, что в результате таких действий ситуация может измениться в лучшую сторону.

Следует отметить и уже давно подмечаемые специалистами изменения в структуре женской преступности, связанные с «маскулинизацией»,

¹По данным анкетного опроса осужденных: в целях сопоставительного исследования приведены данные опроса в 2000 г. и в 2020 г. 150 человек, соответственно, содержащихся в ИК общего режима, имеющих 2 судимости.

²Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Российская газета. 2020. 4 июля.

маргинальностью, алкоголизмом и наркотизмом женщин, что способствует, скорее, разрушению семьи, а не укреплению брачно-семейных отношений¹. Подобные «тренды» являются крайне негативными для российского общества. Традиционная для патриархального семейного уклада роль женщины-матери, женщины-хранительницы домашнего очага и продолжательницы рода должна быть сохранена, активно поддерживаться государством и обществом.

Изучение личности ранее судимых преступников свидетельствует о существующей зависимости между сохранением семейных связей и числом судимостей. Чем больше у лица судимостей, тем меньше вероятность нерушимости его брачных уз. Причем сохранение данной тенденции мы можем наблюдать и по результатам 20-летнего наблюдения: тенденция уменьшения числа состоящих в браке лиц по мере увеличения у них судимостей отмечается как в 2000 г., так и в 2020 г. (таблица 4).

Таблица 4²

**Данные о брачных отношениях и числе судимостей, %
(в двадцатилетней динамике)**

	2000 год				2020 год			
	2 судимости	3 судимости	4 судимости	5 и более судимостей	2 судимости	3 судимости	4 судимости	5 и более судимостей
	мужчины							
Состояли в браке ³	15,1	14,3	12,7	9,8	18,5	8,9	3,5	0
Не состояли в браке	84,9	85,7	87,3	90,2	81,5	91,1	96,5	100
Коэффициент состоящих в браке к не состоявшим	0,18	0,17	0,15	0,11	0,23	0,10	0,04	0,00
	женщины							
Состояли в браке	14,8	14,1	9,7	5,4	34,6	3,5	0	-
Не состояли в браке	85,2	85,9	90,3	94,6	65,4	96,5	100	-
Коэффициент состоящих в браке к не состоявшим	0,17	0,16	0,11	0,06	0,53	0,04	0,00	-

Как видно из таблицы, коэффициент, демонстрирующий сохранение брачно-семейных отношений, уменьшается по мере увеличения количества

¹ Криминология: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. - 62 с.

² По данным анкетного опроса осужденных.

³Под браком в целях исследования понимался добровольный союз мужчины и женщины, как оформленный юридически, так и не оформленный (гражданский брак).

судимостей. Причем максимально резко это происходит с показателями у женщин: наличие 4 судимостей практически однозначно свидетельствует об утрате семьи. Такая ситуация объясняется как причинами субъективного свойства (особенностями нравственно-психологической характеристики лиц женского пола, обусловленных гендерными различиями), так и объективного порядка (связанных с длительным нахождением в местах лишения свободы)¹.

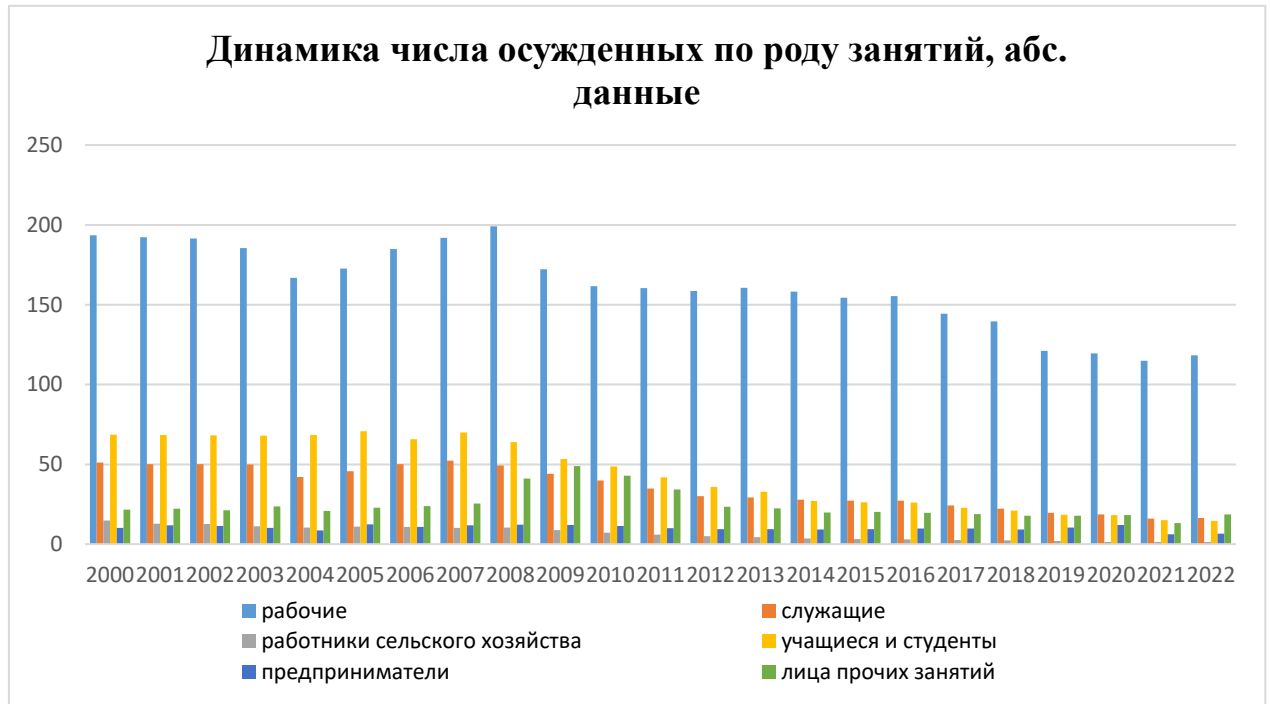
Социально-демографическая характеристика личности включает в себя определенную социальную принадлежность (выполняемые социальные роли). По сути, осужденные выполняют те же социальные роли, что и законопослушные лица. Однако с точки зрения ресоциализации важно знать, к какой категории относится осужденный, какие виды ресоциализирующего воздействия можно было бы в данном случае применить.

Проведенное нами исследование позволило проследить тенденции изменений социальной принадлежности осужденных. Так, очевидно, сокращается количество учащихся и студентов, что обусловлено общим снижением количества осуждений данной категории лиц. Намечившееся в 2008 – 2010-х годах увеличение количества лиц прочих занятий, постепенно снижается.

Тенденция уменьшения обнаружена также в отношении лиц трудящихся профессий, что связано с сокращением рабочих мест, технологизацией и информатизацией процессов, требующих привлечения высококвалифицированных рабочих, а также жесткой конкуренцией за рабочие места, в которой ранее судимые лица очевидно проигрывают законопослушным кандидатам на должность² (диаграмма 7).

¹Как отмечает в своем исследовании В.Н. Кудрявцев «за время отбывания наказания в местах лишения свободы чаще распались семьи осужденных женщин, чем мужчин. Иначе говоря, жены дольше ждут своих мужей, чем мужья жен. Кудрявцев В.Н. Криминология. М. 2002. С. 136.

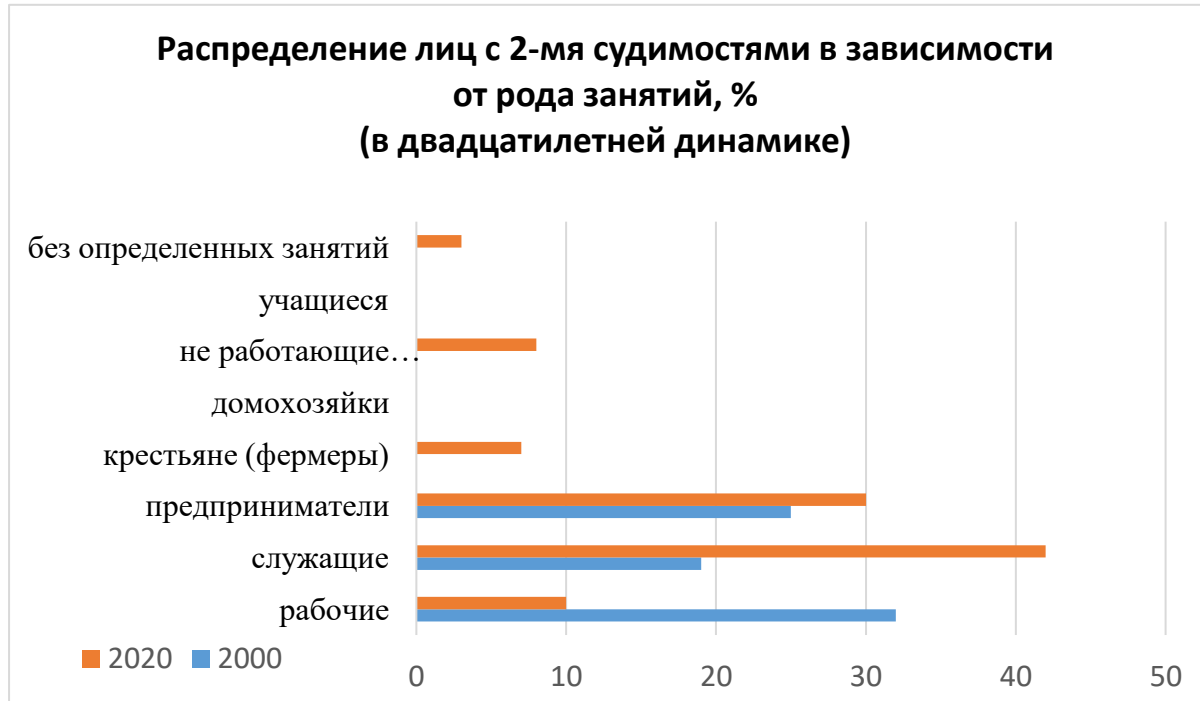
²В Генпрокуратуре составили портрет российского преступника 2020. Среднестатистический преступник 2020 — мужчина. Возраст половины всех преступников — от 30 до 49 лет. Треть из них со средним специальным образованием и больше половины без постоянных источников доходов. Почти у всех преступников российское гражданство. По статистике надзорного ведомства, меньше всего преступлений в 2020 году совершили подростки 14–15 лет, граждане с высшим профессиональным образованием, а также госслужащие, индивидуальные предприниматели и безработные. В целом социальный портрет преступности практически не меняется за последние несколько лет, отметили в Генпрокуратуре. URL: <https://e.ugpr.ru/rssnews>.

Результаты проведенного нами опроса осужденных содержащихся в исправительных учреждениях, по вопросу их трудовой занятости в целом подтверждают данные официальной статистики, однако показывают увеличение доли предпринимателей, служащих и лиц без определенных занятий в 2020 г. (диаграмма 8)².

¹Данные для построения диаграммы взяты из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*="](https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=).

²Следует отметить, что данные опросов могут содержать погрешность, связанную с субъективным представлением лица о себе. В этой связи некоторое количество опрошенных, которые относили себя к категории предпринимателей и служащих, возможно, таковыми на самом деле не являлись.

Можно предположить, что такие изменения связаны с трансформацией экономических отношений, произошедшей за последние 20 лет. Модернизация производства, качественное усложнение технологических процессов повлекли за собой изменение и состава рабочей силы трудящихся на предприятиях. Более востребованными стали высококвалифицированные и обученные сотрудники. Большая часть осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, не может похвастать наличием такого образования и, главное, навыков. А в самом исправительном учреждении, в силу недостаточности материально-технической базы, компетенций обучающего персонала, а, возможно, и желания заниматься такими вопросами, не могут обучить осужденного востребованной на рынке труда профессии. Следствием этого является уменьшение доли рабочих среди исследуемого контингента.

Важным признаком социально-демографической характеристики личности является отношение к труду (определенному роду деятельности). В части 2 статьи

¹По данным анкетного опроса осужденных: в целях сопоставительного исследования приведены данные опроса в 2000 г. и в 2020 г. 150 человек, соответственно, содержащихся в ИК общего режима, имеющих 2 судимости.

9 УИК РФ общественно полезный труд указан в качестве средства исправления осужденного.

Во все времена привлечение к труду использовалось и как инструмент воздействия, и как способ улучшить материально-финансовую сторону жизни человека. Наличие выполняемой общественно полезной деятельности позволяет индивиду реализовываться как личности, что в свою очередь способствует ресоциализации. Информация о роде занятий осужденных лиц дает почву для выстраивания индивидуальной противопреступной стратегии, основанной на мотивации к трудовой занятости в целях повышения организованности, улучшения материального благосостояния, возбуждения витальных (жизненных) стимулов.

Анализ данных официальной статистики за последние 20 лет свидетельствует об определенных изменениях в характере рода занятий осужденных, что, во многом, обусловлено модификацией общей экономической ситуации в стране. В целом увеличилось количество трудоспособных (работающих) осужденных, в то время как число безработных лиц значительно уменьшилось (диаграмма 9).

Количество нетрудоспособных (неработающих) осужденных остается достаточно стабильным.

Диаграмма 9¹

¹Данные для построения диаграммы взяты из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*="](https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=)

Безусловно, анализ данных официальной статистики не позволяет нам выявить точную картину в сфере трудоустройства совершивших преступление лиц. Но, совершенно очевидно, что по сравнению с так называемыми «нулевыми», положение дел с трудовой занятостью населения стало лучше, экономическая ситуация стабилизировалась¹.

Если уровень безработицы в 2000 г. колебался на отметке 10%, то по итогам 2020 г. составил уже только 5,8%². По прогнозным данным к концу 2021 г. безработица в России должна была составить менее 5%³. По факту к концу 2021 г. уровень безработицы в России закрепился на историческом минимуме и составил 4,3%⁴. По состоянию на июль 2023 г. уровень безработицы снизился до 3%, вновь обновив исторический минимум⁵.

Проведенное исследование позволило установить наличие существенной разницы между трудоустроенностью впервые осужденных и лиц, имеющих за плечами опыт судимостей. Так, среди ранее судимых лиц оказалось больше трудоспособных без постоянного источника дохода (диаграмма 10).

Диаграмма 10⁶

¹Некоторое кризисное состояние, связанное с пандемией коронавируса, еще сохраняется, последствия этого нам еще предстоит оценить.

²Российская Федерация. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2021: стат. сб. / Росстат. - М., 2021. С. 53.

³Безработица в России к концу 2021 года составит чуть меньше 5%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9483501>.

⁴Безработица в России закрепилась на историческом минимуме. URL: <https://ria.ru/20211201/bezrabotitsa-1761719139.html>.

⁵URL: <https://tass.ru/obschestvo/18621701>.

⁶Данные для построения диаграммы взяты из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*="](https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=).

Причем количество ранее судимых без постоянного источника дохода за последние 20 лет демонстрирует неуклонный рост, а относительная стабилизация положения с 2010 г. не снижает общего негативного впечатления от сложившейся ситуации.

Существенный прирост показателя за 2021 г. является результатом пандемических изменений в экономике, перевода сотрудников на дистанционные форматы работы, сокращения численности штатов на некоторых предприятиях, что явилось неизбежным следствием ограничений. В дальнейшем эта тенденция продолжилась, усугубляясь уже стрессовыми процессами в экономике, обусловленными геополитической ситуацией.

В совокупности с данными официальной статистики, свидетельствующими о ежегодном увеличении доли преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, мы можем наблюдать картину некой «профессионализации» осуждения, когда около 50-60% осужденных – это ранее судимые безработные лица, которые не могут найти себя в обществе и возвращаются на преступный путь.

По данным проведенного нами анкетного опроса осужденных, большинство опрошенных после освобождения хотели бы трудоустроиться и начать вести законопослушный образ жизни. На вопрос: «Как Вы думаете жить после отбытия наказания?» ответили, что хотели бы вернуться к прежней работе 48% опрошенных лиц. Выказали положительное отношение к труду в исправительном учреждении 67% респондентов, 19,6% - отрицательное, 6,5% отметили, что не имеют никакого мнения на этот счет, 6,6% затруднились с ответом¹.

Приведенные данные не демонстрируют однозначно негативного отношения осужденных к труду, что объясняется, во многом, тем, что большинство опрошенных были ранее судимы и прекрасно понимают, что положительное поведение и отношение к трудовым обязанностям является условием обеспечения максимально комфортного пребывания в исправительном

¹Данные на основе анкетного опроса 1500 осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях СПб и ЛО, Кемеровской области.

учреждении. Однако проинтервьюированные в ходе проведения исследований эксперты, сотрудники психологической службы УИС отмечают, что среди осужденных достаточное количество тех, кто реально хотел бы после освобождения вернуться к социально одобряемому труду.

Нашим исследованием выявлена зависимость между количеством судимостей и величиной трудового стажа: по мере увеличения количества судимостей уменьшаются показатели трудового стажа. Причем данная зависимость не изменяется в 20-летней динамике. Так, по данным проведенного в 2000 г. опроса осужденных с двумя судимостями, средний размер стажа составлял около 6 лет, среди лиц с пятью и более судимостями - уже около 3 месяцев. По итогам анкетного опроса осужденных, проведенного в 2020 г., у лиц с двумя судимостями средний размер стажа составлял около 7 лет, у лиц с 4–5 судимостями – около 1 года.

Такие незначительные показатели трудового стажа могут быть объяснены как объективными, так и субъективными детерминантами: осужденным достаточно трудно устроиться на работу, зачастую это временные заработки без официального оформления трудовых отношений, психоэмоциональные характеристики ранее судимых преступников подтверждают пренебрежительное отношение к труду, социальным нормам, безразличие по отношению к себе и другим людям.

Наличие собственного жилья (или места, где можно постоянно проживать) также является существенной социально-демографической характеристикой, способствующей противопреступной социализации (ресоциализации). На вопрос анкеты: «Имеете ли Вы собственное жилье на свободе?» утвердительно ответили 55,5% респондентов, 8,8% ответили, что не имеют собственной жилплощади, но им есть где жить, и 35,6% указали, что собственного жилья не имеют. По сравнению с исследованиями, проведенными в 2000 г., доля лиц без определенного места жительства увеличилась (в 2000 г. 25,7% респондентов указывали на отсутствие жилья). Такая ситуация может являться следствием отсутствия государственной или какой-либо иной жилищной поддержки, невозможностью

самостоятельно решить проблему с жильем, обусловленную особенностями личности преступника.

Немаловажное значение для успешной ресоциализации имеет отношение осужденного к религии¹. Имеющая религиозную специфику тематика занимает существенное место в общественной жизни. Не случайно в числе поправок к Конституции РФ, одобренных Всенародным голосованием 1 июля 2020 г., часть 2 статьи 67.1 содержит конституционную норму о сохранении «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога»².

Духовные скрепы способны оказать исправительное воздействие на осужденного, помочь ему вернуться к законопослушной жизни в обществе.

Законодательство РФ предусматривает возможность религиозным организациям осуществлять свою работу во взаимодействии с пенитенциарными органами и учреждениями, и эта синергия демонстрирует свои результаты.

По данным проведенного нами исследования, в сравнении с 2000 г. в настоящее время существенно увеличилось число осужденных, высказывающих положительное отношение к религии.

Таблица 5³

**Данные о числе осужденных в зависимости от
отношения к религии, %
(в двадцатилетней динамике)**

Отношение осужденного к религии	2000 год	2020 год
Положительное	8,5	65,15
Отрицательное	14,7	24,18
Нейтральное	60,6	-
Принятие религии и готовность следовать религиозным нормам	3,3	-
Затруднились с ответом	12,9	10,68

¹В своей работе В.В. Фомин отмечает, что влияние Церкви на осужденных надо расценивать как приоритетную составляющую процесса их ресоциализации, обеспечивать поддержку ее деятельности в исправительных учреждениях (ИУ) и всячески способствовать тому, чтобы она становилась все более устойчивой и системной. Фомин В.В. Религия и ее влияние на осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2. С.102.

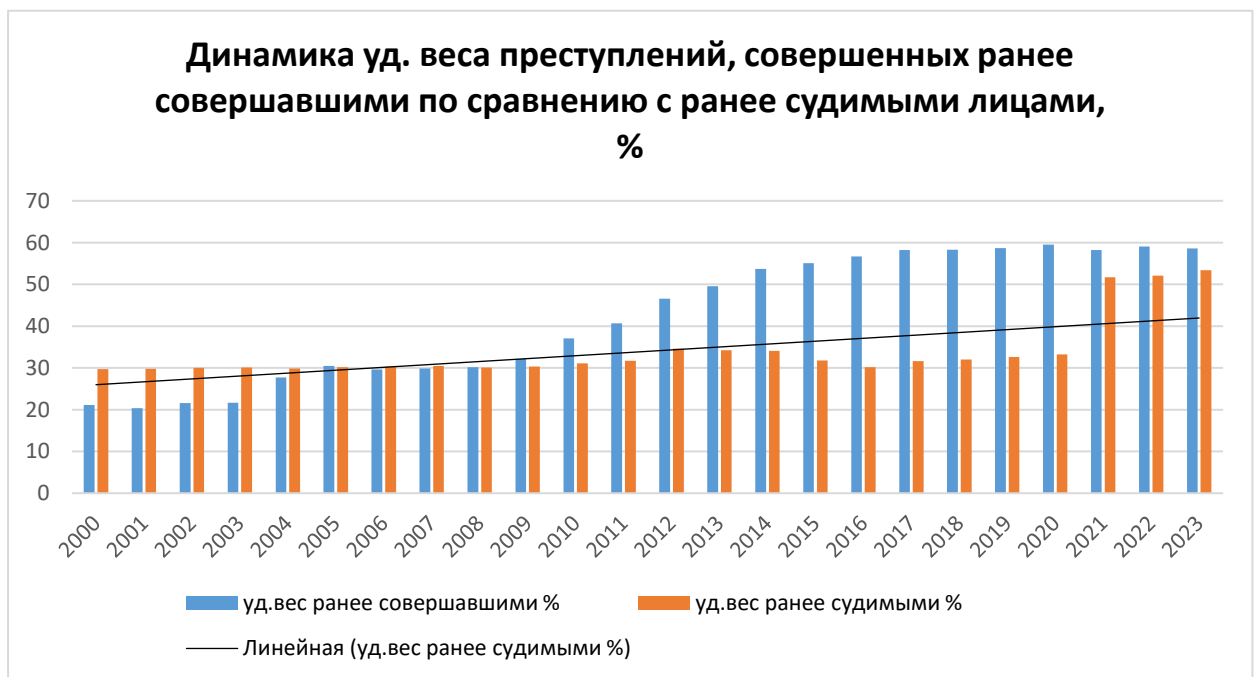
²Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Российская газета. 2020. 4 июля.

³ Данные на основе анкетного опроса более 600 осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-6 по СПб и ЛО общего режима.

Данные проведенного нами эмпирического исследования в виде анкетного опроса осужденных были подтверждены результатами экспертного изучения мнения сотрудников исправительных учреждений. Из числа респондентов 72% отметили положительное влияние религии на исправление осужденных, 10,5% указали на ее отрицательное действие (депрессии и склонность к самобичеванию), 17,5% сотрудников затруднились с ответом.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что за анализируемый двадцатилетний период доля преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, остается стабильно высокой (диаграмма 11). Однако за предшествующие четыре года наблюдается незначительное увеличение данного показателя. Так, по данным ФГБУ ГИАЦ МВД РФ за 2023 г. каждое третье преступление совершено ранее судимыми лицами.¹

Диаграмма 11²

Обращает на себя внимание значительное повышение в 2021 г. значения удельного веса ранее судимых лиц в общем числе совершивших преступление

¹В 2023 году по сравнению с 2022 годом увеличился удельный вес ранее судимых лиц с 30,8% до 31,2%. Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.пф/Deljatelnost/statistics>.

²Данные для построения диаграммы взяты: Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.пф/Deljatelnost/statistics>.

субъектов. Данные параметры в 2021, 2022, 2023 гг. практически сравнялись. Как представляется, такая ситуация может свидетельствовать, с одной стороны, об эффективности работы правоохранительной системы, когда преступники не остаются безнаказанными. Но с другой стороны, для общества и государства данное обстоятельство может быть индикатором неэффективности деятельности двух немаловажных систем: пенологической и пенитенциарной. Назначенное наказание не приводит к должному эффекту, индивидуальная превенция не срабатывает, и лицо вновь совершает преступление после осуждения за предыдущее.

Удельный вес ранее судимых в общем числе лиц, совершивших преступление, является параметром эффективности уголовно-исполнительной политики, точнее в данном случае можно вести речь об оценке неэффективности. Но данный факт также свидетельствует и об ущербности противодействия преступности в целом, наглядно демонстрирует, что действующая система не способна сдерживать воспроизводство преступности.

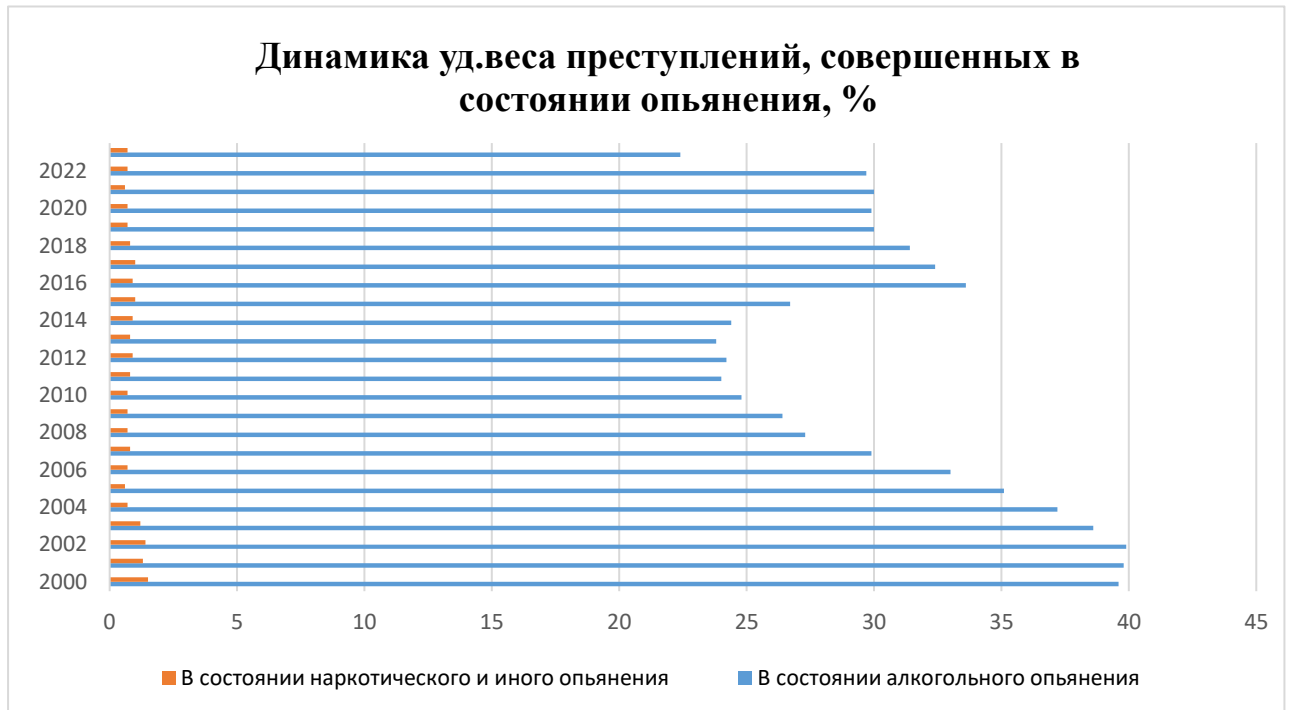
Личность ранее судимого преступника представляет собой специфический объект воздействия в силу присущих таким лицам особенностей, основной из которых является, на наш взгляд, наибольшая степень опасности. Совершение преступления после осуждения и отбытия наказания свидетельствует о противопоставлении личностью своих интересов общественным ценностям и благам либо о пренебрежении принятыми в обществе нормами. Кроме того, совершение повторного преступления говорит также о том, что ресоциализация не была успешной и не завершилась социализированностью.

О дефектах социализации личности преступника в определенной степени говорит и совершение преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения.

По данным официальной статистики удельный вес преступлений, совершаемых ежегодно в состоянии алкогольного опьянения, колеблется на уровне 30-35%. Заметное увеличение в 2016 г., полагаем, произошло за счет изменений уголовного законодательства и усиления ответственности за дорожно-

транспортные преступления, совершенные в состоянии опьянения (диаграмма 12)¹.

Диаграмма 12²

Относительно небольшое количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического, токсического или иного опьянения, фиксируемое официальной статистикой, связано, скорей всего, с результатами проведенной государством антинаркотической кампании, в том числе усилением наказуемости по всем составам, предусматривающим уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что большинство осужденных связывают причины совершенного ими преступления именно со злоупотреблением алкогольными и наркотическими веществами. Так,

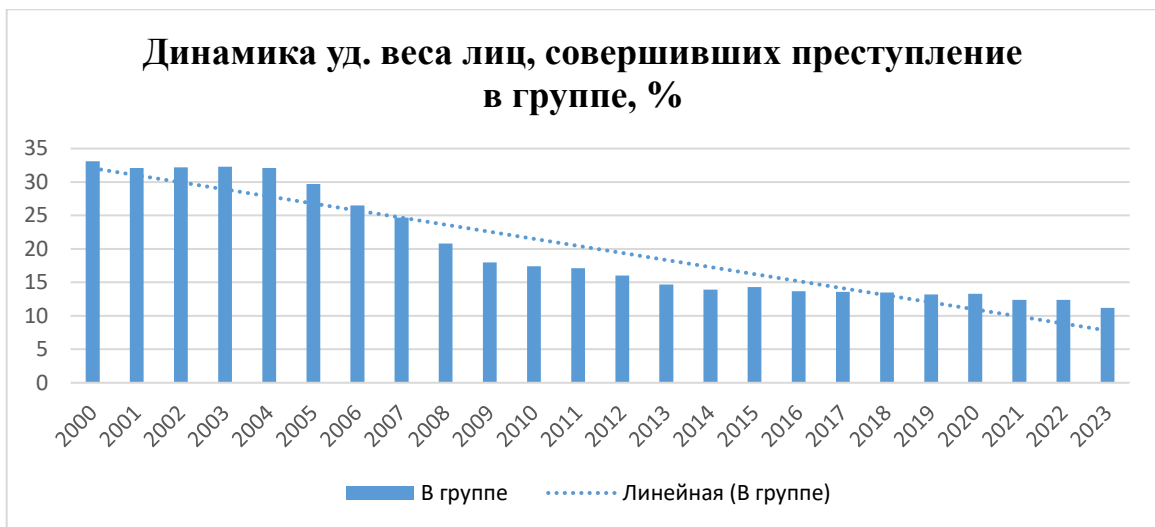
¹Объясняя причины снижения до 2009 г. числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, проф. Д.А. Шестаков указывает на возможное происходящее в российском обществе в целом уменьшение роли случайных ситуаций, провоцирующих преступления; преступления все чаще совершаются в результате более устойчивой направленности человека на нарушение закона. Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противоположность преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп.; предисл. В.П.Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 229.

²Данные для построения диаграммы взяты: Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatnost/statistics>.

по результатам анкетного опроса, 67,1% респондентов указали на злоупотребление спиртным и наркотиками в качестве причины совершенного преступления, 20,5% отметили жажду наживы, 9,1% указали на совершение преступления под влиянием иных лиц, 2,8% назвали плохую семейную обстановку и 0,3% сослались на собственное легкомыслие.

Следует отметить, что значительным криминогенным фактором является ближайшее окружение или микро-группа, с которой взаимодействует личность. Синергия такого соприкосновения чаще всего проявляется в последующем вовлечении в преступную активность. Согласно данным официальной статистики довольно значительный процент преступлений совершается лицами в составе группы (диаграмма 13).

Диаграмма 13¹

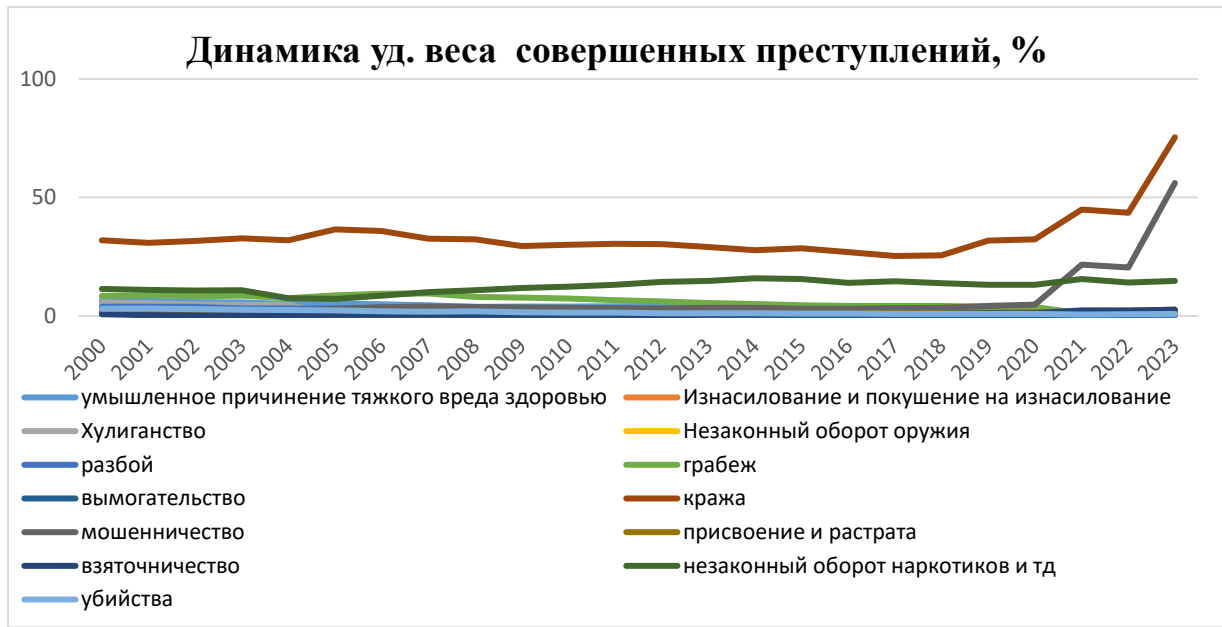
С 2005 г. наметилась явная тенденция снижения показателей группового совершения преступлений. Если оценивать данный тренд в совокупности с увеличением количества преступлений, совершенных ранее совершавшими, и снижением раскрываемости преступлений, то можно сделать вывод о том, что преступники стали более «профессиональными» или «привычными». Времена «лихих 90-х», отметившихся групповыми разбоями и бандитизмами, ушли в

¹Данные для построения диаграммы взяты: Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

прошлое, уступив место более изощренным в интеллектуальном смысле, «индивидуальным» преступлениям.

Если проанализировать изменения в структуре преступности сквозь призму мотивации, то можно обнаружить подтверждение нашей гипотезы.

Диаграмма 14¹

Анализ в динамике показывает, что увеличивается количество краж, мошенничеств, присвоений и растрат, в то время как такие зачастую совершаемые в группе преступления, как грабежи и разбои, демонстрируют снижение показателей.

Отмечаемым за последние три года «новым трендом в преступности» является увеличение количества совершаемых так называемых киберпреступлений (преступлений с использованием ИТ технологий). Так, в 2018 г. было выявлено 174674 (+92,8%), в 2019 г. – 294409 (+68,5%), в 2020 г. – 510396 (+73,4%), в 2021 г. – 517722 (+1,4%), в 2022 г. – 522065 (+0,8%), в 2023 г. – 676951 (+29,7%)² преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Причем, по официальным

¹Данные для построения диаграммы взяты: Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

²Статистика и аналитика. Данные отчетов о состоянии преступности в РФ на официальном сайте МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>.

данным, в 2020 г. максимальные темпы прироста данных преступлений отмечены в Санкт-Петербурге (+78,6%) и Ленинградской области (+142,8%), удельный вес такого вида преступности (киберпреступности) в Санкт-Петербурге весьма значителен (31,8%). Отмечено, что Санкт-Петербург и Ленинградская область являются регионами с наименьшей раскрываемостью данных преступлений, удельный вес которой составляет 14,1% и 10,8% соответственно. В 2021 г. максимальные темпы прироста (+135%) были отмечены в Чеченской республике и Тульской области (64,4%)¹. В 2023 г. в ТОП 10 регионов с наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, попал Севастополь (+ 61,4%), в то время как Ленинградская область оказалась в десятке регионов с наименьшим темпом прироста анализируемых преступлений (+13,1%).

Наблюдается значительное снижение темпов прироста зарегистрированных киберпреступлений в 2021 г., однако в 2023 г. мы уже видим чувствительный рост. В 2022 г. наибольшая положительная динамика отмечена в Республике Северная Осетия-Алания (+47,8%) и Чукотском автономном округе (+41,1 %), в 2023 г. – в Ненецком АО (+154%) и Республике Калмыкия (+74,7%). В этих же регионах в 2022 г. были зафиксированы наименьшие темпы прироста: в Ненецком автономном округе (-28%) и Республике Калмыкия (-22,4%)². В 2023 г. отрицательная динамика отмечена в Чеченской Республике (-21,5%). Фиксируется общее значительное уменьшение динамики зарегистрированных киберпреступлений в 2021-2022 гг., однако в 2023 г. темпы уже прирастают.

Отмеченные обстоятельства дают основания рассуждать о необходимости выявления специфических свойств киберпреступника, к числу которых отнесем достаточную материальную обеспеченность (для приобретения устройств необходимы финансовые средства) и весьма высокие интеллектуальные качества (такой преступник априори должен не только иметь представление об

¹Отчет о состоянии преступности за 2021 год. Статистика и аналитика. Официальный сайт МВД РФ. URL:file:///C:/Users/803044/Downloads/Sb_21_12.pdf.

²Отчет о состоянии преступности за 2022 год. Статистика и аналитика. Официальный сайт МВД РФ. URL:file:///C:/Users/krv72/Downloads/Sbornik_22_12.pdf.

информационно-коммуникационных технологиях, но и разбираться в них). Зачастую это достаточно социализированные в бытовом плане лица, однако правовая социализация таких лиц дефектна.

Среди опрошенных нами лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области, осужденных за совершение преступлений с использованием IT технологий оказалось крайне мало (всего 21 человек). Абсолютное большинство было наказано за совершение мошенничества в крупном размере с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима (ФКУ ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и ФКУ ИК-40 ГУФСИН РФ по Кемеровской области). По данным анкетирования, все опрошенные мужского пола имели высшее образование, входили в возрастную группу от 18 до 29 лет, были материально обеспечены, однако официально трудоустроенными на момент осуждения оказались только 2 человека. Удовлетворенность своим материальным достатком на момент осуждения отметили 18 человек, то есть 85% опрошенных осужденных. Все обследуемые отметили наличие жилья и социальных контактов «на свободе», выразили желание трудоустроиться, продолжить контакты с родственниками, вести законопослушный образ жизни.

Сотрудники психологической службы исправительных учреждений, в которых содержались осужденные за совершение преступлений с использованием IT технологий, отметили отличия в психологическом отношении к факту нахождения в исправительном учреждении таких лиц. Обследуемая категория лиц воспринимает факт осуждения к реальному отбытию наказания как ошибку. Они не вполне осознают противоправность и общественную опасность своего деяния, полагают, что были неаккуратны, неосмотрительны, вследствие чего осуждены и, конечно, отмечают излишнюю суровость правосудия. 90% опрошенных нами сотрудников психологической службы отметили более высокий уровень образованности данных лиц, материальный достаток и молодой возраст.

С развитием технологий, усугубляющейся цифровизацией общества пока еще осторожно, но уже можно говорить о так называемой киберсоциализации и

необходимости встраивания личности в киберсоциум. Так, анализируя семантические пределы права в современных условиях, В.В. Архипов говорит о медиальном повороте как о фундаментальных изменениях социокультурной жизни, частью которой является право.

Медиальный поворот включает цифровой и игровой повороты, которые обуславливают развитие технологий виртуальной и дополненной реальностей, легитимацию игровых практик в культуре, обостряют проблему симуляции в медиaprостранстве¹.

Медиaprостранство, как часть социальной среды, вбирает в себя социальные нормы, в том числе используемые нами в повседневной жизни. Преломляясь в медиасфере, некоторые нормы становятся абсурдными, в то время как другие активно используются. Так, примером абсурда может явиться установление ответственности за убийство игрового персонажа, в то время как совершенно реальным является возможность получения той или иной справки через он-лайн сервис «Госуслуги».

Вопрос о поведении человека в цифровой среде, соблюдении им установленных социальных норм, в том числе правовых, регламентированных действующим законодательством и тенденциями развития, диктуемыми, в первую очередь, развитием позитивного законодательства. Сейчас мы можем наблюдать, как право развивается по пути признания цифровых объектов и цифровых прав, использования технологий как инструментов.

Позитивное правовое регулирование использования цифровых объектов, прав, инструментов может быть осуществлено в рамках экспериментальных правовых режимов, однако распространение такого рода опытов на область уголовно-правовой регламентации считаем делом, все-таки, отдаленного будущего. Действительно, довольно трудно себе представить в настоящий момент охрану какого-либо общественного блага в рамках экспериментального правового

¹Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. 2019. С. 47, 172.

режима. Противодействие преступности должно быть реальным, но, в то же время, учитывать происходящие трансформации.

Абсурдное в точки зрения игровой реальности убийство персонажа в игре может оказать негативное психологическое влияние на индивида и обусловить совершение им вполне реального злодеяния в жизни. В последнее время увеличилось количество случаев совершения преступлений молодыми людьми, которые приходят к такому решению благодаря влиянию медиасреды¹. Растет число так называемых деструктивных сообществ в социальных сетях, стремящихся склонить подростков к различным девиациям, в том числе и вовлекающих в преступления². В этой связи полагаем обоснованным учет особенностей личности киберпреступника с позиций их психологической характеристики, применение в их отношении мер психологического воздействия, контроля и ограничений. Однако о выделении киберсоциализации как некоего подвида социализации, разработке в этой связи каких-либо самостоятельных мер воздействия в отношении киберпреступников, полагаем, говорить на данный момент преждевременно.

Вопросы общей профилактики киберпреступлений с позиций виктимологии могли бы быть отчасти решены посредством научных исследований в области медицинской науки информационной гигиены (о чем упоминалось ранее на страницах данной работы) и реального их внедрения в практическую плоскость.

На основании проведенного изучения изменений социально-демографической характеристики личности преступника в 20-летней динамике, результаты которого представлены выше, нами предлагается матрица изменений (прогнозный план) основных характеристик (индикаторов) с определением ресоциализационного потенциала каждого из индикаторов. Предлагаемая матрица может быть использована в практической деятельности субъектов

¹Бортникова С. Расстрелы популяризируют в соцсетях. Как бороться с деструктивным влиянием? URL: https://stav.aif.ru/save/rasstreluy_populyariziruyut_v_socialnyh_setyah_kak_borotsya_s_destruktivom.

²Иванова С.В., Садовникова Ж.В. Влияние деструктивных сообществ на школьников: постановка проблемы // Ценности и смыслы. 2022. № 5. (81). С. 88.

ресоциализации в целях определения мер ресоциализирующего воздействия на ближайшую перспективу (таблица 6).

Таблица 6

Матрица изменений (прогнозный план) основных характеристик (индикаторов) с определением ресоциализационного потенциала

	Индикатор	Состояние		Прогноз		Ресоциализационный потенциал
				+	-	
1	Пол	Мужчина,	Женщина	+	-	Усиление роли женщины в семье
2	Возраст	30-40 лет,	25-30	+	-	Молодежная политика, вовлечение молодежи в социально-полезную деятельность
3	Образование	Среднее специальное	Среднее общее	-	-	Повышение образованности населения
4	Семейное положение	Холост	Не замужем	-	-	Повышение роли семьи, семейных ценностей
5	Социальное положение	БОЗ, рабочий	БОЗ	-	-	Социальная политика, улучшение общего благосостояния, формирование «среднего класса»
6	Трудоустроенность	безработный	безработная	-	-	Создание рабочих мест для осужденных и отбывших наказание лиц
7	Наличие жилья	нет	нет	-	-	Формирование маневренного фонда для нуждающихся осужденных и отбывших наказание лиц
8	Отношение к религии	позитивно	нейтрально	+	-	Позитивное влияние религиозных норм и принципов
9	Наличие предыдущей судимости	да	да	+	+	Сведение к минимуму ограничений, связанных с наличием судимости
10	Алкоголизм, наркомания	да	да	+	+	Программы медицинской и социальной реабилитации

Используемые обозначения и сокращения:

+ - увеличение показателя

- - уменьшение показателя

БОЗ – без определенных занятий

Представленный прогнозный план может быть использован для разработки общей стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации на ближайшую перспективу, а также может быть учтен при разработке индивидуальных программ ресоциализации преступников, в том числе осужденных и освобожденных от отбывания наказания лиц.

Кроме того, полагаем, что с учетом представленного прогнозного плана, в целях содействия ресоциализации, необходимо еще более усилить процесс дифференциации осужденных, отбывающих связанное с изоляцией от общества наказание, в зависимости от возраста, образования, отношения к труду. Данные категории лиц должны содержаться в исправительных учреждениях отдельно. Подробнее на этом остановимся в следующих параграфах настоящего исследования.

Таким образом, проведенное исследование социально-демографических признаков личности преступника за период с 2000 по 2020 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамика рецидивной преступности (криминологический рецидив) демонстрирует негативную тенденцию к росту. Построение прогноза методом экстраполяции позволяет прийти к выводу о том, что если данная тенденция сохранится, то через 10 лет, возможно чуть раньше, в Российской Федерации будет регистрироваться только повторная преступность.

2. Изучение социально-демографической характеристики осужденных (пол, возраст, уровень образованности, семейное положение, социальное положение, выполнение трудовой функции, наличие жилья для проживания, отношение к религии, предыдущие судимости, характер совершенных преступлений) является необходимой предпосылкой для осуществления противопреступной социализации (ресоциализации). Изучение социально-демографических признаков в динамике позволяет составить перспективный прогноз, имеющий значение для формирования общей стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации.

3. На основе полученных результатов предложена матрица изменений (прогнозный план) социально-демографических характеристик личности преступника с определением ресоциализационного потенциала.

4. Особого внимания заслуживает исследование свойств личности киберпреступника, бытовая социализация которого зачастую успешна, однако есть дефекты правовой социализации. Развитие цифровых технологий, расширение сферы социального пространства за счет медиасферы ставят вопрос о возможности и необходимости формирования новых подходов к социализации (киберсоциализации) индивида. Полагаем, что говорить о киберсоциализации, как об отдельном явлении, в настоящий момент преждевременно.

2.3. Нравственно-психологические особенности личности осужденного в контексте ресоциализации

Исследование нравственно-психологической характеристики личности с точки зрения теории противопреступной социализации (ресоциализации) и ее практического применения представляется нам весьма существенным, ибо именно на ментальном (нравственно-психологическом) уровне субъективируются процессы социализации, десоциализации, ресоциализации, асоциализации.

В научной литературе нет единства мнений относительно набора признаков, которые могут быть отнесены к нравственно-психологической характеристике личности. Но при всем многообразии мнений бесспорным остается то, что это некие внутренние психологические (и психические) процессы, которые обусловлены как индивидуальными свойствами человека, так и приобретенным жизненным опытом. Большинство ученых включают в нравственно-психологическую характеристику личности врожденные свойства (темперамент, патологические изменения психики (аномалии)), отдельные психические процессы (память, мышление, воля, эмоции), психические состояния, моральные качества личности, уровень индивидуальной культуры, знания, умения, навыки,

привычки, общая социальная направленность личности¹. Будем следовать данной логике в настоящем исследовании.

Будучи внутренними (ментальными) нравственно-психологические характеристики объективируются вовне посредством той деятельности, того поведения (поступков или бездействия), которые человек осуществляет. Иными словами, внутренний мир определяет поведение людей, в том числе и преступное поведение. Исследователи признают наличие теснейшей связи между системой социальных ценностей личности, психологическими особенностями человека и преступной активностью².

Сейчас не вызывает научных дискуссий тот факт, что личность преступника, в том числе ее нравственно-психологические свойства, имеет отличия от личности законопослушного индивида³, не оспаривается и то, что такие отличия не обязательно приводят лицо к совершению преступления⁴, но во многом являются некой «опорой» или фундаментом для формирования личности преступника⁵. Отсюда логично вытекает вывод о возможности

¹См.: Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. М., 1975. С. 155; Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. М.: Юрист, 1997. С. 197. Прикладная юридическая психология: учебник / под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 135; Могилевский А.Л. Истоки правонарушений: социально-психологический аспект. Ашхабад, 1987. С. 101.

²См., например, Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. Л., 1984 – 32 с.; Могилевский А.Л. Указ. соч.; Еникеев М.И. Указ. соч.; Михайлов А.Н. Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения: психологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 1998; Дзиковская С.Г. Рецидивная преступность и ее предупреждение на региональном уровне (по материалам Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999.

³Как отмечалось еще в 80-х годах прошлого века, результаты эмпирического изучения личности преступников в сравнении с законопослушными гражданами убедительно свидетельствуют о наличии некоторых отличительных особенностей. См.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н., Бовин В.Г. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника // Личность преступника и предупреждение преступлений: сб. науч. тр. М., 1987. С. 14.

⁴Как отмечал в своей работе С.С. Остроумов, «констатируя определенную распространенность личностных характеристик, ни на какие закономерности выйти нельзя, ибо последние всецело носят вероятностный, статистический характер. Психологические качества человека могут способствовать или препятствовать совершению преступлений, но ни в коем случае не обрекать фатально человека быть преступником». См.: Остроумов С.С. Значение криминологии и уголовной статистики для эффективного осуществления уголовного процесса // Вестник МГУ. 1970. № 6. С. 22.

⁵С. Сигле в своей работе отмечает, что «всякий получает от своей природы известный характер, дающий известный отпечаток, известную физиономию его поведению и служащий, так сказать, внутренним импульсом, по которому человек и поступает в своей жизни. Чем более глубок и силен этот импульс, чем характер тверже и цельнее, тем скорее человек будет поступать сообразно с ним, не подчиняясь внешним влияниям; точно также и в ружейной пуле тем труднее уклониться от принятого направления под влиянием встречных препятствий, чем больше была та начальная скорость, с которой она была выброшена». Сигле С. Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1999. С. 99. Цит. по Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Юридический центр, 2016. С. 116.

противопреступного ресоциализирующего воздействия с учетом нравственно-психологических особенностей индивида.

История научного познания внутреннего мира человека достаточно обширна, однако и по сей день вопрос о причинах преступного поведения остается открытым, как и попытки предложить готовые рецепты противодействия преступности. Как представляется, и через миллионы лет человечество будет все так же далеко от обнаружения истины в данном вопросе, как и сейчас.

Полагаем, что основная ошибка заключается в том, что мы ждем результат, а смысл заключается в самом движении. Эффективное противодействие преступности видится в непрерывном, правильно организованном процессе социализации-ресоциализации, осуществляемом на основе представлений об особой роли личности, психологии человека.

Сегодня уже очевидно, что ни социальные (внешние) обстоятельства, ни биологические свойства человека не могут приводить к совершению преступления без преломления через внутренний (духовный, ментальный) мир человека¹.

Погружение в поистине бездонный и еще недостаточно изученный мир сознательного и бессознательного способно дать ответы на некоторые вопросы, вооружить инструментарием того, кто заинтересован в поиске способов противодействия преступности, прежде всего посредством ресоциализирующего воздействия. Влияние спонтанного, бессознательного усвоения опыта окружающей человека действительности в социализации и ресоциализации отмечают и другие специалисты².

Правовая доктрина, исследуя причинно-поведенческий комплекс преступности, оперирует понятиями «социальная установка личности»,

¹Следует согласиться с утверждением Д.А. Шестакова о том, что выбор преступного пути удовлетворения потребностей происходит не в силу давления внешних обстоятельств, но в значительной степени он зависит от развившейся в человеке готовности пойти вредным для общества, запрещенным под страхом уголовного наказания путем. Шестаков Д.А. Психология преступного поведения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 39.

²Темаев Т.В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2017. С. 67.

«ориентация», «направленность». Обозначенные понятия означают отношение индивида к тем или иным социальным ценностям¹.

В научной литературе советского периода господствовало мнение о существовании так называемой «антиобщественной установки», которая присуща преступникам и является их отличительной чертой². В настоящее время специалисты оперируют терминами социальная/антисоциальная установка, психологическая установка. Полагаем, что об антисоциальной (в смысле противопоставления принятым в обществе нормам и правилам) установке можно говорить только в отношении неоднократных (привычных, профессиональных) преступников.

Опрошенные нами эксперты, с которыми, как представляется, можно согласиться, не считали, что антиобщественная установка присуща всем преступникам и полагали, что не стоит особенности ресоциализирующего воздействия связывать именно с данным показателем. С целью выяснения мнения экспертов нами предлагалось ранжировать предложенные типы личности преступников по наличию/отсутствию антиобщественной установки. По результатам проведенного экспертного опроса, наличие антиобщественной установки у представителей ассоциализированного агрессивного (антисоциального) типа отметили 95,5% опрошенных, у десоциализированного опасного типа – 76,5%, у дефектно социализированного (ситуативного) типа – 25,5%, у дефектно социализированного (случайного) типа – 10,6%, у несоциализированного (делинквентного) типа не отметил никто из экспертов. В ходе интервьюирования сотрудники психологической службы ФКУ ИК-6 по СПб и ЛО отметили наличие антиобщественной установки только у ограниченного числа представителей спецконтингента³.

¹Как отмечается в научной литературе, существо жизненной установки, ориентация личности выражается, таким образом, в определенном, достаточно устойчивом отношении данного лица к различным социальным ценностям. Личность преступника. М., 1975. С. 156.

²Теория социальной установки была разработана Д.Н. Узнадзе. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с. Понятие антиобщественной установки как социально-психологической основы преступного поведения введено в криминологическую литературу А.Б. Сахаровым. Под антиобщественной установкой обычно понимается комплекс антиобщественных взглядов, убеждений и готовность личности действовать в соответствии с ними.

³По результатам анкетного опроса и анкетирования сотрудников исправительных учреждений Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Кемеровской области и Приморского края (всего было опрошено более 294 человека).

Невозможно объяснить всякое преступное поведение, даже привычное, только наличием антиобщественной установки. Любой поведенческий акт детерминирован многими обстоятельствами, в том числе и случайными. Механизм индивидуального преступного поведения сложен и неоднозначен. Человек может не принимать социальные нормы, но в то же время соблюдать их, и наоборот - принимать сложившиеся в обществе правила поведения и совершать преступления, не осознавая личный смысл своих действий¹.

Результаты проведенного нами исследования (изучение личных дел осужденных, беседы со специалистами психологической службы пенитенциарных учреждений) свидетельствуют о том, что зачастую совершению преступления предшествовали объективные обстоятельства негативного свойства: потеря работы (27,4%), утрата средств к существованию (17,5%), разрушение семейных отношений (21,6%), потеря близкого родственника (12,5%), иные причины (21,6%). Совершение преступления под влиянием собственного легкомыслия в ходе проведенного анкетного опроса отметили только 0,3% опрошенных².

Причины, приводящие к совершению преступления, сложны и многообразны. Столь же непростым может быть и путь противопреступной социализации (ресоциализации). Исследование внутренних субъективных процессов, как представляется, лежит в плоскости психологии. Отвечая на вопросы о причинах того или иного поступка человека, психология склоняет нас к поиску побудительных факторов, мотивов того или иного деяния, важным звеном которых являются потребности³ или более обобщенно ценностно-потребностная сфера¹.

¹Так, Ю.М. Антонян указывает на то, что зачастую преступники ничего не могут сказать ни о мотиве своих действий, ни об их смысле. «Нередки случаи, когда при посещении исправительных учреждений к нам обращались осужденные с просьбой объяснить им, почему они совершили преступление. Они сами ничего об этом сказать не могли». См. об этом Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Б.В. Волженкина. СПб., 2005. С. 404. На это обстоятельство указывает в своей работе и А.Ф. Зелинский. См. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков: «Вища школа», 1986. С. 21.

²По данным проведенного анкетирования и интервьюирования сотрудников исправительных учреждений ИК-3, ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ИК-40 ГУФСИН РФ по Кемеровской области (всего опрошено более 200 человек), а также по результатам изучения личных дел осужденных (всего изучено более 300 личных дел осужденных).

³Как отмечает Г.В. Мальцев, сегодня большинство психологов склоняются к тому, что в исходном пункте психической регуляции лежат потребности, первичные, жизненные (витальные) двигатели, которые приводят в

В научной среде нет единообразия относительно понятия потребностей. Обобщенно можно определить потребность как «испытываемое человеком субъективное переживание объективной нужды в материальных и нематериальных благах»². Считается, что потребности определяют направленность движения психических процессов.

Потребности социально обусловлены, так как во многом зависят от состояния развития общества и научно-технического прогресса. Перечень естественных потребностей человека достаточно скромн, в то время как по мере развития социума, его цифровизации и технологизации, перечень таковых существенно расширяется за счет появления «цивилизационных» потребностей. Полагаем, что ресоциализационным потенциалом обладает выяснение потребностей человека и определение позитивных возможностей их удовлетворения.

Существенной «болевой» точкой ресоциализационного воздействия видится наличие у индивида так называемых ложных потребностей или квазипотребностей, к числу которых относится злоупотребление алкоголем, наркотическими, токсическими, психоактивными веществами. По данным проведенного нами опроса экспертов, сотрудников исправительных учреждений, около 70% осужденных злоупотребляют алкоголем, наркотическими, токсическими веществами. Подтверждаются эти данные и информацией ФСИН РФ. Как отметили во ФСИН, только по данным медицинских служб на 1 июля 2020 г., в учреждениях УИС содержалось 37,6 тыс. лиц, страдающих наркоманией, и 17,3 тыс. страдающих алкоголизмом. Это 11% среди всех

динамическое состояние психику человека, направляя ее, в конечном счете, на цель, предмет удовлетворения потребности. См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. 2011. С. 132.

¹Как отмечают исследователи, под ценностно-потребностной сферой личности понимается система индивидуальных потребностей, формирующихся на основе врожденных и уже приобретенных в течение жизни потребностей, и их организация в блоки–ценности, которые соответствуют исторически сложившимся, социально одобряемым морально-этическим нормам, выработанным в процессе развития общества под влиянием социально-экономических факторов, но отличающиеся своей индивидуальной неповторимостью. См.: Морогин В.Г., Залевский Г.В. Ценностно-потребностная сфера личности осужденных, переживших смертный приговор // Психологический журнал. 1999. № 2. С. 74.

²См., например, Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 22; Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 79; Криминология / под ред. В.Н Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. С. 66.

пребывающих в местах лишения свободы, среди осужденных женщин доля наркозависимых выше и составляет 13,6%¹.

Алкоголизм и наркомания представляют не только индивидуальную проблему, усугубляя нравственно-психологическую деградацию лица, способствуя десоциализации, но и являются значимыми социально негативными факторами, пагубно влияющими на состояние общества в целом. Злоупотребление алкоголем и наркотиками зачастую способствует рецидивной преступности. Замечено, что по мере увеличения количества судимостей у осужденных растет число тех, кто злоупотребляет алкоголем, наркотиками, психотропными, токсическими, психоактивными веществами (таблица 7).

Таблица 7²

**Данные о наличии/отсутствии ложных потребностей
и числе судимостей, %**

	Пол	1 судимос ть	2 судимос ти	3 судимос ти	4 судимос ти	5 и более судимос тей	Средний показател ь
Злоупотре бляют алкоголем	Мужчины	113(30,9)	98(62,0)	68(94,4)	15(100)	9(100)	73,16
	Женщины	7 (46,7)	9(64,2)	2(100)	1(100)	-	77,7
Злоупотре бляют наркотика ми, токсическ ими вещества ми	Мужчины	47 (12,9)	27(17,1)	2(2,8)	-	-	10,9
	Женщины	4 (26,7)	4(28,5)	-	-	-	27,6
Не злоупотре бляют	Мужчины	84 (23,0)	20(12,6)	-	-	-	17,8
	Женщины	2 (13,3)	-	-	-	-	13,3
Нет сведений	Мужчины	112(30,7)	13(8,2)	2(2,8)	-	-	13,9
	Женщины	2(13,3)	1(7,1)	-	-	-	10,2
Итого	Мужчины	356(100)	158(100)	72(100)	15(100)	9(100)	
	Женщины	15(100)	14(100)	2(100)	1(100)	-	

¹URL: <https://tass.ru/obschestvo/9747885>.

²По данным анкетного опроса осужденных, отбывающих наказание в ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Данные по осужденным лицам женского пола были предоставлены сотрудниками УФСИН РФ по СПб и Ленинградской области.

Проведенное исследование показывает, что практически каждый ранее судимый, начиная с третьей судимости, злоупотребляет алкоголем. Процент злоупотребления наркотическими, токсическими веществами, обретая свой максимум ко второй судимости, затем сходит на нет, что объясняется высокой смертностью от передозировки данными веществами.

Что касается гендерных различий среди злоупотребляющих осужденных, то они не существенны. Различия составляют темпы прироста процентов злоупотребляющих, что может быть связано с большей скоростью алкоголизации и деградации женщин-преступниц. Общеизвестно, что женский алкоголизм трудно излечим, кроме того, он более социально деструктивен. Женщины-алкоголички отвергаются обществом, ближайшим социальным окружением. Обусловленные злоупотреблением алкоголем такие низменные качества как распущенность, жестокость, озлобленность, приводят лиц женского пола к полной деградации.¹

Злоупотребление наркотиками по-прежнему представляет значимую социальную проблему. Несмотря на то, что по официальным данным процент совершивших преступление в состоянии наркотического или иного токсического опьянения лиц крайне незначителен, следует иметь в виду высокую латентность наркотизма. Верность такого утверждения подтверждается и данными специальных исследований. Так, по мнению Л.И. Романовой, поскольку размеры распространения наркотиков и криминального наркотизма характеризуются высоким уровнем латентности, установить точную цифру, реально отражающую истинное число наркоманов, не удастся никому².

¹Как отмечают специалисты, женский алкоголизм отличается спецификой. Динамика течения алкоголизма у женщин более злокачественна, с быстрой морально-этической деградацией, резким сужением круга интересов, огрублением, утратой черт женственности в сочетании с циничностью, грубостью, патологической лживостью. Ресоциализация таких женщин чрезвычайно затруднена с учетом того, что они давно утратили социально полезные и семейно-бытовые связи; многие из них неоднократно осуждались к наказанию в виде лишения свободы. См. об этом: Бадалянц Э.Ю. Криминологические и правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1993. С. 214.

²См. Романова Л.И. Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе (криминологические и уголовно-правовые аспекты): дис. ... д-ра. юрид. наук в форме научного доклада. Владивосток, 2001. С. 19; Романова Л.И. Наркопреступность: цена, характеристика, политика борьбы: монография. М. 2010. С. 15.

Рассматривая проблему наркозависимости сквозь призму конфликта, Г.В. Зазулин предлагает решать ее как проблему людей, потребляющих и не потребляющих наркотики. Необходимо предоставить вторым такие условия жизни, которые исключили бы всякий случайный или закономерный мотив к наркопотреблению, не требовали от людей прибегать к наркотическому опьянению. Данными условиями жизни предлагается считать те, контроль над которым и осуществляется самими людьми¹. Таким образом, проблема наркозависимости рассматривается как социальная.

Исследования демонстрируют существенную деформацию личности преступника-наркомана: для них характерны отсутствие осознания общественной опасности деяния, непонимание степени своей вины в совершенном преступлении, безразличное отношение к вынесенному судебному решению, отсутствие социально-полезных приоритетов, что особо проявляется у повторно осужденных².

Личность преступника-наркомана, как и преступника, страдающего алкоголизмом, социально дезадаптирована: это отмечается как исследованиями специалистов, так и проведенными автором настоящей работы изысканиями. Так, в научной литературе указывается, что для осужденных наркоманов характерны повышенная тревожность, конфликтность, вспыльчивость, неискренность, они часто забывают данные обещания, суетливы, не доделывают начатое до конца, трудно адаптируются к условиям ИУ, имеют невысокий статус среди других осужденных³.

Пусковым механизмом дезадаптации является злоупотребление алкоголем, наркотиками, психотропными веществами. Специалистами уже давно отмечено, что наркомания, как, впрочем, и алкоголизм, являются заболеваниями, требующими психиатрического, в том числе, медикаментозного лечения, однако в

¹Зазулин Г.В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013). СПб: Юридический центр Пресс, 2013. С. 16.

²Лелеков В.А., Бочаров В.Г., Мусейбов А.Г. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних и молодежи, осужденных за преступления, связанные с наркотиками // Территориальные различия преступности: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. С. 20.

³Ушатиков А.И., Ганишина И.С. Личность наркозависимого осужденного и ее особенности // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 194.

отношении осужденных немаловажное значение имеет факт осознания необходимости такого лечения¹.

По данным исследования, проведенного В.В. Дробышевой, из числа опрошенных осужденных признают себя больными 36,4%, отрицают факт заболевания 5,1%, отказались отвечать на данный вопрос – 58,5% респондентов².

Согласно результатам проведенного нами опроса сотрудников исправительных учреждений, факт добровольного признания заболевания наркоманией и алкоголизмом осужденными отметили 27% опрошенных респондентов, 49% отметили, что осужденные не признают факта заболевания, 24% опрошенных затруднились с ответом³.

Помимо заболеваний алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией существенное негативное влияние на нравственно-психологическую характеристику личности, связанные с ними особенности ресоциализации оказывают так называемые социально-значимые и опасные для окружающих болезни⁴. Осужденные составляют значительную группу риска, что нельзя не учитывать, выстраивая стратегии противопреступной социализации (ресоциализации). К числу таковых относятся туберкулез, ВИЧ и иные заболевания, за последнее время к числу недугов, представляющих опасность для окружающих, добавилась и новая коронавирусная инфекция (из числа

¹Ученые приводят статистические данные, свидетельствующие о росте числа осужденных, которым судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы назначена обязанность пройти курс лечения от наркомании. В 2014 г – 172 чел., 2015 г. – 830 чел., 2016 г. – 1413 чел., 2017 г. – 2028 чел., в 2018 г. – 2514 чел., в 2019 г. – 2677 чел. Бабаян С.Л., Лакина И.А., Питкевич Л.П. Совершенствование законодательства, устанавливающего ответственность осужденных, признанных больными наркоманией, за уклонение от возложенной на них судом обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию // Российское правосудие. 2020. № 12. С. 94.

²Дробышева В.В. Личностные особенности осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 105.

³По данным проведенного анкетирования и интервьюирования сотрудников исправительных учреждений ИК-3, ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ИК-40 ГУФСИН РФ по Кемеровской области (всего опрошено более 200 человек),

⁴Достаточно информативно об эпидемиологии наиболее значимых социальных заболеваний с учетом региональной специфики представлено в следующей работе: Баянова Т.А. Ботвинкин А.Д., Куприянова Н.Ю. Социально значимые заболевания. Эпидемиология и профилактика инфекционных заболеваний: туберкулез, ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты В, С: учебное пособие для студентов. Иркутск: ИГМУ, 2015. 49 с.

включенных в перечни заболеваний нами были выбраны имеющие наибольшее распространение в среде осужденных)¹.

По некоторым данным, за последнее время заболеваемость туберкулезом в исправительных учреждениях снизилась при сохранении стабильного показателя в СИЗО. Однако, данный факт не может служить поводом для оптимизма, так как динамика заболеваний все еще высока².

Вызывает тревогу распространение случаев сочетанного заболевания туберкулезом и ВИЧ. Следует отметить также и некоторые расхождения между данными официальной статистики и фактическим положением вещей в уголовно-исполнительной системе, фиксируемым специалистами³.

Все вышеизложенное позволяет с уверенностью говорить о том, что важным компонентом ресоциализирующих мероприятий должны стать медицинская помощь и медицинское сопровождение. Ведь многие из осужденных нуждаются в лечении и необходимости соблюдения ограничений в виду того, что болезнь, которой они страдают, является социально значимой.

Особого внимания заслуживает ресоциализация лиц, имеющих психические заболевания. В научных исследованиях указывается на значительное количество среди преступников тех, кто страдает психическими аномалиями, не исключаяющими вменяемость.

¹Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

²Заболеваемость туберкулезом в исправительных учреждениях снизилась до 538,0 на 100 000 при сохранении на постоянном уровне заболеваемости в следственных изоляторах, в которых было выявлено более половины (51,9%) новых случаев туберкулеза. Смертность от туберкулеза снизилась до 9,7 на 100 000. Отмечается стабилизация показателей абациллирования (29,7 на 100 среднегодовых бактериовыделителей) и клинического излечения контингентов (31,1 на 100 больных туберкулезом). В то же время указано на отсутствие существенной динамики доли успешного лечения по I, II, III режимам химиотерапии, а также по IV, V режимам химиотерапии (то есть, тяжелое течение). Стерликов С.А., Белиловский Е.М., Пономарёв С.Б., Постольник Г.А. Эпидемическая ситуация по туберкулезу в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2018. № 4. С. 1-21.

³За последние три года почти треть смертей (32%) в местах лишения свободы происходит из-за ВИЧ-инфекции. Такие данные Лайф предоставили в пресс-бюро ФСИН. Второе место досталось "другим причинам" (без уточнений, что это за причины) — таких 29% от всех смертей. На третьем месте — сердечнососудистые заболевания (22%). По мнению экспертов, за строгими цифрами статистики скрывается реальное положение дел — людей в колониях и тюрьмах умирает гораздо больше и совсем по другим причинам. URL: <https://life.ru/p/1024540>.

Достаточно подробно этот аспект был исследован в свое время Ю.М. Антоняном и С.В. Бородиным¹. Авторы обращают внимание на то, что факт наличия психических патологий коррелирует со степенью криминогенной опасности осужденных, видами режима и удельным весом совершенных ими тяжких преступлений².

Значителен удельный вес лиц с психическими отклонениями среди неоднократно судимых лиц³. По данным проведенного нами опроса сотрудников исправительных учреждений, 54% респондентов отметили повышенный уровень психических аномалий у осужденных, 27% опровергли этот факт и 19% затруднились с ответом на поставленный вопрос⁴.

Научные исследования степени влияния психических аномалий на поведение человека, в том числе преступное, не подтверждают существования однозначной линейной зависимости. Иными словами, психические аномалии могут обуславливать непроступное поведение, но формировать некий фон или условия, способствующие совершению преступления⁵.

Полагаем, что данное суждение можно признать верным. Психические аномалии оказывают влияние на эмоциональную сферу индивида,

¹К психическим аномалиям авторы относят структурные или функциональные отклонения стабильного характера, обусловленные нарушениями дородового развития, например, олигофрениии и ядерные или конституциональные психопатии. Здесь же встречаются краевые психопатии патохарактерологического развития, остаточные явления органического поражения центральной нервной системы травматической этиологии и т.д. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. С. 8.

²Так, по мнению А.В.Кулакова среди осужденных к лишению свободы удельный вес лиц с психическими патологиями составляет 20-25% (без учета наркоманов, алкоголиков и токсикоманов). Кулаков А.В. К вопросу психических патологий осужденных, совершающих пенитенциарные преступления // Вестник ЧелГУ. 2012. № 29 (283). С. 84. Денисова Т.А. отмечает опасность осужденных с психическими отклонениями, поведение которых отличается агрессивностью, конфликтностью, склонностью к совершению новых преступлений. Денисова Т.А. Наказание воспроизводит преступников? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 148.

³Удельный вес рецидивистов среди лиц, страдающих психопатией, составляет по некоторым данным 73,3 %. За ними, по мере убывания, следуют: олигофрены (58,7 %), лица, имеющие остаточные явления черепно-мозговых травм (55,2 %), хронические алкоголики и наркоманы (48 %), лица с органическими поражениями головного мозга (41,4 %), эпилептики (33,3 %) и лица с иными психическими отклонениями (30,8%). Зайцева О.В. Рецидивная преступность лиц с психическими отклонениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 12-13.

⁴По данным проведенного анкетирования и интервьюирования сотрудников исправительных учреждений ИК-3, ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ИК-40 ГУФСИН РФ по Кемеровской области (всего опрошено более 200 человек).

⁵См.: Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 174; Козюля В.Г., Очнев В.К. Психологические особенности личности правонарушителей, способствующие их социальной дезадаптации // Личность преступника и предупреждение преступлений: сб. науч. тр. М., 1987. С. 65-72; Костылева Г.В. Типичная личность преступника и жертвы при исследовании убийств, связанных с исполнением религиозного обряда // Следователь. 2004. № 2. С. 46; С. 65; Шишков С. О принудительном лечении осужденных с психическими аномалиями // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 50.

объективируясь в его поведении, особенностях социализации, часто способствуя криминальной десоциализации¹. Патологии психики сказываются на формировании характера и отдельных его проявлений: вялости, апатии или наоборот, агрессии и раздражительности, импульсивности. Наличие психических аномалий искажает внутреннее восприятие окружающей действительности, а также собственное самосознание индивида.

Немаловажное значение в механизме психической регуляции имеют присущие человеку, зависящие от природных особенностей такие индивидуальные свойства как тип темперамента, направленность воли, способности (склонности). В процессе своего становления (социализации) человек усваивает социальные нормы и правила поведения именно сквозь призму присущих качеств, что индивидуализирует его сущность, образует человеческую «самость», или внутренне «Я»².

Проявлением природных индивидуальных поведенческих черт, выработанных в ходе социализации, выступает характер человека, который может быть мягким, жестким, порывистым, решительным/нерешительным и т.д. По сути, именно данный признак определяет основную поведенческую линию индивида. Безусловно, характер не может фатально привести человека к совершению преступления, исследованиями не подтверждено наличие так называемого «криминогенного характера», однако учет типических черт, индивидуальной специфики человека позволит найти то, что привело к совершению преступления и также то, что может способствовать возврату к законопослушному образу жизни, ресоциализации.

¹Исследователи отмечают, что психические аномалии играют существенную роль в криминализации личности. Кокурин А., Бовин Б., Мокрецов А. Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание. 2004. № 9. С. 19.

²М.С Крутер анализируя социально-психологические факторы детерминации молодежной преступности, указывает на то, что нормы, стандарты, образцы поведения в обществе усваиваются через социально-психологическую призму человека. Восприятие этих «готовых» традиций, обычаев, норм поведения в конечном счете оказывается неодинаковым в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, от индивидуальных особенностей молодого человека, специфике конкретных жизненных ситуаций. Крутер М.С. Социально-демографические факторы детерминации молодежной преступности // Юридический мир. 2002. № 10. С. 28.

Основной динамической составляющей характера индивида является его воля¹. Воля позволяет человеку сознательно направлять свое поведение, руководить поступками или удерживаться от их совершения². Воля представляет собой динамическую характеристику сознания, воспринимается индивидом, проявляется в осознанном действии (бездействии). Однако, не все поступки человек может объяснить, связать свое волевое действие с осознанием его причин. Многие лежат за гранью сознательного и осознаваемого, что, безусловно, имеет значение для ресоциализации.

Как отмечает Ю.М. Антонян, «категория бессознательного и вся научная информация о нем явно недостаточно используется в объяснении явлений преступности»³. Категории бессознательного и подходы к их изучению были представлены в трудах З. Фрейда и его последователей, однако, говоря о психоанализе, как о методе проникновения в бессознательное, ученый предупреждал, что «психоанализ не открыл последние загадки человеческой жизни..... открыл дверь, ведущую в духовную жизнь человека...»⁴. Пользуясь «фрейдистской» терминологией, полагаем, что за этой «дверью» есть еще немало неизведанного, необъяснимого, в том числе и глубинные причины индивидуального преступного поведения, абиссальные, неосознаваемые личностью скрытые мотивы нарушения правил поведения в обществе.

Человечество с давних пор пытается понять и объяснить логику мироздания в макро-масштабе (на уровне Вселенной) и микро-масштабе (на уровне отдельной личности, микро-вселенной духовного мира конкретного индивида) при помощи мистических, религиозных, магических, ментальных практик.

¹Изучая особенности личности, А.С. Михлин в свое время обратил внимание на волю и ее значение в определении механизма преступного поведения. Он отметил, что уровень развития волевых качеств позволяет личности оценивать правомерность или неправомерность своего поведения, его социальную значимость См. Михлин А.С. Изучение личности в ИТУ. М., 1975. С. 17.

²В психологии под волей понимается саморегуляция личностью своего поведения в виде сознательного направления усилий на удовлетворение потребностей или удерживания от активности. Кургузкина Е.Б. Личностные особенности и преступное поведение // Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002. С. 143.

³Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Б.В.Волженкина. СПб., 2005. С.396.

⁴Фрейд З., Буллит У., Вудро Вильсон Т. Двадцать восьмой президент США. Психоаналитическое исследование. М., 1992. С. 50.

Поиски глубинного внутреннего мира приводят даже к попыткам найти физическое место души в теле человека. Духовные переживания являются важной составляющей нашего внутреннего самоощущения. И, хотя, поиски физического «сосуда души» пока не увенчались успехом, но изучение воздействия бессознательного на поведение человека демонстрирует значительность такого влияния, в том числе и на процессы ресоциализации.

По сути, каждый индивид, проживая свою жизнь, выполняет некую программу действий, содержание которой составляет набор событий, поступков, действий/бездействий и т.д. Модель поведенческого акта и его психофизиологические основы сформулированы в концепции функциональной системы П.К. Анохина¹. Полагаем, что данная модель объясняет только единичный акт преступного поведения².

Каждый из элементов, включенных в программу, имеет несколько вариантов своего развития, но в динамике все они подчинены единой логической структуре, программе, которая должна быть реализована в течение всей жизни человека³. Концептуальные положения теории могут быть использованы при обосновании программного подхода к формированию личности преступника.

Предлагаемый «программный подход», как представляется, позволяет отбросить идею о неисправимости (или даже негодности) человека, сделать вывод о возможности ресоциализации путем внесения корректировок в программу жизни человека путем противопреступной социализации (ресоциализации). Ведь если предположить, что каждая индивидуальная жизнь программируется, то всегда возможно внести исправления в программу (некий код).

Для того чтобы понять, где и на каком этапе процесса социализации из возможных вариантов поведения был избран именно преступный, необходимо

¹Анохи, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: избр. труды. М., 1978. С. 86-87.

²См. об этом также Лаврухин С.В. Криминалистическая концепция поведения преступника // Государство и право. 2004. № 6. С. 58-65. Об афферентном синтезе, как физиологической основе поведения человека, см. Иванов Н. Свобода воли в преступном поведении // Законность. 1993. № 10. С. 38.

³По меткому выражению Д.А. Шестакова, человек в мире – марионетка для выполнения предписанной свыше программы, которая дает стимулы: радости, любви... навязанные свыше представления о хорошем и плохом. Шестаков Д.А. Поголовное чипирование как подмена Бога шайкой земных хозяев (возвращаясь к Достоевскому) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 57-59.

проследить весь жизненный цикл человека, только в этом случае можно будет понять, что именно привело (или способствовало) к совершению преступления¹.

Если спроецировать категории информационно-технологического толка на психоэмоциональную сферу человека, то можно предположить, что функции программирования жизненного цикла выполняет мозг. Однако на данный момент однозначного ответа на этот вопрос нет, а попытки решить проблему путем медикаментозного или хирургического вмешательства остаются бесплодными.

Установленной можно считать эффективность психотерапевтического воздействия на человека в целях корректировки его «жизненной (витальной) программы» (и то, с определенной долей вероятности). Однако по-прежнему в российской практике противодействия преступности этот аспект должным образом не реализован. Психологическая помощь и поддержка не пользуются широкой популярностью в России, не внедрен в полной мере в практическую плоскость потенциал данной меры и на уровне реализации государством мероприятий по противодействию преступности.

В наибольшей степени в психологической помощи нуждаются осужденные, находящиеся в условиях изоляции. Исследование такой личности демонстрирует обусловленный этим переход к состоянию отчуждения.

Общее впечатление от нахождения в российских пенитенциарных отчуждениях – безысходность. Причем, это чувство, эмоция характерна не только для самих осужденных, но и для сотрудников учреждений. Безысходность проявляется и по отношению к жизненным перспективам, неуверенности в будущем законопослушном поведении. Так, большинство обследованных нами находящихся в условиях изоляции лиц выразили сомнение в ответе на вопрос о возможности/невозможности совершения преступления в будущем (54,6%). Аналогичный опросник был предложен и освобожденным от отбывания наказания

¹Ю.М. Антонян отмечает, что «личность и ее поступки могут быть понятны только в том случае, если выявлены законосообразности жизненного пути именно этого человека, если должным образом интерпретированы особенности его природы». В тоже время ученый подчеркивает, что и «целостность собственной личности, и все ее закономерности индивидом также не осознаны». Полагаем, что с таким утверждением нельзя согласиться в полной мере, учитывая, как раз индивидуальность каждой личности и взаимосвязь с социальными процессами. См. об этом Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Б.В. Волженкина. СПб., 2005. С.405.

лицам, состоящим под административным надзором. Результаты сравнения ответов демонстрируют наличие разницы – находящиеся «на свободе» лица более уверены в своей жизненной позиции (41,7% неуверенных в ответе респондентов) (таблица 8).

Таблица 8

**Данные ответов о будущем законопослушном поведении, %
(в двадцатилетней динамике)**

Возможна ли такая ситуация, что осужденный вновь совершит преступление	Находящиеся в ИУ осужденные		Освобожденные от отбывания наказания	
	2000	2020	2000	2020
Нет	44,54	33,7	35,0	56,2
Да	15,10	11,6	32,0	2,1
Не уверен в ответе	40,14	54,6	33,0	41,7
Итого	1150 (100%)	1574(100%)	60 (100%)	48(100%)

Сравнение с исследованием, проведенным нами в 2000 году, демонстрирует незначительные различия, но не в лучшую сторону. Так, увеличилось количество неуверенных в ответе из числа отбывающих наказание в исправительном учреждении осужденных, в то же время снизилось количество уверенных в будущем законопослушном поведении.

Если сравнивать ответы на вопрос освобожденных от наказания лиц, то тут наблюдается картина увеличения количества уверенных в будущей законопослушности (56,2%) при возрастании количества неуверенных в ответе (41,7%), что может быть следствием определенной боязни отвечать открыто на вопросы, будучи под контролем в виде административного надзора со стороны правоохранительных органов.

Гнетущую морально-психологическую обстановку в исправительных учреждениях отметили в ходе интервьюирования и сотрудники психологической службы, которые указали, что, по сути, не занимаются выполнением своих профессиональных функций, не оказывают психологическую помощь, а «просто работают статистами»¹.

¹По данным проведенного нами интервьюирования сотрудников психологической службы ИК-3, ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ИК-40 ГУФСИН РФ по Кемеровской области (всего опрошено 5 человек).

Среди характерных психологических процессов, препятствующих ресоциализации, опрошенные сотрудники психологических служб назвали присущий осужденным конформизм. Основная задача осужденного в исправительном учреждении – максимально для себя безопасно и удобно провести определенное приговором время, они вынуждены приспособливаться под требования субкультуры, выстраивать взаимоотношения, выполнять определенные роли и соответствовать им, что в целом способствует десоциализации или даже асоциализации. Думается, что, выявление степени конформизма конкретного индивида позволило бы индивидуализировать ресоциализационное воздействие. Как и выяснение состояния эмоциональной сферы осужденного. Учет характеристик данного признака имеет немаловажное значение в психологической работе с осужденным: выявление положительных эмоций, их источников, следует использовать в процессе ресоциализации.

Полагаем, что психологическое воздействие необходимо осуществлять не только в отношении лишенных свободы лиц, но и осужденных к иным видам наказания, продемонстрировавшим совершением преступления дефекты социализации, также нуждающимся в корректировке своей жизненной (витальной) программы. Психологическое воздействие должно быть индивидуальным: следует разрабатывать индивидуальные программы ресоциализации осужденных на основании применения психологических методик (тестов, опросов). И данные программы должны быть реально персонифицированными.

Представляется немаловажной составляющей индивидуальной программы ресоциализации повышение уровня культуры личности преступника. В свое время М.М. Бабаев выдвигал «исходное (концептуальное) положение о том, что чем выше уровень и богаче содержание культуры общества, различных социальных групп, личности, тем ниже уровень преступности и иных правонарушений»¹.

¹Бабаев М.М. Духовная культура и преступность // Влияние социальных условий на преступность: сб. науч. трудов. М., 1983. С. 60.

О важности осознания и присвоения культурных ценностей общества личностью преступника писала в своей работе Н.И. Минкина¹. Взаимосвязь социализации, ресоциализации с особенностями культуры проследила в своем диссертационном исследовании Е.Г. Багреева².

Многие преступники, как представляется, в силу дефектности социализации, не имели возможности ознакомиться с достижениями мировой культуры и искусства, произведениями отечественных литераторов, живописцев и музыкантов. Погружение в мир культуры позволит обогатить криминогенную личность новыми знаниями и представлениями о добре и зле, послужит своего рода очищением, и при условии восприятия и осознания послужит одним из инструментов ресоциализирующего воздействия.

Коррекция нравственно-психологических признаков (свойств) личности преступника будет максимально эффективной, будучи реализованной в рамках системы психологической помощи, психологического сопровождения, о чем подробно изложим в следующих параграфах настоящего исследования.

Таким образом, анализ нравственно-психологических особенностей осужденного в контексте ресоциализации позволяет сделать следующие выводы:

1. Нравственно-психологические свойства личности осужденного имеют отличия от личности законопослушного индивида, однако таковые не обязательно приводят лицо к совершению преступления, но во многом являются некой «опорой» или фундаментом для формирования личности преступника.

2. Исследование внутренних субъективных процессов лежит в плоскости психологии. Отвечая на вопросы о причинах того или иного человеческого поступка, эта наука склоняет нас к поиску побудительных факторов, мотивов того или иного деяния, важным звеном которых являются потребности или более обобщенно ценностно-потребностная сфера. Перечень естественных потребностей человека достаточно скромнен, в то время как по мере развития

¹Минкина Н.И. Проблема определения культуры личности преступника // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 84-91.

²Багреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2003. 371 с.

общества, его цифровизации и технологизации, такой набор существенно расширяется за счет появления «цивилизационных» потребностей.

3. Характерной особенностью личности осужденных является наличие ложных ценностей (злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами, психотропными, токсическими веществами), социально значимых и опасных для окружающих заболеваний, не исключающих вменяемости психических отклонений. Данное обстоятельство предопределяет необходимость использования медико-психологических или даже психиатрических мер воздействия.

4. Выдвинута научная гипотеза о программном подходе к формированию личности, в соответствии с которым можно предположить, что каждый индивид, проживая свою жизнь, выполняет некую программу действий (код), содержание которой составляет набор событий, поступков, действий/бездействий и т.д. Каждый из элементов, включенных в такой код, имеет несколько вариантов своего развития, но в динамике все они подчинены единой логической структуре, которая должна быть реализована в течение всей жизни человека. Изменение жизненной программы человека возможно путем корректировок (вероятно, психотерапевтическими, психологическими методиками) на определенных этапах человеческого существования в целях возврата к социально-приемлемым вариантам поведения.

5. Исследование личности осужденного, подвергшегося мерам уголовного наказания, демонстрирует обусловленный этим переход к состоянию отчуждения. Особенно это ощущается в случае применения наказания, связанного с лишением свободы. Общее впечатление от нахождения в российских пенитенциарных отчуждениях – безысходность. Выходом из данной ситуации видится расширение функциональной сферы психологической службы уголовно-исполнительной системы с тем, чтобы работа психологов с осужденными была бы максимально персонифицированной.

6. Психологическое противопреступное воздействие должно осуществляться индивидуально в рамках программ ресоциализации, в необходимых случаях включать медикаментозное лечение от алкоголизма,

наркомании, токсикомании, иных видов социально-значимых заболеваний. Следует усиливать медицинское сопровождение, оказание медицинской помощи осужденным в рамках индивидуальных программ ресоциализации.

2.4. Потерпевший как объект ресоциализации

В контексте противопреступной социализации (ресоциализации) перспективным видится отнесение к объектам ресоциализирующего воздействия не только лиц, совершивших преступление, но и потерпевших. Следует отметить, что в доктрине противодействия преступности виктимологический аспект представлен и исследуется уже достаточно давно, однако сквозь призму ресоциализации он еще недостаточно изучен¹.

Несмотря на то, что официальная статистика фиксирует ежегодное снижение количества потерпевших от преступлений, эта цифра достаточно высока (таблица 9). Нельзя сбрасывать со счетов высокую латентность данной сферы, что делает абстрактными всякие рассуждения об объективности анализируемого показателя. Значительное количество потерпевших не обращаются в правоохранительные органы, по поступившим обращениям, зачастую, уголовные дела не возбуждаются.

Изменения законодательства в части ст. 116 УК РФ, реализованные Федеральным законом «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса

¹В научной литературе в сфере виктимологических исследований используются термины «потерпевший» и «жертва» преступления. Анализируя публикации по данной теме, А.А. Раськевич приходит к выводу о наличии некоторой конкуренции терминов, которую необходимо решить. Полагаем, что о конкуренции в данном случае не может идти речи, так как с точки зрения целеполагания именно виктимологических исследований эти термины равнозначны. В иных науках, например, уголовного права или уголовного процесса, в проведении такого водораздела есть смысл, но виктимология изучает причины, условия, личность, предупреждение с позиций вреда, причиненного преступлением, и в этих целях, полагаем, можно использовать оба термина. См. об этом Частная криминология: учебник / Д.А. Шестаков [и др.] ; отв. ред. Д.А. Шестаков. Автор 4 разд. А.А. Раськевич. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. С. 724-725.

Российской Федерации» от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ¹, декриминализировали побои в отношении близких лиц, что также повлияло на судебную статистику. Хотя в целом статистические данные по количеству потерпевших остаются весьма внушительными.

Таблица 9²

**Динамика числа потерпевших от преступлений в РФ,
абс. данные, тыс. чел.**

Годы	Число лиц, потерпевших от преступных посягательств		из них в результате преступных посягательств			
			погибли		получили тяжкий вред здоровью	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
2000	654,4	1441,1	16,8	59,9	14,8	59,7
2005	1038,7	1770,5	15,6	52,9	10,2	50,8
2010	824,8	960,4	8,7	21,6	10	29,7
2015	805,5	893,6	9,8	22,6	12,4	33
2016	731,6	812,6	9,1	20,8	12,1	31,2
2017	650,4	766,9	8,5	18,8	11,7	29,8
2018	610,8	724,4	8,3	17,7	11,4	28,9

Таблица 10

Годы	Число потерпевших от преступлений, абс. данные, тыс. чел. ³	Из них в результате преступных посягательств, абс. данные, тыс. чел. ⁴	
		погибли	Получили тяжкий вред здоровью
2019	1369,1	23,9	38,3
2020	1276,0	22,7	35,6
2021	1300,0	23,3	32,8
2022	53,774	21,2	32,6
2023	53,463	21,0	32,4

¹Федеральный закон «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст.1027.

² URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-4>.

³По данным, представленным Генеральным прокурором РФ в докладе Совету Федерации РФ. Более 1,3 млн. россиян стали потерпевшими от преступлений в 2020 году. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/11229729>. Данные за 2021 год получены из материалов исследования «Если быть точным». Источник: URL: <https://techno.st/materials/osnovnye-trendy-rossiyskoj-prestupnosti-v-2021-godu-issledovanie-esli-byt-tochnym> <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/28021552/>. Данные за 2022 и 2023 год взяты из ежегодных отчетов о состоянии преступности, размещаемых на официальном сайте МВД РФ.

⁴По данным статистики, размещенным на официальном сайте МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports>.

Изучению роли личности потерпевшего во взаимосвязи «личность-ситуация-деяние» уделялось значительное внимание в научной литературе. В свое время П.С. Дагель, Р.И. Михеев указывали на то, что ««вина потерпевшего»... может быть условием реализации антиобщественной (антисоциальной или асоциальной) установки и дефектов правосознания субъекта при совершении конкретного преступления, обстоятельством, способствующим его совершению»¹.

Исследования личности потерпевшего, проводимые виктимологами,² демонстрируют существенную роль жертвы преступления, что привело к формированию теории криминогенной ситуации, объясняющей роль потерпевшего в механизме преступного поведения, с неизбежностью влекущей совершение преступления, если не принимались профилактические меры³.

Научная обоснованность и практическая ценность виктимологической профилактики⁴ не вызывает сомнений. Но учение о противодействии преступности было бы не полным, если бы ограничивалось только знаниями о ней без учета аспектов противопреступной социализации (ресоциализации) потерпевшего. Разрабатываемая нами теория противопреступной социализации (ресоциализации) предлагает рассматривать потерпевшего, наряду с преступником, в качестве объекта противопреступной социализации (ресоциализации) и включать его в сферу ресоциализирующего воздействия.

Следует отметить, что вопрос о ресоциализации потерпевшего уже поднимался на страницах научной печати. Так, Д.А. Шестаков в свое время

¹Дагель П.С., Михеев Р.И. Теоретические основы установления вины. Владивосток, 1975. С. 121.

²Старков О.В. указывает на необходимость «единовременного изучения личности преступника и потерпевшего, ибо только через познание характера взаимоотношений двух основных фигур до преступления, тем более, конечно, такого специфического, как бытовое, можно глубоко установить причинный механизм преступного поведения». Старков О.В. О методике исследования роли криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1981. № 6. С. 81. Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и специальная части: учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2012. С. 582.

³См. об этом Старков О.В. Роль криминогенных ситуаций в бытовых насильственных преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 7; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2009. С. 199.

⁴Ученые выделяют особое направление профилактики преступлений – виктимологическую профилактику, когда предупредительные усилия предпринимаются со стороны будущей жертвы. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2009. С. 198.

исследовал его с позиций криминофамилистики и вносил предложения по совершенствованию подходов¹.

За последнее время в изучении роли потерпевшего и необходимости его защиты с позиций реститутивного правосудия произошел значительный сдвиг, но пока еще нельзя сказать, что вопрос о ресоциализации потерпевшего исследован досконально. Тем более преждевременно говорить о том, что на законодательном уровне и в правоприменительной деятельности вопросам ресоциализации жертвы уделяется значительное внимание: в законодательный оборот не введено понятие ресоциализации потерпевших, не определены субъекты ресоциализации и меры ресоциализирующего воздействия. Полагаем, что данное упущение может явиться одной из причин крайне низкой эффективности практической реализации противодействия преступности в России.

В законодательстве используются термины «жертва преступления»², «пострадавший»³, «потерпевший»⁴. Наиболее четко урегулирован в нормативно-правовых актах правовой статус потерпевшего. В этой связи некоторыми исследователями обоснованно ставится вопрос о проблеме защиты прав для жертвы преступлений, так как пострадавший от преступления признается потерпевшим преимущественно на завершающей стадии досудебного производства⁵. Однако применительно к целям нашего исследования уместно говорить о ресоциализации потерпевших/жертвы.

Полагаем, что в контексте ресоциализации имеет значение факт совершения преступления, как десоциализирующий фактор для обеих сторон «конфликта» -

¹Шестаков Д.А. Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ. 1989. № 6. С. 56–61; Шестаков Д.А. Предотвратить семейную драму. Л.: «Знание», 1981. С. 25-30.

²Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г., утв. Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. // СПС «Гарант».

³Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

⁴Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1), Ст. 1; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

⁵См. об этом Кочин А.А., Харламов В.С. Современное учение о жертвах преступлений: монография – СПб: ООО Печатный элемент, 2021. С. 13.

преступника и его жертвы (потерпевшего). В этой связи, как представляется, следует оперировать именно термином «потерпевший». Такая постановка вопроса поддерживается и в научной литературе. Так, например, А.Б. Арутюнова акцентирует внимание на том, что «криминологический аспект учения о жертве предполагает изучение не жертв вообще, а именно потерпевшего от преступления»¹.

Постановка вопроса именно в контексте ресоциализации потерпевшего представляется необходимой по следующим причинам: 1) позволит акцентировать внимание на восстановлении социально-положительного статуса потерпевшего (процессе и его результате), а не только на профилактической работе; 2) позволит воздействовать на глубинные причины совершения преступлений; 3) обеспечит закрепление и реализацию механизма восстановления благополучия потерпевшего (реститутивная функция).

Нормативно закрепленное понятие ресоциализации в криминологическом смысле позволит поставить на одну чашу весов работу с осужденными и потерпевшими. В то время как сейчас наблюдается очевидный перевес в сторону регламентации ресоциализации преступников. Очевидно, что не только к последним следует применять меры ресоциализирующего воздействия (средства ресоциализации). Например, преступление может быть спровоцировано поведением потерпевшего, и в этом случае коррекция необходима обоим.

Судебная практика знает немало казусов, где социальные роли преступника и потерпевшего смещены. Например, дело Владимира Санкина, защищавшего подростков от педофила, но, как установили следственные органы, убившего его². Или пример Алексея Ткачева, на счету которого три жертвы, но он ни разу не признавался виновным в совершении преступлений, будучи признанным невменяемым. Последняя жертва выжила, но, безусловно, долго будет

¹Арутюнова А.Б. Криминологические проблемы процесса виктимизации несовершеннолетних // Следователь. 2002. № 6. С. 27.

²URL: <https://rg.ru/2020/02/05/reg-pfo/v-ufe-obshchestvennost-vstala-na-zashchitu-muzhchiny-spashhego-detej-ot-pedofila.html>.

восстанавливать свое положение¹. В указанных примерах роли виновных и потерпевших смещены.

В понятийно-категориальном смысле, как представляется, вообще не следует разделять ресоциализацию осужденных и потерпевших, понимая их как взаимосвязанные единым десоциализирующим событием (совершением преступления), используя категорию «индивид». В целом под *ресоциализацией потерпевшего* предлагаем понимать процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к потерпевшему от преступления комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

Говоря о потерпевшем как об объекте ресоциализации, отметим, что в контексте предлагаемой модели противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества в рамках теории противопреступной социализации (ресоциализации) речь идет о необходимости возвращения в общество десоциализированных в аспекте совершения преступления потерпевших.

Наиболее ярко десоциализация жертв проявляется в насильственных преступлениях, особенно в ситуациях, обусловленных семейно-бытовым конфликтом. Некоторые ученые, развивая положения семейной криминологии, указывают на десоциализирующую роль семьи². Соглашаясь с данным мнением, отметим, что не только внутрисемейные криминогенные факторы провоцируют десоциализацию, это могут быть и иные обстоятельства.

Исследованиями установлено, что преступления совершают и выходцы из вполне благополучных семей, однако справедливости ради надо отметить, что

¹URL <https://47news.ru/articles/183489/>.

²Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 344-346.

такие лица совершают преступления реже, чем представители семей злополучных.

Совершение преступления свидетельствует о десоциализации и/или является фактором десоциализации. Рассуждая о необходимости криминологического исследования жертвы преступления, Е.О. Алауханов говорит о том, что «жертвами преступлений могут оказаться различные объекты или носители охраняемых уголовным законодательством социально ценных интересов»¹. Страдать от преступлений могут как отдельные индивиды, так и все общество, государство, мировой правопорядок².

Соглашаясь с таким утверждением, позволим себе высказать мысль о том, что зачастую в ресоциализации нуждаются и отдельные индивиды, и общество, и государство, и даже мировой правопорядок. В последнее время голоса в поддержку этой позиции мы слышим все чаще³. Однако полагаем, что вопросы о ресоциализации общества и государства с учетом широкого подхода к пониманию потерпевшего от преступления (жертвы) следует ставить в рамках политической криминологии и/или криминологии закона. В настоящей работе мы будем рассматривать потерпевшего (как объект ресоциализации) в рамках узкого подхода⁴, понимая под потерпевшим физическое лицо, пострадавшее от совершения преступления и нуждающееся в восстановлении социально положительного статуса.

Целью ресоциализации потерпевшего является восстановление его социально положительного статуса. Иными словами, потерпевший должен чувствовать удовлетворение и быть способен выполнять социально положительные роли. Общество равным образом заинтересовано в том, чтобы и

¹Алауханов Е.О. Криминология: учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2013. С.159.

²Такая точка зрения довольно распространена в западной виктимологии, но в среде российских ученых также представлена Е.А. Алаухановым, В.П. Коноваловым. См. об этом Шнайдер Г.Й. Криминология / под ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М., 1994. С 7; Коновалов В.П. Изучение потерпевших с целью профилактики правонарушений. М., 1982. С. 6.; Частная криминология: учебник; отв. ред. Д.А. Шестаков. Автор 4 разд. А.А. Раськевич. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. С. 726.

³Например, М.А. Еникеев еще в 2004 году говорил о необходимости ресоциализации уголовно-исполнительной системы. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. СПб, 2004.

⁴Такого подхода придерживался Д.В. Ривман, достаточно подробно и обстоятельно исследовавший потерпевшего с позиций виктимологии. Ривман Д.В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Иркутск, 1982. С. 16.

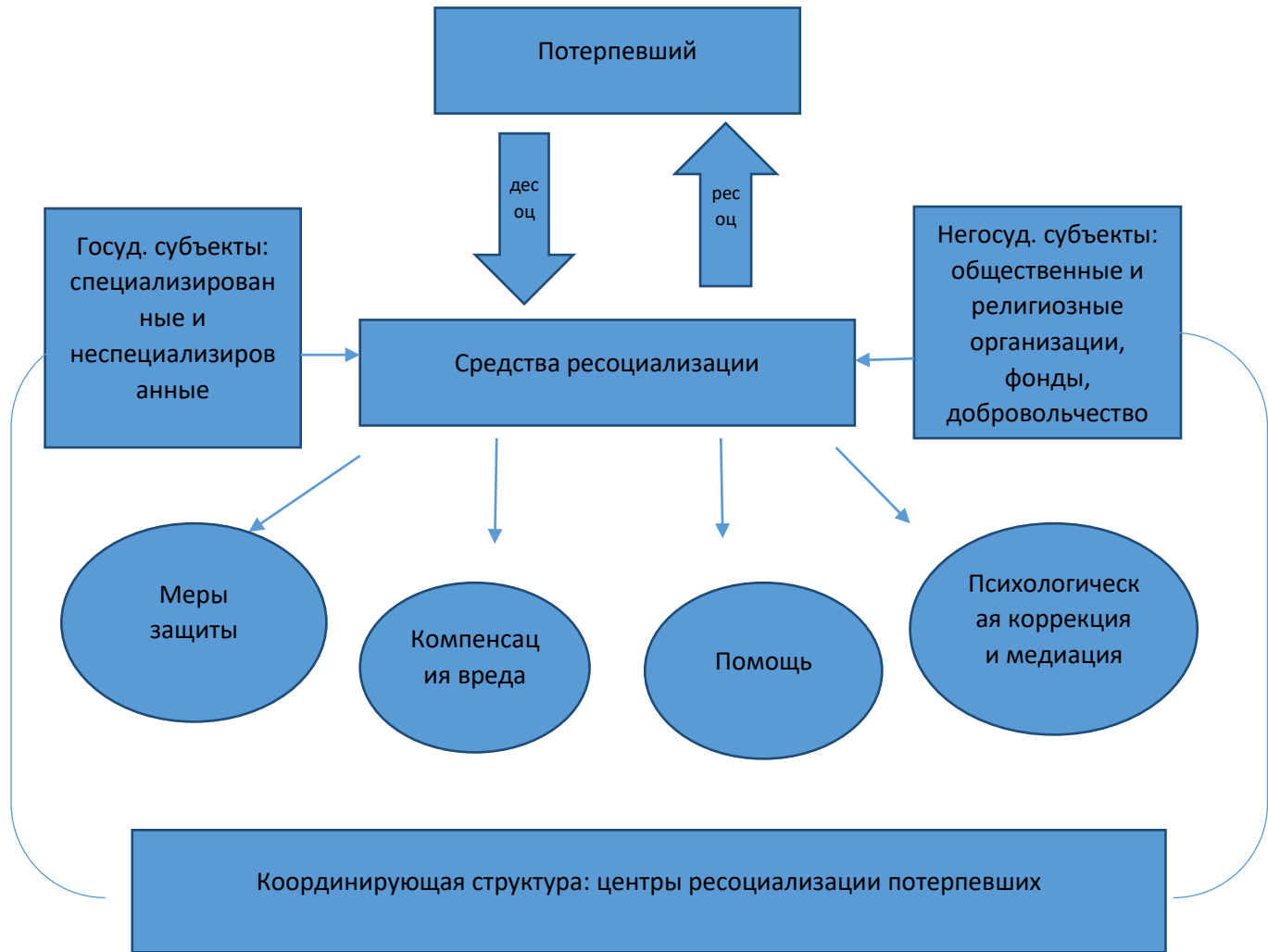
отбывший наказание преступник, и потерпевший возвращались в социум и не были отчуждены. Что касается преступника, то на реализацию этой задачи ориентирована вся уголовно-исполнительная система, УК РФ в качестве цели наказания отдельно упоминает исправление осужденного. В отношении потерпевшего такой четко выстроенной системы нет. Потерпевший зачастую даже не знает, куда ему можно обратиться.

Приходится констатировать, что на данный момент в России отсутствует система ресоциализации потерпевших, не отлажен ее механизм. Но необходимость его формирования уже назрела. В этой связи на основе анализа существующего положения дел и возможных перспектив предложим свое видение схематического построения (концепта) механизма ресоциализации потерпевших/жертв преступлений, который можно было бы использовать в Российской Федерации (схема 4).

Полагаем, что механизм ресоциализации должен предусматривать перечень субъектов и содержание, которое составляют средства ресоциализации. К субъектам ресоциализации, как представляется, можно причислить государственные и негосударственные органы и организации, функционалом которых охватывается реализация предусмотренных законодательством мер защиты, помощи, поддержки, компенсации и т.д.

Под средствами ресоциализации потерпевших автором понимается совокупность мер, необходимых для эффективного осуществления данного процесса в целях достижения его результата – социализированности (восстановления социально-положительного статуса).

Схема 4. Механизм ресоциализации потерпевшего

Цель ресоциализации потерпевших, на наш взгляд, может быть достигнута при помощи следующих средств: 1) меры защиты, 2) компенсация вреда, 3) оказание помощи потерпевшим, психологическая коррекция и медиация. Как отмечал в своей работе О.В. Старков, с мнением которого можно в полной мере согласиться, вред, причиненный преступлением жертвам, должен быть не просто компенсирован, а возмещен десятикратно – таким должен быть принцип настоящего демократического правосудия и государства¹.

Меры защиты потерпевшего представляются важным средством ресоциализации, так как их применение имеет также и вторичный социальный эффект: они не только обеспечивают задачи уголовного судопроизводства, но и

¹Старков, О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2012. С. 587.

сохраняют жизнь, здоровье, эмоционально-психологическую сферу потерпевшего, который ощущает свою защищенность, эмоционально переживает случившееся и может подготовиться к следующему этапу своей жизни в обществе. Забота о безопасности потерпевшего имеет не только процессуальный аспект. Зачастую даже жизнь потерпевшего, его здоровье и иные законные права подвергаются существенной угрозе со стороны самого преступника (вдруг по тем или иным причинам он в состоянии реализовать угрозу), а также со стороны его родственников или знакомых¹.

Довольно часто потерпевшие запуганы, находятся в состоянии стресса или депрессии, нуждаются в защитных мерах. На основании проведенного нами исследования 60,3% опрошенных жертв испытывали стресс и волнение, 23,8% затруднились с ответом и только 15,9% опрошенных указали, что не испытали волнения. Значительное количество затруднившихся с ответом свидетельствует, на наш взгляд, о том, что потерпевшие не могут в полной мере осознать те чувства, которые они испытали после совершения преступления, или не хотят об этом говорить, что может быть следствием перенесенного стресса.

Правовую основу защиты потерпевшего устанавливают нормы ч. 3 ст. 11, п. 21 ч. 2 ст. 42, п. 7 ст. 4 ст. 56 УПК РФ, а также Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», которым предусмотрено применение защитных мер (мер безопасности) также и в отношении свидетелей, их представителей, близких родственников, родственников и других лиц², обобщена судебная практика³.

Статья 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного

¹Исследованиями установлено, что зачастую осужденные переносят агрессию на жертву преступления, считают, что «она этого заслужила». См. об этом Кокурин А., Бовин Б., Мокрецов А. Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание. 2004. № 9. С. 19.

²Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. Сентябрь.

судопроизводства», закрепляя принципы осуществления государственной защиты, относит к таковым принцип законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц. Как представляется, совершенно необоснованно в данном случае законодатель игнорирует принцип гуманизма.

В научной литературе высказываются вполне аргументированные опасения относительно расширения сферы применения мер безопасности ввиду того, что не все они «правомерны, даже если основаны на законе»¹. Полагаем, что основная «опасность» мер безопасности состоит в их неопределенности, неограниченности в связи с отсутствием четкой законодательной регламентации, конкретного перечня таких мер во взаимосвязи с определенной «опасностью» их содержательной сущности, ведь такие меры допускают причинение вреда. С учетом изложенного вызывает особое беспокойство сознательный отказ законодателя от использования принципа гуманизма как основы применения мер безопасности к потерпевшим, что, на наш взгляд, нельзя признать допустимым.

Анализируя реализацию принципа гуманизма в уголовном законодательстве, В. Мальцев отмечает, что «в узком смысле принцип гуманизма связан с гуманным отношением к потерпевшему от преступления лицу и преступнику.... Степень заботливости к потерпевшему тоже в немалой мере зависит от тяжести ущерба, причиненного его интересам, их значимости....»². Полагаем, что в данном утверждении есть здравый смысл, однако отметим, что распространение принципа гуманизма на всю сферу правоотношений, в которые вовлечен потерпевший в связи с совершенным преступлением, следует все же рассматривать как реализацию принципа гуманизма в широком смысле. Закрепленный в УК РФ принцип гуманизма должен относиться не только к виновному, но и к потерпевшему³.

¹Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13-23.

²Мальцев В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 51.

³Не случайно в ч. 1 ст. 7 УК РФ обозначено, что уголовное законодательство РФ обеспечивает безопасность человека.

В этой связи считаем необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», изложив ее в следующей редакции: *«1. Государственная защита осуществляется в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц»*. Полагаем, что данное изменение позволит акцентировать внимание на ресоциализационном потенциале мер защиты, которые могут быть применены в необходимых случаях к потерпевшему.

Следующим достаточно эффективным средством ресоциализации потерпевшего является компенсация вреда. Как отмечают специалисты, «в качестве реабилитационной меры, имеющей целью восстановить психологическое благополучие потерпевшего, вынужденного страдать нравственно и физически в результате совершенного в отношении него преступления, законодатель предусматривает возможность получения потерпевшим денежной компенсации за причиненный ему в результате преступления моральный вред, извинений от причинителя вреда, а также возмещения имущественного вреда и восстановления иных прав реабилитированного»¹.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»² ранее предусматривалась возможность компенсации причиненных потерпевшему страданий только в денежном выражении. До недавнего времени эти суммы были весьма незначительны.

¹Новикова А.А. Восстановление прав потерпевшего в уголовном процессе: Актуальные вопросы и правовые ошибки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 43 (302). С. 54.

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. № 29. 8 февраля (документ утратил силу).

Согласно приводимым Ассоциацией юристов России данным средний размер компенсации за жизнь и здоровье в 2019 г. составил 84 тысячи рублей¹. Относительно недавно, рассматривая спор о сумме компенсации морального вреда в связи с убийством потерпевшего, Верховный Суд РФ сформулировал позицию о необходимости мотивировать свое решение о снижении сумм компенсаций в том случае, если судья сочтет заявленную потерпевшим сумму завышенной². Такое положение дел свидетельствует о положительной тенденции, о повороте практики в сторону защиты потерпевшего, однако до окончательного решения проблем еще далеко.

Существенным сдвигом судебной практики в сторону расширения сферы применения мер компенсации вреда потерпевшему является принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»³. Данным документом Верховный Суд внес разъяснения, касающиеся возможности компенсации морального вреда не только в денежной форме, но и в иной (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества, оказании какой-либо услуги, в выполнении причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий жертвы)⁴.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»⁵ были разъяснены некоторые положения действующего законодательства в части регулирования прав потерпевшего. Содержание данных разъяснений свидетельствует о некотором повороте судебной практики в сторону защиты прав

¹URL:<https://rg.ru/2020/08/11/vs-rekomendoval-povysit-summy-kompensacij-moralnogo-vreda-postradavshim.htm>.

²URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/28609/.

³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. № 267. 25 ноября.

⁴Там же.

⁵Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020. № 240. 23 октября.

потерпевшего, однако обратим внимание на то, что еще нуждается в совершенствовании.

Так, например, включение в п. 12 постановления положения о том, что требования о возмещении вреда в случае смерти кормильца не могут быть рассмотрены в рамках уголовного дела, представляется необоснованным, лишаящим потерпевших существенных прав, не способствующим ресоциализации¹. Полагаем необходимым исключить данные требования из п. 12 постановления, отнести их к категории вопросов, которые могут быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства².

Следует также отметить, что ни действующее российское законодательство, ни постановления Пленума Верховного Суда РФ не содержат конкретных, четких положений, которые в какой-либо форме связывали бы компенсацию вреда потерпевшему с обстоятельствами его дальнейшей жизни, его бытовым устройством, психологическим состоянием, социально-положительным (или отрицательным) статусом, предусматривали бы обязанность суда выяснять данные обстоятельства при решении вопроса о компенсации вреда потерпевшему. В этом видится существенный пробел, являющийся следствием игнорирования необходимости ресоциализации потерпевшего³, тогда как в отношении осужденного установление таких обстоятельств в рамках назначения и исполнения наказания законодательством предусмотрено.

¹Там же.

²Исследователи приводят в качестве аргументов такой позиции Верховного суда РФ сложность и достаточную объемность решения данных проблем, необходимость их рассмотрения в рамках самостоятельного судебного процесса. Обращается внимание также и на то, что с содержанием приговора, в котором решаются вопросы, связанные с уголовным преследованием, установление таких выплат не вполне согласуется. См. об этом Шмотикова С.А., Маркина Е.А. Гражданский иск в уголовном процессе: разъяснения Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2020. № 12. С. 24-28.

³В пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» перечислены обстоятельства, которые суды обязаны принимать во внимание при определении размера компенсации морального вреда. К числу таких обстоятельств отнесены последствия причинения потерпевшему страданий, определяемых помимо прочего..... «сохранением либо утратой возможности ведения прежнего образа жизни». Таким образом, ВС РФ попытался нивелировать проблему и ориентировать суды на ресоциализационный характер мер компенсации вреда. Однако, учитывая, что такое разъяснение высшей судебной инстанции является достаточно неопределенным и не дает в руки правоприменителя ориентиров, позволяющих определить, что именно должно пониматься под «образом жизни» и «сохранением возможности его вести», предполагаем с высокой долей вероятности невозможность практической реализации данного позитивного шага.

Полагаем, что подобные вопросы также могут быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства. В этой связи предлагаем дополнить п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 абзацем 4 следующего содержания: *«При решении вопроса о компенсации морального вреда суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего»*. Также считаем необходимым дополнить п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» словами *«..., восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего»*.

По-прежнему не решенным остается вопрос о компенсации расходов на представителя потерпевшего. Так, в соответствии с п. 1.1 ст. 131 УПК РФ суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, отнесены к судебным издержкам. Согласно разъяснениям, данным в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда от 13 октября 2020 г. № 23, данные суммы не могут быть возмещены в рамках гражданского иска, рассматриваемого в уголовном деле. Считаем, что это существенно сужает право потерпевшего на защиту. В то время как виновный обеспечивается защитником за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ), потерпевший вынужден нести бремя данных расходов самостоятельно, да и вопрос взыскания таких расходов требует дополнительных усилий со стороны потерпевшего.

13 мая 2021 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление № 18-П, в котором признал ч. 3 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УПК РФ, а также п. 30 Положения от 1 декабря 2012 г. № 1240 противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к порядку и размерам возмещения процессуальных издержек при вынесении следователем (дознавателем, прокурором) постановления о возмещении расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю по уголовному делу, прекращенному по нереабилитирующему

основанию, не гарантируют эффективной судебной защиты права потерпевшего на получение такого возмещения в установленный срок и не предусматривают правового механизма индексации сумм такого возмещения¹.

Суд обязал федерального законодателя и Правительство РФ внести необходимые изменения в действующее нормативное регулирование. До этого времени, как отмечают специалисты, «возмещение расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю по уголовному делу, прекращенному на досудебной стадии по нереабилитирующему основанию, будет производиться с учетом ряда факторов. Так, при определении размеров возмещения надо исходить из того, что возмещаются в полном объеме все необходимые и оправданные расходы на выплату вознаграждения представителю потерпевшего (в том числе до формального получения статуса потерпевшего), которые должны быть подтверждены документами. Такие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета независимо от вины должностных лиц органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и с учетом уровня инфляции. Вопрос о необходимости, оправданности и размере расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю, если потерпевший обжаловал в суд соответствующее решение, принятое следователем (дознавателем, прокурором), разрешается непосредственно судом»².

Находим такое решение Конституционного Суда РФ весьма своевременным и, безусловно, имеющим ресоциализационный потенциал. Однако не все вопросы можно считать урегулированными данным постановлением на сегодняшний день. Прежде всего, обозначенные изменения пока еще не приняты и не совсем ясно, какими они будут. Во-вторых, речь идет только об одной категории потерпевших - потерпевших по уголовным делам, прекращенным по нереабилитирующим

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // Сборник законодательства РФ..2021. № 21. Ст. 3673.

²КС защитил право потерпевших на возмещение расходов на адвокатов. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ks-zashchitil-pravo-poterpevshikh-na-vozmeshchenie-raskhodov-na-advokatov/>.

основаниям. Мы же полагаем, что порядок компенсации затрат следует распространить на все категории потерпевших безотносительно к категории уголовных дел.

В первую очередь пострадавшие нуждаются в помощи защитника¹. Проведенное нами исследование подтвердило заинтересованность потерпевших в квалифицированных услугах профессионального защитника в целях восстановления своего социально положительного статуса. Так, из опрошенных нами лиц указанной категории прибегали к помощи квалифицированного юриста только 4,5% респондентов, в то время как 89,5% не обращались к защитнику, 6% опрошенных затруднились с ответом².

На вопрос: «Воспользовались бы Вы помощью профессионального защитника, если бы она предоставлялась от имени государства бесплатно?» утвердительно ответили 88% опрошенных, 12% респондентов затруднились с ответом. Тех, кто не прибегал бы к бесплатной помощи защитника, среди опрошенных не оказалось³. Полагаем, что такой относительно высокий процент затруднившихся с ответом можно объяснить неуверенностью людей в помощи со стороны государства.

Такая ситуация во многом обусловлена практическими, к сожалению, зачастую негативным опытом потерпевших по получению компенсаций от осужденных лиц. По данным проведенного нами анкетного опроса, 97% потерпевших не получили справедливой, по их мнению, компенсации вреда, причиненного совершением преступления, и только 3% респондентов такое возмещение получили и ощутили чувство удовлетворения.

Надо отметить, что 90% опрошенных нами лиц даже и не требовали компенсации в судебном порядке, не рассчитывая получить таковую. В то же время

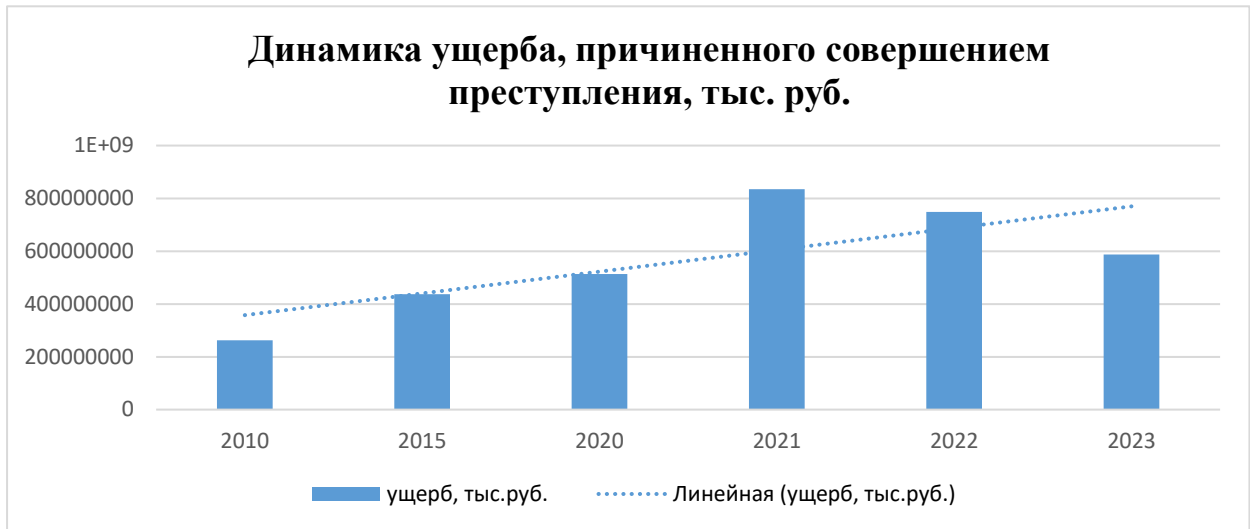
¹ Полагаем, что в отношении представителя потерпевшего вполне уместно употреблять термин «защитник». Не только подозреваемый, обвиняемый, подсудимый нуждается в том, чтобы их интересы защищали. Пожалуй, даже чаще, чем это можно было бы себе представить, в защите нуждаются и потерпевшие.

² Схожие результаты исследования приведены в работе Шинкевич Н.Е. Проблема оказания юридической помощи потерпевшим от преступлений // Вестник ОГУ. 2006. № 5 (55). С. 24.

³ По данным проведенного лично автором анкетного опроса потерпевших от преступлений (всего опрошено более 50 человек).

официальная статистика свидетельствует о тенденции к увеличению масштабов причиняемого регистрируемыми преступлениями ущерба (диаграмма 15).

Диаграмма 15¹

Не способствует возмещению вреда², причиненного совершением преступления, и крайне низкий заработок осужденного. Так, в соответствии с частью 5 статьи 105 УИК РФ размер оплаты труда осужденных лиц за полный месяц не может быть менее минимального размера оплаты труда (МРОТ). Согласно справочной информации, подготовленной специалистами СПС «Консультант Плюс» с 1 января 2021 г. МРОТ составил 12 792 руб.³, с 1 июня 2022 г. размер МРОТ – 15 279 руб.⁴ С 1 января 2023 г. размер МРОТ в РФ составил 16242 руб.⁵, с 1 января 2024 г. – 19242 руб.⁶ Однако фактически по некоторым данным осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, получают значительно меньше⁷.

¹ Статистические данные о состоянии преступности в РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/1/>.

² В широком смысле этого слова: ущерб, компенсации морального вреда и т.д.

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291114/.

⁴ URL: <http://www.consultant.ru/law/ref/mrot/2022/>.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291114/.

⁶ Федеральный закон от 27.11.2023 г. № 548-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 49 (Часть III). Ст. 8665.

⁷ URL: <https://vturme.info/nachislenie-zarplaty-osuzhdennym/>.

Такое положение дел, во взаимосвязи с тем, что у большинства осужденных нет иных доходов или имущества, обращение взыскание на которые позволило бы компенсировать причиненный потерпевшему ущерб, в том числе моральный вред, обуславливает крайний пессимизм потерпевших в отношении возможности денежной компенсации причиненных убытков и страданий¹.

Кроме защиты и компенсации вреда потерпевшие нуждаются и в оказании помощи, что также следует обозначить в качестве значимого средства ресоциализации. Полагаем, что помимо юридической помощи, это должна быть помощь психологическая, организационная, материальная, медицинская и иных видов². Однако по сей день существенных подвижек в решении данного вопроса сделано не было. В России оказанием помощи потерпевшим от преступления лицам занимаются исключительно негосударственные организации.

С 2005 г. функционирует Фонд поддержки пострадавших от преступления лиц (ФПП), подразделения которого оказывают юридическую и психологическую помощь³. Но для оказания финансовой, материальной, медицинской и иных видов помощи необходимы организация и финансовая поддержка. Как отмечается в Аналитическом докладе, ФПП неоднократно поднимал вопрос о формировании государственной компенсационной программы, однако до сих пор вопрос так и не решен⁴.

Необходимость создания системы оказания комплексной психологической, медицинской, социальной и иных видов помощи потерпевшим от преступлений в целях их ресоциализации, на наш взгляд, очевидна. Но в отношении форм организации таковой до сих пор нет единого мнения. Специалисты ФПП,

¹По данным исследований, из 884 661 выявленного в 2019 г. преступника, которые должны возмещать причиненный своими действиями имущественный и моральный вред, 609 831 не могут этого сделать по причине низкого финансового достатка. Это учащиеся - 37 090; студенты - 3 820; люди, не имеющие постоянного источника дохода - 563 986 (из них безработные - 4 935). Костина О. Забытая жертва Система поддержки людей, ставших жертвами преступников, требует серьезной корректировки. URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html>.

² Об этом также говорит в своей работе А.В. Майоров, аргументируя необходимость разработки и принятия Концепции виктимологической политики. Майоров А.В. Правовые основы защиты жертв преступности в России // Виктимология. 2016. № 2 (8). С. 20. Об оказании помощи и ее видах в отношении жертв сексуального насилия см. Мощицкая Е.Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних (по материалам Иркутской области): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 23.

³Официальный сайт ФПП. URL: <https://soprotivlenie.org/>.

⁴URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=18&*=.

например, видят организацию данного механизма в виде Национального фонда поддержки потерпевших от преступлений как отдельного звена уголовной системы¹. Вряд ли с таким предложением можно согласиться. Полагаем, что образование самостоятельного государственного органа (или организации с государственным участием) в структуре уголовно-исполнительной системы ляжет дополнительным бременем на УИС, которая и без того не справляется с существующей нагрузкой. Кроме того, это опять будет «системным» структурным подразделением со всеми обусловленными данным обстоятельством недостатками.

Представляется более эффективной организация помощи и поддержки потерпевшим от преступлений в рамках создания самостоятельных Центров ресоциализации в контексте деятельности соответствующей службы, подчиненной Минюсту РФ. Стоит поддержать идею создания Национального фонда поддержки пострадавших от преступлений как отдельного звена системы публичного управления, в рамках которого ресоциализационная помощь потерпевшим оказывалась бы гарантированно.

Особое внимание в деятельности Центров ресоциализации следует уделить социальной и психологической помощи потерпевшим. Восстановление социально-положительного статуса потерпевшего² во многом зависит от него самого, его поведения, переживаний, связанных с совершением преступления. С учетом изложенного необходимой представляется психологическая работа с потерпевшим. Полагаем, что такая деятельность будет более эффективной во взаимосвязи с совершенным преступлением, и с этих позиций логичной

¹Как отмечает О. Костина, председатель Совета ФПП, следует также начать разработку и внедрение программы возмещения ущерба пострадавшим от преступных посягательств, программы оказания психологической, медицинской и социальной помощи свидетелям и жертвам преступлений. А реализации этих программ может способствовать создание Национального фонда поддержки потерпевших от преступлений - отдельного звена уголовной системы, которое позволит производить выплаты за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления даже в том случае, если отсутствует возможность взыскания денежных средств с преступника. Костина О. Там же.

²Под социально-положительным (или социально-позитивным) статусом потерпевшего понимается его социальная позиция, в фокусе которой индивид выполняет одобряемые обществом социальные функции и роли. В таком обобщенном понимании в целях ресоциализации нет различий между статусом обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, осужденного, потерпевшего. Это статусы процессуальные.

представляется общение психолога и с потерпевшим, и с преступником, использование процедур медиации.

Предложения об использовании в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве медиации уже высказывались в научной литературе. Так, Д.А. Шестаков в свое время предлагал использовать специальную психологическую помощь посредника для разрешения криминогенных семейных конфликтов¹. Г.И.Забрянский рассматривает правовое регулирование медиации как приоритетное направление правовой политики². В.Н. Сизова обозначает медиацию как способ разрешения возникшего уголовно-правового конфликта³.

Исследователи подчеркивают значение медиации с точки зрения разрешения разногласий, мы обозначим также ее роль в ресоциализации. Как уже отмечалось в настоящем исследовании, позиции преступника и его жертвы часто бывают смещены. Данный процесс объективируется не только в поведении акторов процесса, но происходит и в субъективном восприятии, что препятствует ресоциализации. Так, зачастую, совершив преступление и подвергаясь мерам уголовно-правового воздействия, виновный сам для себя психологически становится жертвой. Находясь в изоляции от общества в совокупности с теми условиями, в которых он пребывает, комплекс жертвы еще более усиливается. Осужденный не испытывает никакого чувства вины перед потерпевшим и его родственниками, а потерпевший, в свою очередь, не чувствует, что его положение восстановилось. В то же время и потерпевший может испытывать не только чувство отмщения за совершенное преступление, но и жалость по отношению к осужденному, думать о его дальнейшей судьбе.

Данное обстоятельство было подтверждено в ходе проведенного нами анкетирования потерпевших: 10% отметили, что испытывают жалость по

¹Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: избранное. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. С. 65, 376.

²Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М.: Рос. Академия адвокатуры и нотариата, 2013. С.336-337.

³Сизова В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 156-158.

отношению к виновному лицу. Психологическая коррекция поведения, полагаем, в некоторых случаях необходима и потерпевшему.

Центры ресоциализации должны выступать в роли координирующей структуры механизма ресоциализации жертвы, но нельзя сбрасывать со счетов активное участие негосударственных структур, общественности. В настоящее время функционируют различные центры оказания помощи в кризисных ситуациях, группы социальной и психологической помощи, приюты и т.д., добровольческие и иные создаваемые путем частной инициативы организации. Нельзя не отметить положительный эффект от использования ресурсов социальных сетей, в рамках которых инициативно могут быть созданы целевые группы, объединенные задачей взаимопомощи в решении проблем ресоциализации потерпевших.

Таким образом, проведенное исследование потерпевшего как объекта ресоциализации позволяет сделать некоторые промежуточные выводы:

1. Теория противопреступной социализации (ресоциализации) предлагает рассматривать потерпевшего в качестве объекта противопреступной социализации (ресоциализации) и включать его в сферу ресоциализирующего воздействия. Постановка вопроса именно в контексте ресоциализации потерпевшего представляется необходимой по следующим причинам: а) позволит акцентировать внимание именно на восстановлении социально-положительного статуса (процессе и его результате), а не только на профилактической работе; б) позволит воздействовать на глубинные причины совершения преступлений; в) обеспечит закрепление и реализацию механизма восстановления благополучия (реститутивная функция).

2. На основе критического анализа используемого на данный момент арсенала средств предложен механизм ресоциализации потерпевших. В работе отмечается, что данный конструкт должен предусматривать перечень субъектов и содержание, которое составляют средства ресоциализации. К таковым отнесены: а) меры защиты, б) компенсация вреда, в) оказание помощи потерпевшим, психологическая коррекция и медиация.

3. Предложено на законодательном уровне акцентировать внимание на ресоциализационном потенциале мер защиты, которые могут быть применены в необходимых случаях к потерпевшему. В этой связи рекомендуется внести изменения в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», изложив ее в следующей редакции: *«1. Государственная защита осуществляется в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц».*

4. Обоснована необходимость расширить круг вопросов, которые могут быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства, что будет способствовать ресоциализации потерпевших. Для чего предлагается внести изменения в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» изменения следующего содержания: *«В п. 12. слова «споры о возмещении вреда в случае потери кормильца» исключить».* Дополнить п. 13 указанного постановления абзацем 4 следующего содержания: *«При решении вопроса о компенсации морального вреда суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего».*

5. Предложено конкретизировать некоторые акты Верховного Суда Российской Федерации в части, касающейся компенсации морального вреда потерпевшему от преступления. В этой связи представляется целесообразным дополнить п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 абзацем 4 следующего содержания: *«При решении вопроса о компенсации морального вреда суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего».* Дополнить п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»

словами «..., *восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего*».

6. В целях ресоциализации потерпевших в рамках соответствующей системы предлагается создать Центры ресоциализации с подчинением Минюсту РФ, которые будут выступать в роли координирующей структуры механизма ресоциализации потерпевшего. Центры будут курировать потерпевших, в необходимых случаях организовывать поддержку в процессе применения мер защиты и компенсации вреда, а также заниматься вопросами оказания помощи: психологической, организационной, материальной, медицинской и иных.

7. Для организации финансового содействия ресоциализации потерпевших следует создать Национальный фонд поддержки пострадавших от преступлений как отдельное звено системы публичного управления.

8. В целях ресоциализации полагаем эффективным организацию психологической работы с потерпевшим. Такого рода деятельность должна осуществляться профессиональными специалистами, имеющими соответствующее образование и компетенции. Данную работу целесообразно проводить, основываясь на десоциализирующем событии (преступлении), используя в процессе психологической работы различные приемы и способы, в том числе процедуры медиации.

ГЛАВА 3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

3.1. Нормативно-правовое регулирование ресоциализации в Российской Федерации

История нормативно-правового регулирования ресоциализации в России относительно молода и насчитывает не многим более пяти лет. Довольно масштабные исследования вопросов, связанных с социальной реабилитацией осужденных, социализацией, постпенитенциарной адаптацией, начавшиеся в конце прошлого столетия, ввели в научный оборот новое для российской правовой действительности понятие ресоциализации ранее судимых лиц. Предложения о необходимости законодательного закрепления и определения сущности ресоциализации, звучавшие со страниц диссертационных исследований¹, с трибун авторитетных форумов и конференций, в научных статьях², были услышаны законодателем, и понятие ресоциализации закреплено Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее также Федеральный закон № 182).

Следует отметить, что, несмотря на прогрессивность данного законодательного решения, должного эффекта эта новелла не возымела, как представляется, в первую очередь в силу неудачности самой формулировки ресоциализации.

Как отмечается в научных исследованиях, в российской правовой доктрине и в законодательстве наблюдается некоторая терминологическая сумятица в

¹Рыбак, М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001; Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000; Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

²Ромашов Р.А., Арбузова С.А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России // Ведомости УИС. 2014. № 6 (145). С. 37-41.

обозначении процессов, связанных с ресоциализацией. Используются термины «ресоциализация», «пробация», «социальная адаптация», «социальная реабилитация», «социальная реабилитация и ресоциализация»¹. В статье 25 Федерального закона № 182 законодатель предпринял попытку преодолеть эту неразбериху, однако, на наш взгляд, только усугубил проблему.

Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения». ГОСТ Р 52495-2005, утвержденный Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 532-ст, в п. 2.1.32, а также Национальный стандарт Российской Федерации «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем» ГОСТ Р 54990-2018, утвержденный Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 августа 2018 г. № 468-ст, содержат понятие ресоциализации как «возвращение или укрепление социальных связей, усвоение индивидом ценностей и норм, отличающихся от усвоенных им ранее, вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде, восстановление социального и личностного статуса, реинтеграция и востребованность в обществе»². Однако, федеральный законодатель существующей трактовкой не воспользовался, сформулировав иное, как представляется, неудачное определение, тиражировав его уже в нескольких нормативно-правовых актах.

В статье 25 Федерального закона № 182 содержится определение ресоциализации как «комплекса мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в

¹Ромашов Р.А., Арбузова С.А. Указ. соч. С. 38. См. об этом также Даххаев М.М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 4. С. 109.

² ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения. (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст. (ред. от 17.10.2013). М., Стандартинформ, 2006; ГОСТ Р 54990-2018. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем. (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 08.08.2018 № 468-ст. М., Стандартинформ, 2006.

профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера». Идентичное определение ресоциализации продублировано законодателем и в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Данная дефиниция представляется чрезмерно громоздкой, не отражающей сущности ресоциализации, в силу чего существенно снижается его практическая значимость.

Полагаем, что в попытке предложить максимально объемное определение, отражающее все стороны многогранного процесса, законодатель смешал воедино все существующие дефиниции. Прежде всего, это касается понятий ресоциализации и социальной адаптации¹. Определяя ресоциализацию наряду с социальной адаптацией и социальной реабилитацией, как «комплекс мер», «комплекс мероприятий» (хотя, на наш взгляд, нет существенной разницы между комплексом мер и комплексом мероприятий), действующее законодательство ставит эти понятия в один ряд, не принимая во внимание их сущностные различия.

Не соответствует данное законом определение и используемым в правовом регулировании ресоциализационной деятельности подходам. Так, в Положении о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утвержденном Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262, предусмотрено формирование групп социальной защиты, основной целью деятельности которых обозначено «создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных»². При определении цели деятельности таких групп термины ресоциализации и исправления используются как равнозначные, через союз «и». Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель полагает данные понятия равнопорядковыми.

¹Сущностные стороны данных понятий, предопределяющие общие и отличительные черты, проанализированы нами в параграфе 3 первой главы настоящего исследования.

²Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016 г.) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 3.

Если придерживаться такой логики нормотворца, то ресоциализацию, так же, как и наказание, следует интерпретировать с точки зрения правового регулирования в аспекте целеполагания. То есть, ресоциализация может быть обозначена как процесс, возможно даже, как результат данного процесса (желаемая цель), но никак не конкретная мера профилактического воздействия, в противном случае размываются границы содержания обеих дефиниций.

В этой связи считаем необоснованным отнесение ресоциализации к формам профилактического воздействия (ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 162 от 23 июня 2016 г.) с учетом существенных различий ресоциализации и представленных в законе форм профилактического воздействия. Хотя анализируемые положения федерального нормативного акта были приняты позднее, чем нормы приказа Минюста, касающиеся деятельности групп социальной защиты, как представляется, в подзаконном нормативном акте избранный подход более логичен.

Следует отметить, что сформулированное в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 162-ФЗ определение грешит однобокостью, в том смысле, в котором оно полагает целью ресоциализационных мер реинтеграцию в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Буквальное толкование данной нормы показывает, что такая трактовка исключает из сферы ресоциализации не только потерпевших от преступления, но и осужденных к иным видам наказания, кроме лишения свободы, лиц. Полагаем, что подобные дефиниции не способствуют совершенствованию правового регулирования, дезориентируют правоприменителя и, в этой связи, нуждаются в совершенствовании.

Указанное обстоятельство было подтверждено полученными нами данными. Среди опрошенных сотрудников правоохранительных органов на вопрос: «Имеет ли практическое применение сформулированное в статье 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ определение

ресоциализации?»), утвердительно ответили только 5% опрошенных, отрицательно – 65% и затруднились с ответом 30% опрошенных респондентов¹.

Настоящим исследованием установлено, что ресоциализацию следует рассматривать и как процесс, в результате которого человек не совершает преступление и/или восстанавливает свой социально-положительный статус до уровня, исключающего совершение им преступления, и как результат данного процесса, то есть цель². С этих позиций полагаем необходимым внести следующие изменения в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ:

- пункт 8) части 1 ст. 17 исключить;

- ст. 25 исключить;

- дополнить ст. 2 пунктом 8) следующего содержания: – «ресоциализация - процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения преступлений и/или восстановления социально-положительного статуса».

- дополнить ст.6 ч. 1 пунктом 2.1. «2.1. обеспечение ресоциализации».

Последнее изменение касается целесообразности отнесения обеспечения ресоциализации к числу предусмотренных законом основных направлений профилактики нарушений, что отражает сущность ресоциализации как процесса и его цели, логично вписывается в архитектуру нормативно-правового акта.

¹По данным анкетного опроса и интервьюирования сотрудников исправительных учреждений Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Кемеровской области (всего опрошено более 200 человек).

²Данное утверждение согласуется и с международной практикой. Так, по делу Петухов против Украины (№ 2) (№ 41216/13) ЕСПЧ в Постановлении от 12 марта 2019 г. указывает, что «существующие условия содержания под стражей лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, на Украине не соответствовали цели ресоциализации». Информация о Постановлении ЕСПЧ от 12.03.2019 по делу «Петухов (Petukhov) против Украины (N 2)» (жалоба № 41216/13) По делу обжалуются помилование президентом как единственная возможность смягчения наказания в виде пожизненного лишения свободы, а также нехватка медицинских препаратов для лечения туберкулеза. По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 10.

Справедливости ради следует отметить, что Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ в целом неоднократно подвергался критике, в связи с наличием множества размытых формулировок, отсутствием конкретных механизмов реализации, в силу чего, слабой работоспособности¹. Однако исследователями также отмечались и достоинства анализируемого закона².

К числу несомненных положительных моментов Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ следует отнести сам факт его существования, попытку законодателя обозначить наличие в Российской Федерации системы предупреждения правонарушений, выделив ее структурные элементы. Не случайно в пункте 39 Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. указывалось на необходимость создания единой государственной системы профилактики преступности³. В утвержденной в 2015 г. Стратегии национальной безопасности в пункте 45 говорилось уже о совершенствовании такой системы⁴.

Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, в пункте 47 говорит о развитии единой государственной системы профилактики правонарушений⁵. Однако, полагаем, что по состоянию на сегодняшний день вряд ли можно в полной мере утверждать, что действенная система предупреждения преступлений в Российской Федерации создана.

¹См. об этом, например, Максимов С.В., Валуйсков Н.В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 6 (58). С. 150-165; Швабауэр А. Угрозы Закона об основах системы профилактики правонарушений. URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/07/21/ugrozy_zakona_ob_osnovah_sistemy_profilaktiki_pravonarushenij; Заключение сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права РАН о недостатках Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и предложения по его совершенствованию. URL: http://igpran.ru/public/publiconsite/Zaklyuch_sektora_UPKP_o_FZ_No182-FZ.pdf.

²Как отмечал О.П. Арзамасцев, с мнением которого в данной части следует согласиться, нам необходим Федеральный закон, который станет правовой основой формирования и функционирования системы профилактики правонарушений в Российской Федерации и объединит действующие региональные системы профилактики правонарушений. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением автора о том, что в указанном законе имеется хорошая терминологическая база. Арзамасцев О.П. Анализ проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник ПензГУ. 2015. № 2 (10). С. 48-49.

³Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444. (недейств. ред.).

⁴Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212 (недейств. ред.).

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, как представляется, носит рамочный характер и не может претендовать на роль фундаментального документа, устанавливающего правовые основы для функционирования такой системы в масштабах Российской Федерации¹. На это указывают в своих работах и другие исследователи. Так, П.А. Кабанов отмечает, что «принятие базового федерального криминологического закона не повлияло на действующее федеральное специальное или отраслевое криминологическое законодательство о противодействии отдельным видам противоправного поведения... Вместе с тем вступление в действие базового федерального криминологического закона повлияло на изменение базового регионального криминологического законодательства, в которое были внесены необходимые изменения и дополнения, а в отдельных случаях произошла отмена старого криминологического законодательства и принятие нового, соответствующего требованиям федерального законодательства»². Иными словами, на федеральном уровне внятной и действенной системы предупреждения (или профилактики, если исходить из терминологии Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ), так и не получилось, но законодательная база регионального противодействия преступности в некоторых субъектах Российской Федерации была пересмотрена.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ предусмотрел широкий круг субъектов профилактики преступлений, в числе которых существенное место отведено органам государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере профилактики правонарушений (статья 11). По сути, анализируемым законом было инициировано юридическое оформление двухуровневой системы

¹ Пожалуй, следует согласиться с мнением Д.А. Шестакова, который отмечает, что Закон о профилактике поверхностен и несодержателен. Он напоминает скорее не закон, а главу устаревшего учебника криминологии, далеко отставшего от современного видения преступности и противостояния ей... Шестаков Д.А. К стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 25.

² Кабанов П.А. О кодификации Российского криминологического законодательства: рассуждения по случаю // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 22.

нормативно-правовой регламентации: нормативно-правовые акты федерального уровня и нормативно-правовые акты субъектов РФ¹.

Анализ регионального законодательства демонстрирует существенный прогресс по сравнению с 2000 г. в сфере регулирования деятельности, связанной с профилактикой правонарушений. По состоянию на сегодняшний день в каждом субъекте РФ принят нормативный акт, упорядочивающий возникающие в данной сфере отношения². Следует отметить, что большим разнообразием содержание данных документов не отличается, практически все они копируют нормы Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, включая его недостатки³, «разбавляя» их некоторой региональной спецификой⁴.

Полагаем, что, несмотря на все усилия федерального законодателя, именно ввиду недостатков самого Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 (с принятием которого, по мнению его разработчиков, должна была сформироваться общефедеральная система профилактики правонарушений, реализованы единообразие и системность правового регулирования профилактической деятельности) региональное законодательство по-прежнему отличается бессистемностью и малой эффективностью.

Что касается анализа ресоциализационного потенциала нормативно-правовой базы субъектов Российской Федерации, то в абсолютном большинстве проанализированных нами документов (так же как и в федеральном законе) ресоциализация отнесена к формам профилактического воздействия, а ее определение полностью соответствует дефиниции федерального закона.

¹Там же, с. 22.

²Исследователи отмечают, что на дату внесения законопроекта «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» функционирование региональных систем профилактики правонарушений регламентировалось 130 законами субъектов РФ в области профилактики правонарушений. В 82 субъектах РФ в тот период действовали 242 региональные программы по профилактике преступлений и иных правонарушений, на финансирование которых в 2010 г. было направлено 8,7 млрд. руб., в 2011 г. – свыше 16 млрд. руб. См. об этом Максимов С.В. Валуйсков Н.В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 6 (58). С. 155.

³Так, например, ни в одном из региональных законов, как и в федеральном нормативном акте, не содержится норм о виктимологической профилактике.

⁴Как справедливо отмечают Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. данный Закон является следствием до сих пор не решенной до конца в теории права проблемы целесообразности наряду с кодифицированными актами принимать законы-декларации непрямого действия. Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Известия ВУЗов. Правоведение. 2016. № 6 (329). С. 143.

Региональный законодатель практически во всех субъектах в сфере ресоциализации не идет дальше формального закрепления норм, носящих декларативный характер, не развивает их путем принятия отдельных законов или иных документов, ограничиваясь лишь перечислением ресоциализирующих мер. Так, например, В законах Ростовской, Кировской областей, Республики Саха (Якутия), определение Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» воспроизведено без каких-либо дополнительных пояснений¹. В Законе города Москвы, законе Краснодарского края, Ставропольского края ресоциализация указана в качестве меры профилактического воздействия без ее дефинирования².

Нормативные акты некоторых субъектов Федерации дополняют определение ресоциализации указанием на конкретные виды помощи, оказываемой ресоциализируемому лицу. Так, например, в статье 9 Закона Брянской области в качестве ресоциализационной меры указана бесплатная юридическая помощь по вопросам трудоустройства, пенсионного обеспечения и социальной защиты в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи³.

В статье 22 Закона Нижегородской области, помимо определения ресоциализации, содержится указание на то, что профилактика правонарушений среди ресоциализируемых лиц «осуществляется посредством оказания социальной и правовой помощи указанным категориям лиц, оказания содействия указанным лицам в социальной адаптации и социальной реабилитации, оказания лицам, освобожденным из мест лишения свободы, содействия в восстановлении

¹Закон Кировской области «О профилактике правонарушений в Кировской области» от 03.08.2017 № 92-30 // Кировская правда. 2017. № 73. 8 августа; Закон Ростовской области «О профилактике правонарушений на территории Ростовской области» от 29.12.2016 № 933-3С // Наше время. 2017. № 17-51. 24 января; Закон Республики Саха (Якутия) «О профилактике правонарушений в Республике Саха (Якутия) от 15.06.2005 № 493-III // Сборник законов Республики Саха (Якутия). 2005. Том 2.

²Закон города Москвы «О системе профилактики правонарушений в городе Москва» от 19.03.2008 № 14 // Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 4. Ст. 51; Закон Краснодарского края «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае» от 01.11.2013 № 2824-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 2013. № 12 (201). 5 ноября. Закон Ставропольского края «О некоторых вопросах профилактики правонарушений в Ставропольском крае» от 08.02.2019 № 3-кз // Ставропольская правда. 2019. № 16 (27350). 15 февраля.

³Закон Брянской области «О профилактике правонарушений в брянской области» от 02.05.2017 № 26- // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.05.2017.

утраченных документов, трудоустройстве, оказания психологической помощи, правового воспитания, иных мер, предусмотренных законодательством РФ и законодательством Нижегородской области»¹.

В некоторых субъектах Федерации помимо законодательства, регламентирующего общие вопросы профилактики правонарушений, в развитие приняты отдельные нормативные акты, касающиеся ресоциализации. Так, Закон Ленинградской области «О ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера, в Ленинградской области» от 6 июня 2016 г. № 46-оз регулирует общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением ресоциализационных мероприятий². Закон отличается крайней краткостью, содержит всего 6 статей. Тем не менее, к числу достоинств анализируемого документа следует отнести определение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления Ленинградской области в сфере осуществления ресоциализационной деятельности. В этой связи более логичным, полагаем, было бы назвать этот закон «О государственном регулировании в сфере ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся мерам уголовно-правового характера, в Ленинградской области».

Законодатель Ленинградской области одним из первых отреагировал на введение федерального законодательства в сфере пробации и принял Закон Ленинградской области от 20.02.2024 № 18-оз «Об обеспечении реализации полномочий органов государственной власти Ленинградской области в сфере пробации»³. Положения данного нормативного акта, по сути, дублируют нормы Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской

¹Закон Нижегородской области «О профилактике правонарушений в Нижегородской области» от 06.07.2012 № 88-З // Нижегородские новости. 2012. № 126. 17 июля.

²Закон Ленинградской области «О ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера, в Ленинградской области» от 06.06.2016 № 46-оз // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2016 .

³ Закон Ленинградской области от 20.02.2024 № 18-оз «Об обеспечении реализации полномочий органов государственной власти Ленинградской области в сфере пробации» // Сетевое издание «Электронное опубликование документов» www.nra47.ru, 20.02.2024.

Федерации», однако до некоторой степени конкретизируют механизм действия областных органов государственной власти в сфере пробации.

Законодатель Московской области пошел путем объектового регулирования и принял Закон «О профилактике правонарушений в Московской области среди лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» от 14 июня 2019 г. № 116/2019-оз¹. Нормативный документ имеет широкую сферу действия и направлен на регулирование отношений в области профилактики правонарушений со стороны как взрослых, отбывших наказание в виде лишения свободы, так и несовершеннолетних, освобожденных из воспитательных колоний. Данный подход представляется нам довольно интересным, позволяющим оптимизировать правовое регулирование в контексте ресоциализации, в то же время с такой позицией законодателя сложно согласиться. Отбывшие наказание несовершеннолетние осужденные зачастую нуждаются в социализации, а не в ресоциализации, что предопределяет существенную специфику применяемых мер².

Анализируемый закон, так же как и нормативный документ Ленинградской области, определяет круг полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в исследуемой области общественных отношений. Однако в нем более детально зафиксированы формы участия иных субъектов профилактики правонарушений, к которым отнесены подразделения службы занятости Московской области, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в регионе. Позиция законодателя Московской области в этой части заслуживает одобрения, однако отметим, что

¹Законодатель Московской области пошел путем объектового регулирования и принял Закон «О профилактике правонарушений в Московской области среди лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» от 14.06.2019 № 116/2019-оз. // Ежедневные новости. Подмосковье. 2019. № 116. 28 июня.

² Так, И.В. Никитеев отмечает, что освобожденные из воспитательной колонии лица отличаются инфантилизмом и беспомощностью. По данным исследователя 85% опрошенных лиц данной категории не смогли создать семьи после освобождения из ВК, 42% не нашли постоянное место работы и жили на средства от случайных заработков. Такими же беспомощными и инфантильными возвращаются в общество из мест лишения свободы бывшие воспитанники детских домов. Согласно проведенному опросу, 68% данной категории лиц не имеют семей или разведены. 47% надеются после освобождения на случайные заработки, 3 % признаются, что намерены продолжать жить на средства, полученные незаконным путем (кража, продажа наркотиков, мошенничество). Никитеев И.В. Проблемы ресоциализации осужденных // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф., г. Киров, 26-27 октября 2017 г. Киров: ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2017. С. 11.

вслед за федеральным законодателем региональный нормотворец не называет данные подразделения субъектами профилактики, не предусматривает их полномочия, а говорит только об участии в профилактической деятельности.

Как представляется, такая практика правового регулирования не способствует созданию именно системы профилактики правонарушений, так как подобная конструкция должна быть создана в масштабах всего общества и государства. В то же время сейчас, как об этом можно судить в результате контент-анализа федерального и регионального законодательств, речь, все же, идет больше о государственном регулировании.

Совершенно справедливо, в этой связи, отдельные субъекты Федерации в самом названии соответствующего нормативного документа используют такое словосочетание. В качестве примера можно привести Закон Хабаровского края «О регулировании отдельных вопросов профилактики правонарушений в Хабаровском крае» от 21 декабря 2016 г. № 232¹, Закон Ульяновской области «О правовом регулировании отдельных вопросов, связанных с участием исполнительных органов государственной власти Ульяновской области в ресоциализации проживающих на территории Ульяновской области лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, и лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, находящихся в трудной жизненной ситуации и (или) утративших социальные связи» от 9 марта 2016 г. № 31-зо².

Следует отметить, что Закон Ульяновской области содержит свое определение ресоциализации, под которой понимает деятельность по осуществлению комплекса экономических, правовых, организационных, психолого-педагогических и иных мер... (ст. 1 Закона). Указанная дефиниция

¹Закон Хабаровского края от 21.12.2016 г. № 232 «О регулировании отдельных вопросов профилактики правонарушений в Хабаровском крае» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2017. № 12 (том 1). 31 января.

²Закон Ульяновской области «О правовом регулировании отдельных вопросов, связанных с участием исполнительных органов государственной власти Ульяновской области в ресоциализации проживающих на территории Ульяновской области лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, и лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, находящихся в трудной жизненной ситуации и (или) утративших социальные связи» от 09.03.2016 г. № 31-зо // Ульяновская правда. 2016. № 31. 14 марта (недейств. ред.).

является сущностно верной, логичной, однако в настоящее время противоречащей данному Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ определению. Очевидно, в том числе и это послужило причиной его отмены.

В соответствии со статьей 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, положения которого в данном контексте развиваются и в региональном законодательстве, нормы о ресоциализации не применимы к пострадавшим от совершения преступления лицам.

Потерпевшие, а также подверженные риску стать таковыми, в силу статьи 27 анализируемого закона могут рассчитывать на помощь. Как об этом можно судить по результатам экспертизы регионального законодательства, в настоящее время ни в одном субъекте Федерации не создан механизм реализации данного положения, не ясно, в чем именно состоят терминологические отличия: почему осужденные нуждаются в ресоциализации, а потерпевшие в помощи. Вероятно, такой вывод делается на основании представления о социализированности потерпевших, однако это не всегда так.

Довольно часто причиной совершения преступления выступает десоциализация самой жертвы. Единственное отличие мы видим в том, что для осужденных лиц характерен пенитенциарный период ресоциализации, связанный с осуждением и вынесением справедливого приговора, назначением наказания и исполнением его. В этот период к осужденному применяются специфические ресоциализирующие меры, обусловленные его правовым статусом. Особенности пенитенциарного периода связаны со способом применения ресоциализирующих мер. Потерпевший не испытывает на себе государственно-принудительного воздействия, однако страдает в результате совершения преступления, что обуславливает его специфические состояния, свидетельствующие о десоциализации и необходимости ресоциализации. Полагаем, что в данной сфере логично пользоваться такой же терминологией.

Правовое регулирование ресоциализации в пенитенциарный период осуществляется Уголовным кодексом РФ, Уголовно-исполнительным кодексом РФ и принимаемыми подзаконными, в том числе, ведомственными нормативно-

правовыми актами. Следует отметить, что за двадцатилетний период наших наблюдений нормативно-правовое регулирование отношений в сфере ресоциализации в пенитенциарный период претерпело существенные изменения¹. В целом можно заметить, что таковые отражают тенденцию реализации «двухвекторной» модели уголовной политики, когда усиливается уголовная ответственность за одни деяния и чрезмерно ослабляется за другие, отсутствует единый подход и методология. Можно с некоторой долей уверенности говорить о тенденции некоторой гуманизации уголовно-исполнительной политики, однако о комплексной реализации нерепрессивной парадигмы в контексте ресоциализации говорить пока не приходится².

Что касается выстраивания единой комплексной системы предупреждения преступлений, то в текущих реалиях эта конструкция представляется находящейся в стадии построения. И формировать ее следует, рассматривая составной частью системы противодействия преступности в целом, в качестве методологической основы используя теорию противопреступной социализации (ресоциализации).

¹Так, с 14.01.2000 г. действует Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы». Приказом Министерства юстиции РФ от 19.03.2015 № 62 был утвержден Порядок формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета. 26 января 2007 года был создан Общественный совет при ФСИН, затем и территориальные органы в управлениях ФСИН РФ по субъектам федерации. Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 01.10.2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» были уточнены организационные и содержательные аспекты деятельности Общественного совета при ФСИН РФ. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» юридически закрепил деятельность общественных наблюдательных комиссий. Распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» был дан старт масштабному реформированию учреждений уголовно-исполнительной системы. Одной из целей реформы было заявлено «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освобожденных осужденных, в том числе с участием гражданского общества. В целях реализации положений главы 22 УИК РФ Приказом Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» были сформированы группы социальной защиты, основными целями которых являются создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 66-ФЗ были внесены изменения в ч. 1 ст. 18, ч. 1 ст. 86 УК РФ, которыми уточнено правовое положение ранее судимых лиц.

²О существующих проблемах нормативно-правового регулирования в данной сфере указывают также и другие исследователи. Ромашов Р.А., Арбузова С.А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России // Ведомости УИС. 2014. № 6 (145). С. 37-41.

Концептуальной моделью нормативного регулирования архитектуры противодействия преступности видится основанная на вертикально-территориальном принципе группировка законодательства по уровням: международное, федеральное, региональное, ведомственное. К первой группе отнесем международно-правовые акты, договоры в сфере противодействия преступности, имеющие ресоциализационную направленность.

Нормативно-правовой основой системы противодействия преступности на федеральном уровне должен стать Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, содержащий четко проработанные и конкретизированные нормы, на основе которых субъекты РФ будут выстраивать свое законодательство в данной сфере. В четвертую группу включим документы ведомственной и межведомственной принадлежности.

Как представляется, в настоящее время в Российской Федерации созданы достаточные предпосылки для принятия именно кодифицированного нормативного документа, который бы системным образом регулировал отношения, возникающие в сфере предупреждения преступлений и ресоциализации. В самом общем виде в области противодействия преступности определенные группы отношений уже регламентированы на уровне кодексов – это уголовно-правовые (УК РФ), уголовно-процессуальные (УПК РФ), уголовно-исполнительные (УИК РФ). Остается достаточно большая, но уже, полагаем, исторически апробированная, оформившаяся в качестве предмета, имеющая свой специфический метод группа отношений, нуждающихся в законодательной регламентации на уровне именно кодекса.

Таким документом как раз и может стать Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, регулирующий отношения, возникающие в сфере превенции преступных деяний своим специфическим методом, включающий в себя нормы о принципах, объектах, субъектах и видах предупредительного воздействия.

В пользу регламентации обозначенных социальных связей именно кодифицированным актом говорит сложившаяся в российской правовой

действительности некая традиция, в соответствии с которой нормы кодифицированного акта более успешно воспринимаются на уровне обыденного правосознания. Учитывая содержательную направленность и целеполагание документа, призванного регламентировать вопросы осуществления предупреждения и ресоциализации, полагаем это обстоятельство немаловажным.

Следует отметить, что в научной доктрине споры о соотношении (иерархии) юридической силы кодифицированных нормативно-правовых актов и законов не утихают до сих пор, периодически масштабируясь до уровня весьма значимой проблемы. Отчасти такая ситуация порождается тем, что в самих кодексах содержатся нормы о приоритете над иными федеральными законами, и порождаемой в силу такого установления правовой неопределенностью. Ученые, занимающиеся исследованием существования обозначенной правовой коллизии, предлагают решить проблему путем исключения из кодифицированных актов положений об их приоритетности, так как с точки зрения доктринальных теоретических представлений и кодексы, и федеральные законы являются равнозначными по юридической силе¹.

Полагаем, что применительно к целям нашего исследования и формулирования предложения о регламентации на федеральном уровне отношений в сфере предупреждения преступлений, следует осуществлять правовое регулирование именно на уровне кодекса. Попытку регламентации обозначенных социальных связей Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», на наш взгляд, нельзя признать удачной. Думается, правы Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. в том, что «данный Закон является следствием до сих пор не решенной до конца в теории права проблемы целесообразности наряду с кодифицированными актами принимать законы-декларации непрямого действия»², однако, само признание данного факта не устраняет остроту

¹См. об этом Лукашева Н.Н. Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 3. С. 218-228.

²Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Известия ВУЗов. Правоведение. 2016. № 6 (329). С. 143.

проблемы. Закон не работает в полную силу, а обновленное законодательное регулирование востребовано действительностью.

Таким образом, проведенное исследование нормативно-правового регулирования ресоциализации в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие ресоциализации закреплено в статье 25 Федерального закона № 182 от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Сформулированная дефиниция представляется чрезмерно громоздкой, не отражающей сущности ресоциализации, в силу чего существенно снижается ее практическая значимость. Закрепленную в статье 25 указанного нормативно-правового акта дефиницию ресоциализации предложено пересмотреть.

2. Полагаем необоснованным отнесение ресоциализации к формам профилактического воздействия (ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г.), а ее закрепление в качестве самостоятельного понятия, учитывая содержательную сущность ресоциализации и использование данной дефиниции в аспекте целеполагания.

3. Предлагаем рассматривать ресоциализацию как процесс, в результате которого человек не совершает преступления и/или восстанавливает свой социально-положительный статус до уровня, исключающего совершение им преступления, и как результат данного процесса, то есть, использовать в нормативно-правовом поле сформулированное в настоящей работе понятие ресоциализации в криминологическом смысле.

4. В порядке *de lege ferenda* предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

- в Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»:
- пункт 8) части 1 ст. 17 исключить;
- ст. 25 исключить;

- дополнить ст. 2 пунктом 8) следующего содержания: – «ресоциализация - процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения преступлений и/или восстановления социально-положительного статуса».

- дополнить ст. 6 ч. 1 пунктом 2.1. «2.1. обеспечение ресоциализации»

- в Федеральный закон от 06 декабря 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»:

п. 5) ч. 1 ст. 5 изложить в следующей редакции:

5) «ресоциализация – процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса»;

5. Анализ регионального нормотворчества в сфере предупреждения преступлений и ресоциализации выявил отсутствие единообразия и некоторую неопределенность в части закрепления понятия ресоциализации и содержания ресоциализирующих мер. В целом в большинстве субъектов Российской Федерации приняты нормативно-правовые акты (в основном в форме регионального закона), регулирующие отношения, связанные с профилактикой преступности, социальной адаптацией и ресоциализацией ранее судимых лиц.

6. Полагаем, что нормативно-правовая база регулирования предупреждения преступлений и ресоциализации в Российской Федерации в настоящий момент до конца не сформирована. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ носит рамочный характер и не может оцениваться в качестве

основополагающего документа, устанавливающего правовые основы для функционирования системы предупреждения и ресоциализации в масштабах РФ.

7. В процессе формирования законодательной базы регулирования предупреждения и ресоциализации необходимо исходить из того, что такая конструкция должна быть встроена в общую систему нормативного регулирования противодействия преступности.

8. В качестве концептуальной модели нормативно-правового регулирования системы предупреждения преступности можно предложить основанную на вертикально-территориальном принципе группировку законодательства по уровням: международное, федеральное, региональное, ведомственное. Нормативно-правовой основой системы противодействия преступности на федеральном уровне должен стать Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, содержащий четко проработанные и конкретизированные нормы, на основе которых субъекты Российской Федерации будут выстраивать региональное законодательство в данной сфере.

3.2. Противопреступная социализация (ресоциализация) в системе единого законодательства о противодействии преступности. Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации

Конституция РФ в статье 1 предусматривает, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. В развитие данной конституционной нормы в России принимаются нормативные акты, в совокупности, представляющие собой систему законодательства, объединяющую имеющие свой предмет и метод регулирования отрасли права.

В настоящее время в научной литературе широко обсуждается вопрос о формировании самостоятельной отрасли права, регламентирующей отношения,

связанные с предупреждением преступлений и выступающей правовой основой криминологического познания. Однако на текущий момент нельзя в полной мере говорить о том, что в данной сфере существует единство понимания и взглядов на предмет такой отрасли и применимой методологии¹.

Несмотря на то, что по обозначенному вопросу в научной доктрине пока еще окончательно не расставлены точки над *i*, все чаще в работах по криминологии можно встретить словосочетание «криминологическое законодательство»².

Позиции ученых в отношении формирования криминологического законодательства можно разделить условно на два лагеря: тех, кто считает, что криминологическое законодательство уже существует (Д.А. Шестаков³, Д.Ю. Гончаров⁴, Г.Н. Горшенков⁵, Н.Ф. Кузнецова⁶, В.Н. Орлов⁷, М.П. Клейменов⁸, А.В. Петровский¹) и тех, кто предполагает появление

¹По мнению А.В. Петровского, с которым следует согласиться, в настоящее время криминологии необходимо минимизировать идеологическую и критическую составляющую, которая часто не подкреплена серьезными эмпирическими исследованиями и перейти к детальной разработке практических рекомендаций по изучению криминологической информации, оценке личности виновных для вынесения судебных решений, научно обоснованному анализу и отслеживанию причин и условий, приводящих к антиобщественному, противоправному и общественно опасному поведению, и главное – к созданию различных, легко реализуемых, предупредительных методик и практик. Все эти практические рекомендации должны быть отражены в нормативно-правовых актах – федеральных, ведомственных, региональных, муниципальных. Петровский А.В. Российская институциональная система криминологических норм: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 53. Орлов В.Н. говорит о существовании криминологического права. См. об этом Орлов В.Н. Криминологическое право: понятие, предмет, метод и система // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов V Междун. науч.-практ. конф., 2018. С. 22-27.

²Так, например, А.В. Петровский определяет криминологическое законодательство как формирующееся нормативно-правовое комплексное межотраслевое образование, обладающее характерными особенностями и пределами, объединенное признаком функционального единства, обусловленное аналитической, познавательной, превентивной, прогностической целесообразностью, направленное на регулирование общественных отношений в сфере изучения преступности и правонарушений, преступного и антиобщественного поведения, криминогенных детерминантов, личности правонарушителя и преступника, а в области превенции – упорядочивания и регламентации деятельности по профилактике правонарушений и преступлений. Петровский А.В. Институты российского криминологического законодательства // Российский следователь. 2020. № 1. С. 49.

³Шестаков Д.А. Криминология как наука и практическая теория // Криминология: курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова [и др.]. СПб., 1995. С. 16.

⁴Так, Д.Ю. Гончаров рассуждает о формировании криминологического законодательства в контексте законодательства о противодействии преступности. См., Гончаро, Д.Ю. Уголовно-правовая и «криминологическая» составляющие законодательства о противодействии преступности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 2. С. 263-264; Гончаров Д.Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 22-23.

⁵Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. Н.Новгород, 2004. С. 76.

⁶Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд.: перераб. и доп. М., 2004. С. 3-4.

⁷Орлов В.Н. Криминологическое законодательство: учебное пособие. СПб.: 2021. 178 с. Криминология: учебник для аспирантов / под. ред. И.М. Мацкевича. М., 2017. С. 14.

⁸Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2017. № 1 (50). С. 179-184.

криминологического законодательства в будущем (В.Н. Бурлаков², Н.А. Лопашенко³, Ю.А. Воронин⁴, А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев⁵).

Еще в 1996 году выделение криминологического законодательства в своей работе отмечала Н.Ф. Кузнецова⁶. Полагаем, что с принятием и вступлением в силу 23 июня 2016 года Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» существование такого в России стало еще более очевидным, как и необходимость постоянного совершенствования правового регулирования в данной сфере. Такой вывод находит подтверждение в трудах исследователей⁷.

На прогрессивное развитие криминологического законодательства указывает в своих работах В.Н. Орлов, отмечая, что «в будущем... криминологические нормы будут стремиться сгруппироваться в отдельную группу или подотрасль криминологии, например, право экономической криминологии, криминопенологическое право, криминоуевологическое право и т.д.»⁸.

Однако, криминологическое законодательство не является единственным правовым инструментом реализации стратегии противодействия преступности. В ее рамках действуют уже зарекомендовавшие себя уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство и начинающее формироваться в РФ законодательство (или уже право) безопасности. В этой связи в научной доктрине было выдвинуто и обосновано предположение о существовании единого законодательства (или права) противодействия преступности, объемлющего нормы о предупреждении, профилактике,

¹ Петровский А.В. Указ. соч. С. 51.

²Криминология: курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова, С.Ф. Милкокова, С.А. Сидорова, Л.И. Спиридонова. СПб., 1995. С. 159.

³ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 66-67.

⁴ Воронин Ю.А. Введение в криминологию: курс лекций. М., 2008. С. 109-110.

⁵Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М., 2001. С. 156.

⁶Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 29.

⁷На необходимость постоянного совершенствования законодательного регулирования противодействия преступности указывается в работе Гончаров Д.Ю. «Уголовно-правовая» и «криминологическая» составляющие законодательства о противодействии преступности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 2. С. 263.

⁸Орлов В.Н. Криминологическое законодательство: учебное пособие. СПб.: Криминологическая библиотека, 2021. С. 16.

пресечении и борьбе с преступностью и иными формами отклоняющегося поведения, способными привести к совершению преступлений.

Первым на высоком научном уровне сформулировал и обосновал концепцию единого права противодействия преступности (далее также ППП) профессор Д.А. Шестаков, который в 1996 г. поставил вопрос о криминологическом законодательстве как о научной проблеме¹, а в 2013 г. представил модель единого законодательства о противодействии преступности².

В дальнейшем эта концепция получила свою поддержку в трудах ученых, которые либо отождествляют криминологическое законодательство и право противодействия преступности³, либо говорят о том, что последнее является более широким понятием⁴. Вторая позиция нам видится более приемлемой, в противном случае необходимо было бы относить уголовное законодательство к криминологическому, что противоречит правилам формальной логики и не соответствует целям такого разграничения.

Обосновывая модель единого законодательства о противодействии преступности, Д.А. Шестаков предлагает включить в нее Основы законодательства о противодействии преступности, Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации, Кодекс мер безопасности, Кодекс уголовной ответственности молодежи (несовершеннолетних) и восстановления ее положения в обществе. Соответственно Основам должно произойти взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным⁵.

¹Бурлаков В.Н., Гишинский Я.И., Шестаков Д.А. Преподавание криминологии в современных условиях. Отчёт о криминологическом семинаре // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12-25.

²Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.

³Зикеев В.А. Понятие криминологического законодательства // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы: сб. науч. тр. междуна. науч.-практ. конф. Красноярск, 2015. С. 75-77.

⁴Петровский А.В. отмечает, что отличие института криминологического законодательства от смежных институтов и отраслей (административной, уголовной, уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной), которое обобщенно можно назвать единым правом противодействия преступности, заключается в родовом и видовом соотношении, где право противодействия преступности – более широкое понятие. Петровский А.В. Указ. соч. С. 65.

⁵Шестаков Д.А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 13-20.

Однако такая модель критически оценивается некоторыми специалистами. Так, например, М.П. Клейменов полагает, что «вавилонская башня ППП вряд ли будет построена»¹. Все же представляется, что, несмотря на существующий в доктрине некоторый скептицизм, данная конструкция является функциональной, отражающей современные тенденции развития противопреступной деятельности и нацеливающей на перспективы дальнейшего совершенствования.

Учитывая тот факт, что преступность, как социальное явление, не имеет государственных границ, в противодействии данному злу заинтересованы все сотрудничающие между собой государства, а также опираясь на предложенную профессором Д.А. Шестаковым «многослойную» модель преступности (воронку Д.А. Шестакова)², выдвинем гипотезу о целесообразности разработки и принятия нормативного акта, регламентирующего обозначенные вопросы на межгосударственном уровне. Таким актом мог бы стать документ с рабочим названием Основы законодательства о противодействии преступности, в котором регламентировались бы принципы, основные направления и способы взаимодействия и сотрудничества в противопреступной деятельности.

Принимая во внимание современные геополитические тенденции, Основы законодательства о противодействии преступности, принятые на просторах евразийского пространства, совершенно логично вписываются в канву международного регулирования противопреступной деятельности в современный период³. Полагаем, что следует рассмотреть возможность принятия такого акта в рамках модельного законодательства стран СНГ, например, Модельного закона «О противодействии преступности в странах СНГ»⁴.

¹Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // *Lex russica*. 2018. № 2 (135). С. 157.

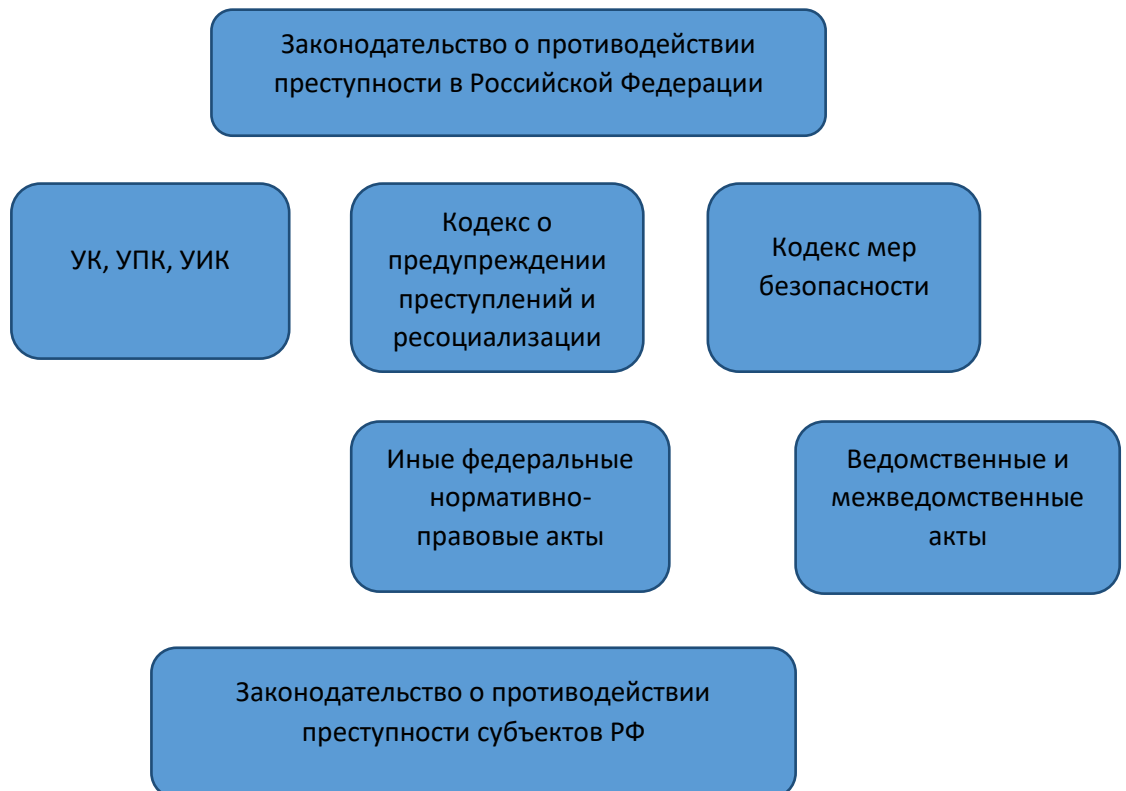
²Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 2 (53). С. 13-22.

³Следует согласиться с мнением А.П. Данилова, который выражает желание увидеть Основы законодательства о противодействии преступности на международном уровне. См.: Данилов А.П. Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2017. № 2. С. 75.

⁴В рамках СНГ принято Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 3.04.1999 № 13-4 «О правовом обеспечении противодействия преступности на территории стран Содружества», в котором обозначен вектор на дальнейшее развитие сотрудничества в данной сфере.

На основе предлагаемой Д.А. Шестаковым концепции единого права противодействия преступности можно предложить концептуальную модель соответствующего законодательства в Российской Федерации, состоящую из кодифицированных нормативных актов, иных нормативно-правовых актов, принятых в развитии, ведомственных и межведомственных актов, законодательства субъектов РФ (схема 5).

Схема 5. Законодательство о противодействии преступности в РФ

Разрабатываемая нами теория противопреступной социализации (ресоциализации), как методология государственной политики противодействия преступности, на наш взгляд, логично увязывается с представлением о законодательной регламентации конкретизированных положений о противопреступной социализации (ресоциализации), принципов, форм и методов ресоциализационной деятельности в Кодексе о предупреждении преступлений и ресоциализации. Но, прежде чем предлагать содержательную часть данного документа, необходимо определиться с концептуальными положениями, к числу которых относится определение места ресоциализации в системе

противодействия преступности, его значение и перспективы для уголовно-правового воздействия.

В научной литературе до сих пор нет единства мнений относительно правовой природы ресоциализации и ее места в системе наук¹. Юридическое закрепление понятия ресоциализации в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и ее отнесение к формам профилактического воздействия предполагает криминологическую природу данного феномена, что по своей сути представляется нам верным. Однако, полагаем, что позиция законодателя в части определения самого термина ресоциализации нуждается в корректировке (это суждение подтверждается результатами представленных в данной работе изысканий), как в самих законах (предложения были высказаны в предыдущем параграфе работы), так и путем включения ресоциализации в уголовно-правовые нормы.

С учетом понимания ресоциализации, как процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, и как результата данного процесса, в научной доктрине звучали предложения о закреплении анализируемой дефиниции в качестве цели наказания вместо исправления в части 2 статьи 43 УК РФ². Высказывала такие предложения и автор настоящего исследования. Однако данные суждения на страницах научной печати подвергались разумной критике³.

Рассуждая о новой концептуальной модели наказания в телеологическом (целевом) аспекте, И.В. Дворянсков указывает, что в Уголовном кодексе Российской Федерации цели наказания сформулированы «в аспекте процесса, а не результата, ... если рассматривать эти цели в динамике, то есть в процессе их

¹ Не до конца ясно, относится ли это понятие к терминам криминологическим, уголовно-правовым, уголовно-исполнительным или даже медицинским и психологическим.

² Зубкова, В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 27.

³ Селиверстов В.И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 448

достижения, то окажется, что они выступают средствами достижения самих себя»¹. Соглашаясь в целом с такой позицией, однако, отметим, что некоторые дефиниции могут рассматриваться в двойном смысле: и как процесс, и как результат данного процесса. Как представляется, смысловое содержание конкретной терминологии в нормативно-правовых актах должно определяться исходя из взаимосвязанного и взаимообусловленного толкования правовых конструкций, к которым имеет отношение анализируемый термин. Следует также принять во внимание и то, что сформулированные в УК РФ цели наказания существуют достаточно давно, «прижились» в общественном сознании и, в принципе, решают основную задачу целеполагания в данном смысле.

Указывая на неудачность формулировки целей наказания в УК РФ, И.В. Дворянсков предлагает заменить обозначенные в уголовном законе цели на следующие:

«- возмездие за содеянное, предполагающее как правоограничения и лишения, налагаемые судом исходя из законодательной модели и параметров назначаемого наказания, так и возмещение причиненного ущерба;

- правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих;
- государственное порицание преступления.»².

Как представляется, в данной трактовке предлагаемые цели наказания до степени смешения сходятся со сформулированными в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации задачами и в этой связи считаем такую замену нецелесообразной. Однако примечательным в рассуждениях ученого видится то, что категории задач и целей наказания в уголовном законодательстве видятся ему весьма близкими.

Полагаем, что в текущей ситуации обозначенный спор является абсолютно бесплодным и его разрешение в ту или иную сторону не принесет сколько-нибудь значимого прикладного результата. В практическом смысле вряд ли стоит

¹Дворянсков И.В. К вопросу о новой концептуальной модели наказания (телеологический аспект) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 14.

²Там же, с. 16.

ожидать кардинальных изменений в случае трансформации цели исправления осужденного в его ресоциализацию, или в какие-либо иные дефиниции. Любая корректировка предусмотренных Уголовным кодексом РФ целей наказания в обозримом будущем видится бесперспективной, в этой связи полагаем логичным отказ от закрепления в УК целей наказания в принципе, взамен дополнение анализируемого кодифицированного акта нормой о функциях уголовно-правового воздействия, к числу которых и может быть отнесена ресоциализация.

Впервые схожее предложение высказал в своей работе Д.А. Шестаков, который обратил внимание на неодушевленность наказания и обусловленную этим невозможность преследовать какие-либо цели¹.

Полагаем, что отчасти с данным утверждением стоит согласиться, тем более что правовая регламентация целей наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации, их достижимость вызывают бурные дискуссии в научной среде², что будет проанализировано нами в последующих параграфах работы. Однако, если рассматривать цель наказания как некий идеал, к которому следует стремиться, применяя данную меру уголовно-правового воздействия, то в таком понимании, возможно, стоит согласиться с существованием в уголовном законодательстве ставшей уже привычной нормы о целях наказания. Однако в дальнейшем, как представляется, от закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации общей нормы о целях наказания следует отказаться.

В своих работах Д.А. Шестаков предлагает регламентировать функции уголовной ответственности, к числу которых относит: удержание лица, совершившего преступление, от новых преступлений (функция защиты человека),

¹Как отмечает Д.А. Шестаков, «лучше было бы установить в законе цели не наказания, а уголовной ответственности..... вообще говоря, правильнее говорить о функциях, нежели о целях наказания. Само по себе наказание как явление неодушевленное никаких целей преследовать не может, но выполняет определенные роли в жизни общества» Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6. С. 139-140.

²См., например, Блохин Ю.И. Оценка целесообразности применения уголовного наказания // *Проблемы взаимодействия международного и национального уголовного права в условиях глобализации: материалы V междунауч.-практ. конф. памяти Митрофана Ивановича Ковалева*. Екатеринбург, 2008. С. 55-61. Азархин А.В. Вопросы целесообразности применения уголовных наказаний // *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы IV междунауч.-практ. конф.* Самара, 21–22 июня 2013 г. / *Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России*. Самара, 2014. С. 98-101.

реституцию (восстановление положения потерпевшего), ресоциализацию осуждённого¹. Г.Н. Горшенков выделяет также функцию контроля². Соглашаясь в целом с обозначенной позицией, позволим себе указать на то, что лучше говорить не о функциях наказания, а о функциях уголовно-правового воздействия, и относить к таковым ресоциализацию.

Следует отметить, что в научной литературе похожие суждения уже высказывались. Так, о переходе к «праву уголовно-правового воздействия», его содержательной части достаточно подробно в своих работах писал и говорил профессор Н.В. Щедрин³.

В целях аргументации авторской позиции о правовом регулировании в уголовном законодательстве нормы об уголовно-правовом воздействии и его функциях, проанализируем соотношение данной категории с понятием уголовной ответственности.

Легальное понятие уголовной ответственности отсутствует в УК РФ. В научной доктрине существует множество определений данной конструкции, по большей части, определяющей ее через обязанность, обязательство или долг⁴. В то же время противники такой позиции отмечают, что это противоречит действующему законодательству, и понимают под уголовной ответственностью «основанное на уголовно-правовых нормах осуждение государством общественно-опасного виновного деяния и лица, его совершившего, выраженное

¹Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Г.Н. Горшенков. [и др.] ; под ред. Д.А. Шестакова. СПб: Юридический центр Пресс. 2003. С 6-13.

²Горшенков Г.Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 21.

³См. об этом, например, Щедрин Н.В. От права наказания к праву воздействия: развитие или регресс российского уголовного права? // Материалы VI междуна. науч.-практ. конф. «Российское право и правовая система», Харбин (Китай), 15-16 июля 2015 г. С. 148-152. В своей диссертационной работе К.Н. Неткачев предлагал ввести в УК РФ норму, определяющую основания назначения иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с наказанием: Неткачев К.Н. Формы реализации уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам республики Хакасия): дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 5.

⁴Так, например, А.И. Рарог определяет уголовно-правовую ответственность как обязанность лица, совершившего преступление, дать отчет в содеянном перед государством, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1998. С. 53.

в приговоре суда и сопряженное с наказанием или иными мерами уголовно-правового воздействия»¹.

Анализируя соотношение уголовно-правовой ответственности и уголовно-правового воздействия, А.П. Фирсова приходит к справедливому, как мыслится, выводу о том, что это различные понятия². Следует отметить и наличие в научной доктрине крайних точек зрения, согласно которым понятие уголовной ответственности является избыточной категорией в уголовном праве³.

Сопоставляя требования об условиях уголовной ответственности, установленные в статье 19 УК РФ, с предусмотренным статьей 21 УК РФ содержанием невменяемости, а также предусмотренными статьей 97 УК РФ основаниями применения принудительных мер медицинского воздействия, полагаем, что в случае назначения таковых нельзя говорить об уголовной ответственности, но можно и нужно рассуждать об уголовно-правовом воздействии⁴.

Аналогично в случае освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) также речь идет об уголовно-правовом воздействии. В силу того, что в самом уголовном законе сказано, что лицо освобождается от уголовной ответственности, то о ее применении речи не идет. Но определенное воздействие, безусловно, оказывается: лицо принуждается к выполнению определенных условий и в конечном итоге выплачивает штраф.

Схожим образом решается вопрос и в отношении несовершеннолетних преступников, когда в порядке статьи 90 УК РФ суд может освободить от

¹Уголовное право России: общая часть: учебник / под. ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 216.

²А.П. Фирсова указывает, что уголовно-правовое воздействие — это совокупность различных способов выражения государственного принуждения в ответ на совершенное общественно опасное деяние, в то время как уголовная ответственность — это сложное социально-правовое последствие преступления, основанное на обязанности лица подвергнуться государственному принуждению, обусловленная виновностью совершенного деяния. Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 161.

³Такую точку зрения отстаивал Н.В. Щедрин, аргументируя теорию о «четырёхколейности» уголовного права России. Щедрин Н.В. Четыре «колей» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59-62.

⁴Следует отметить, что еще в середине прошлого века Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. пришли к выводу о том, что предусматриваемое уголовным законодательством применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, нельзя относить к мерам юридической ответственности. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 312-328.

уголовной ответственности и назначить принудительные меры воспитательного воздействия. Несовершеннолетний не несет уголовной ответственности, но уголовно-правовое воздействие оказывается.

Рассуждая о мерах уголовно-правового воздействия, А.П. Фирсова отмечает, что, как правило, в правоприменительной практике такие меры не применяются в одиночку, а используется их сочетание. В этой связи исследователь выделяет пять «форм уголовно-правового воздействия:

- 1) наказание;
- 2) условное или безусловное освобождение лица от наказания (ст.ст. 80¹, 81, 82, 83, 92 УК РФ);
- 3) условное осуждение;
- 4) принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним (ч. 1 ст. 90, ст. 96 УК РФ); 5) принудительные меры медицинского характера»¹.

Полагаем целесообразным в связи с развитием законодательства дополнить указанный перечень еще двумя формами уголовно-правового воздействия: 6) конфискация (ст. 104¹ УК РФ); 7) судебный штраф (ст. 104⁴ УК РФ). Предполагаем, что данный перечень не является исчерпывающим и будет дополняться в связи с общей тенденцией гуманизации уголовного законодательства.

Исходя из представленных выше суждений, можно сделать определенный вывод о том, что уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие существенно различаются. Уголовный кодекс РФ в настоящее время содержит нормы, регламентирующие применение нескольких видов уголовно-правового воздействия. Из них только наказание имеет совершенно определенные в статье 42 УК РФ цели, принудительные меры медицинского характера осуществляются в целях, предусмотренных статьей 98 УК РФ, а в отношении иных мер воздействия целеполагания в уголовно-правовых нормах не содержится. Кроме того,

¹Фирсова, А. П. Указ. соч. С. 162-163.

Уголовный кодекс РФ вообще не содержит понятия уголовно-правового воздействия.

Для устранения такого законодательного пробела предлагаем ввести в Уголовный кодекс РФ категорию «уголовно-правовое воздействие», указав в части 2 статьи 2 УК РФ при определении предмета уголовно-правового регулирования (помимо основания и принципов уголовной ответственности) на функции уголовно-правового воздействия.

Аргументируя свою позицию об употреблении такого термина как «функция» применительно к уголовно-правовому воздействию, обратим внимание на смысловую нагрузку данного феномена.

Согласно одному из определений слова «функция» — это обязанность, круг деятельности, значение, назначение, роль¹. Употребление данной дефиниции, в отличие от понятия «цель», акцентирует внимание на процессе реализации, деятельности, предназначении такой деятельности, и, как представляется, более уместно для обозначения смысла анализируемой уголовно-правовой категории. Таким образом, функции уголовно-правового воздействия могут быть определены как основные направления выражения государственного принуждения в ответ на совершенное общественно опасное деяние. В отличие от функций уголовного права, под которыми традиционно понимаются предупредительная, воспитательная и защитная, функции уголовно-правового воздействия более конкретны и связаны с реакцией государства на совершенное общественно опасное деяние.

На основании вышеизложенного, учитывая перспективность дальнейшего развития законодательства о противодействии преступности в контексте теории противопреступной социализации (ресоциализации), полагаем логичным в качестве функций уголовно-правового воздействия закрепить в УК РФ функцию защиты человека (удержания лица от совершения преступления) и функцию

¹URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/функция>.

ресоциализации (восстановления индивида в качестве социализированного члена общества¹).

Кроме того, предлагаем предусмотреть в УК РФ ресоциализацию в качестве задачи Уголовного кодекса, наряду с предупреждением преступлений. Это позволит конкретизировать уголовно-правовую составляющую противодействия преступности, использовать ресоциализационный потенциал уголовно-правового воздействия, ориентировать правоприменительную деятельность на ресоциализацию.

В настоящее время статья 2 УК РФ в качестве задач предусматривает охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Превенция в соответствии со статьей 43 УК РФ также отнесена к числу целей наказания. Как представляется, логика законодателя состоит в том, чтобы акцентировать внимание на предупредительном потенциале уголовно-правовых норм, в том смысле, в котором уголовное законодательство реализует свою предупредительную функцию, как посредством наказания, так и самим фактом своего существования.

На основании изложенного представляется вполне логичным и обоснованным дополнение перечня закрепленных уголовным законом задач такой как ресоциализация, понимая под последней как сам процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или

¹Такое короткое толкование ресоциализации было впервые сформулировано автором настоящего исследования в 2002 году. См. Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 255 с.

восстановления социально-положительного статуса, так и результат этого процесса.

Указание на ресоциализацию в перечне закрепленных в УК РФ задач послужит ориентиром для будущей правотворческой деятельности по криминализации или декриминализации новых деяний, корректировки иных норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Также данная законодательная новелла послужит и практическим интересам. В Уголовном кодексе будет обозначен не только предупредительный, но и ресоциализационный потенциал уголовно-правовых норм, который видится в настоящее время практически не реализованным.

Вместе с тем, как представляется, ресоциализационный потенциал Уголовного кодекса РФ достаточно велик. Это проявляется в наличии поощрительных норм, компромиссов¹, регламентации применения наряду с наказанием иных мер уголовно-правового воздействия, дифференциации видов наказания, определенных к отбытию типов исправительных учреждений и др. По мере эволюционного развития общества и государства тенденция ориентации уголовно-правовой политики на расширение сферы использования нерепрессивных мер, реализация идеи противопреступной социализации (ресоциализации) как методологии уголовно-правового воздействия должны нарастать. В этой связи полагаем обоснованным закрепление ресоциализации в качестве одной из задач Уголовного кодекса РФ.

¹Подробно о компромиссах и поощрениях как средстве реализации социально-значимых интересов в уголовном праве рассматривал в своем диссертационном исследовании А.В. Кайшев, который предложил определение уголовно-правового компромисса и уголовно-правового поощрения. Уголовно - правовые компромиссы ученый предлагает понимать, как средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении цели установления справедливости посредством отказа от своего права или исполнения своей обязанности наказывать лицо, совершающего или совершившего преступление при условии точного выполнения им требований закона. Уголовно - правовые поощрения - средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении целей уголовного наказания посредством определения модели активного позитивного поведения лица, совершившего общественно опасное деяние, и его правовых последствий в виде исключения преступности деяния, освобождения от уголовной ответственности или наказания, либо смягчения последнего. Автором обстоятельно проанализированы уголовно-правовые нормы, в которых реализованы компромиссы и поощрения, как представляется, количество и содержание таких норм могут свидетельствовать об их ресоциализирующем характере, направленном на сохранение при малейшей возможности социально-положительного статуса индивида, экономии репрессии. См. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: автореф. дис. ... к.ю.н. М. 2005. С. 6.

В целях практической реализации данного положения предлагаем в порядке de lege ferenda внести изменения в статью 2 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

УК РФ Статья 2. Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации

1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений и ресоциализация.

*2. Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, **функции уголовно-правового воздействия**, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний за совершение преступлений и иные меры уголовно-правового характера. **К лицу, признанному виновным в совершении преступления, могут быть применены меры безопасности в случаях, предусмотренных законодательством РФ.***

3. Функциями уголовно-правового воздействия являются защита человека, его прав и свобод, и ресоциализация человека.

Нормы, регламентирующие реализацию противодействия преступности в контексте противопреступной социализации (ресоциализации), должны аккумулироваться в Кодексе о предупреждении преступлений и ресоциализации. Данный законодательный акт мог бы в комплексе регулировать отношения, возникающие в связи с осуществлением предупредительной деятельности, определять круг субъектов, объектов и содержать перечень мер и мероприятий, ресоциализирующего характера, особенности их применения в отношении отдельных категорий объектов регулирования.

Концептуальным моментом при разработке содержательной части Кодекса о предупреждении преступлений и ресоциализации должна стать идея его общесоциальной направленности. Как справедливо отмечает В.И. Зубкова,

преступников продуцирует само общество, следовательно, причины совершения преступлений, как и инструменты их нивелирования, необходимо искать в самом обществе¹.

Полагаем, что Кодексу о предупреждении преступлений и ресоциализации надлежит быть социальным по своей сути, ориентированным на активное участие всего общества в предупреждении преступлений. В отличие от других элементов единого законодательства противодействия преступности Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации должен предусматривать меры социального контроля, которые могут быть реализованы всеми субъектами общественных отношений при активной государственной поддержке.

В качестве принципов, на основе которых Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации будет регулировать отношения, составляющие его предмет, следует выделить (помимо общеизвестных, таких как принципы справедливости, законности, гуманизма, системности, комплексности) принцип приоритета прав человека, а также специфические принципы, обуславливающие особенности правового регулирования в данной сфере. К обозначенным принципам следует отнести:

1. Приоритет профилактики преступлений.
2. Социальная обусловленность применения предупредительных мер.
3. Участие в предупреждении преступлений всех субъектов общественных отношений.
4. Индивидуализация применения ресоциализирующих мер
5. Непрерывность предупредительного воздействия.

Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации должен состоять из Общей и Особенной частей. В первую, помимо правового обоснования и

¹В.И. Зубкова, рассуждая о причинах преступности, отмечает, что «бытует мнение, что тюрьма не исправляет человека, а скорее наоборот, портит его в какой-то мере. Но ведь все лица, поступающие по приговорам в исправительные учреждения отбывать наказание, приходят туда со свободы, из социума. Напрашивается вопрос: значит, их испортило общество и государство, ведь большинство из них еще не были в тюрьме и даже не привлекались к какой-либо ответственности? Однозначно, надо искать причины совершения преступлений в обществе..... Конечно, условия содержания в местах лишения свободы необходимо улучшать, но начинать, видимо, следует не с изменения названия исправительного учреждения, а с пересмотра социальной политики государства. Зубкова В.И. Указ соч. С. 24-29.

принципов, следует включить нормы о субъектах предупредительной деятельности и их функционале, направлениях предупредительной деятельности, объектах предупреждения и ресоциализации, формах и методах предупредительного воздействия, системе ресоциализации. Особенная часть Кодекса должна содержать нормы, сгруппированные с учетом особенностей объекта предупредительной деятельности.

Под объектом предупреждения и ресоциализации с учетом положений теории противопреступной социализации (ресоциализации) предлагаем понимать определенные микро-и макро-группы, воздействие в отношении которых имеет свою специфику. Предлагаем выделить следующие объекты предупреждения и ресоциализации:

1. Криминогенные слои населения (их ресоциализация).
2. Несовершеннолетние правонарушители (их социализация).
3. Потерпевшие (жертвы) преступлений (их ресоциализация).
4. Объекты социального контроля/бывшие осужденные (их ресоциализация).

В качестве методов предупредительного воздействия, которые в разных сочетаниях могут быть использованы в такой деятельности, необходимо назвать методы ограничения, поощрения, контроля, воздействия (медицинского, психологического, трудового), воспитания, помощи и поддержки.

Анализируя содержательную часть предлагаемого им Кодекса «О предупреждении преступлений», Д.А. Шестаков подчеркивает, что в таком документе также должны быть предусмотрены информационные аспекты противодействия преступности, мониторинг эффективности применяемых предупредительных мер¹.

С приведенным утверждением стоит согласиться, учитывая темпы развития цифровых технологий, усугубляющуюся цифровизацию общественных

¹Д.А. Шестаков полагает, что Кодекс «О предупреждении преступлений» должен будет регулировать социальную, образовательную, воспитательную, психологическую, информационную стороны противодействия преступности, криминологическую экспертизу обеих разновидностей, отмеченных выше. В нем надо определить также порядок отслеживания и совершенствования политики противодействия преступности. Шестаков Д.А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. №1 (48). С. 14.

отношений, обусловленную этим смену жизненного уклада. Информационная среда становится полем, на котором разворачиваются многие социальные процессы, цифровые технологии приобретают характер инструментов совершения преступлений. В этой связи информационные аспекты противодействия преступности должны быть предусмотрены законодательством и реализованы в практической плоскости.

Кодекс о предупреждении и ресоциализации должен предусматривать механизм мониторинга эффективности применяемых предупредительных, в том числе ресоциализирующих мер.

В настоящее время мониторинг проводится в соответствии с Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ¹. Действующие нормы не предусматривают оценку удовлетворенности деятельностью субъектов профилактики со стороны населения страны. Между тем этот показатель весьма значим, является важнейшим индикатором эффективности деятельности всей системы противодействия преступности. Предлагаем урегулировать в Кодексе о предупреждении и ресоциализации механизм мониторинга, включающий в себя:

- а) сбор, обработку и систематизацию информации о принимаемых субъектами предупреждения и ресоциализации мерах,
- б) анализ и прогнозирование причин и условий, способствующих совершению преступлений,
- в) оценку эффективности деятельности субъектов предупреждения и ресоциализации по минимизации (нейтрализации) указанных причин и условий
- г) оценку удовлетворенности деятельностью субъектов профилактики со стороны населения страны.

Таким образом, проведенное исследование проблематики, касающейся определения места концепции противопреступной социализации

¹Постановление Правительства РФ от 30.12.2016 № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» (вместе с Правилами проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (Часть II). Ст. 392.

(ресоциализации) в системе единого законодательства о противодействии преступности, позволило сделать следующие выводы:

1. В настоящее время можно говорить о формировании криминологического законодательства, которое не является единственным инструментом реализации стратегии противодействия преступности.

2. На основе концепции единого права противодействия преступности, предложенной Д.А. Шестаковым, представлена концептуальная модель единого законодательства о противодействии преступности в Российской Федерации, включающего в себя Кодекс предупреждения и ресоциализации, Кодекс мер безопасности, УК, УПК, УИК.

3. Теория противопреступной социализации (ресоциализации) как методология государственной политики противодействия преступности логично увязывается с представлением о законодательной регламентации ресоциализации в Кодексе предупреждения преступлений и ресоциализации.

4. В порядке de lege ferenda предложено внести изменения в статью 2 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

УК РФ Статья 2. Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации

*1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений **и ресоциализация.***

*2. Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, **функции уголовно-правового воздействия**, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний за совершение преступлений и иные меры уголовно-правового характера. **К лицу, признанному виновным в совершении преступления могут быть применены меры безопасности в случаях, предусмотренных законодательством РФ.***

3. *Функциями уголовно-правового воздействия являются защита человека, его прав и свобод, ресоциализация человека.*

5. Представлены предложения по принципам правового регулирования, методам предупредительного воздействия и т.д., по содержанию, структуре Кодекса предупреждения и ресоциализации. Разработан проект Кодекса о предупреждении и ресоциализации.

3.2. Право безопасности и ресоциализация: грани соприкосновения

В последние годы в России все чаще стали говорить о формировании так называемого права безопасности. Существование обозначенного феномена, его «прописку» в российском законодательстве достаточно подробно и аргументированно представлял в своих работах профессор Н.В. Щедрин, который ратовал за смену парадигмы исключительно карательной, в основу которой положена идея наказания, представлениями о праве воздействия, включающем в себя санкции наказания, безопасности, поощрения и восстановления¹.

Соглашаясь в целом с такой позицией, отметим, что, безусловно, изменения уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, произошедшие за 20-летний период наших наблюдений, свидетельствуют об общей тенденции сокращения применения наказаний, связанных с изоляцией, за счет увеличения доли иных наказаний, что может в какой-то мере свидетельствовать о гуманизации², хотя и не такими значительными темпами, как хотелось бы.

¹Щедрин Н.В. От исполнения мер уголовного наказания к исполнению мер уголовного воздействия // Уголовно-исполнительные системы Республики Казахстан и Российской Федерации: существующие проблемы и перспективы дальнейшего развития: монография. Екатеринбург; Костанай, 2018. С. 315-328.

²По данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2009 г. удельный вес в общем количестве осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (не считая условного осуждения) составлял 2,6 % от общего числа осужденных, в 2019 г. этот показатель составлял уже 59,9 %.

В частности об этом можно судить по изменениям в УК РФ, касающимся расширения сферы применения мер воздействия, не связанных с уголовным наказанием: судебный штраф и конфискация имущества.

Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судебный штраф был применен в 2017 г. к 20 690 (10,5 %) осужденных, в 2018 г. - к 33 320 (17,5%), в 2019 г. - к 52 461 (28,1%), в 2020 г. - к 56979 (10,7%), в 2021 г. - к 36684 (-13,5%), в 2022 г. - к 20310 (-5,7%) лицу. Конфискация имущества была применена в 2016 г. - к 1934 осужденных, в 2017 г. - к 2059, в 2018 г. - к 2459, в 2019 г. - к 2618, в 2020 г. - к 2580, в 2021 г. - к 3463, в 2022 г. - к 4195 осужденным¹.

Однако о том, что некарательная парадигма уголовной политики реализована в законодательстве о противодействии преступности в полном объеме, говорить пока еще не приходится.

Анализируя в своих трудах правовую природу предусмотренных УК РФ мер воздействия, Н.В. Щедрин отмечал, что большинство из них носит комплексный характер. Так, например, наказание в виде лишения свободы выступает одновременно и санкцией наказания, и санкцией безопасности².

Такой подход, с одной стороны, свидетельствует о том, что меры безопасности органично вписываются в правовой конструкт средств уголовно-правового воздействия, регламентированных Уголовным кодексом РФ, и нет ничего страшного в том, что УК РФ будет и в дальнейшем расширяться за счет включения в его текст норм, регламентирующих применение мер безопасности и т.д. Однако полагаем, что такой подход не исключает подобную регламентацию и другим нормативно-правовым актом.

¹URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=2&*=.

²В лишении свободы, которое в наших учебниках фигурирует как классическое наказание, при внимательном рассмотрении обнаруживаются элементы санкции наказания (ограничение свободы передвижения) и санкции безопасности (режимы уголовно-исполнительных учреждений), которые создают условия для организации на осужденного интенсивного воспитательного воздействия. Щедрин Н.В. От исполнения мер уголовного наказания к исполнению мер уголовного воздействия // Уголовно-исполнительные системы Республики Казахстан и Российской Федерации: существующие проблемы и перспективы дальнейшего развития: монография. Екатеринбург; Костанай, 2018. С. 323. Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 10.

В настоящее время следует отметить все более расширяющуюся сферу применения санкций безопасности и обусловленную этим необходимость самостоятельного оформления такого рода норм.

Аккумуляция в отдельном нормативно-правовом акте таких правил аргументируется, прежде всего, специфичностью предмета регулирования: эти нормы увязаны с «вмешательством в личную жизнь, с вынужденным причинением физического и материального вреда»¹. Особенности обладает также и субъект применения мер безопасности – чаще всего это силовые учреждения. Находим такую точку зрения справедливой и заслуживающей внимания законодателя.

В то же время нельзя не видеть и опасность расширения сферы распространения реального применения мер безопасности, обусловленную высокой вероятностью чрезмерного увлечения таким весьма действенным инструментом реагирования.

Рассуждая о трансформации безопасности, вызванной новым укладом социальных отношений в информационном обществе (обществе риска), немецкий ученый Й. Арнольд обращает внимание на возможности использования права безопасности «как инструмента для обеспечения эффективного контроля новых объективных вызовов в глобальном обществе риска»². В то же время исследователи указывают и на то, что такой инструмент воздействия может быть использован в умелых руках и как инструмент управления³.

Неоднозначные оценки целесообразности использования мер безопасности в целях противодействия преступности, объема и сферы их применения обусловлены, как представляется, отсутствием проработанности вопроса о

¹Шестаков Д.А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 15.

²Йорг Арнольд. К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы ввиду трансформаций безопасности, понятия «лицо, представляющее угрозу», а также судебной практики Федерального конституционного суда, имеющей отношение к понятию «свобода» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (50). С. 24.

³«Владельцем» такого инструмента А.П. Данилов называет представителей глобальной олигархической власти (ГОВ) и отмечает усиление влияния ГОВ на изменение традиционного подхода к уголовному праву и переход к так называемому террористическому праву. Ученый указывает на отсутствие объективных оснований (угрожающих ситуаций) для такого перехода. Данилов А.П. «Право безопасности» против уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 39.

содержании и законодательном закреплении данной категории. Ведь применение мер безопасности как инструмента реагирования на преступность в целом оправданно, если это осуществляется в контексте разумности и размерности. Даже яд, разведенный в правильных пропорциях, используемый в правильной дозировке и примененный в целях излечения человека от болезни, может стать лекарством, а не средством причинения смерти.

Анализируя правовую природу мер безопасности, Д.А. Шестаков справедливо вычленяет главное: в мерах безопасности необходимо оценить соотношение безопасности, законности и права, ведь «не все дозволенные и применяемые меры являются правовыми, даже если они покоятся на законе»¹.

Иными словами, надо очень аккуратно, дозированно применять меры безопасности, понимая их природу, ограничивая их четкими правовыми рамками (именно правовыми, а не законными, так как право и закон суть не всегда совпадающие субстанции), используя данный инструмент исключительно в аспекте правового государства, охраняющего права и свободы человека как высшую ценность².

Полагаем, что в правовом государстве меры безопасности не должны быть основаны на карательной парадигме. В этой связи уместными являются представления Н.В. Щедрина о проявлении мер безопасности в виде ограничений деятельности организаций и поведения физических лиц, применяемых для предотвращения вредоносного воздействия источника повышенной опасности либо ограждения от такой опасности объекта усиленной охраны³.

Рассуждая о видах мер безопасности, Н.В. Щедрин подчеркивал, что к таковым не относятся не связанные с принуждением ресоциализация и

¹Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 14

²Следует полностью согласиться с Д.А. Шестаковым, в том, что нельзя разрешать, в том числе окольными путями через различные отрасли законодательства, совершение от имени государства уголовного преступления, тем более, если это преступление – убийство невиновного, развязывание агрессивной войны или лишение свободы, не являющееся наказанием за преступление. Вопрос о согласовании норм о предупреждающих преступление мерах безопасности разрешим в рамках единого законодательства о противодействии преступности.... Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 14

³Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск. 1999. С. 56-57.

социальная профилактика, а также такие виды принудительного ограничения, как меры наказания и восстановления¹.

Таким образом, ресоциализация выводится из сферы действия мер безопасности, между этими категориями проводится водораздел. На наш взгляд, противопоставление указанных мер неконструктивно. Гораздо более плодотворным следует признать поиск граней соприкосновения или точек пересечения мер безопасности и ресоциализации².

С точки зрения теории противопреступной социализации (ресоциализации), предложенное нами определение ресоциализации³ предполагает использование различных мер, в числе которых могут быть и меры безопасности. В целом методология противопреступного воздействия предполагает использование следующих методов: 1) поощрение; 2) воздействие (медицинское, психологическое); 3) воспитание; 4) помощь и поддержка (организационное, бытовое, трудовое устройство); 5) контроль; 6) ограничение и изоляция. Методы контроля, ограничения и изоляции положены в основу применения мер безопасности, составляют их сущность.

Развитие отношений в информационном обществе вызывает к жизни и новые формы противоправных проявлений, но также предлагает и новые инструменты противопреступного воздействия. Так, существенное увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, влечет за собой необходимость формулирования новых подходов к противодействию таким преступлениям. В

¹Там же, с. 57.

²Д.А. Шестаков в своей работе ссылается на швейцарских преступников, которые пытаются придать грубо наступательной идее безопасности положительное предупредительное значение. Так, в коллективной монографии под редакцией Франца Риклина и Андреи Бехтольд говорится о том, что «если безопасность определено придерживается основной ориентации на ресоциализацию, тогда обесценивается дискурс безопасности, направленный на воздаяние и политическую выгоду власти». Цит. по Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 21. Полагаем, что автора данного диссертационного исследования можно смело отнести к категории преступников, пытающихся поставить идею безопасности на службу ресоциализации и некарательному предупреждению преступности.

³Мы предлагаем рассматривать ресоциализацию как процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

качестве методологического инструментария можно предложить использование ограничения доступа к информационным технологиям в отношении данных лиц¹. Интересен также опыт «ресоциализирующей» деятельности структур МВД, которые привлекают на работу так называемых «белых хакеров»².

В отношении представителей асоциализированного агрессивного (антисоциального) типа личности преступника полагаем возможным практиковать методы контроля, ограничения и изоляции.

Воплощением реализации метода контроля может служить применение технологии чипирования в отношении представителей данной категории лиц³. В этой связи полагаем обоснованным мнение С.У. Дикаева, что «система обязательного чипирования не всех, а хотя бы особо опасных преступников, позволит существенно изменить расклад сил в пользу правоохранительных органов в деле противодействия особо опасным преступлениям»⁴. Дистанционный контроль преступности уже не столь фантастичен, как нам еще недавно казалось, но применять его нужно очень осторожно, осознавая, что это не панацея от всех бед, а только инструмент⁵.

В отношении лиц, страдающих психическими отклонениями, не исключаяющими вменяемости, что в соответствии с Уголовным кодексом РФ может повлечь за собой применение принудительных мер медицинского характера, считаем возможным использовать методы ограничения и воздействия (медицинского, психологического).

¹Полагаем целесообразным осуществлять жесткий государственный контроль за реализацией и/или использованием ИТ-оборудования.

²URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/12/18/13405898/cyberpolice.shtml>.

³Идея «глобальной чипизации населения» была реализована в предложенной Х.Д. Аликперовым системе дистанционного контроля над преступностью, основанной на «чипе глобального позиционирования, имплантированного в тело человека или фиксированного на поверхности его тела». См. Аликперов Х.Д. Глобальная система дистанционного контроля над преступностью (проблемы допустимости) // Тезисы доклада в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 9 декабря 2016 г. СПб, 2016. 56 с.

⁴Дикаев С.У. Право безопасности и доктрина информационной безопасности России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1. С. 38.

⁵См. об этом. Шестаков Д.А. Поголовное чипирование как подмена Бога шайкой земных хозяев (возвращаясь к Достоевскому) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 57-59; Дук Ю.И. Некоторые вопросы внедрения систем дистанционного контроля над преступностью // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 70.

Принудительные меры медицинского воздействия, лечение и психотерапия являются проявлением мер безопасности ресоциализирующего характера. Ведь и самим лицам, в отношении которых используются такие практики, будет легче жить в обществе, выполнять социальные функции. В ходе проведенного нами исследования сотрудники психологических служб исправительных учреждений отмечали, что в беседе с ними осужденные часто говорят о наличии влечения к совершению преступления и просят «дать таблеточку» или применить психологическую методику, чтобы помочь осужденному преодолеть эту пагубную страсть¹.

На период лечения, а в некоторых случаях и после его завершения, с учетом индивидуальных особенностей лица, его состояния, оправданно применение методов ограничения и контроля (например, путем чипирования)². Такого рода методология должна быть также применена и в отношении лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом: методы ограничения в виде учета лиц и принудительного лечения от наркомании и алкоголизма.

Н.А. Колоколов в своей работе поднимает вопрос о возможности ресоциализации неисправимых убийц и серийных маньяков³. Автор достаточно категорично говорит о том, что ресоциализация данных субъектов вряд ли возможна. Мы же полагаем, что с точки зрения предлагаемой нами теории противопреступной социализации (ресоциализации) следует утвердительно ответить на этот вопрос: ресоциализировать можно и таких субъектов.

Постулируя тезис о том, что жизнь человека является наивысшей ценностью в демократическом, правовом государстве, прогрессивном

¹По данным интервьюирования сотрудников психологической службы ФКУ ИК-5, ФКУ ИК-6 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

²Известен практический казус, когда 38-летний Алексей Ткачев, на счету которого три нападения на женщин, страдающий психическим заболеванием, при отсутствии контроля и ограничений лишил жизни трех женщин. После каждого преступления суды выпускали его на поруки психиатрам, а те быстро возвращали его в социум. Ткачева дважды судили за покушение на убийство и избавляли от тюрьмы по медицинским показаниям. Третью жертву он, как считает следствие, насмерть забил топором, но, по аналогии с предыдущими решениями судов, скоро может оказаться на свободе. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/06/69531561/>. Полагаем, что в данном примере применение мер безопасности в качестве ресоциализирующих мер, позволило бы обозначенному лицу включиться в социальные отношения, не совершать преступлений.

³Колоколов Н.А. Ресоциализация бывших заключенных: от утопии к утопии // Адвокатская практика. 2019 (3). С. 10-17.

гражданском обществе, мы возлагаем на такое общество и государство ответственность за каждую жизнь, без исключений, и предлагаем варианты включения в социально полезные или социально нейтральные отношения даже серийных убийц и маньяков. Но тут важно понимать, что ресоциализация анализируемых субъектов, помимо трудностей, обусловленных личностными особенностями, будет усугубляться также и отношением, определенно негативным, к ним со стороны окружающих лиц, микрогрупп, с которыми придется такому лицу столкнуться. Более того, многие из них нуждаются в постоянном медицинском наблюдении, что обуславливает специфику применяемых ресоциализационных мер. Полагаем, что в данной ситуации уместными будут приемы, основанные на методах контроля и изоляции.

При этом, изоляция не предполагает полного исключения лица из социальной жизни, но подразумевает создание для него особых социальных условий, окружения, определения лицу на основе данных изучения его психологических особенностей места жительства, рода занятий, выполнения определенных функций. Так, полагаем достаточно эффективной мерой направление таких лиц в отдаленные районы для занятия сельскохозяйственным трудом.

Подобные предложения уже высказывались и в научной литературе¹, и в законотворческой деятельности, однако практическая реализация данной меры все еще затруднена². Основной предпосылкой этого можно назвать отсутствие отлаженного механизма реализации, незаинтересованность в инициативном решении такого рода вопросов со стороны бизнес-структур. Уместным, на наш взгляд, представляется закрепление направления в отдаленные районы для занятия сельскохозяйственным трудом как меры безопасности в Кодексе мер безопасности. Понятие «отдаленные районы» здесь употребляется в широком смысле без привязки к конкретному региону и удаленности от центра России.

¹См., например, Вагин О.А., Кондратьев Л.В. О трудоустройстве и социальной адаптации лиц, отбывших наказания, в сельском хозяйстве // Российский следователь. 2007. № 8. С. 17-20.

²ГУЛАГ не предлагать. Труд арестантов предложено использовать на стройках и в поле. URL: <https://rg.ru/2015/02/04/trud.html>.

Например, в Ленинградской области в Кингисеппском и Волосовском районах есть обширные территории, нуждающиеся в сельскохозяйственной обработке. В степной части Крыма достаточно территорий, сельскохозяйственное развитие которых в перспективе вполне уместно рассматривать сквозь призму активного привлечения осужденных к принудительным работам, а также освобожденных от отбывания наказания лиц. Проинтервьюированные в ходе настоящего исследования сотрудники УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю подтвердили перспективность направления осужденных и бывших осужденных для трудоустройства в сельскохозяйственные районы Крыма (например, для работ на виноградниках), однако отмечали практическую невозможность реализации этого ввиду отсутствия заинтересованности со стороны частных предпринимателей¹.

В настоящее время мерой безопасности, применяемой к освобождаемым осужденным, является административный надзор. Полагаем, что законодатель находит его весьма важной и действенной мерой воздействия, потому что регламентирует и правила ее применения², и разъясняет правоприменительную практику³, и предусматривает уголовную ответственность за нарушение установленных в рамках административного надзора нарушений⁴, и разъясняет практику применения ст. 314.1 УК РФ⁵.

Административный надзор применяется в РФ с 2011 г., то есть практически 10 лет, что позволяет подводить определенные итоги и делать выводы. Следует

¹Проблемы реализации государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере, в том числе в Республике Крым и г. Севастополе, обсуждались в ходе Международной научно-практической конференции 12 мая 2023 г. «Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере как форма взаимодействия государства, институтов гражданского общества и бизнеса». URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/mezhdunarodnaya_nauchno_prakticheskaya_konferentsiya_na_temu_gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo_v_p/?special_version=Y.

²Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15 (ред. от 22.12.2022) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. 2017. № 110. 24 мая.

⁴УК РФ. Ст. 314.1. «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений или ограничений».

⁵Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 117. 1 июня.

отметить, что административный надзор практикуется как мера постпенитенциарного контроля в целях предупреждения преступлений и индивидуальной профилактики в отношении поднадзорных лиц, являясь, по сути, мерой безопасности, что вытекает из толкования нормы 2 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ, которая в качестве целей применения административного надзора указывает на защиту государственных и общественных интересов.

Эффективность административного надзора в настоящий момент не настолько очевидна, чтобы можно было делать выводы об однозначной успешности данной меры¹. Об этом свидетельствует и высокий уровень рецидивной преступности в стране, и конкретные жизненные примеры².

Проводимые исследователями экспертные опросы демонстрируют неоднозначное отношение к эффективности данной меры со стороны профессионального сообщества. Так, по данным И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеева «82 % сотрудников исправительных учреждений со стажем работы в системе исполнения уголовных наказаний от пяти лет и выше и 96 % сотрудников со стажем работы свыше десяти лет считают административный надзор неэффективным в части удержания лица от совершения новых преступлений... Среди осужденных, имеющих три и более судимости, 93 % считают

¹В одном из своих выступлений Заместитель председателя комитета по вопросам семьи, женщин и детей Госдумы Оксана Пушкина указала на то, что закон об административном надзоре за освободившимися осужденными никак не защищает потерпевших и интересен только УФСИН и МВД, чтобы «освободившийся был где-то рядом и ходил отмечаться несколько раз в месяц. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2021/605a5b169a794710badafd5c>.

²Так, например, Ассоциация юристов России приводит данные о 28-летнем жителе села Седельниково, который спустя всего неделю после освобождения из мест заключения вновь оказался за решеткой по обвинению в изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Преступник вышел на волю 5 марта, отбыв 9 лет за убийство и причинение тяжких увечий. До родного села он добрался 9 марта, а уже 12-го числа явился в дом своей знакомой и, угрожая расправой, изнасиловал ее. Уголовник издевался над девушкой с особым цинизмом, на глазах у ее матери. Обеим он угрожал физической расправой, если они станут звать на помощь и, возможно, осуществил бы задуманное, если бы не подоспевшие полицейские. Так случилось, что именно в это время наряд прочесывал село в поисках уголовного — он не явился в отдел для отметки. Другой пример - житель Ревды (Свердловская область) провел на свободе после отсидки за хранение наркотиков меньше 10 суток — 15 января он вышел, а уже 24 января отправился обратно на нары. Он ударил по лицу сотрудника полиции, приехавшего к нему домой по сигналу от соседей — мужчина слишком бурно праздновал выход на волю. Полицейский, впрочем, в суде не настаивал на строгом наказании драчуна, публично попросившего прощения. В итоге, на минувшей неделе 32-летний ревдинец получил 2 года условно и такой же испытательный срок. URL: https://vk.com/aurrossii?w=wall-18864988_28061.

административный надзор неэффективным, 46 % осужденных воспринимают административный надзор как продолжение наказания. Только 21 % отбывающих наказание впервые узнали о возможности установления административного надзора»¹.

По данным проведенного нами опроса сотрудников ФСИН (сотрудников ФКУ ИК-6 УФСИН РФ по СПб и ЛО), 65% не считали административный надзор эффективным средством превенции, 10% полагали данную меру результативной, а 25% опрошенных испытывали трудности при ответе на заданный вопрос. Из числа опрошенных нами осужденных, имеющих 2 и более судимости, только 19% считали, что установление административного надзора сможет удержать их от совершения преступления, 27% отмечали, что нет, и 54% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. Такое весьма значительное количество затруднившихся с ответом может быть следствием нахождения осужденных в исправительном учреждении и боязни откровенных ответов, однако полагаем, что гораздо более очевидной причиной здесь является равнодушие осужденных по отношению к применению к ним данной меры постпенитенциарного контроля.

Анализируя вопросы законодательной конструкции и специфику применения на практике ст. 314¹ УК РФ, Е.Н. Бархатова задается вопросом о достаточности такой меры, как административный надзор, и отмечает ее полноту с позиций либерального закона, но недостаточность с позиций человеческого поведения². С представленной авторской позицией достаточно сложно согласиться. Административный надзор как мера безопасности, используемый в ресоциализационных целях, и должен заключаться в минимально необходимых и

¹Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 74-80.

²Е.Н. Бархатова пишет: «Установление дополнительных ограничений не для каждого человека является достаточным основанием для законопослушного образа жизни. Некоторые граждане только под угрозой наказания могут ограничить свое противоправное поведение». Бархатова Е.Н. Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 7 (140). С. 77. В ответ на это можем возразить, что некоторые граждане и, зная уголовный закон, осознавая реальную угрозу наказания, не могут ограничить свое противоправное поведение. Наказание – это не панацея.

достаточных ограничениях, в противном случае он становится мерой репрессивной (наказательной).

За десятилетний опыт реализации административный надзор заслужил право оставаться в числе мер, практикуемых в целях противодействия преступности. Однако законодательная регламентация и практика применения административного надзора нуждаются в совершенствовании.

Так, по аналогии с зарубежными юрисдикциями, административный надзор в России мог бы быть поделен на определенные категории. Административный надзор мог бы быть профилактическим и строгим. Строгий административный надзор в отношении определенной категории лиц (например, педофилов) можно было бы устанавливать пожизненно¹.

Реальные практические примеры свидетельствуют о целесообразности установления строгого административного надзора в течение всей жизни освобожденного от отбывания наказания лица в некоторых случаях. Чрезвычайно актуальной данная мера представляется в отношении лиц, страдающих расстройствами сексуального предпочтения, ведущих асоциальный образ жизни и т.д. В соответствии с предлагаемой в настоящем исследовании классификацией это лица, принадлежащие к асоциализированному агрессивному (антисоциальный тип) и десоциализированному опасному типам. Известный пример так называемого «скопинского маньяка» Виктора Мохова, который спустя непродолжительное время (через полтора года после освобождения) стал фигурантом нового уголовного дела, демонстрирует необходимость установления такого надзора пожизненно². Кроме того, необходимо акцентировать внимание на реальном, а не формальном отношении к исполнению функций такого надзора со стороны должностных лиц, что в настоящее время, зачастую, также составляет немалую проблему.

¹Такое предложение уже высказывалось на страницах научной печати. См. об этом Сергеев Д.Н. Дифференциация содержания воспитательного воздействия // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 57 - 60.

²URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5504143>.

Профилактический административный надзор следовало бы упростить с точки зрения процедуры, расширить область усмотрения для исполняющих надзор компетентных сотрудников, увеличить применение в данной сфере технических средств, создать специальные базы данных на преступников. Так, в США, благодаря созданию национальной системы регистрации сексуальных преступников, удается отслеживать и контролировать примерно 800 000 таких лиц¹.

Систему административного надзора в РФ можно было бы выстроить на основе технологий big data, применения технических средств, с помощью которых отслеживать передвижения поднадзорных. Например, оборудовать средствами визуального контроля жилище поднадзорного и прилегающую к нему территорию. Безусловно, реализовать такое предложение возможно только с учетом интересов проживающих совместно с поднадзорным лиц.

Соприкосновение правовой теории мер безопасности и теории противопреступной социализации (ресоциализации) воплощается в реальном использовании (очень аккуратном и дозированном) мер безопасности в деятельности, направленной на ресоциализацию. Но эта связь также и взаимообусловлена.

Ресоциализацию в криминологическом смысле можно и нужно рассматривать не только сквозь призму гуманизации уголовного, уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики, но и с позиций обеспечения безопасности всего общества. Контингент отбывших лишение свободы лиц, осужденных к более мягким видам наказания субъектов или освобожденных установленным порядком от уголовной ответственности или наказания преступников представляет собой значительный криминогенный потенциал, ежедневно находящийся в обществе.

¹James Byrne and Gary Marx. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact Cahiers Politie studies Jaargang 2011-3, nr. 20 p. 17-40 © Maklu-Uitgevers ISBN 978-90-466-0412-0.

Кроме того, потерпевшие от совершения преступлений, чья десоциализация очевидна и губительна, социальные связи нарушены, чувствуют себя отчужденными, испытывают социальную отверженность и, как следствие, в общей массе представляют собой определенную внутреннюю угрозу для общества и государства. Очевидным является тот факт, что отсутствие у населения ощущения удовлетворенности влечет желание противопоставить себя государству, принять участие в протестных акциях, продемонстрировать свои чувства перед представителями государственной власти в целях изменения существующего положения дел.

Десоциализированные и асоциальные элементы, в свою очередь, подпитывают все виды и формы преступности, легко вовлекаются в совершение преступлений, могут быть использованы для организации массовых беспорядков, провокаций, иных деяний, направленных против установленного в обществе и государстве правопорядка. Таким образом, как ресоциализация является инструментом обеспечения безопасности в обществе, так и меры безопасности могут быть использованы для достижения цели ресоциализации.

Исследование граней соприкосновения теории противопреступной социализации (ресоциализации) и права безопасности не может обойти стороной вопрос о признании человека угрозой безопасности. Со времен Ч. Ломброзо велико искушение обнаружить и описать некие индикаторы, которые позволили бы найти тот самый «ген преступности» и обезопасить государство и общество от преступности путем изоляции или даже уничтожения носителя данного гена. Немецкие ученые уже сейчас говорят о набирающей обороты в Германии теории «лица, представляющего угрозу»¹ и возможности в этой связи применить к нему превентивное заключение на неопределенное время². Подобные рассуждения могут иметь далеко идущие, но ни к чему хорошему не приводящие последствия.

¹Йорг Арнольд. К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы ввиду трансформаций безопасности, понятия «лицо, представляющее угрозу», а также судебной практики Федерального конституционного суда, имеющей отношение к понятию «свобода» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (50). С. 26-27.

²Данилов А.П. Право безопасности» против уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 40.

История знает немало примеров, когда, используя кажущиеся обывателям позитивными идеи, Европа шла не тем путем, когда под предлогом защиты демократических ценностей в недавнем прошлом, да и сейчас, вершится откровенный произвол в отношении неугодных людей. Ярким свидетельством этому – развернувшаяся на Западе так называемая «культура отмены» в отношении всего имеющего русские корни¹.

Имея за плечами такой багаж знаний и опыта, человечеству следует избегать увлечения подобными идеями и рассуждениями, перестать искать угрозу в самом человеке, а сосредоточиться на действиях, поступках и применять меры противодействия в их отношении, используя идеи ресоциализации.

В научной литературе можно встретить и иные точки зрения, сторонники которых предлагают искать «баланс интересов» между индивидуальностью личности и социальными отношениями.

Так, А.З. Рыбак пишет о том, что «на самом деле задача сводится к тому, чтобы найти некий компромисс между социальными ролями и нашими инстинктами, между интересами общества и личности»². Свою позицию ученый основывает на идее реципрокности как взаимовыгодного сотрудничества, когда у каждого субъекта есть сфера личных интересов, личных прав, управленческая функция государства минимальна, но она есть.

Как представляется, автор как раз и акцентирует внимание на социальном контроле как эффективном способе организации деятельности (в том числе деятельности, направленной на противодействие преступности), не отрицая при этом существенную роль государства.

Безусловно, в идее реципрокности (как принципиальной основе социального контроля) есть здравый смысл и логика, однако нельзя отрицать некоторую идеалистичность подобного подхода, невозможность его полной реализации без учета особенностей национальной идентичности и конкретной

¹«Культуру отмены» в отношении России обсудили на ПМЭФ. URL: <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmenu-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html>.

²Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология: монография. М.: Изд-во «Перо», 2019. С. 279.

исторической ситуации. Возможен вариант, когда взаимовыгодное сотрудничество перейдет в фазу «чрезмерной» выгоды для одних и «малой» выгоды для других, однако идея баланса интересов в целях обеспечения взаимной безопасности, бесспорно, заслуживает поддержки.

Таким образом, подводя итоги исследованию вопросов соприкосновения правовой теории мер безопасности и теории противопреступной социализации (ресоциализации), позволим себе сделать следующие предварительные выводы:

1. В настоящее время следует отметить все более расширяющуюся сферу применения норм безопасности и обусловленную этим необходимость самостоятельного оформления права безопасности.

2. Аккумуляция в отдельном нормативно-правовом акте норм безопасности детерминируется специфичностью предмета и метода регулирования: эти нормы регламентируют потенциальную или реальную возможность причинения вреда (морального или физического) в связи необходимостью охраны и защиты прав человека. Особенности обладает также и субъект применения мер безопасности – чаще всего это силовые учреждения.

3. Применение мер безопасности (как инструмента реагирования на преступность) в целом оправданно, если речь идет о разумном использовании таких мер.

4. С точки зрения теории противопреступной социализации (ресоциализации), предложенное нами определение ресоциализации в криминологическом смысле предполагает реализацию различных мер, в числе которых могут быть меры безопасности.

5. В целом методология противопреступного воздействия в контексте ресоциализации предполагает применение следующих методов: 1) поощрение; 2) воздействие (медицинское, психологическое); 3) воспитание; 4) помощь и поддержка (организационное, бытовое, трудовое устройство); 5) контроль; б) ограничение и изоляция. Методы контроля, ограничения и изоляции положены в основу применения мер безопасности, составляют их сущность.

6. Соприкосновение правовой теории мер безопасности и теории противопреступной социализации (ресоциализации) воплощается в реальном

использовании (очень аккуратном и дозированном) мер безопасности в деятельности, направленной на ресоциализацию. Но эта связь также и взаимообусловлена – инструментарий, применяемый в целях противопреступной социализации (ресоциализации), направлен на обеспечение безопасности общества и государства. Предложены и аргументированы конкретные меры безопасности, которые могут использоваться в процессе ресоциализации.

7. Исследован институт административного надзора за освобожденными от наказания лицами, внесены предложения по его совершенствованию.

3.3. Стратегии реализации противопреступной политики в международном сравнении: основные тренды и проблемные вопросы

*Перевоспитание и ресоциализация правонарушителей
не могут осуществляться только с помощью
уголовного законодательства и уголовной юстиции.
Но перевоспитание и ресоциализация правонарушителей
должны оставаться основной целью законодательства и уголовной
юстиции, равно как и предметом усилий других государственных институтов и
всего общества в целом.*
Гросс. К.-Г.¹

Исследование вопросов, связанных с противодействием преступности, выстраивание оптимальной модели противопреступной деятельности и логичной уголовной политики невозможно в отрыве от общемировых тенденций, изучения опыта зарубежных стран. Компаративистские изыскания позволяют выявить не только положительные аспекты правового регулирования и практики уголовно-правового воздействия, но и, основываясь на предшествующем опыте

¹Gross K.-H. Correction and rehabilitation of offenders in the penal law and court practice of the Federal Republic of Germany // UNAFEI resource material ser. Tokyo, 1988. № 34. P. 22.

иностранных держав, попытаться избежать системных ошибок, существенно влияющих на результативность и эффективность отечественных реформаций.

Первое погружение в исследование стратегий формирования и реализации противопреступной деятельности зарубежных стран демонстрирует использование ресоциализационного потенциала, осознание необходимости реинтеграции в общество¹, тенденции минимизации уголовной репрессии в той или иной мере в большинстве стран. Однако способы реализации такой политики, избираемые для этого инструменты и методы воздействия, как и результаты, имеют некоторые, порой существенные, отличия, что свидетельствует о необходимости и целесообразности более глубокого их исследования.

Отмечаемый специалистами характерный для последнего времени феномен конвергенции правовых систем² приводит к тому, что различия между ними до некоторой степени стираются и начинают проявляться общемировые тренды политики противодействия преступности в той или иной сфере³. Можно отметить, что такой общей установкой для большинства стран стала ориентация на ресоциализацию преступника и идея поиска баланса между безопасностью общества и возвращением в него бывших преступников.

Как справедливо отмечает А.В. Наумов, «идея ресоциализации может превратиться в сильный инструмент уголовной политики и находит все большую поддержку в деятельности правоохранительных органов многих государств, в том числе и в России»⁴.

Исследуя зарубежный опыт функционирования пенитенциарных систем, П.В. Тепляшин говорит о существовании и проявлениях феномена

¹Как отмечает П.В. Тепляшин, актуальной стороной функционирования пенитенциарных систем выступает их стратегическое развитие в русле решения тех задач, которые носят объективный характер – эффективное исправление и реинтеграция осужденных, обеспечение личной и общественной безопасности. Тепляшин П.В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 8.

²Третьякова О.Д. Конструкция юридической конвергенции // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 777-781.

³Процесс конвергенции (сближения) правовых систем был спровоцирован созданием Европейского союза, разработкой в его рамках рамочных законов и обязательством государств – участников Евросоюза привести свое законодательство в соответствии с положениями принятых конвенций и иных документов. См. об этом Наумов А. Международное уголовное право, как научная и учебная дисциплина // Уголовное право. 2000. № 2. С. 45-49; Право Европейского Союза: учебник для вузов / под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Изд-во Юрайт, 2002. 172 с.

⁴Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX века и его перспектива в XXI веке // Государство и право. 1998. № 6. С. 58.

неолиберального их развития, проявляющегося в реализации трех пенологических стратегий: стратегии А, основанной на доминировании карательной функции; стратегии В, управленческой, поддерживающей идеи исправления и реинтеграции осужденных в обществе; стратегии С, ориентированной на идеи восстановительного правосудия (компенсации жертвам преступления и (или) обществу) и исправления осужденного в духе должного карательного воздаяния¹. Автор отмечает наличие связи между «пенальной карательностью, состоянием экономики и налоговым давлением на общество»², обращает внимание на «трансформацию парадигмы преступности и наказания в концептуальную апробацию мер (общественной) безопасности»³.

Проведенное нами исследование позволяет в целом согласиться с вышеизложенными выводами и отметить, что, несмотря на очевидные общие тренды, в целях сохранения идентичности государствам следует определять собственный путь реализации противопреступной стратегии, обусловленный историческими традициями, сложившимся укладом общественных отношений, экономическими, политическими, климатическими и социальными условиями.

В современных условиях, обостряющихся кризисами на фоне ухудшения эпидемиологической обстановки, изменений климата, усложнением экологической обстановки, перспектив сокращения природных ресурсов, вынужденным ограничением межгосударственных перемещений, обострением международных отношений и внутригосударственными конфликтами, необходимо осознать, что преступность становится значительной внутренней угрозой, и выработать тактику противодействия с учетом региональной специфики.

В свете изложенного попытаемся вычленить то, что может способствовать позитивному развитию в русле ресоциализации. При проведении

¹Тепляшин П.В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем: монография. М: Юрлитинформ, 2020. - С. 28-30; Тепляшин П.В. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества в Англии и Уэльсе // Уголовное право. 2004. № 2. С. 65.

²Тепляшин П.В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. - С. 114.

³Там же, с. 42.

компаративистского исследования воспользуемся известным в правовой доктрине делением на правовые системы. Для обеспечения репрезентативности исследования приведем по несколько стран от каждой группы, реализующих политики противодействия преступности, ориентированные на ресоциализацию.

Законодательство стран системы общего права (США, Англия) основано на реализации нескольких пенилогических теорий: теория кары, воздаяния (retribution), теория удержания от совершения преступлений устрашением (deterrence or general deterrence), теория удержания от совершения преступлений ранее судимых лиц (special or particular deterrence), теория реабилитации¹.

Заслуживает внимания реализация последней из перечисленных теорий, так как именно ее сторонники придают особое значение применению «терапевтических мер, необходимых для того, чтобы вернуть осужденного в общество»². Идея community corrections (исправления в сообществе) получила распространение в США, начиная с конца 70-х годов XIX столетия, как альтернатива реальной изоляции преступников. Начав с незначительной финансовой поддержки, но продемонстрировав свою эффективность, в дальнейшем реабилитационные программы стали получать значительное финансирование и их стали применять практически во всех штатах³.

В настоящее время в США используются реабилитационные программы, направленные на предупреждение преступлений, с учетом специфики преступлений и личности преступников. Например, программа The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Вызов лишению свободы»), практикуемая

¹Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 238 - 243.

²Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 176.

³По результатам исследования Национального института Правосудия США применение альтернативных изоляции мер способствовало снижению рецидивной преступности в штате Мичиган на 5%, Орегоне на 8%, экономия на исполнения наказаний в Южной Каролине составила 11.3 млн. долларов. См. об этом Баталин Д.Е. Особенности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, в США // Теоретические и прикладные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: сб. науч. тр. М.: Изд-во НИИ УИС Минюста России, 2004. № 1. С. 221-227.

в отношении осужденных за ненасильственные преступления и преступления против собственности¹.

При всей значимости и полезности реализации стратегии реабилитации в США нельзя не видеть и ее опасность, которая заключается в перенесении акцента с нарушения на нарушителя, чрезмерном расширении прав в осуществлении «обращения» с правонарушителем, неопределенности и субъективизме при решении вопроса об освобождении при исправлении². Реабилитационная модель была связана с системой неопределенных приговоров и в итоге, как справедливо отмечает И.Д. Козочкин, «оказалась более жесткой и карательной, чем откровенно карательная модель»³.

По сути, неопределенные приговоры в американском концепте реабилитационного правосудия являются мерами безопасности, которые могут быть применены в зависимости не от преступления, а от личности преступника, например, его психического состояния. Так, широкое распространение в США имеют меры безопасности, применяемые к сексуально опасным преступникам. В 1938 г. был принят закон о сексуально опасных лицах⁴ и закон о сексуальных насильниках⁵, создана национальная система регистрации сексуальных преступников, благодаря которой удается отслеживать и контролировать примерно 800 тысяч таких лиц⁶. Реализуется в США и программа наблюдения за рецидивистами со стороны полиции⁷.

¹URL: <https://www.inmateaid.com/prisons/challenge-incarceration-program-cip-3183>.

²Rush G. The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group, 1991. P. 264.

³Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 245.

⁴Sexually dangerous persons Act 1938, ch. 116. Sexually violent persons Act 1997.

⁵Sexually violent persons Act, 1997.

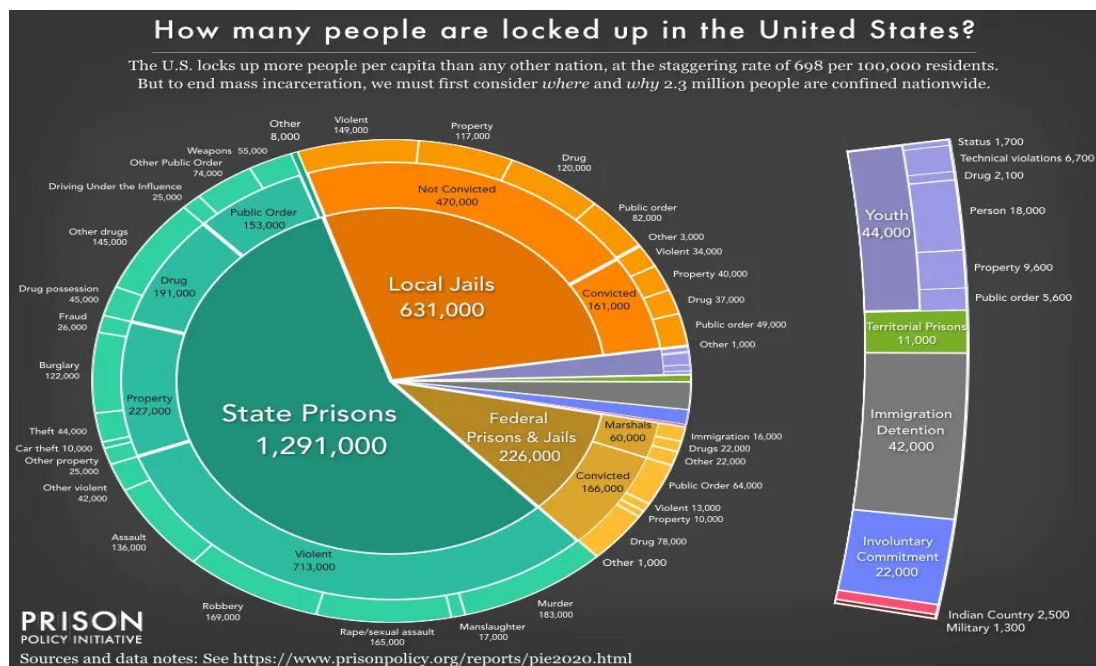
⁶James Byrne and Gary Marx. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact Cahiers Politiestudies Jaargang 2011-3, nr. 20 p. 23. © Maklu-Uitgevers ISBN 978-90-466-0412-0.

⁷Так в штате Вашингтон создана и действует система наблюдения SMART, в рамках которой департамент полиции (RPD) и департамент исправительных учреждений (DOC) занимаются профилактикой преступлений. Дзиковская С.Г. Рецидивная преступность и ее предупреждение на региональном уровне: по материалам Краснодарского края: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 1999. С. 164.

Достаточно эффективной и часто применяемой мерой безопасности в США является электронный мониторинг¹. Однако, как и большинство других ограничений, составляющих суть «обращения» (пробации), его использование является затратным для самого преступника, так как связанные с исполнением «экономические расходы» возлагаются на самого нарушителя.

В последнее время американские исследователи обращают внимание на кризис такой пенологической политики, ибо невозможность выполнить большинство ограничений ввиду финансовой несостоятельности приводит к вынужденности помещения правонарушителей в карцеральные учреждения. Так, по данным американских исследователей, даже за незначительное нарушение в случае невозможности соблюсти ограничения и финансовой несостоятельности можно подвергнуться изоляции².

Рисунок 3. Данные о количестве осужденных, находящихся в карцеральных учреждениях США³

¹Как отмечают специалисты, электронный мониторинг приводит к разгрузке тюрем, не деморализует осужденных и, более того, экономически выгоден. Козочкин И.Д. Указ соч. С. 298.

²Ronald P. Corbett, Jr. The Burdens of Leniency: The Changing Face of Probation. URL: https://minnesotalawreview.org/wp-content/uploads/2015/09/Corbett_4fmt_PDF.pdf.

³Mass Incarceration: The Whole Pie 2020. URL: <https://www.prisonpolicy.org/reports/pie2020.html>.

В докладе Prison policy initiative за 2020 год отмечаются недостатки государственно-частного партнерства в сфере организации деятельности частных тюрем, «паразитирующих на массивной государственной системе», злоупотребления при организации тюремного питания и предоставления медицинских услуг, когда приоритет отдается частным экономическим интересам в ущерб заботе об исправлении осужденных. В то же время в докладе акцентируется внимание на необходимости социальных преобразований, игнорирование которых приводит к заполнению тюрем населением из числа бедных слоев, прежде всего мигрантов и расовых меньшинств¹.

Достаточно распространены в США так называемые позорящие наказания (shaming punishment/shaming penalty), которые влекут для преступника неприятный эмоциональный опыт. В решениях американских судов о назначении shaming punishment в целом, как отмечается специалистами, прослеживается идея достижения целей probation в виде общей и частной превенции, защиты гражданского общества от преступности и даже указание на них как на «форму покаяния и предупреждения для потенциальных преступников»².

Некоторые российские специалисты полагают, что такой опыт следует использовать и в России, включая отдельные элементы позорящих санкций в медиативные соглашения при примирении обвиняемых и потерпевших³. Полагаем, что такой шаг (речь идет, прежде всего, о применении позорящих наказаний) является преждевременным для России и не будет адекватно воспринят правоприменительной практикой. В то же время идея использования медиативных соглашений между преступником и его жертвой представляет определенный интерес и заслуживает осуществления.

Стратегии реализации противодействия преступности в контексте ресоциализации других стран системы общего права демонстрируют акцент на

¹Там же.

²Первозванский В.Б., Силенков В.И. Ресоциализация осужденных и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы как средства реализации национальной идеи // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 74–81.

³Ключников А.Ю. Применение позорящих наказаний: опыт США и перспективы в России // Уголовный процесс. 2019. № 9. С. 82.

работу служб пробации. Так, Исправительная служба Канады¹, обладая всесторонней информацией об осужденном, которую она получает «от полиции, суда, членов семьи правонарушителя, его работодателей, психологов и иногда даже жертвы преступления», разрабатывает индивидуальный план по исправлению преступника, включающий разного рода ресоциализирующие мероприятия².

Заслуживает внимания использование при определении структуры и содержания такого плана технологий риск-менеджмента, результатом чего является оптимальное сочетание мер, применяемых для достижения целей ресоциализации. Следует отметить также то, что по законодательству Канады подобный план для осужденного является обязательным³.

Стратегия пенологической политики Великобритании также ориентирована на ресоциализацию осужденных. Интересен опыт применения трудовой занятости осужденных еще на стадии отбывания наказания. Заключение в тюрьму Англии и Уэльса могут начать работать, находясь в тюремном учреждении, используя возможности «освобождения на один день» по договоренности с работодателями, продолжив работу и после освобождения от наказания⁴. Возможность работы за пределами территории пенитенциарного учреждения под управлением и надзором предусматривает и УК Дании (Параграф 35 (2))⁵. Практикуются в Англии и Уэльсе меры безопасности в виде надзора⁶.

¹Как отмечается в научной литературе, согласно возложенной на себя миссии Федеральная исправительная служба Канады, как часть системы уголовного правосудия страны, своей работой должна активно содействовать перевоспитанию преступников, превращению их в законопослушных граждан. При этом следует исходить из того, что преступник обладает определенными потенциальными возможностями для развития в нем положительных человеческих качеств, а, следовательно, и способности начать новую жизнь законопослушного гражданина. Ананиан Л.Л. 98.02.050. Когнитивно-поведенческий тренинг в реабилитации осужденных: опыт Федеральной исправительной службы Канады (научно-аналитический обзор) // РЖ Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература. Серия 4 государство и право. 1998. № 2. С. 204.

²Режапова И.М., Заборовская Ю.М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 1. С. 40–46.

³Там же, с. 45

⁴Режапова И.М. Зарубежный опыт предупреждения рецидивной преступности (на примере США, Великобритании и Канады) // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. М. 2019. С. 77–79.

⁵Уголовный кодекс Дании; перевод с датского и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 32.

⁶Все лица, освобожденные от пожизненного заключения, находятся под надзором специального работника, который сообщает тюремной службе о поведении заключенного. Наумов Е.В. Опыт зарубежных стран

В соответствии с законодательством Испании в отношении преступников применяется *tratamiento* (обращение), которое включает в себя лечебно-профилактическую помощь, обучение, образование, труд, социально-культурную, развлекательную и спортивную деятельность заключенных, т.е. комплексное развитие личности осужденных и наделение их эффективным инструментарием для жизни на свободе¹.

Исследователи отмечают, что понятие обращения в Испании используется в широком смысле, выходит за пределы лечебно-профилактической деятельности и по своей сути близко к российскому понятию исправления². Полагаем, что с таким утверждением нельзя согласиться в полной мере, учитывая психологический уклон испанского подхода к обращению с осужденными. Еще одной отличительной особенностью испанского законодательства об обращении с «преступными элементами» является предоставление последним возможности выбирать, участвовать им в программе исправления или нет.

Анализ законодательства Европейских государств, относящихся к романо-германской правовой семье, демонстрирует в целом схожесть практикуемых в данной сфере подходов, обусловленную тем, что эти страны придерживаются рекомендаций Комитета министров Res (2006) 2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах и конструируют законодательство в соответствии с данными Правилами³.

Так, УК Франции предусматривает институт социально-судебного наблюдения (подотдел 6, ст. 131-36-1-8 УК Франции)⁴. Как отмечают специалисты, смысл судебного наблюдения заключается в том, что осужденный обязан находиться под контролем судьи в течение установленного срока,

в предупреждении рецидива преступлений средствами контроля и надзора // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: материалы междунац. заоч. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Е. Бурый. Могилев, 2016. С. 189.

¹Cutino – Raya. D.S. Op. cit. P. 328. Цит. по Сияжков А.Н. Испанское законодательство об исправлении осужденных // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 28-35.

²Там же.

³Рекомендации Комитета министров Res (2006) 2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах / Документ опубликован не был // СПС «Гарант».

⁴Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

подчиняться мерам надзора и воздействия, смысл которых состоит в предупреждении рецидива¹. В целом, как подчеркивается в научной литературе, «французский законодатель делает акцент на такой цели наказания, как ресоциализация преступника»².

Уголовное законодательство ФРГ, состоящее из УК и многочисленных законов, предусматривающих составы преступлений и санкции за их совершение, в последнее время также существенно изменилось под влиянием законодательства Евросоюза. Так, Международная конвенция по правам человека действует в Германии не только в качестве международного договора, но и является «непосредственно действующим федеральным законодательным актом»³.

Как отмечает П.В. Головненков, основными функциями уголовного права Германии является миротворческая и ориентировочная, направленная на «демонстрацию нерушимости правопорядка, что в конечном итоге ведет к укреплению законопослушания населения.... А такие критерии, как ресоциализация преступника и защита общества от него, являются лишь второстепенными целями уголовного права, которые могут быть достигнуты и иными (не уголовно-правовыми) средствами»⁴.

Проведенный нами контент-анализ УК ФРГ позволяет сделать вывод о том, что «ресоциализация преступника и защита общества от него», тем не менее, занимают весьма значительное место в системе уголовно-правовых норм, что вряд ли говорит о второстепенности данных критериев. Уголовный кодекс содержит весьма развернутую главу 6 «Меры исправления и безопасности»⁵, которая уделяет значительное внимание мерам по восстановлению социально положительного статуса лица в обществе, но также и за счет существенного

¹Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Об уголовном праве зарубежных государств: от истоков до современности СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 91.

²Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия): учебное пособие. М.: Зерцало, 1997. С. 136.

³Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М: Проспект, 2014. С. 12.

⁴Там же, с. 11.

⁵Там же, с. 66-90.

ограничения его прав. О понятии «лицо, представляющее угрозу» в германском законодательстве, о «юридической опасности права безопасности» предупреждают и немецкие ученые¹.

Идея ресоциализации неуголовно-правовыми способами реализуется в законодательстве Швейцарии, ориентированном на социальную работу с преступниками². Заслуживает внимания то, что к анализируемой деятельности привлекаются не сотрудники правоохранительных или пенитенциарных органов, а социальные работники, важным направлением деятельности которых является установление доверительных отношений со своими клиентами и возможность обратиться за помощью в любое время³.

Уголовное право Швейцарии, наряду с другими европейскими странами, знает и меры безопасности. Любопытной представляется практика применения охранительного надзора, который согласно статье 47 УК Швейцарии «осуществляется по возможности незаметно для лица, чтобы без необходимости не затруднять его жизнь»⁴.

Еще одной европейской страной, законодательство которой предусматривает применение пробации, является Швеция. Надзор и пробация по УК Швеции, в отличие от Швейцарии, осуществляется под руководством Национальной и местных администраций тюрем и пробации⁵. По сути, контент-анализ норм Уголовного кодекса Швеции показывает, что пробация является аналогом условного осуждения, предусмотренного УК РФ.

Уголовное и пенитенциарное законодательство изученных нами стран постсоветского пространства (Латвия, Литва, Беларусь, Польша, Украина,

¹Й. Арнольд. Указ соч. С. 27-28.

²В каждом из 26 кантонов Швейцарии существуют центры социальной службы, работающие с населением (в том числе заключенными), причем в 5 кантонах эти центры являются частными организациями. Цель деятельности социальных служб в пенитенциарных заведениях – снижение рецидива и совершенствование эффективности интегрирования человека, освободившегося из тюрьмы, в социум. См. Кузнецов М.И. Социальная реабилитация в Швейцарии // Преступление и наказание. 2001. № 8. С. 17.

³Там же, с. 17.

⁴Уголовный кодекс Швейцарии; науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 109.

⁵Уголовный кодекс Швеции науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев ; пер. на русск. яз. С.С. Беляева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 208-2017.

Казахстан, Азербайджан) в настоящее время развивается с учетом избираемых ими стратегий в русле политических идей и блоковых ориентаций.

Начав с единой точки отсчета, в роли которой выступало союзное законодательство, некоторые страны (что спустя более 20-лет стало уже совершенно очевидно) приводят свое законодательство в соответствие с нормами и правилами Евросоюза (Латвия, Литва, Грузия, Украина). Другие же идут своим путем, хотя и с некоторыми издержками¹, ориентируясь на идеи евразийства (Беларусь, Казахстан, Азербайджан). Однако можно заметить, что идеи ресоциализации реализуются и в том, и в другом случае.

Службы пробации организованы и функционируют в Латвии², Литве, Грузии³, Казахстане⁴ и на Украине⁵. Государства отмечают очевидные экономические выгоды пробации⁶, но, в то же время, по аналогии с европейскими странами обращаются к стратегии защиты и безопасности⁷.

Определенный интерес представляет создание на территории Латвии Центра зависимых (центр реабилитации лиц, страдающих зависимостью) на 200 мест, организация деятельности которого основана на сочетании 5 принципов: герметичности, гигиеничности, гармоничности, гуманизма, целостности (холизма)⁸. Значительное внимание пенитенциарная система Латвии уделяет

¹ Законодатель Казахстана, как представляется, при формировании уголовной политики ориентируется также на европейскую модель.

² Закон Латвии «О Государственной службе пробации» от 30.12.2003 г. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-430>.

³ Закон Грузии «О порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации» от 19.06.2007 г. № 4956-Іс. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33400/10/ru/pdf>.

⁴ Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30.12.2016 г. № 38-VI ЗПК. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36232217.

⁵ Закон Украины «О пробации» от 05.02.2015 г. № 160-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/160-19#Text>.

⁶ Так, например, руководитель службы пробации Латвии М. Папсуевич в 2015 г. отмечал, что такая система государству обходится намного дешевле, чем содержание заключенного в камере. Если каждый находящийся за решеткой обходится стране в 21 евро в день, то обладатель браслета «стоит» уже 4-8 евро в день. Электронный надзор за заключенными уже работает. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/elektronniy-nadzor-za-zaklyuchnimi-uzhe-rabotaet.a144248/>.

⁷ Президент Литвы предложит парламенту ужесточить условия пробации. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/prezident-litvy-predlozhit-parlamentu-uzhestochit-usloviya-probaciai.d?id=69532910>.

⁸ Захарс В. Указывает на цель реформирования системы уголовного правосудия Латвийской Республики – отказ от проведения репрессивной уголовной политики, акцентирование необходимости устранения и минимизации последствий вреда, нанесенного преступлением, примирение сторон. Уголовно-исполнительное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под общ. ред. В.В. Марчука, В.М. Хомича. Глава 2, автор Захарс В. Минск: Амалфея, 2020. С. 164.

программам ресоциализации осужденных, большинство из которых основано на применяемых в странах Европы и США аналогах.

Кодекс об исполнении наказаний Литовской Республики, принятый 27 июня 2002 г., содержит положения о том, что администрация исправительного учреждения отвечает за организацию социальной реабилитации осужденных (ст. 136 КИН). Примечательно, что в качестве цели социальной реабилитации указано примирение потерпевшего и осужденного¹.

Определенный интерес с точки зрения стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации представляет опыт Польши, статья 32 Уголовно-исполнительного кодекса которой предусматривает надзор за законностью и правомерностью исполнения наказания в виде лишения свободы со стороны специального должностного лица, пенитенциарного судьи.

Полагаем заслуживающей внимания практику участия организаций, фондов, других объединений, религиозных общин и лиц, пользующихся доверием в осуществлении ресоциализационной, культурной, спортивной, религиозной деятельности в исправительных учреждениях Польши, оказании помощи и поддержки освобожденным от отбывания наказания лицам². В стране созданы Фонд помощи потерпевшим и Фонд постпенитенциарной помощи³.

Законодательство Республики Беларусь, развиваясь в русле идей евразийства, в целом схоже с законодательством РФ. Однако можно отметить ряд новаций, которые свидетельствуют о большей проработанности вопросов ресоциализационного характера.

Так, Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) Республики Беларусь содержит более подробные, по сравнению с российским законодательством,

¹Уголовно-исполнительное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под общ. ред. В.В. Марчука, В.М. Хомича. Глава 2, автор Захарс В. Минск: Амалфея, 2020. С. 249.

²К субъектам, обязанным оказывать помощь осужденным, относятся: пенитенциарные учреждения, кураторы, объединения, организации и институты, уставной целью которых является помощь в социальной реадaptации осужденных, конфессии и религиозные общины, а также соответствующие органы территориального самоуправления и судебные кураторы. Там же, с. 249-250.

³ В 2018 г. из Фонда помощи потерпевшим и Фонда постпенитенциарной помощи была предоставлена помощь в 91859 случаях на сумму 8484481 злотых, в том числе денежная помощь (2156240 злотых), на программы, повышающие социальные компетенции (1727931 злотых), материальная помощь (1369584 злотых). Там же, с. 249.

нормы о социальной помощи и поддержке освобожденным, предусматривая право освободившихся из ИУ получить помощь и поддержку по месту жительства (прописки) в Территориальных центрах социального обслуживания (ТЦСОН) в течение года со дня освобождения и в территориальных отделениях Красного креста.

Предусматривает УИК РБ в главе 27 установление постпенитенциарного контроля в виде профилактического наблюдения¹. В целях присмотра за некоторой категорией освобожденных из мест лишения свободы лиц в соответствии со статьей 198 УИК РБ регламентирован превентивный надзор².

Законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона сквозь призму реализации стратегий противодействия преступности в контексте ресоциализации отличается существенной спецификой, обусловленной историческими традициями и особенностями восточной культуры³. Так, нормы об исполнении наказаний Китая сохраняют четкую идеологическую направленность, характеризуются некоторой жесткостью. Но в то же время нельзя не заметить, что в качестве целей пенитенциарного законодательства указывается ресоциализация правонарушителей⁴. По сути, основными средствами противопреступной социализации являются идеологическое и культурное воспитание, получение общего и технического образования, производительный труд⁵.

Несмотря на то, что Китай находится на одном из первых мест по числу заключенных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, исправительное

¹Там же, с. 124-126.

²См. об этом Афонченко Т.П. Ресоциализационный потенциал постпенального контроля в законодательстве Республики Беларусь // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 1. С. 61.

³Как отмечает Д.А. Брусиловский, в восточных религиях отсутствует четкое разделение светского и сакрального, религиозного и гражданского, мирского и трансцендентного, в результате чего буддизм, индуизм и ислам могут рассматриваться как социокультурные комплексы, в которых религиозный компонент тесно соединен с иными сферами бытия и сознания. Брусиловский Д.А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций // Общество: философия, история, культура. 2017. № 4. С. 42.

⁴Новиков Е.Е. Правовое регулирование и организация исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в Китайской народной Республике // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 57.

⁵ Там же, с. 56.

воздействие в них ориентировано на возвращение в общество и употребление в этих целях разнообразных видов индивидуальных реабилитационных программ¹.

Статья 37 Уголовного кодекса КНР предусматривает возможность применения к лицам, совершившим незначительные преступления, общественного порицания, обязанности облечь свое раскаяние в письменную форму, принести извинения, возместить ущерб. В то же время статья 100 УК КНР предписывает лицам, отбывшим уголовное наказание, при поступлении на работу, военную службу, не утаивая, правдиво сообщить в соответствующие органы о том, что они отбыли наказание².

Заслуживает особого внимания изучение опыта противодействия преступности в Японии. Несмотря на тенденции «вестернизации», Япония сохраняет свою самоидентичность, исповедует собственные пути противодействия преступности, основанные на идеях внутрисемейной, внутриклановой социализации. Здесь, полагаем, японская стратегия близка к китайской: достаточно жесткое отношение к рецидивистам и преступникам, совершившим опасные преступления, и политика «мягкой силы», ресоциализации по отношению к иным правонарушителям³.

В Японии достаточно небольшое количество преступников приговаривается к наказанию в виде лишения свободы, это позволяет обеспечить в пенитенциарных учреждениях адекватное обращение с осужденными⁴.

Японская политика противодействия преступности опирается на активное участие всего общества. Как отмечает известный исследователь японского феномена противопреступной деятельности Уэда Кан, активное участие в

¹Yunhan Zhaoa Steven F. Messnera Jianhong Liub. The influence of importation and deprivation factors on prison adaptation: Insights from Chinese prisons // International Journal of Law, Crime and Justice. Volume 63, December 2020, 100425. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2020.100425.

²Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. А.И. Чучева, А.И. Коробеева, пер. с кит. М.: ООО «Юридическая фирма «Контракт», 2021. С. 46, 63.

³Как отмечает В. Спицын, японское правосудие руководствуется постулатом Конфуция, согласно которому полагается осудить преступление, но при этом проявить снисхождение к преступнику. См. Спицын В. Наказание и его исполнение в местах лишения свободы Японии // Преступление и наказание. 2004. № 12. С. 32.

⁴Как отмечает Н.А. Морозов, основная концепция исполнения наказания в виде лишения свободы, заложенная в законодательстве Японии, состоит в 1. Гуманизации обращения, 2. Социализации обращения (означает обеспечение ресоциализации заключенных на основе понимания и содействия общества). 3. В осуществлении обращения на основе научных знаний и методов. См. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 141-143.

противодействию принимают ассоциации предупреждения преступности – полуобщественные организации граждан, деятельность которых пересекается с работой комитетов самоуправления (квартальных комитетов)¹.

Помимо этого, функционирует множество иных объединений, среди которых можно назвать соседские комитеты, Движение BBS (старших братьев и сестер), Ассоциации родителей и учителей, Ассоциации предупреждения краж и разбойных нападений и т.д., расширяются разнообразные формы добровольчества.

Деятельность волонтерских организаций в Японии становится все более активной. Так, специалисты отмечают, что «за последние 13 лет Япония переживает бум добровольческой деятельности, направленной на предупреждение преступности; около 3 000 000 японских граждан приняли участие в волонтерской деятельности с этой целью»². Заслуживает внимания японский опыт создания системы защитного надзора.

Успехи деятельности по противодействию преступности в Японии во многом объясняются именно ориентацией на предупредительную деятельность, использованием различных форм неформального контроля, крепкими семейными связями и осуществлением домашнего контроля как средства ресоциализации³.

Опыт противодействия преступности Республики Корея также основан на специфике национальной самоидентичности, идеях Конфуцианства, в основе которых лежит приоритет семейных ценностей, уважения и необходимости внутрисемейной заботы. Основные функции ресоциализации выполняют: Агентство гражданской реабилитации и Служба надзора за условно-досрочно освобожденными, причем Агентство является созданной на общественных

¹Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии; пер. с яп. О.А. Белявской / под общ. ред. и с вступ. сл. Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Еремина. М.: Прогресс, 1989. С. 159-161.

²Erik Herber. Crime prevention in Japan orchestration, representation and impact of a volunteering boom // International Journal of Law, Crime and Justice. Volume 54, September 2018, Pages 102-110.

³С.М. Иншаков цитирует Американского кримиолога Д. Фута, который относит японскую правоохранительную систему к семейной модели уголовной юстиции. См. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА-НОРМА, 1997. С. 72.

началах организацией¹. Задачей указанных служб является помощь и поддержка осужденным и освобожденным от отбывания наказания лицам. Используется в Южной Корее и практика содействия трудовому и бытовому устройству преступников при помощи системы обучения, в том числе вне стен пенитенциарного учреждения. К несовершеннолетним преступникам активно применяется пробация и меры защитного надзора².

Уголовное законодательство Таиланда сочетает в себе, с одной стороны, жесткость по отношению к опасным преступлениям (так, Уголовный кодекс Таиланда предусматривает наказание в виде смертной казни за причинение смерти другому человеку), с другой стороны, применение мер безопасности, мер воспитательного воздействия по отношению к преступникам в возрасте до 17 лет³.

Интересен опыт реализации стратегий противодействия преступности Австралии, которая за 200 лет существования государственности, основанной на использовании Зеленого континента как места ссылки, превратилась в страну с одним из самых низких уровней преступности.

Как отмечают исследователи, законодательство Австралии в сфере противодействия преступности испытало на себе влияние как карательной стратегии, так и стратегии терапевтического воздействия на преступника, при которой «воспитательная функция уголовной политики и социально-интегративная функция уголовного права получают приоритет над социально-превентивной и карательной (штрафной) задачами»⁴.

Чрезмерное увлечение идеями «обращения» с преступниками в соотношении с ростом преступности, в частности рецидивной, привело к тому, что в австралийской доктрине стали превалировать смешанные концепции формирования тактики противодействия преступности. Реформа уголовного

¹Чанг Юн Сеок. Внеинституционные меры обращения с правонарушителями, применяемые в Южной Корее // РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1992. № 4. С. 106.

²Мальцев А.А. Преступность несовершеннолетних в Республике Корея: криминологические, уголовно-правовые, уголовно-политические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2009. С. 8,9.

³Уголовный кодекс Таиланда; науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева, Ю.В. Голика. М.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 8-11.

⁴Трикоз Е.Н. Цели уголовного права Австралии // Право и политика. 2000. № 11. С. 81-84.

права привела к следующим пенологическим концепциям: сокращение реального применения наказания в виде лишения свободы, увеличение потенциала применения наказаний, не связанных с лишением свободы, прежде всего исправительных работ в публичных интересах и штрафных санкций, дифференциация наказания в виде лишения свободы¹. Австралийским законодательством предусмотрены также дополнительные государственные социальные программы и материальная помощь гражданам.

Таким образом, исследование стратегий противодействия преступности в контексте ресоциализации, реализуемых в зарубежных странах, позволяет сделать следующие выводы:

1. Основной тенденцией, обуславливающей стратегии противодействия преступности в современной мировой практике, является характерный для последнего времени феномен конвергенции правовых систем, что приводит к стиранию до некоторой степени различий в правовом регулировании и проявлении общемировых тенденций (трендов) противопреступных практик.

2. Установлено, что общим трендом стратегии противодействия преступности выступает ориентация на ресоциализацию преступника и идеи поиска баланса между безопасностью общества и реинтеграцией в него бывших преступников.

3. Отмечены тенденции реализации трех пенологических стратегий: карательной, управленческой, восстановительной (реститутивной).

4. Обосновывается необходимость для государства, несмотря на очевидные общие тренды, в целях сохранения собственной идентичности определять собственный путь реализации противопреступной стратегии, обусловленный историческими традициями, сложившимся укладом общественных отношений, экономическими, политическими, климатическими и социальными условиями.

¹Kirby M. Reform the law: Essays on the renewal of the Australian legal system. Melbourne, 1983. P. 151. Цит. по Трикоз, Е.Н. Указ. соч. С. 82.

5. Отмечена тенденция, характерная для европейских и иных стран, активно использующих пробацию, увеличения количества нарушений пробации и применения изоляции в пенитенциарных учреждениях вследствие перенесения экономического бремени реализации пробационных ограничений на нарушителя, большого несоразмерного количества ограничений и его неспособности справиться с ними.

6. Установлена эффективность стратегии реабилитации, использующей различные программы, применяющей электронный мониторинг. В то же время отмечена и опасность данной стратегии, которая заключается в перенесении акцента с нарушения на нарушителя, в чрезмерном расширении прав в осуществлении «обращения» с правонарушителем, неопределенности и субъективизме при решении вопроса об освобождении при исправлении.

7. Отмечена значимость социальной работы с преступниками, когда к ресоциализирующей деятельности привлекаются не сотрудники правоохранительных или пенитенциарных органов, а социальные работники, важным направлением деятельности которых является установление доверительных отношений со своими клиентами и возможность обратиться за помощью в любое время.

8. Установлено, что успехи противопреступной деятельности отмечаются в тех государствах, где реализуется адекватная государственная социальная политика. В предупредительную деятельность вовлечены широкие общественные круги, развито добровольчество, используются различные формы неформального контроля, основой которого является семейный контроль как средство ресоциализации.

ГЛАВА 4. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО (ИНФОРМАЦИОННОГО) РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ, УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ АСПЕКТЫ)

4.1. Ресоциализационный потенциал трансформации системы наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества

Отмечаемый в доктринальных источниках последнего времени кризис уголовного наказания¹ во многом обусловлен тем, что сложившаяся в течение длительного времени система наказаний, предусмотренных УК РФ, уже не отвечает требованиям современного общества, имеющего характеристики информационного (постиндустриального)².

Исследователи указывают на архаичность системы наказаний, а сторонники крайних позиций предлагают минимизировать применение мер уголовной репрессии в пользу иных форм социального контроля³. Авторитетный криминолог Я.И. Гилинский в своих работах подчеркивает, что «уголовное законодательство нуждается в принципиальных изменениях с учетом признания неэффективности наказания и понимания вынужденного характера его сохранения»⁴.

Принципиально соглашаясь с таким суждением, полагаем, однако, что само наказание как инструмент уголовно-правового воздействия сбрасывать со счетов пока нельзя. Как справедливо отмечает И.М. Рагимов, мы должны говорить не о

¹Гилинский Я.И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 172. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974. Цит. по Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского института МВД РФ. № 1 (35). 2019. С. 11.

²Или общества постмодерна.

³Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского института МВД РФ. № 1 (35). 2019. С. 12.

⁴Гилинский Я.И. Уголовное право: возможности и пределы // Российский криминологический взгляд. 2021. № 1. С. 338.

«кризисе наказания», а глубоко изучить и понять механизм воздействия угрозы наказания на человека¹. С.Ф. Милуков в своих работах отмечает несостоятельность рассуждений подобного рода².

Полагаем, что ресурс наказания (как одного из инструментов уголовно-правового воздействия) может быть использован в современных условиях постиндустриального (информационного) общества, но действующая пенальная система, зафиксированная Уголовным кодексом Российской Федерации, нуждается в определенной трансформации, в основу которой могут быть положены концептуальные идеи теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Действующий УК РФ в главе 9 предусматривает наказание как меру государственного воздействия в отношении осужденного в целях достижения предусмотренных Уголовным кодексом целей: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений³.

Анализ научной литературы демонстрирует, что в настоящее время ни у кого не вызывает принципиальных возражений сам факт существования категории «наказание» и необходимость его применения. Однако споры вызывают зафиксированные в статье 43 УК РФ его цели, а также предусмотренные в статье 44 виды и система наказаний, их взаимосвязь и взаимообусловленность, вопросы соотношения практики применения наказаний и иных форм социального контроля.

Сообразно целям настоящего исследования научный интерес представляет то, насколько оправданно наличие в уголовном законодательстве именно такого количества наказаний и резонны ли некоторые из них в обозначенном формате.

Как представляется, вопрос о трансформации отечественной пенальной системы в условиях постиндустриального (информационного) общества уже назрел и не требует особой аргументации, однако необходимо продумать

¹Рагимов И.М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 74.

²Милуков С.Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 26.

³Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. № 25. Ст. 2954.

алгоритм такой модификации. Насущная потребность выработки схемы действий в рассматриваемой сфере отмечается и в исследованиях других авторов. Так, Г.Н. Горшенков обращает внимание на необходимость «генерации механизма оптимизации института наказания»¹.

Как справедливо замечал в свое время Н.Д. Сергеевский, «установление и организация карательных мер по содержанию, а равно определение размеров за отдельные преступления слагается весьма различно в исторической жизни народов, подчиняясь влиянию многочисленных и многообразных факторов или условий – политических, этических и экономических. Сообразно этим условиям каждая из эпох вырабатывает свои наказания, которые для другой эпохи оказываются неудовлетворительными, несостоятельными или даже невозможными»².

Следует отметить, что законодатель уже идет по пути корректировки положений УК, УИК Российской Федерации в части изменения видов наказаний и особенностей их исполнения. Так, Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ упразднил конфискацию имущества³. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в УК РФ было введено наказание в виде принудительных работ⁴.

Однако этот процесс, на наш взгляд, носит бессистемный характер, нуждается в научной проработке и обосновании, формулировании концептуальных положений, которые лягут в основу трансформационных процессов. В научном анализе нуждается также и вопрос о целях наказания, их увязке с видами наказаний, предусмотренными Уголовным кодексом РФ.

Конституция Российской Федерации в статье 2 декларирует права и свободы человека и гражданина наивысшей ценностью. Ограничение прав и свобод возможно только «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты

¹Горшенков Г.Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 23.

²Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII веке. СПб.: типография Министерства путей сообщения, 1887. С. 3.

³Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁴Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹. Анализ данного конституционного положения во взаимосвязи с частью 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации демонстрирует ориентацию государства на всестороннюю защиту личности и стремление к минимизации репрессивного воздействия. Наказание является максимально грозной мерой государственного принуждения и сопряжено с ограничением прав и свобод, но такие рестрикции должны быть минимальными и обоснованными предусмотренными в части 3 статьи 55 Конституции целями².

Сформулированные в ч. 2 ст. 43 УК РФ применительно к наказанию цели достаточно серьезно критикуются в научной доктрине. Причем критике подвергаются как каждая в отдельности цель, так и все вместе путем указания на их недостижимость в принципе³. Ввиду несогласованности целей наказания с отдельными его видами некоторыми исследователями в свое время выдвигалась идея о формулировании самостоятельного целеполагания для каждого вида наказаний⁴ и мер уголовно-правового воздействия⁵. Предлагалось также полностью отказаться от фиксации рассматриваемой категории в Уголовном кодексе Российской Федерации⁶, а также заменить предусмотренные УК РФ цели наказания на иные формулировки⁷.

¹Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Российская газета. 2020. 4 июля.

²О назначении наказания с позиций минимализма, справедливости и экономии репрессии см., например, Артамонова Е. О назначении наказания с позиций справедливости // Правозащитник. Ежеквартальный журнал для неправительственных организаций. М.: Права человека. 2004. № 1. С. 36-41.

³Блохин Ю.И. Оценка целесообразности применения уголовного наказания // Проблемы взаимодействия международного и национального уголовного права в условиях глобализации: материалы V междуна. науч.-практ. конф. памяти Митрофана Ивановича Ковалева. Екатеринбург, 2008. С. 55-61.

⁴Палий А.В. Понятие и цели уголовного наказания: автореф. дис...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 7-8.

⁵Так, предлагалось закрепить в УК РФ цели принудительных мер воспитательного воздействия. Максимов С.В. Цели принудительных мер воспитательного воздействия // Российский следователь. 2002. № 11. С. 43-44.

⁶См., например, Гилянский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать // Вестник Казанского института МВД РФ. №1 (35). 2019. С. 6-13. Блохин Ю.И. Оценка достижимости уголовным наказанием исправления осужденного // Ученые записки юридического факультета Ростовского филиала российской таможенной академии. Ростов-на-Дону: РФ РТА, 2007. С. 10-14.

⁷Дворянсков И.В. К вопросу о новой концептуальной модели наказания (телеологический аспект) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 16.

Особо острые дискуссии на страницах научных изданий вызывает цель исправления осужденных. Высказываются предложения о замене исправления на иные цели, например ресоциализацию осужденных¹.

Если исходить из отождествления понятий «исправление» и «ресоциализация», то такое предложение представляется объяснимым, однако с позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологической основы противопреступной деятельности ставить знак равенства между данными понятиями нельзя. В отечественной противопреступной доктрине есть место для использования данных категорий в разумном и обоснованном сочетании.

Предлагаемая нами модель организации противопреступной деятельности в современном постиндустриальном (информационном) обществе, теоретической основой которой является криминологическая теория противопреступной социализации (ресоциализации), обоснованная в предыдущих параграфах настоящего исследования, предполагает перспективность трансформации наказаний с учетом их ресоциализирующей направленности.

В этой связи, как представляется, предусмотренное частью 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве цели наказания исправление осужденного в максимальной степени соответствует идее ресоциализации и вполне допустимо. Полагаем справедливым утверждение В.И. Селиверстова о том, что «нельзя отказываться от по своей внутренней сути гуманной цели исправления осужденного»². Кроме того, исправление не обязательно увязывать с активным правомерным поведением лица, основным

¹См. об этом, например, Лукьянова Е. Принципы справедливости и равенства перед законом в уголовно-исполнительном праве // Преступление и наказание. 2004. № 11. С. 30. Крайнова Н.А. Цели наказания как инструмент уголовной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 57. Смирнов Л.Б. О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права, Москва, 28-29 мая 2009 г. М.: Проспект, 2009. С. 96; Воронов В.А. Ресоциализация преступника – основная цель нового уголовного наказания // Цели уголовного наказания. Рязань, 1990. С. 70–73; Рябинин А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права Российской Федерации: вопросы дифференциации и индивидуализации наказания. М., 1995. С. 112.

²Такого же мнения придерживаются и иные исследователи. См., например, Селиверстов В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 30.

критерием исправления, на наш взгляд, служит несовершенство преступлений бывшим осужденным.

Еще в конце прошлого столетия профессор А.Ф. Зелинский писал, «что исправление возможно и тогда, когда человек научится сдерживать себя и не нарушать уголовный закон, хотя он по-прежнему внутренне негативно к нему относится. Важно, чтобы человек вновь не совершил преступлений, не стал рецидивистом. При этом можно смело сказать, что все цели, которые ставятся перед наказанием, достигнуты. Не важно даже почему он не совершает нового преступления: потому ли, что стал более сознательным, или из-за страха перед наказанием»¹.

Однако само понятие исправления, сформулированное в статье 9 УИК РФ, полагаем, нуждается в корректировке. Необходимо уточнить, для чего оказывается исправительное воздействие, какие цели оно преследует, ориентировать его на ресоциализацию осужденных.

Семантическое толкование понятия «исправление» демонстрирует некую «инструментальность» или «механизацию» содержания. Так, согласно Интернет-словарю русского языка, под исправлением понимается «улучшение, как результат этого действия, как результат освобождения от недостатков, погрешностей, поправка»².

Применительно к человеку кажется, что творение, созданное Богом, улучшить или исправить невозможно. В этой связи в научной литературе дискутируется вопрос о достижимости целей наказания и допустимости такой постановки вопроса в принципе. Так, по мнению В.А. Усса, «логика социально-политических процессов, развивающихся в нашей стране, по-видимому, очень скоро поставит весьма острый вопрос: допустимо ли вообще заниматься

¹Можно согласиться с высказыванием А.Ф. Зелинского, что исправление возможно и тогда, когда человек научится сдерживать себя и не нарушать уголовный закон, хотя он по-прежнему внутренне негативно к нему относится. Важно, чтобы человек вновь не совершил преступлений, не стал рецидивистом. При этом можно смело сказать, что все цели, которые ставятся перед наказанием, достигнуты. Не важно даже почему он не совершает нового преступления: потому ли, что стал более сознательным, или из-за страха перед наказанием. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С. 130; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 265.

²URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/исправление>.

исправлением?» Свои аргументы он подкрепляет доводом о том, что демократически организованное государство не имеет права принудительно «улучшать» своих граждан. Единственно, что позволено государству, так это требовать соблюдения установленных им законов¹.

Анализируя достижимость целей наказания применительно к отдельным видам наказания, исследователи делают вывод о том, что не все цели достижимы применением того или иного вида наказания². Так, в отношении исправления отмечается, что «достижение этой цели характеризуется субъективизмом, если вообще возможна оценка результатов ее достижения...»³.

Как представляется, вопрос об оценке достижимости той или иной цели наказания по своей сути лишен практического смысла, носит исключительно теоретический характер. С точки зрения семантического толкования цель - это идеал, к которому необходимо стремиться, но достижение этого идеала не является самостоятельной целью.

В принципе, наверное, достаточно сложно отыскать и сформулировать некие универсальные формулировки целей, которые бы соответствовали всем видам наказания и были бы одновременно достижимыми, но возникает также и вопрос, стоит ли это делать? Полагаем, что, если бы это было возможно и реализовано, то в практической плоскости необходимо было бы при помощи какого-то инструментария и набора критериев измерять в каждом случае применительно к отдельному осужденному, то есть индивидуально, достижение в его отношении цели наказания. На практике вряд ли это возможно, да и целесообразно.

Идея отказа от закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации целей наказания в пользу функций уголовно-правовой ответственности

¹Усс, А. Допустимо ли исправлять осужденных? // Человек: преступление и наказание. 1994. № 1(2). С. 29.

²Бутенко Т.П. Понятие «исправление осужденного» в уголовно-исполнительном законодательстве // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 70. С. 72-76.

³Грушко В.Ф., Звонов А.В., Крымов А.А., Малолеткина Н.С., Петрянин А.В. Теоретико-методологические основы модели уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения // Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: монография / под общ. ред. А.А. Крымова. 3-е изд., исправл. и доп. М.: Криминологическая библиотека, 2020. С. 100.

(в представленном нами варианте функций уголовно-правового воздействия), предложенная криминологами¹, видится достаточно аргументированной и нами поддерживается, но в перспективе. Полагаем, что отрицание в принципе идеи исправления осужденных в настоящий момент является преждевременным. Возникает лишь вопрос о том, необходимо ли фиксировать в качестве цели исправление лица именно в уголовном законодательстве?

Согласно действующему законодательству, исправление предусмотрено частью 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве цели наказания. Исправление также обозначено частью 1 статьи 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации как цель уголовно-исполнительного законодательства. То есть наблюдается определенное терминологическое дублирование. Полагаем, что исключение из УК РФ упоминания о целях наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) не повлечет за собой отказ от использования категории исправления применительно к исполнению наказания, внесет определенную ясность, снимет дискуссионность в данном вопросе. Схожей позиции придерживается И.М. Рагимов, который отмечает, что цель исправления, скорее всего, можно рассматривать как цель исполнения наказания². Таким образом, гуманная цель исправления преступников, как некий идеал, к достижению которого нужно стремиться, не утрачивает своей актуальности в механизме правового регулирования, максимально конкретизируя целевую направленность деятельности уголовно-исполнительной системы.

Что же касается уголовно-правового стремления к восстановлению социальной справедливости и предупреждению преступлений, то аргументированное нами в предыдущих параграфах работы предложение о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации функций уголовно-правового воздействия во взаимосвязи с предусмотренными уголовным законодательством задачами снимает с актуальной повестки также и данный

¹ Данное предложение было нами проанализировано в параграфе 2 главы 3 настоящей диссертационной работы.

² Рагимов И.М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 74.

вопрос. Упоминание о целях наказания следует в будущем исключить из уголовного законодательства.

Проведенный нами анализ ресоциализационного потенциала предусмотренной Уголовным кодексом РФ пенальной системы позволил сделать ряд выводов и предложений о ее трансформации применительно к каждому виду наказания.

Прежде всего, считаем необходимым исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации те наказания, которые не применяются вовсе или крайне редко, а также те, отнесение которых именно к наказаниям в рамках уголовно-правового воздействия представляется нецелесообразным.

Как мыслится автору настоящего исследования, в условиях постиндустриального (информационного) общества создаются определенные предпосылки для гуманизации пенальной системы, практической реализации принципа экономии репрессии. Солидаризируясь с В. Петропавловским, «гуманизацию уголовного наказания нельзя декларировать: она не может быть не чем иным, как только частью (и следствием) общественного прогресса. Снижение преступности делает возможным и смягчение наказания»¹.

В этой связи, на наш взгляд, исключение высшей меры наказания из перечня предусмотренных УК РФ вполне назрело. В свое время В.Е. Квашиш указывал на то, что многолетняя правоприменительная практика в разных регионах и в различных странах свидетельствует о том, что «казни только увеличивают масштабы насилия в обществе, ужесточают нравы, расширяя допустимый порог жестокости, снижают ценность не только чужой, но и собственной жизни, облегчают возможность преступить запретную черту»². За отмену смертной казни ратуют и другие ученые³.

¹Петропавловский В. Нужна не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключенных // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 43.

²Квашиш В.Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы; предисл. Ю.Е. Пудовочкина. СПб.: Юридический центр пресс, 2011. С.547.

³Шестаков Д.А. Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противдействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп.; предисл. В.П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 294.

Ресоциализационный потенциал смертной казни по нашему мнению отсутствует, она не только не дает самому осужденному надежды на исправление, но и лишает общество одного из своих членов. По своей сути смертная казнь равносильна социальному членовредительству, а потому не может быть необходима «здоровому», зрелому гражданскому обществу.

С определенной долей допущения о ресоциализационном потенциале смертной казни можно было бы говорить с позиций права безопасности. Как может показаться на первый взгляд, категорическое устранение нарушившего правила лица из общества может послужить интересам «общего блага». Однако это только видимость решения проблемы. Вся мировая история развития человечества свидетельствует, что, сколько бы ни усиливалась репрессия в отношении преступников, как часто и насколько жестко ни применялась бы смертная казнь, какими бы извращенными не были ее способы, одним только устрашением и устранением «болевого точки» в виде преступного физического лица проблема противодействия преступности решена быть не может. Наоборот, в некоторые исторические периоды это приводило только к увеличению уровня преступности. Общество ужесточалось.

Как представляется, современный социум не может и не должен себе позволять вставать на одну ступень со злодеями, учиняя смертную казнь, совершать, по сути, такие же общественно опасные деяния, как и преступники. Смертной казни не должно быть места в современном цивилизованном мире. Однако, как справедливо отмечает в своем труде В.Д. Зорькин, «верно замечено, пока есть умышленные убийства, вопрос о применении смертной казни не может быть полностью закрыт. Здесь многое зависит от общей правовой ситуации в стране, от того, насколько далеко мы сможем продвинуться в деле создания того прочного, уверенного в себе правопорядка, который позволит удержать сделанную нами уступку, отход от требований правового принципа равенства»¹. Представляется, что трансформация пенальной системы в условиях цифрового

¹Зорькин, В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Конституционный Суд РФ. М., 2021. С. 80-81.

(постиндустриального) общества, как социума цивилизованного, должна исключать постановку вопроса о применении смертной казни. В противном случае следует с сожалением констатировать, что, несмотря на высокие технологические достижения, развитие научно-технического прогресса, в общении между людьми мы возвращаемся к дикости.

Полагаем также целесообразным исключение ареста из перечня предусмотренных статьей 44 Уголовного кодекса РФ видов наказаний. За более чем 25-летний период существования УК РФ условия для применения данной пенальной меры так и не были созданы, очевидно, что не было и особого социального запроса для их формирования. Указанное обстоятельство подтверждается крайне малыми показателями статистики за последние 5 лет о назначении ареста, представленными на страницах настоящей работы.

Практическая реализация нормы об аресте была актуальна на момент вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации, но требовала значительных материальных затрат. Сторонники применения ареста в обоснование необходимости законодательной регламентации этой меры указывали на ее «шокирующий» эффект, некое отрезвляющее психологическое воздействие¹. Противники отмечали невозможность исправительной реакции в условиях российской колонии, а, следовательно, и низкую эффективность кратковременной изоляции осужденного к аресту². Однако к настоящему времени актуальность применения данной меры именно в формате уголовного наказания представляется сомнительной. Такой вывод подтверждается и статистическими данными. Так, согласно информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ арест был назначен в 2015 г. 5 раз, в 2016 г. - 6, в 2017 г. – 5, в 2018 г. – 5, в 2019 г. – 3, в 2020 г. – 3, в 2021 г. – 3, в 2022 г. – 3³.

По нашему мнению, ресоциализационный потенциал ареста в целом крайне незначителен, арест ориентирован исключительно на кару, устрашение, хотя и в

¹Российское уголовное право: курс лекций /Т.А. Бушуева, Ю.В. Голик. А.И. Коробеев [и др.] науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток, 1999. С. 109.

²А.Л. Дзигарь отмечал, что преступник не исправляется, а становится еще более морально развращенным. Дзигарь А.Л. Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике. Ростов н/Д, 2005. С. 276.

³URL: <http://cdep.ru/?id=79>.

силу своей краткосрочности был рассчитан на сбережение социальных связей осужденного. Значительное психологическое воздействие путем изоляции, скорее, имело бы обратный эффект. Думается, что спустя четверть века сама реальная жизнь продемонстрировала не востребованность подобного вида наказания, если обратить внимание на его статистику назначения. В этой связи полагаем существование недействующей (фактически «мертвой») нормы в уголовном законе абсолютно бессмысленным. Исключение упомянутой статьи из Уголовного кодекса РФ пройдет вполне безболезненно, а арест с отбыванием на гауптвахте военнослужащим можно перевести в разряд мер безопасности.

Отметим, что наряду с исключением из Уголовного кодекса Российской Федерации фактически неприменяемых видов наказаний нельзя полностью отказываться от тех, которые исполняются реально, но необходимо существенно пересмотреть механизм их применения, ориентируясь на понимание их взаимосвязанности, системности¹, используя для этого четкие критерии, минимизировать их количество. Необходимо оценить каждый вид наказаний с точки зрения воздействия на осужденного и определить его ресоциализационный потенциал.

Сразу же подчеркнем необходимость свести к минимуму количество видов наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. Наказание, как самая сильная мера государственного принуждения, должна и восприниматься как чрезвычайная. Не только смертная казнь может быть исключительным видом наказания, оно само должно стать таковым. Уголовная репрессия не может превращаться в обыденность. Кроме того, пенальная система должна быть выстроена таким образом, чтобы наказание воспринималось осужденным как нечто нежелательное, но также лишённое жестокости. Например, как тяжкий труд над собой, своей ресоциализацией. Минимизацию количества закрепленных Уголовным кодексом Российской Федерации наказаний следует компенсировать широким применением мер

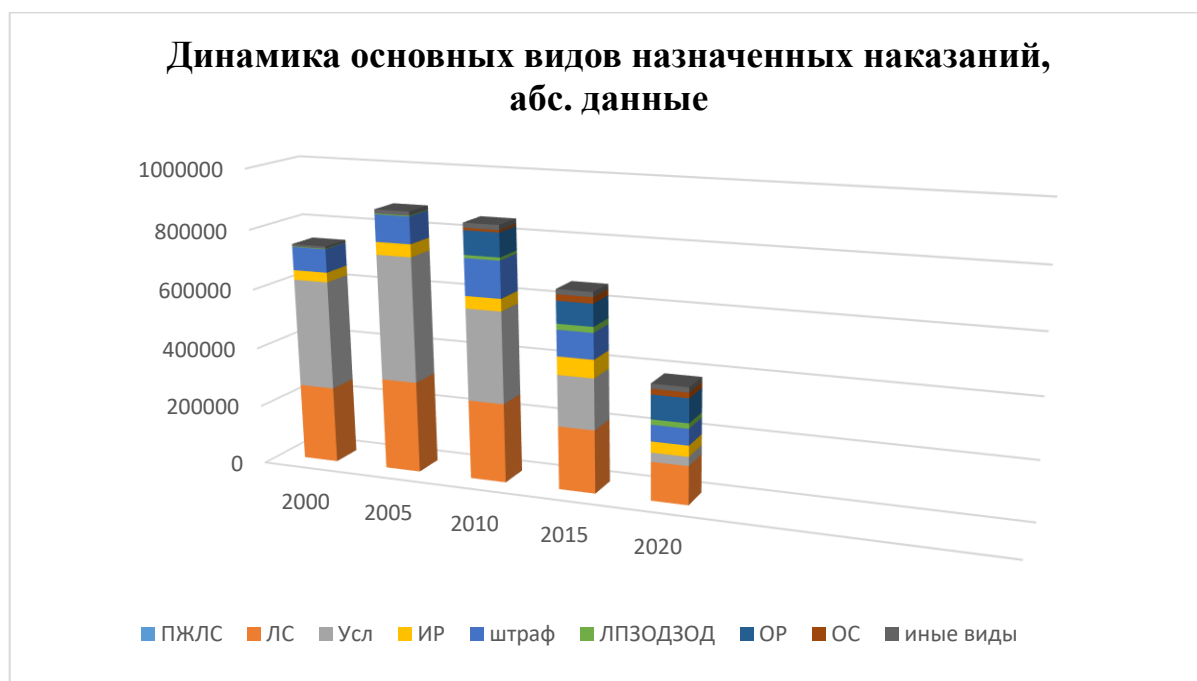
¹В этой связи мы поддерживаем точку зрения А.В. Звонова о том, что система уголовных наказаний является сложным уголовно-правовым явлением, содержащим уголовные наказания, объединенные связями как между собой, так и с иными правовыми институтами. См. Звонов А.В. Терминология системы уголовных наказаний: краткий анализ // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 43-46.

некарательного воздействия¹. Иными словами, сокращение перечня наказаний в УК РФ не означает изменение репрессивности, но меняет подход к наказуемости.

В настоящее время Уголовный кодекс РФ предусматривает 12 реально назначаемых судами видов наказаний. Динамика их применения за последние 20 лет демонстрирует существенные изменения в части уменьшения количества наказаний, связанных с лишением свободы (диаграмма 16).

Снижение показывает и практика условного осуждения в порядке статьи 73 Уголовного кодекса РФ. В целом палитра назначаемых судом наказаний становится более разнообразной.

Диаграмма 16².

Следует отметить, что динамика назначенных наказаний коррелирует в целом с фиксируемой статистикой уменьшения регистрируемой преступности, снижением числа осуждений, а также увеличением количества освобождений от уголовной ответственности (диаграмма 17).

¹Совершенно справедливо И.М. Рагимов указывает на то, что речь идет о... параллельном существовании мер некарательного характера с уголовным наказанием, что вытекает из принципиального взгляда на исторические судьбы государства и права, на роль и место принуждения и убеждения в обществе. Рагимов И.М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 74.

²Данные взяты из официальной статистики, представленной на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?*=.

Пиковым годом, за который было зарегистрировано максимальное количество преступлений, и максимальное количество лиц было осуждено, является 2005 год. В то же время в этот период было зафиксировано довольно значительное число осуждений, примененных условно.

За последние 15 лет анализ вариативности демонстрирует снижение показателя судимости вместе с увеличением доли принятых судами решений об освобождении от уголовной ответственности, наказания и иных мер воздействия.

В 2020 г., по сравнению с предыдущими периодами, существенных количественных различий между примененными видами наказаний не выявлено, однако лишение свободы по-прежнему является преобладающим видом из числа назначенных мер государственного принуждения.

Диаграмма 17¹

В целом отмечаемые тенденции свидетельствуют о том, что органы судебной власти понимают и поддерживают изменение уголовно-правовой политики в сторону уменьшения карательного потенциала уголовного воздействия, что можно оценить, безусловно, положительно. Изучение в ходе

¹Данные взяты из официальной статистики, представленной на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?*=.

настоящего исследования приговоров судов в разрезе назначенных наказаний в сопоставлении с видами и размерами санкций соответствующих статей УК РФ показало, что в 60% случаев судами выбиралось не максимальное из числа предусмотренных наказание, размер назначенной меры государственного принуждения в 55% случаев также не был максимальным. Полученные нами данные свидетельствуют о наметившейся тенденции гуманизации пенальной практики, однако природа отдельных видов наказаний, их отнесение именно к разряду уголовных заслуживает, на наш взгляд, самостоятельного исследования.

Проведенный нами анализ применяемых видов наказаний (за исключением тех, которые предлагается исключить из УК РФ) с позиций ресоциализационного потенциала позволил дифференцировать их на три группы:

1. Ресоциализационный потенциал связан с воздействием в условиях контроля и/или изоляции (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части);

2. Ресоциализационный потенциал связан с привлечением к труду (обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе);

3. Ресоциализационный потенциал обусловлен только самим фактом назначения наказания (штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград).

Сущностный анализ наказаний, отнесенных нами к третьей группе, свидетельствует о том, что все они являются в большей степени мерами безопасности, их применение связано в основном с интересами общества и восстановлением социальной справедливости, модифицированной карой.

Анализируемые меры принуждения исполняются одномоментно либо в течение определенного периода времени, когда никакого воздействия в отношении осужденного лица (исправительного, ресоциализационного) не оказывается. В большинстве случаев данные наказания назначаются в качестве

дополнительных к основному и носят вспомогательный характер. По сути, это кара, но эффект от такого карательного воздействия крайне призрачен. В силу указанных обстоятельств полагаем необходимым исключить данные виды наказания, закрепить нормы о них в Кодексе мер безопасности¹.

Поддерживая идею о ресоциализационном потенциале самого факта назначения наказания (вне зависимости от вида наказания), его морально-психологическом влиянии на осужденного², отметим тем не менее, что только такого аргумента явно недостаточно для того, чтобы закреплять меру воздействия в качестве уголовного наказания. Ресоциализационный потенциал должен реализовываться и в процессе исполнения наказания.

Целесообразность такого вида наказания, как штраф, еще более сомнительна на фоне введения в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ самостоятельной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Сущность и штрафа, и судебного штрафа равнозначна и заключается в финансово-имущественных лишениях и ограничениях, исполняемых одномоментно либо в течение определенного периода.

Судебная практика, демонстрирующая ежегодный прирост случаев применения судебного штрафа³ и снижение числа назначений штрафа как наказания⁴, свидетельствует о востребованности санкций штрафного характера, но необходима и определенность. Несмотря на отмечаемое за последние два года изменение соотношения количества назначений наказания в виде штрафа и судебного штрафа в пользу первого (диаграмма 18), судебный штраф применяется

¹В.В. Меркурьев, А.В. Звонов предлагают штраф, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград перевести в разряд иных мер уголовно-правового характера. См. об этом Меркурьев В.В., Звонов А.В. Концепция развития системы наказаний в России: тезисы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 41.

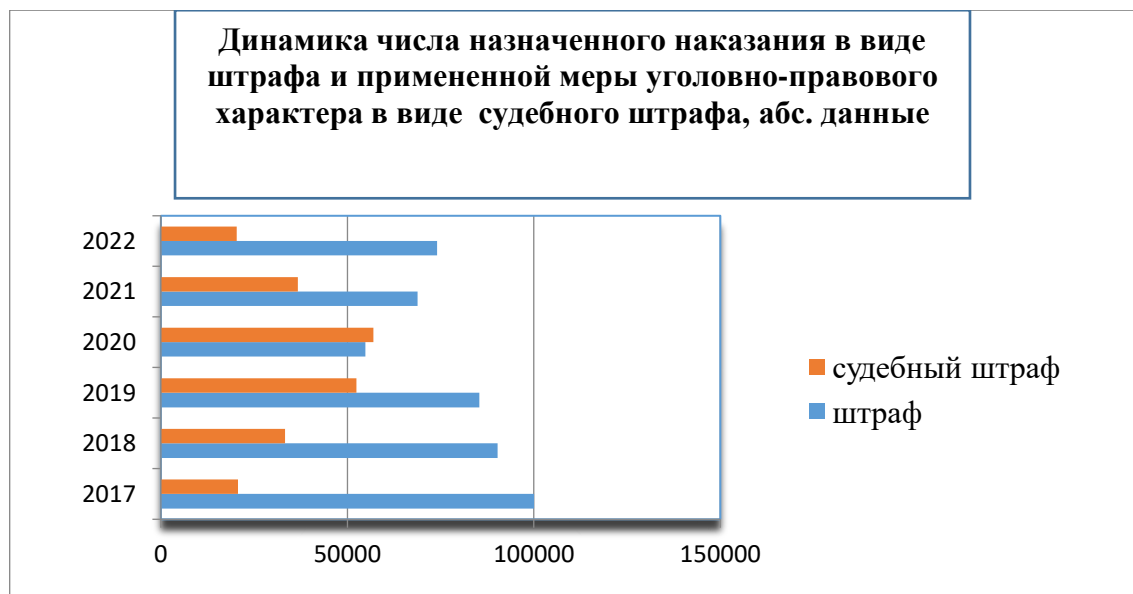
²Поддержку данной позиции находим и у В.Н. Орлова, который утверждает, что сам факт осуждения может вызвать у осужденного определенные морально-психологические переживания: угрызения совести, разочарование, раскаяние, сожаление и т.д. См. Орлов В.Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ // Вестник Северокавказского федерального университета. 2005. № 4. С. 142.

³По данным Судебного департамента РФ в 2017 году судебный штраф был применен к 20 690 лицам, что составило 10,5% от общего числа осуждений, в 2018 году – к 33 320 (17,5%) и в 2019 году – к 52 461 (28,1%), в 2020 году – к 56980 (10,73%), в 2021 году – к 36685 (6,48%), в 2022 году – к 20310 (3,5%).

⁴По данным Судебного департамента РФ в 2017 году штраф был назначен 100055 лицам, что составило 13,8% от общего числа осуждений, в 2018 – к 90289 лицам (13,1%), в 2019 г. – к 85353 лицам (13,1%), в 2020 г. – к 54876 лицам (12,6%), в 2021 году – к 68791 лицам (12,16%), в 2022 году – 74065 лицам (12,7%).

достаточно часто. Растет также и удельный вес судебного штрафа в общем числе примененных мер уголовно-правового воздействия, в то время как этот показатель в отношении штрафа снижается. Следует отметить, что в целом применение мер финансово-имущественного характера (штраф и судебный штраф) весьма незначительно (всего около 10% от всех видов уголовно-правового воздействия).

Диаграмма 18¹

Полагаем, что в настоящее время назрела необходимость внести определенность в практику применения мер финансово-имущественного воздействия на осужденных путем исключения из видов наказания штрафа. Аналогичное предложение выскажем и в отношении лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. С учетом их правовой природы будет логичным закрепить данные меры в Кодексе мер безопасности, а также законодательно определить в указанном документе само понятие мер финансово-имущественного воздействия как применяемых в отношении осужденных в целях предупреждения

¹Данные взяты из официальной статистики, представленной на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?*=.

совершения преступлений, обеспечения безопасности мер воздействия, связанных с лишениями финансово-имущественного характера.

Включенные нами во вторую группу виды наказаний, связанные с привлечением к труду, представляют значительный интерес в целях настоящего исследования ввиду их несомненной ресоциализационной направленности.

Учеными давно установлено, что большинство преступлений на бытовом уровне совершается дезадаптированными лицами, не имеющими постоянного места работы, употребляющими алкоголь, наркотические средства, психотропные и иные вещества. Привлечение к труду является действенным инструментом, способным направить энергию человека в позитивное русло, возобновить социально-полезные связи в трудовом коллективе, вовлечь в целенаправленную деятельность, приносящую результат. В этой связи применение наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием, направлено на привитие осужденному уважения к труду, выработку положительных трудовых навыков.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит несколько видов наказаний, связанных с привлечением к трудовой деятельности: обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе. Различия между видами работ проводятся по механизму их исполнения. Наказание в виде исправительных работ является аналогом ограничения по военной службе, название которого более логично, так как отражает его суть. Никакого исправления, ресоциализации путем удержаний из заработной платы или иного дохода осужденного лица добиться, на наш взгляд, невозможно. И исправительные работы, и ограничение по военной службе носят финансово-имущественный характер и представляют собой налагаемые на преступника ограничения. Ресоциализационный потенциал данных видов наказаний весьма абстрактен.

Обязательные работы связаны с выполнением осужденным лицом в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. С позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации) - это весьма эффективный инструмент воздействия на осужденного, оказывающий, с одной стороны, морально-психологическое

влияние, с другой стороны, способствующий восстановлению трудовых навыков. Свободное время осужденного организуется с учетом возможности и целесообразности приносимой им помощи там, где это требуется. Таким образом достигается ресоциализирующее воздействие – осужденный участвует в жизни общества, производимых социальных благах, чувствует свою востребованность, приносит пользу. Главная задача социума – правильно организовать, подобрать тот вид работ, который не будет отторгаться, а наоборот, восприниматься осужденным как необходимый для общего и его частного блага.

Предусмотренное Уголовным кодексом РФ наказание в виде принудительных работ¹ с точки зрения его ресоциализационного потенциала оценивается нами положительно. Правоприменительная практика в данной сфере демонстрирует рост. Так, в 2016 г. к принудительным работам были приговорены всего 6 осужденных, в 2017 г. уже 655 человек, в 2018 г. – 1038 человек, в 2019 г. – 1462 человек, а вместе с заменой на более мягкий вид наказания в 2019 г. принудительные работы отбывал уже 2501 осужденный². По статистическим данным Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2020 г. к наказанию в виде принудительных работ было приговорено 947 лиц, в 2021 г. - 1197 человек, а в 2022 г. этот показатель составил 3139 осужденных³.

Такую динамику можно оценить, с одной стороны, как проявление понимания обществом и государством необходимости трудового воздействия на осужденных. Практика применения наказания в виде принудительных работ расширяется, в первую очередь, за счет государственно-частного партнерства⁴. Однако, с другой стороны, в научной печати отмечаются и риски применения принудительных работ, связанные с тяжелыми условиями отбывания, ростом числа

¹Принудительные работы появились в УК РФ с 2011 года, а реально стали применяться с 2017 года. Статья 53.1 УК РФ была введена в действие Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Положения УК РФ (в ред. ФЗ от 07.12.2011 № 420-ФЗ) в части принудительных работ применяются с 01.01.2017 года.

²URL: <http://stat.апн-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/8>; URL: <https://pravo.ru/news/212775/>.

³URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.

⁴В 2023 г. компания Ozon объявила о старте пилотного проекта «Ozon без осуждения», в рамках которого привлекла на работу в Санкт-Петербурге 180 осужденных, планирует трудоустроить до конца 2023 года еще 500 человек. Российские компании начали активнее привлекать на работу осужденных к принудительному труду. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/01/987869-rossiiskie-kompanii-nachali-aktivnee-privlekat-na-rabotu-osuzhdennih>.

уклонистов и фактической невозможностью оценки исправительного воздействия на осужденного¹. По сути, принудительный труд осужденных представляет некое «завуалированное рабство», ведь наказанный не может самостоятельно выбрать вид работы и размер оплаты труда. Скептики упоминают о том, что российская история знает опыт ГУЛАГа, когда труд заключенных использовался на всех масштабных стройках страны, но не был морально оправдан².

Полагаем, что в современных условиях необходимо постараться избежать такого варианта реализации механизма исполнения принудительных работ, при котором экономическая выгода для государства или частных структур будет превалировать над достижением ресоциализационного эффекта применения наказания. Хотя, безусловно, труд осужденных должен приносить пользу обществу, но не должен быть бесплатным, а тем более каторжным. Как справедливо отмечает Е.И. Агашков, «если государство обеспечит исправительные центры достаточным объемом работы, гарантирует осужденным получение достойной заработной платы, пусть даже с удержаниями, труд может стать желанным для осужденных, следовательно, мера с карательным элементом трансформируется в эффективный инструмент ресоциализации осужденного»³.

Принудительные работы, как и обязательные работы, должны быть сохранены в системе наказаний, регламентированных Уголовным кодексом Российской Федерации, но следует особое внимание уделить подходам к их применению. Согласимся с мнением В.Н. Орлова, который относит к признакам наказания порядок и условия применения (назначения и исполнения) и отбывания наказания⁴. Порядок и условия применения наказания в виде принудительных работ и обязательных работ определяют их место в системе уголовных

¹Садчикова Д.Н. Принудительные работы как «трудовое» наказание в Российской Федерации: преимущества и риски // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. С. 50-52.

²Использование труда осужденных в советский период преследовало цель достижения в итоге общего социального блага – экономического роста страны – чем и оправдывалось. Однако с точки зрения общечеловеческой морали, гуманизма, как признанного принципа существования социального государства, достижение хоть и благой цели, но путем принесения огромного количества человеческих жертв вряд ли оправданно.

³Агашков Е.И. исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ // Безопасность бизнеса. 2018. № 2. С. 39.

⁴Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 62.

наказаний, а регламентация исполнения осуществляется уголовно-исполнительным законодательством¹.

Исследование ресоциализационного потенциала наказаний, выделенных нами в первую группу (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части), демонстрирует его увязку с тем воздействием, которое осуществляется в условиях контроля и/или изоляции. Иными словами, ресоциализационный потенциал связан с удержанием лица от совершения преступления путем установления постоянного наблюдения над ним и воздействия со стороны субъектов исполнения наказания.

При всех минусах наказаний, связанных с изоляцией от общества², как справедливо отмечается в научной литературе, «лишение свободы имеет и полезную для общества сторону, которая заключается в том, что лицо, опасное для общества, изолируется от него, чем на время достигается цель частной превенции»³.

Анализируя интенсивность уголовно-правового насилия (репрессии), А.Э.Жалинский отмечал, что «уголовное право преодолевает насильственную и иную преступность насильственным же путем. Это неизбежно, но обязывает общество и государство постоянно проверять, не является ли уголовно-правовое насилие, как физическое, так и психическое, избыточным по интенсивности и целям»⁴.

Полагаем, что наказания, связанные с изоляцией и ограничением, являются тем примером неизбежности применения уголовно-правовой репрессии в целях

¹Подробнее на особенностях исполнения наказаний, регламентации в уголовно-исполнительном законодательстве с позиций реформирования мы остановимся в следующем параграфе настоящего исследования.

²Справедливости ради следует отметить, что полной изоляции от общества не происходит никогда, даже при отбывании наказания в виде пожизненного лишения свободы осужденный сохраняет социальные контакты с сотрудниками учреждения, сокамерником, адвокатом, сохраняет возможность контактов с родственниками.

³Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 305. Социально-полезные свойства лишения свободы, проявляющиеся в изоляции осужденных, отмечает и С.А. Попова. См. Попова С.А. Современные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 49.

⁴Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 17.

обеспечения безопасности общества, которые следует применять, но постоянно взвешивая и соизмеряя интенсивность и адекватность их воздействия, не допуская его избыточность и в то же время осуществляя ресоциализирующее воздействие на осужденного.

В научной литературе неоднократно выдвигались предложения по изменению условий и порядка исполнения наказания в виде лишения свободы с позиций реализации ресоциализационного потенциала. Так, Б.З. Маликов предлагал дополнить Уголовный кодекс РФ нормой об условном осуждении постпенитенциарного применения, что предполагает «деление назначенного срока лишения свободы на период нахождения в исправительном учреждении и период так называемого условного осуждения постпенитенциарного применения (нахождения по месту жительства в условиях надзора со стороны органов внутренних дел и органов социальной защиты населения)»¹. Анализируемое предложение, как видится, вполне может быть реализовано в рамках уголовно-правовых норм об условно-досрочном освобождении и установлении административного надзора за осужденным и не нуждается в самостоятельной регламентации.

В настоящее время Уголовный кодекс РФ, раскрывая суть наказаний в виде лишения свободы на определенный срок (в статье 56), пожизненного лишения свободы (в статье 57), ограничения свободы (в статье 53), содержания в дисциплинарной воинской части (в статье 55), не акцентирует внимание правоприменителя на оказании в отношении осужденного социально-психологического воздействия, помощи и поддержки. Обращение с преступниками в период отбывания/исполнения наказания является прерогативой уголовно-исполнительного права. Вместе с тем представляется немаловажным, уже назначая наказание, иметь в виду не только «влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи» (ч. 3 ст. 60 УК РФ), но и охватывать правосознанием то воздействие, помощь и поддержку, которые

¹Маликов, Б.З. Лишение свободы: проблемы назначения и исполнения // Следователь. 2001. № 3. С. 5-6.

осужденному должны быть оказаны в условиях изоляции/ограничения от общества.

Полагаем, что целесообразно именно в самом уголовном законе обозначить необходимость ресоциализирующего воздействия, что позволит акцентировать внимание на некарательном аспекте данных видов наказания, подчеркнуть их ресоциализационный потенциал. Так, предлагаем дополнить статьи 53, 55, 56, 57 Уголовного кодекса Российской Федерации частью 2.1 каждую, в которой указать применительно к конкретному виду наказания на учет при его назначении возможности оказания в период исполнения данного вида наказания социально-психологического воздействия, помощи и поддержки в целях ресоциализации.

Проведенное нами анкетирование сотрудников ФКУ ИК-6 по УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области подтвердило актуальность реализации данного предложения: за введение таких норм в Уголовный кодекс РФ высказались 58% респондентов, против – 22%, затруднились с ответом 20% опрошенных. При этом ответившие отрицательно в комментариях к своей реакции указывали на нецелесообразность внесения любых изменений в действующий Уголовный кодекс РФ.

Проведенное в ходе исследования анкетирование судей г. Севастополя (всего опрошено 20 человек) и г. Санкт-Петербурга (всего опрошено 50 человек) показало, что большинство из них считает, что система наказаний, предусмотренных УК РФ, имеет ресоциализационный потенциал (54% опрошенных). В то же время необходимость изменений уголовного законодательства, касающихся акцентирования на этом внимания, поддержало незначительное количество судей (12%). Абсолютное большинство опрошенных отрицательно отнеслось к самой идее корректировки УК РФ. Так, в комментариях на вопрос «Считаете ли Вы необходимым изменение норм УК РФ, усиливающих внимание на ресоциализационном потенциале применения наказания?», анкетированные указывали на нецелесообразность любых изменений действующего уголовного законодательства.

Обосновывая на страницах данной работы достаточно радикальную модель трансформации существующей системы уголовных наказаний, автор осознает, что подобная корректировка с неизбежностью повлечёт за собой необходимость пересмотра значительного количества статей Особенной части УК РФ в части, касающейся санкций. В этой связи представляется целесообразным организационно трансформацию системы наказаний предложить в рамках разработки и принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации взамен УК 1996 г.

Подводя итог, отметим, что проведенное нами исследование ресоциализационного потенциала трансформации системы наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества позволило сделать следующие выводы:

1. Сложившаяся в течение длительного времени система наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, уже не отвечает требованиям современного общества, имеющего характеристики информационного (постиндустриального). Подобное общество, будучи организованным, также нуждается в защите охраняемых благ и ценностей, но способы такой защиты должны быть иными. В обновленной парадигме сохраняется наказание как уголовно-правовой институт, являющийся крайней мерой реагирования на преступность, но количественная доля его применения должна быть минимальна.

2. В работе поддерживается идея отказа от закрепления в Уголовном кодексе РФ целей наказания в пользу функций уголовно-правового воздействия ввиду невозможности и практической нецелесообразности определения достижимости целей уголовного наказания. Однако аргументируется нецелесообразность полного отказа от идеи исправления осужденного. Предлагается исключить из Уголовного кодекса РФ часть 2 статьи 43, использовать категорию исправления осужденного лица применительно к исполнению наказания с соответствующей законодательной регламентацией в Уголовно-исполнительном кодексе.

3. В диссертационном исследовании предлагается исключить наказания, фактически не применяемые или редко применяемые в настоящий момент – смертную казнь и арест. В порядке *de lege ferenda* предлагается исключить из статьи 44 УК РФ пп. «и) арест» и «н) смертная казнь», статьи 54 (арест), 59 (смертная казнь) УК РФ.

4. Проведенный анализ применяемых видов наказаний с позиций ресоциализационного потенциала, позволил дифференцировать их на три группы: 1) ресоциализационный потенциал связан с воздействием в условиях контроля и/или изоляции (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части); 2) ресоциализационный потенциал связан с привлечением к труду (обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе); 3) ресоциализационный потенциал обусловлен только самим фактом назначения наказания (штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград).

5. В результате исследования предложено исключить из перечисленных Уголовным кодексом Российской Федерации видов наказания такие как штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Предусмотреть нормы о применении данных мер в Кодексе мер безопасности. В порядке *de lege ferenda* предлагается исключить из ст. 44 УК РФ пп. «а) штраф, «б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» и «в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград», статьи 46 (штраф), 47 (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), 48 (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград) УК РФ.

6. Наказания в виде обязательных работ и принудительных работ с точки зрения их ресоциализационного потенциала оцениваются нами положительно. В

этой связи предлагается оставить их в качестве видов наказания. Исправительные работы и ограничение по военной службе следует исключить из УК РФ, перевести в разряд мер безопасности. В порядке de lege ferenda внесено следующее предложение; исключить из ст. 44 УК РФ пп. «д) исправительные работы», «е) ограничение по военной службе», статьи 50 (исправительные работы), 51 (ограничение по военной службе) УК РФ.

7. Ресоциализационный потенциал наказаний в виде пожизненного лишения свободы, лишения свободы на определенный срок, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части обусловлен удержанием лица от совершения преступления путем установления постоянного наблюдения над ним и воздействия со стороны субъектов исполнения наказания. В работе предлагается акцентировать внимание на некарательном аспекте исполнения данных видов наказания, подчеркнуть их ресоциализационный потенциал путем указания в нормах УК РФ. В порядке de lege ferenda рекомендуется дополнить ст.ст. 53, 55, 56, 57 УК РФ частью 2.1 следующего содержания: *«2.1. При назначении «вид наказания» учитывается возможность оказания в отношении осужденного социально-психологического воздействия, помощи и поддержки».*

4.2. Обоснование парадигмы реформирования пенитенциарной системы с позиций противопреступной социализации (ресоциализации)

В настоящее время в России происходит реформирование пенитенциарной системы, связанное с осознанием необходимости приведения в соответствие с международными правилами и подходами условий отбывания наказания, оптимизации функционирования уголовно-исполнительной системы (далее также УИС) в целом, ее «очеловечивания».

Пенитенциарная реформа является частью масштабных судебно-правовых преобразований, которые начались в стране с конца XX века и продолжаются до

сих пор. Но, как справедливо отмечают специалисты, пока еще задачи, поставленные перед такого рода реформацией, остаются невыполненными¹.

За последние 20 лет уголовно-исполнительная система РФ подверглась коренным преобразованиям, отправной точкой для которых послужило принятие России в 1996 г. в Совет Европы и введение в действие с 1 июля 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ)².

Уголовно-исполнительное законодательство должно было отличаться от исправительно-трудового не только названием, но и сущностью. Провозглашенные УИК РФ принципы (гуманизма, демократизма, законности, равенства осужденных перед законом, соединения наказания с исправительным воздействием, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления, стимулирования правомерного поведения) предопределили кардинальные отличия от ранее существовавшей исправительно-трудовой системы исполнения наказаний, однако во многом уголовно-исполнительная конструкция так и осталась исправительно-трудовой.

Реформаторские тенденции 2000-х гг. были ориентированы на приведение уголовно-исполнительной системы в соответствие с международными стандартами обращения с осужденными, соблюдение прав человека, находящегося в условиях изоляции. Существенным в этой связи видится акцент на повышении открытости УИС, ее ориентация на взаимодействие с общественными организациями, что говорит о значительном ресоциализационном потенциале начатых преобразований.

Право общественных объединений на участие в функционировании учреждений и органов уголовно-исполнительной системы было закреплено в

¹В качестве обоснования своей позиции исследователи приводят тезис об ориентации государственной власти на обновление законодательной базы по всем направлениям уголовной политики, включая уголовно-исполнительную. Кленова Т.В., Шукина Н.П., Адоевская О.А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. 2017. № 4 (26). С. 41.

² Шамсунов С.Х. Реформирование уголовно-исполнительной системы России: проблемы, тенденции и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С.7.

Законе Российской Федерации от 21 июля 1993 г.¹ С 4 января 2000 г. в России действует Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы»². В дальнейшем - 26 января 2007 г. был создан Общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний (далее также ФСИН, ФСИН России, ФСИН РФ), затем и территориальные органы в управлениях ФСИН РФ по субъектам федерации.

Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 1 октября 2013 г. № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» были уточнены организационные и содержательные аспекты работы Общественного совета при ФСИН РФ³. Однако учеными отмечены недостатки правового регулирования деятельности указанных общественных советов⁴.

Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»⁵ была юридически оформлена работа общественных наблюдательных комиссий.

Значительным шагом в реформировании уголовно-исполнительной системы явилась передача функций исполнения наказания в ведение Федеральной службы исполнения наказаний⁶, подведомственной Министерству юстиции Российской

¹Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изменениями и дополнениями) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

²Приказ Министерства юстиции РФ от 19.03.2015 № 62 «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» // Российская газета. 2015. № 73. 8 апреля.

³Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 01.10.2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» // Бюллетень Минюста РФ. 2014. № 2 (недейств. ред).

⁴Ольховик Н.В. Правовые основы деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний и ее территориальных органах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4. С. 10.

⁵Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

⁶Указ Президента РФ от 9.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

Федерации¹. Создание отдельного ведомства с широкими полномочиями упрочило авторитет ФСИН, позволило ей стать самостоятельным субъектом отношений, но, в то же время, и привело к увеличению нагрузки. В ведении Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации были сосредоточены функции по организации содержания под стражей, обеспечению исполнения наказаний, контроль за условно осужденными, этапирование, конвоирование, контроль за осужденными, которым предоставлена отсрочка исполнения наказания.

Непростая ситуация в уголовно-исполнительной системе² в совокупности с растущим количеством преступлений и значительным числом осуждений к наказаниям, связанным с лишением свободы, привело к необходимости качественного реформирования УИС.

Основные подходы и направления такого переустройства были сформулированы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р³, в которой обращалось внимание на архаичность пенитенциарной системы, необходимость ее качественного видоизменения, ориентации на международные стандарты обращения с осужденными и развитие гражданского общества.

В 2020 г. наступил срок окончания реализации положений Концепции и совершенно очевидно, что в полном объеме заявленные цели и ожидания достичь и выполнить не удалось⁴. Единственным заметным успехом за период действия

¹Регламент работы ФСИН появился в 2020 г. Приказ ФСИН России от 14.08.2020 № 555 (ред. от 17.04.2023) «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 № 60221) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.10.2020

²Некоторые исследователи называют это кризисной ситуацией. См. Кленова Т.В., Щукина Н.П., Адоевская О.А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. 2017. № 4 (26). С. 44.

³Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» / Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁴О том, что не все положения Концепции оказались проработанными и реалистичными еще в 2019 году указывал профессор В.И. Селиверстов. См. Селиверстов В.И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность:

данного документа стратегического характера явилось снижение количества осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, о чем свидетельствуют официальные статистические данные, приводимые Федеральной службой исполнения наказаний (диаграмма 19).

Диаграмма 19¹.

В то же время официальная статистика свидетельствует об увеличении уровня преступности в исправительных учреждениях, что, как полагаем, является лакмусовой бумажкой, сигнализирующей о непростой ситуации в системе ФСИН (диаграмма 20). Кроме того, 2022 год ознаменовался увеличением показателя численности осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, что объясняется ростом числа осужденных за преступления, совершенные на территории недавно присоединенных субъектов Российской Федерации.

национальные традиции и зарубежный опыт: материалы всерос. науч.-практ. конф. в 2-ух частях. Самара. 2019. С. 200.

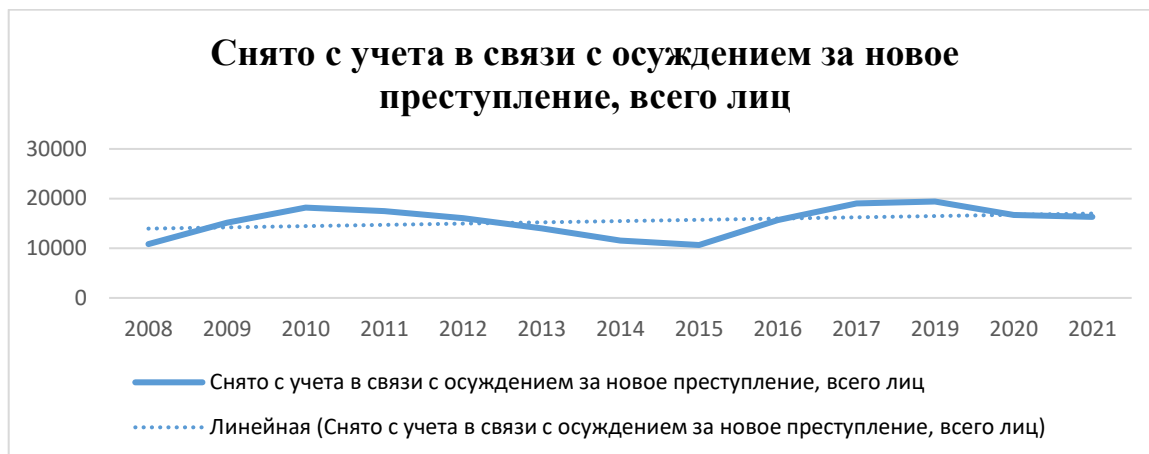
¹URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.

О том, что уголовно-исполнительная система по большому счету не исправляет, не ресоциализирует, а фактически способствует росту рецидивной преступности, свидетельствует также неутешительная статистика увеличения числа лиц, снятых с учета уголовно-исполнительных инспекций в связи с осуждением за новое преступление (диаграмма 21).

Несмотря на то, что за 2019 г. и за весь период 2020 г. статистика зафиксировала небольшое снижение показателя, в целом линия тренда демонстрирует рост (что наглядно видно на диаграмме 21). То есть фактически контроль уголовно-исполнительных инспекций не способствует предупреждению рецидивных преступлений: достаточно большое количество лиц не ресоциализируется, а вновь встает на преступный путь, совершает новые преступления и пополняет ряды нуждающихся в ресоциализации.

¹URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.

Особенно критически складывается ситуация в пенитенциарной сфере. Так, по данным проведенного нами в ноябре 2019 г. анкетного опроса сотрудников ФКУ ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (всего 50 респондентов), 62 % (31 чел.) полагают, что действующая система не исправляет осужденного, 30 % (15 чел.) затруднились с ответом на вопрос и только 8% (4 чел.) считают, что современные исправительные учреждения могут исправить осужденного.

Солидарны с мнением сотрудников и сами осужденные, отбывающие наказание в исправительном учреждении. Так, по данным анкетного опроса осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-6, ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (всего 637 респондентов), 55,1% (351 чел.) отрицательно оценивали результаты своего пребывания в исправительном учреждении, 12% (78 чел.) никак не оценивали, 8,3% (53 чел.) не думали над этим вопросом, 14,2% (91 чел.) затруднились с ответом и только 10% (64 чел.) положительно оценили свое пребывание в местах лишения свободы (несколько человек отметили, что они пересмотрели свою жизнь и поведение)². Заметим, что

¹URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.

²Авторы теоретического исследования проблем социальной адаптации (ресоциализации) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений, задавали аналогичный вопрос населению в целях выяснения общественного мнения относительно проблем социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, и получили ответы, свидетельствующие об оптимистичном взгляде населения. Так, из числа опрошенных 323 респондентов при ответе на вопрос о возможности исправления осужденных в исправительных учреждениях (тюрьмах) России однозначно положительный ответ дали 57 опрошенных (17,6%), однозначно отрицательный ответ дали 16 человек (5,0%), в то время как 237 человек (73,4%) возможность исправления осужденного лица поставили в зависимость от конкретного осужденного и вида совершенного

ситуация с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, оценивается нами как не менее критическая.

Уголовно-исполнительные инспекции достаточно перегружены. По данным интервьюирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Санкт-Петербурга, нагрузка на одного сотрудника составляет около 200 находящихся под надзором лиц. В Севастополе ситуация обстоит немного лучше, но, как представляется, также далека от идеальной: на одного сотрудника приходится примерно 100 подконтрольных.

Согласно статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний по состоянию на 1 января 2023 г. в состав уголовно-исполнительной системы «входило 81 ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1 348 их филиалов, на учете которых состояли 433006 человек, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества, 7 921 человек подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом, 3 009 – под запретом определенных действий, 40 – под залогом с обязанностью по соблюдению запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ»¹.

Указом Президента от 2 марта 2021 г. № 119 к функционалу Федеральной службы исполнения наказаний РФ был добавлен контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания², что еще более увеличило нагрузку на уголовно-исполнительную систему³.

Уголовно-исполнительная система находится в ожидании дальнейшего реформирования в части кадрового потенциала и финансирования. Однако, как представляется, необходимо кардинально менять сами подходы к организации

преступления. 13 человек (4,0%) выбрали иные варианты ответа. См. об этом подробнее Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования /; под ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. 368 с.

¹URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

²Указ Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 № 1314» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 10. Ст. 1568.

³Такой вывод сделан на основании интервьюирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Севастополя и Республики Крым.

деятельности уголовно-исполнительной системы, точечные реформы в русле существующей парадигмы реально ощутимых результатов не принесут.

Полагаем, что трансформация уголовно-исполнительной системы в условиях постиндустриального (информационного) общества должна осуществляться с использованием качественно новых подходов, активнее опираться на предлагаемые наукой инновационные модели. Со своей стороны, в качестве теоретической основы реформирования уголовно-исполнительной системы предлагаем ориентироваться на представленную в настоящем исследовании модель противодействия преступности в условиях постиндустриального (информационного) общества, являющуюся ядром криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологической основы противодействия преступности в целом.

Следует отметить, что за период реформирования пенитенциарной системы положительная динамика изменений налицо, что было отмечено в утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года¹.

Существенной трансформации было подвергнуто законодательство, регламентирующее деятельность по подготовке осужденного к освобождению от отбывания наказания. В развитие положений статьи 182 УИК РФ разработана и принята Инструкция «Об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы», утвержденная приказом Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2². Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 (в ред. от 21 июля 2016 г.) «Об утверждении Положения

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

²Приказ Минюста России от 13.01.2006 № 2 (ред. от 26.12.2019) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.01.2006 № 7426 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 7. 13 февраля (недейств. ред)

о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы»¹ были образованы группы социальной защиты, к числу задач которых отнесены организация и осуществление мероприятий по оказанию помощи в трудовом и бытовом устройстве лиц, освобождаемых из исправительного учреждения.

Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ были внесены изменения в часть 1 статьи 18, часть 1 статьи 86 УК РФ², которыми уточнено правовое положение ранее судимых лиц в части указания на правовые последствия, связанные с наличием судимости. Однако практика реализации анализируемых нормативно-правовых актов демонстрирует их абстрактный характер, а дальнейшее правотворчество, необходимое для конкретной правоприменительной деятельности в данной сфере, пока не получило должного развития. Так, в качестве одной из форм работы группы социальной защиты исправительного учреждения предусмотрена организация школы подготовки осужденных к освобождению³, деятельность которой не в полной мере урегулирована нормативно-правовыми актами⁴. Так и не был принят Закон «О социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы»⁵. Хотя в связи с принятием Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», как представляется, в законе такого рода уже нет необходимости, однако сохраняется востребованность нормативно-правовой

¹Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 3.

²Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2039.

³Опрошенные нами сотрудники исправительных учреждений отмечают, что занятия в школах подготовки хотя и ведутся, но фактически осуществляются формально.

⁴На это указывают в своих работах и другие исследователи. См. Мишин А.А. Проблемы организации Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 150-154. Адоевская О.А. Подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания как механизм ресоциализации и реального включения их в гражданское общество // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 2. С. 158.

⁵О необходимости принятия такого закона уже более 20 лет говорят специалисты. См., например, Макогон И.В., Косарева Л.В. Проблема социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Наука XXI века: опыт прошлого - взгляд в будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ). Омск. 2015. С. 387.

базы для решения вопросов адаптации освободившихся от отбывания наказания лиц.

Приказом Минюста РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» были утверждены Порядок исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации; Порядок осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи; Порядок оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве; Критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; Порядок подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; Индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Отмечая несомненную своевременность разработки и утверждения необходимых в данной сфере подзаконных нормативных актов, следует указать и на некоторые, как представляется, упущения. В первую очередь обращает на себя внимание достаточная процедурная сложность процесса получения помощи нуждающимся в ней осужденным: лицу разъясняется право на получение таковой, в случае своего согласия осужденный пишет заявление, которое заносится в «Журнал учета лиц, нуждающихся в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации». Учитывая специфику контингента, следует предвидеть то, что осужденный может не осознавать свою нуждаемость в оказании ему помощи. Кроме того, занесение в некий журнал учета, возможно, создаст предпосылки стигматизации такой персоны со стороны окружающего его

коллектива. Предполагаем также, что выполнение такого достаточно большого объема рекомендуемой и обязательной документальной работы усилит бюрократическую нагрузку на сотрудников соответствующих подразделений, что вряд ли повысит эффективность их работы. Ввиду достаточно сложной процедуры и наличия большого объема документальной работы, видится необходимым проведение разъяснительной работы и обучение сотрудников органов и учреждений, в чей функционал входит осуществление пробации. И, безусловно, употребление в нормативно-правовых актах достаточно большого количества не до конца понятных для адресатов терминов иностранного происхождения (пробация, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация), как представляется, будет создавать дополнительную напряженность для правоприменителя.

Проблема недостаточности и несовершенства действующего правового регулирования, на наш взгляд, является существенной, но не единственной в сфере приоритетов реформирования уголовно-исполнительной системы. Понимание этого со стороны государства нашло свое отражение в утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420 (в ред. от 2 декабря 2020 г.) федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)»¹. Не случайно в Программе акцентировано внимание на том, что большинство подозреваемых, обвиняемых, осужденных могут быть отнесены к социально уязвимым слоям населения, страдающим различными заболеваниями, в том числе социально-значимыми, утратили социальные связи, отмечена необходимость обеспечения осужденных рабочими местами, в том числе и в целях компенсации вреда, причиненного преступлением. И хотя основной акцент в Программе сделан на материально-техническом обеспечении УИС, сокращении числа лиц, находящихся в зоне ответственности уголовно-исполнительной системы, тем не менее, следует

¹Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 07.02.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2030 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2374.

отметить некий значительный поворот уголовно-исполнительной политики в сторону идеи ресоциализации, что может создать фундамент для формирования системы ресоциализации, включающей в себя не только выполнение служебных полномочий сотрудниками УИС, но и деятельность всего общества.

Вместе с тем, существенной проблемой, препятствующей эффективной работе уголовно-исполнительной системы, является ее некая архаичность, ориентация на кару, возмездие в отношении лица, совершившего преступление, в ущерб идее ресоциализации. Российские пенитенциарные учреждения в их современном виде способны скорее подавить, сломить волю преступника, чем заставить его задуматься над совершенным злодеянием. Безусловно, места лишения свободы не должны быть настолько комфортными, чтобы преступники желали в них оказаться вновь, но и нахождение в них не должно причинять физические неудобства и нравственные страдания для осужденного¹.

Реформирование уголовно-исполнительной системы должно начинаться с создания нормальных, человеческих условий отбывания наказания, соответствующих общепринятым нормам и правилам. Как отмечал двадцать лет назад В. Петропавловский, «на сегодняшний день проблемой номер один является не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключенных»². Сказанное им актуально и поныне.

С момента начала реформирования пенитенциарной системы все усилия были направлены на реализацию этого положения, то есть облегчение материально-технической составляющей отбывания наказания в условиях изоляции. Однако до сих пор содержание осужденных, особенно заключенных,

¹Рассуждая о наказании в виде лишения свободы, Я.И. Гилинский справедливо говорит о том, что лишение свободы – неэффективная мера наказания ... но человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений..... поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных.... Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Изд-во «Алтейя», 2020. С. 24-25. Г.Н. Горшенков указывает на «острую необходимость радикально изменить условия назначения и исполнения наказания, исключив всякую возможность его калечащего воздействия на психику человека». Горшенков Г.Н. Осмысление бессмысленности целей уголовного наказания // Аликперов Х.Д. Незнанные грани наказания и тайны его бытия («Учение о нечеловеческости наказания»); предисл. И.М. Рагимова; отв. ред. А.П. Данилов. СПб.: Юридический центр, 2020. С. 74.

²Петропавловский В. Нужна не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключенных // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 44.

содержащихся в следственных изоляторах, нельзя признать человеческим. Это отмечается и иными исследователями. Так, Н.Н. Кириловская указывает, что «за 16 лет с момента начала действия федеральной целевой программы произошли значительные положительные изменения в вопросе улучшения содержания заключенных, содержащихся в учреждениях УИС. Однако сама ФСИН отмечает, что актуальность проблемы все же еще сохраняется во многих регионах страны, и прежде всего речь идет о несоблюдении санитарной площади на одного заключенного, что, по мнению Совета Европы в лице ЕСПЧ, является самым серьезным нарушением, приводящим к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению»¹.

Довольно часто жалобы осужденных на нарушение условий отбывания наказания становятся предметом разбирательства в Верховном Суде Российской Федерации, поскольку в нижестоящих инстанциях заявленные осужденными требования не удовлетворяются. Так, согласно Кассационному определению Верховного Суда РФ от 24 января 2020 г., рассмотрев жалобу Беспалова В.В. на определение судьи Зубово-Полянского районного суда Республики Мордовия от 29 апреля 2019 г. по административному материалу № М-201/2019, суд установил существенные процессуальные нарушения в решениях, принятых нижестоящими инстанциями, и направил дело для рассмотрения по существу со стадии принятия заявления к производству по делу. При этом Беспалов В.В. в подтверждение нарушения своих прав сослался на несоблюдение административными ответчиками установленных законодательством норм жилой площади на одного осужденного и санитарных правил в отношении туалетов, указал на наличие в столовой испорченных продуктов и отсутствие медицинской помощи, необходимых лекарственных средств².

Осужденные также жалуются на несоблюдение норм жилой площади, нарушение санитарно-гигиенических норм, плохое питание и медицинское

¹Кириловская Н.Н. Организационные и правовые последствия присоединения Российской Федерации к Совету Европы в уголовно-исполнительной сфере: теория и практика // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 24.

²Кассационное определение ВС РФ № 15-КА19-3 от 24.01.2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

обеспечение, игнорирование своих законных требований. Кассационным определением № 78-КА20-6 от 10.06.2020 г. Верховный Суд РФ указал на недопустимость формализма при рассмотрении жалоб осужденного, исходя из того, что нарушения условий содержания могут носить длящийся характер¹.

Немаловажным условием для организации человеческих условий отбывания наказания является материально-техническое обеспечение². Следует отметить, что государством выделяются, на наш взгляд, достаточно большие финансовые ресурсы для обеспечения нужд Федеральной системы исполнения наказаний, подведомственных ей учреждений³, проблема мыслится в распределении финансовых средств в самой ФСИН. За последнее время службу сотрясало немалое количество коррупционных скандалов на разных уровнях⁴, в том числе и на уровне руководства⁵. Вместе с тем наблюдается оперативность реагирования ФСИН РФ на возникающие вызовы и угрозы, усиливающиеся тенденции открытости системы и ее стремление к самосовершенствованию. В этой связи актуальным видится решение проблемы комплектования кадров в системе органов Федеральной службы исполнения наказаний.

Согласно пункту 77 Европейских пенитенциарных правил, «при подборе нового персонала администрация пенитенциарного учреждения должна уделять повышенное внимание необходимости обеспечения его честности, гуманности,

¹Судами установлено и следует из материалов дела, что Парамонов Е.В. с 22 сентября 2014 года по 19 июля 2017 года содержался в СИЗО, является инвалидом второй группы бессрочно, страдает тяжелыми хроническими заболеваниями, в связи с чем неоднократно в период с 24 октября 2016 года по 14 ноября 2016 года обращался к начальнику СИЗО с ходатайствами об обеспечении его повышенной нормой питания. В удовлетворении таких ходатайств административному истцу было отказано, данные отказы он обжаловал в УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и в ФСИН России. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 78-КА20-6 от 10.06.2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²Анализируя эффективность наказания в виде лишения свободы, Г.А. Груничева справедливо отмечала, что государство стремится к созданию простой, экономичной и в то же время эффективно выполняющей свои задачи системы органов, ведущих борьбу с преступностью, в том числе и органов, исполняющих наказание. Однако это стремление к сокращению расходов имеет и разумные пределы, в особенности в отношении исправительных учреждений, которые исполняют наказание и организуют исправление наиболее опасных для общества осужденных. Поэтому произвольное, не обоснованное научными доводами стремление к их сокращению может нанести ущерб делу исправления осужденных. Груничева Г.А. Об эффективности наказания в виде лишения свободы // Российский судья. 2001. № 12. С. 28.

³Как отмечает Ю.И. Дук, за последнее десятилетие бюджетные расходы на уголовно-исполнительную систему возросли в 6 раз. Дук Ю.И. Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы РФ // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 53.

⁴URL: <https://pasm.ru/archive/302753/>.

⁵URL: <https://pasm.ru/archive/121833/>.

владению профессиональными навыками и личной пригодности к выполнению сложной работы, которую они должны будут выполнять¹.

По данным проведенного нами интервьюирования работников кадрового подразделения ФКУ ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области требования, предъявляемые к сотрудникам, за последние 20 лет существенно изменились. Специалисты отмечают, что сейчас «хотя бы не принимают на работу лиц с судимостями». Ведомственные инструкции предусматривают прохождение кандидатами на должности сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы многочисленных психологических тестов, опросов с использованием полиграфа и т.д. Внимание к кадровой работе значительно усилилось.

Несмотря на наметившиеся положительные тенденции, следует отметить, что пока еще ситуация с подбором персонала в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации далека от идеальной, прежде всего ввиду значительного формализма (весьма существенна регламентация процесса «на бумаге», в то время как сама процедура устройства формальна). Полагаем, что для решения данной проблемы необходимо ужесточить требования к кандидатам на должности сотрудников ФСИН, предусмотрев в качестве одного из них наличие безупречной репутации, что может быть подтверждено результатами изучения условий жизни и предыдущей деятельности кандидата на должность сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Проведенное нами исследование показывает, что моральный облик сотрудника ФСИН пока еще далек от идеального. По данным контент-анализа интернет-ресурсов СМИ, выявлено, что с 2016 по 2018 гг. структурами Следственного комитета РФ были возбуждены 144 уголовных дела в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы, большая часть которых возбуждалась по статье о превышении полномочий (в 2016 г. было возбуждено 25 уголовных дел, в 2017 г. – 23, а в 2018 г. их количество возросло практически в

¹Рекомендация Комитета министров Rec (2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах / Документ официально опубликован не был // СПС «Гарант».

три раза – 64 уголовных дела). Всего в первом полугодии 2019 г. было проведено 27,5 тыс. прокурорских проверок, в ходе которых выявлено почти 68 тыс. нарушений, к дисциплинарной ответственности привлечены более 22 тыс. сотрудников уголовно-исполнительной системы, к административной ответственности – более 1 тыс. лиц¹. В 2020 г. ФСИН привлекла к ответственности за различные нарушения 45 тыс. сотрудников².

Полагаем, что это только «верхушка айсберга», так как весьма значительное количество нарушений остаются неустановленными³.

Исследователи отмечают, что ответственность сотрудников органов и учреждений ФСИН регламентирована различными нормативно-правовыми актами и случаи привлечения являются закономерными и нередкими⁴. Все же отметим, что, на наш взгляд, допускаемые сотрудниками нарушения выступают следствием наложения их внутренних поведенческих качеств на обстоятельства внешней среды.

Исправить ситуацию можно, обратив внимание на сотрудника уголовно-исполнительной системы, на необходимость учета его внутренних поведенческих свойств и мотивационных состояний. Немаловажным полагаем также и улучшение имиджевой составляющей службы в системе Федеральной службы исполнения наказаний. Такая деятельность должна быть почетной, уважаемой в обществе, но этой цели невозможно добиться без работы самой ФСИН РФ. Пока

¹За три года втрое возросло число дел о превышении полномочий сотрудниками ФСИН. URL: <https://pasm.ru/archive/253499/#:~:text=Выявлено%20почти%2068%20тыс.%20нарушений%2C,которые%20не%20остаются%20без%20внимания.>

²Александр Калашников обратил внимание руководителей территориальных органов ФСИН на персональную ответственность за выполнение требований законодательства, недопущение повторных нарушений. URL: [https://tass.ru/obschestvo/10891047.](https://tass.ru/obschestvo/10891047)

³В октябре 2021 года средства массовой информации озвучили жуткие сведения о пытках в отношении осужденных, содержащихся в «Саратовской тюремной туберкулезной больнице». По данным СМИ, начальник ФСИН региона объявил об отставке, начальник больницы и трое его подчиненных уволены. Впереди – уголовные дела. «Предложили выбирать швабру»: заключенный рассказал о пытках в Саратовской области. Видео издевательств в тюремной больнице оказалось лишь верхушкой айсберга. URL: [https://www.mk.ru/incident/2021/10/06/predlozhili-vybirat-shvabru-zaklyuchenny-rasskazal-o-pytках-v-saratovskoy-oblasti.html.](https://www.mk.ru/incident/2021/10/06/predlozhili-vybirat-shvabru-zaklyuchenny-rasskazal-o-pytках-v-saratovskoy-oblasti.html)

⁴Как отмечает Е.В. Сенатова случаи привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности не только за нарушения служебной дисциплины, предусмотренные нормами административного права, но и за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей, закрепленных в нормах других отраслей, в том числе и в уголовно-исполнительном праве, закономерны и нередки. Сенатова Е.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы как субъектов уголовно-исполнительных отношений // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 60 - 63.

общество не будет видеть результатов в виде снижения уровня преступности, в частности криминологического рецидива, пока сотрудники уголовно-исполнительной системы будут демонстрировать коррумпированность, жестокость в обращении с осужденными, добиться уважения от общества будет крайне сложно.

Реформу пенитенциарной системы, как представляется, концептуально следует выстраивать с позиций противопреступной социализации. Организация исполнения наказаний должна учитывать необходимость нахождения лица в социуме и воздействия на него. В случае лишения свободы исправительное учреждение будет выступать в роли такого социума, а деятельность сотрудников должна быть ориентирована на идеи ресоциализации. В рамках парадигмы противопреступной социализации (ресоциализации) учреждения уголовно-исполнительной системы мыслятся встроенными в жизнедеятельность общества и государства.

Анализ результативности функционирования уголовно-исполнительной системы показывает, что реформирование данной системы с позиций ее ориентации на ресоциализацию невозможно без указания на это в основополагающем кодифицированном акте, Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ).

В настоящее время УИК РФ не содержит упоминания о ресоциализации, определяя только исправление в развитии предусмотренной Уголовным кодексом РФ одной из целей наказания. Однако исправление видится категорией, использование которой будет максимально эффективным именно в уголовно-исполнительном законодательстве. Исправление реализуется посредством имеющегося в распоряжении уголовно-исполнительной системы арсенала средств. Конечным результатом (возможной достижимой целью) исправительного воздействия видится ресоциализация человека.

Основываясь на доказываемом с позиции теории противопреступной социализации (ресоциализации) понимании ресоциализации в криминологическом смысле и как процесса, и как результата (цели), можно

предложить в порядке de lege ferenda уточнить норму части 1 статьи 9 УИК РФ, изложив ее в следующей редакции: *«1. Исправление осужденных - это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения в целях их ресоциализации»*.

Уголовно-исполнительное законодательство относит к средствам исправления установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Режимные требования имеют своей целью приучение человека к порядку, однако практика демонстрирует зачастую обратный эффект – осужденные отучаются от самостоятельности. Через некоторое время выполнение рутинных процедур становится монотонным и вызывает отторжение у человека, либо превращает его в некое подобие механизма, обреченного выполнять ежедневно одни и те же действия.

По данным проведенного нами анкетного опроса осужденных, большинство респондентов (67%) ответили, что соблюдение режима в исправительном учреждении не оказывает влияния на исправление осужденного, 16% указали на значительное положительное влияние режима, 10% отметили незначительное позитивное влияние и 7% затруднились с ответом на поставленный вопрос¹.

Полагаем, что реформирование пенитенциарной системы должно идти по пути отказа от использования режимных требований (как элемента негативного психологического воздействия на осужденного) в пользу регламентации распорядка дня и стимулирования эффективного распределения личного времени осужденным. Однако, следуя логике колониальной системы исполнения наказания в виде лишения свободы, практическая реализация данного положения будет существенно затруднена.

¹По данным анкетного опроса осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-3, ФКУ ИК-6 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ФКУ ИК-40 ГУФСИН России по Кемеровской области.

Мыслится целесообразным в целом отказаться от отрядного содержания осужденных, заменив условия коллективного нахождения большого числа людей в течение значительного времени в единой локации на проживание осужденных в помещениях гостиничного типа, рассчитанных максимум на 2-3 человек¹, с регламентацией распорядка дня и контролем над эффективным распределением личного времени. Как представляется, это позволит повысить эффективность исполнения наказания и будет способствовать ресоциализации.

Мнение автора настоящего исследования основывается, прежде всего, на том, что в условиях цифровой трансформации общества, неотъемлемой частью которого является пенитенциарная система, контроль за осужденными можно организовать с помощью использования технических средств. Понятно, что в отсутствие таких возможностей жесткое соблюдение режимных требований в исправительном учреждении способствовало, в том числе, обеспечению безопасности как самих осужденных, так и сотрудников исправительных учреждений. Однако с развитием научно-технического прогресса многие контрольные функции становятся возможным «отдать в руки» технике, перераспределив высвобождаемый человеческий ресурс уголовно-исполнительной системы в сферу непосредственной работы с осужденным.

Соблюдение режимных требований, по нашему мнению, не только и не столько дисциплинирует, сколько отучает человека от самостоятельности, приучает к иждивенчеству и некоему потребительскому отношению к государству, которое в глазах осужденного становится обязанным заботиться о быте и досуге преступника. Видится целесообразным обеспечение максимально приближенных к условиям социума жизни осужденных в пенитенциарном учреждении (ведь «на свободе» они вряд ли будут проживать поотрядно),

¹В отношении предложения об отказе от отрядного содержания осужденных С.У. Дикаев высказывает обоснованные опасения, которые аргументирует возможными трудностями в организации воспитательной работы с осужденными и организации их общественной самодеятельности. См. об этом Дикаев С.У. Концепция развития уголовно-исполнительной системы российской федерации и проблемы организации отбывания наказания в виде лишения свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 65-70. Соглашаясь в целом с подобными опасениями, отметим, что при рациональной и продуманной организации процесса содержания осужденных в помещениях гостиничного типа, как представляется, можно организовать воспитательный процесс и добиться желаемых результатов.

предоставление им возможности самим организовывать доступные им лимиты личного времени, самообразовываться и думать о своей судьбе в целях успешной ресоциализации. Кроме того, само слово «режим» нам представляется достаточно архаичным. От употребления данного термина в ближайшем будущем следует отказаться, заменив его на предусмотренную уголовно-исполнительным законодательством идиому «установленный порядок исполнения и отбывания наказания» или «распорядок дня».

Немаловажным средством исправления, способствующим ресоциализации осужденных, является труд, однако в настоящее время эта сфера пенитенциарной деятельности также нуждается в реформировании. Организация трудовой занятости осужденных в условиях рыночной (а теперь уже и цифровой) экономики является, пожалуй, одной из существенных проблемных точек, препятствующих эффективной реализации функций уголовно-правового воздействия. Еще в 1999 г. на заседании «круглого стола» в Комитете по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам Совета Федерации обсуждался вопрос о существующих проблемах, приводились данные о почти 17% (от общей численности) неработающих осужденных¹.

За прошедшие более чем 20 лет ситуация не только не улучшилась, но еще более усугубилась. Так, по данным, полученным нами в результате интервьюирования сотрудников ФКУ ИК-3 УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области из 930 человек, содержащихся в колонии, было трудоустроено только 287 чел. (30,8%).

Еще более удручающие показатели приводят другие исследователи. Так, в одной из колоний общего режима УФСИН России по Ульяновской области из 859 осужденных лишь 86 чел. (10%) были привлечены к труду на оплачиваемых работах².

¹О критическом положении в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (материалы «круглого стола») // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 52.

²Калашников Г.М., Рубан О.А., Михайленко П.А., Мышкин М.А. Анализ организации трудовой занятости осужденных исправительных учреждений УФСИН России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 3 (89). С. 73.

Следует отметить, что не только усложнение экономических отношений, но зачастую именно малоэффективная деятельность администрации исправительных учреждений приводит к неудовлетворительным результатам организации трудоустройства осужденных. По результатам проверки деятельности пенитенциарных учреждений прокурорами выявляются нарушения, и посредством судебных решений удается добиться их устранения. Так, на основании рассмотрения дела по административному исковому заявлению заместителя прокурора Республики Карелия в ФКУ ИК-1 УФСИН РФ по Республике Карелия были выявлены нарушения, выраженные в бездействии администрации в отношении трудоустройства осужденных и установлена обязанность ИК-1 создать рабочие места для привлечения отбывающих в ней наказание осужденных к оплачиваемому труду с учетом их возраста, трудоспособности, состояния здоровья, наличия рабочих мест¹. В то же время суд обратил внимание и на существующие трудности, связанные с отсутствием необходимых документов у прибывающих в ИУ осужденных (документы об образовании и полученной специальности, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, ИНН). Кроме того, в колонии отбывают наказание граждане иностранных государств, не имеющие права трудиться на территории РФ.

Препятствием к трудоустройству является и состояние здоровья самих осужденных, что подтверждают приводимые Федеральной службой исполнения наказания РФ данные², а также проведенное нами исследование. По данным интервьюирования сотрудников ФКУ ИК-3, ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ФКУ ИК-40 УФСИН РФ по Кемеровской области, около 70% осужденных не трудоустроены по состоянию здоровья, 20% –

¹Решение Элистинского городского суда № 2А-3272/2019 2А-3272/2019~М-3198/2019 М-3198/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 2А-3272/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qb3EzWPjB25X/>.

²На производственных базах уголовно-исполнительной системы сегодня занято около 37 процентов граждан (264 тысячи человек), отбывающих наказание в местах лишения свободы. При этом работоспособными считаются более 80 процентов осужденных. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-ufsin-rasskazali-o-trudovoy-zanyatosti-osuzhdyonnykh.html>.

по причине отсутствия необходимых документов, 10% - ввиду отсутствия желания трудоустроиться.

Достаточно часто причиной нежелания осужденных трудиться является крайне низкая заработная плата. По данным интервьюирования сотрудников ФКУ ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, средний размер оплаты труда осужденных данного пенитенциарного учреждения составил около 200 руб./день. Заняты работники кустарным производством (изготовление шахмат, нардов), есть небольшой швейный цех. Очевидно, что такие «производственные мощности» не в состоянии удовлетворить спрос на трудоустройство, как и вызвать желание трудиться у осужденных.

Специалисты уже давно предлагают выход из данной ситуации в форме государственно-частного партнерства, однако отмечают и недостатки реализации таких проектов в российских условиях¹. Заметим, что Федеральная служба исполнения наказаний РФ предпринимает попытки организации кооперации с частными партнерами. Например, по данным УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в 2020 г. ведомство приняло участие в Форуме «Российский промышленник», Бирже поставщиков, выставке-ярмарке народных художественных промыслов и ремесел «Невский Ларец», где была представлена сувенирная продукция, производимая в исправительных учреждениях УФСИН². Отметим, что этих попыток явно недостаточно для того, чтобы получить заказы и обеспечить производственные места для осужденных.

Определенный оптимизм вызывает законодательное закрепление в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года в качестве одного из основных направлений развития УИС ориентира на «участие бизнес-сообществ в трудоустройстве осужденных на предприятиях, в том числе при строительстве крупных объектов, а также привлечение к работам по очистке

¹Анализируя опыт государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере на примере США, Австралии и стран Европы В.Н. Белик справедливо указывает на то, что такая приватизация в российских условиях может иметь совершенно противоположный результат, учитывая бюрократические препятствия, коррупцию и прочий негатив отечественных реалий. Белик В.Н. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: отдельные аспекты исполнения уголовных наказаний // Вестник Томск. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 204.

²Итоги работы УФСИН за 2020 год. URL: <https://78.fsin.gov.ru/statistics/itogi-raboty-ufsin-za-2020-god.php>.

территории Арктической зоны Российской Федерации от загрязнения (отходов производства и потребления)¹. Регламентация подобного положения на уровне стратегического документа федерального уровня свидетельствует о серьезности намерений государства в данном направлении, однако говорить об эффективности реализации анализируемой нормы пока преждевременно.

Некоторые позитивные шаги в реформировании пенитенциарной системы с позиций расширения сферы государственно-частного партнерства были сделаны Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ»², которым предоставлена возможность создавать участки вне исправительных центров и колоний-поселений. И такие примеры уже есть.

Так, в октябре 2021 г. принято решение о создании на базе Кингисеппского машиностроительного завода в поселке Назия Ленинградской области исправительного центра как совместного проекта Федеральной службы исполнения наказаний и частного партнера³. Создан исправительный центр на базе бывшей воспитательной колонии для несовершеннолетних в Колпино. Учреждение рассчитано на 835 мест, это достаточно большая цифра, требующая значительных усилий со стороны работников центра по обеспечению каждого осужденного к принудительным работам. В Крыму в Красногвардейском районе образован и функционирует изолированный участок № 2 при исправительной колонии № 1 УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю, отбывающие наказание осужденные которого трудоустроены на птицекомбинате АО «Дружба Народов Нова» по профессии водителя, слесаря-механика, разнорабочего⁴.

Реализация данных проектов априори сопровождается достаточно большими рисками. На организации возложена обязанность предоставлять

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 20. - Ст. 3397

²Федеральный закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (Часть I). Ст. 3846.

³URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/16/10/2021/6166d0989a794795a3bcbd4a.

⁴URL: <https://crimea.mk.ru/incident/2022/04/29/prinuditelnye-raboty-kak-alternativa-lisheniyu-svobody.html>.

помимо рабочих мест места в общежитиях, иное имущество, оказывать содействие в материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении. Как представляется, это весьма значительные финансовые затраты, которые должен понести частный партнер за, по большей части, неквалифицированный труд. Чтобы получить прибыль, частные инвесторы будут стремиться это сделать за счет снижения затрат на оплату труда и прочие расходы на осужденных. И вместо гуманизации мы рискуем получить ухудшение положения осужденных. Полагаем, что идею государственно-частного партнерства следует реализовать в уголовно-исполнительной сфере. Однако реформирование в данной области должно учитывать российскую специфику. Необходимо разработать концепцию взаимодействия уголовно-исполнительной системы с бизнес-сообществом (путем государственно-частного партнерства)¹, в которой четко определить все нюансы такого взаимодействия и обозначить границы контроля со стороны государства.

Достаточно серьезным ресоциализирующим потенциалом обладает профессиональная подготовка осужденного и получение им общего образования. Следует отметить, что уровень образованности осужденных в целом недостаточно высок, однако отмечено довольно значительное количество лиц, имеющих среднее, среднее специальное и даже высшее образование. По данным проведенного нами анкетного опроса осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-6, ИК-3 по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ФКУ ИК-40 по Кемеровской области, 7,2% респондентов имели начальное и незаконченное общее образование, 11,6% – основное общее образование (9 классов), 8,3% – среднее полное общее образование (11 классов), 38,9% – среднее специальное образование, 22,2% – незаконченное высшее образование, 11,6% имели высшее образование. Из числа имеющих образование 74% опрошенных закончили обучение, находясь в исправительном учреждении, 26% получили образование «на свободе».

¹Седых В.А., Авдеев В.В., Родионов А.В., Скиба А.П. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10 (221). С. 61.

Заметим, что сама по себе образованность является существенным фактором, облегчающим ресоциализацию, так как является показателем наличия у человека компетенций в той или иной сфере, что может значительно облегчить постпенитенциарный период ресоциализации. В целом можно отметить, что обучение и профессиональная подготовка в пенитенциарных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России организованы достаточно хорошо. Вместе с тем по-прежнему целевая ориентация обучения не увязана с объективными жизненными реалиями, происходит без анализа рынка труда и востребованности тех или иных профессий и специальностей.

В ходе интервьюирования сотрудники ФКУ ИК-3 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области демонстрировали осознание данной проблемы, но указывали на то, что они не могут оперативно внести изменения в учебные планы, так как это долгий бюрократический процесс. Сотрудники отмечали необходимость заполнения многочисленных формуляров в ущерб реальной образовательной работе с контингентом, формализм и чрезмерную бюрократизацию процессов. Полагаем, что выходом из такой ситуации могло бы быть снижение количества необходимых форм отчетности в пользу высвобождения времени на педагогическую деятельность.

Реформирование пенитенциарной системы должно учитывать необходимость и целесообразность психолого-воспитательного воздействия на осужденных. Здесь речь идет не о перевоспитании личности (на данном этапе уже совершенно ясно, что добиться перевоспитания осужденного невозможно). Воспитательное воздействие имеет своей целью сохранение индивида от его дальнейшего скатывания к деградации, попытку продемонстрировать ему положительные стороны человеческого бытия, найти точки, воздействие на которые может способствовать ресоциализации¹.

¹А.В. Хребтов определял воспитательное воздействие как один из видов социально-педагогической деятельности, который имеет своей целью сохранить нравственное здоровье осужденного, не допустить его дальнейшую деградацию. Хребтов А.В. Нормативное регулирование воспитательной работы с лицами, лишенными свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 15.

Нельзя отказываться от воспитательного воздействия даже в отношении самого закоренелого преступника, совершившего самые отвратительные преступления на том основании, что это человек, это личность, в глубинах души которого можно отыскать первопричины совершенных им злодеяний и попробовать найти способ их нейтрализации.

В отношении осужденных воспитательное воздействие должно осуществляться в комплексе мер психолого-воспитательного характера, что, как видится, значительно повысит его эффективность¹. Воспитательное воздействие на преступников в пределах своего функционала могут оказывать все сотрудники уголовно-исполнительной системы, но эффективность реализации данной меры со стороны персонала, имеющего психологическое образование и/или подготовку, осуществляющего психологическое сопровождение, помощь и поддержку, будет выше.

В настоящее время в исправительных учреждениях предусмотрена должность психологов, они выполняют свою профессиональную деятельность, но предельно ясно, что необходимо увеличивать штат таких сотрудников. Приказом ГУИН Минюста РФ № 251 от 9 июля 1999 г. «О совершенствовании правового регулирования деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» установлены нормы нагрузки на одного психолога: в воспитательных колониях (ВК) – 100 человек, в исправительных колониях (ИК) и тюрьмах – 300 человек, в следственных изоляторах (СИ) – 350 человек.

Совершенно очевидно, что такие нормы нагрузки не позволяют психологам справляться с поставленными задачами, да и сама их миссия не ориентирована на ресоциализацию осужденных.

Основными направлениями деятельности психолога в исправительном учреждении являются психодиагностика, профилактика деструктивных явлений в исправительном учреждении, подготовка заключений для осужденных,

¹Ворошук, В.Б. предлагает создать в пенитенциарных учреждениях отделы психолого-педагогической и социальной работы с осужденными. Ворошук В.Б. Особенности организации социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными в колониях-поселениях в условиях развития уголовно-исполнительной системы России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 119.

представленных к условно-досрочному освобождению (УДО), переводу в колонию-поселение и т.д., работа с персоналом¹. То есть задача работы психолога в исправительном учреждении направлена на обеспечение безопасного пребывания осужденных, выявление склонных к побегу, суициду, иным формам деструктивного поведения, но не более того.

Ежедневно сотрудник психологической службы обрабатывает, по их сведениям², до 900 диагностических карт, что обуславливает огромную физическую перегруженность, профессиональное выгорание и откровенное нежелание упражняться в чем-то еще, кроме заполнения отчетности. Никто не занимается психологией осужденных, выявлением и коррекцией психологических свойств, состояний, процессов, хотя все опрошенные нами сотрудники психологических служб уверены в эффективности таких мер.

При поступлении осужденного в исправительное учреждение работник психологической службы предлагает осужденному заполнить диагностическую карту (приложение 1), при освобождении от наказания рекомендуется к заполнению анкета (приложение 2). Контент-анализ представленных документов показал, что сформулированные в них вопросы, по большому счету, направлены на выяснение данных социально-демографической характеристики, заполнение отчетных показателей, но не на выявление характерных «болевых» точек, которые могли бы быть использованы в целях оказания психологической помощи осужденным.

Содержание анкеты и диагностической карты не имеет концептуальной методологической основы, не подчинено достижению ясной цели, не использует достаточно разработанные в психологии методы и приемы.

Опрошенные нами сотрудники психологической службы подтвердили, что фактически не применяют в своей работе накопленный за годы обучения багаж знаний и навыков. В то время как важность подлинно психологической

¹Дебольский М.Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации // Российский психологический журнал. 2004. № 1. С. 129.

²Информация получена по результатам интервьюирования сотрудников психологической службы ФКУ ИК-6 по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

деятельности в исправительном учреждении не вызывает сомнений ни на практике, ни в науке. Как пишет Ю.М. Антонян, «исправительные мероприятия не всегда достигают цели потому, в частности, что они не направлены на формирование психологической основы для исправления таких людей, а именно, на формирование у них способности к рефлексивной позиции по отношению к своим действиям»¹.

Кроме того, сами работающие в исправительном учреждении психологи являются сотрудниками службы исполнения наказаний, то есть людьми «системными», в определенной степени несвободными, что не позволяет им в должной степени реализовывать свой профессиональный потенциал.

Полагаем, что выходом из такой ситуации будет вывод психологической службы исправительных учреждений из системы органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, организация работы данного подразделения на базе создаваемых новых учреждений, например, Центров ресоциализации, что позволит психологам, работающим с осужденными не быть связанными системными требованиями. Необходимо сократить нагрузку на одного психолога, сделать его работу менее формальной и бюрократизированной. Оптимальной, как представляется, может выглядеть загруженность психолога, составляющая не более 50 человек на одного сотрудника психологической службы.

В ходе проведенного нами исследования выявлено полное отсутствие индивидуальных программ работы с осужденными в исправительных учреждениях. Диагностические карты, анкеты содержат типичные вопросы, применяемые на основании полученных данных меры исправительного воздействия также шаблонны. Изученные личные дела осужденных не отличаются оригинальностью. Именно в отсутствии индивидуального подхода кроются основные причины неудач ресоциализирующего воздействия в исправительном учреждении.

¹Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Б.В. Волженкина. СПб.: 2005. С. 409.

На основании сделанных в ходе исследования выводов предлагаем использовать индивидуальные программы ресоциализации осужденных в исправительном учреждении, которые должны составляться персонифицированно для каждого осужденного без каких-либо шаблонов, на основании применения психологических методик (тестов, опросов и иных форм психологической работы).

Индивидуальные программы ресоциализации должны в необходимых случаях включать медикаментозное лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, иных видов социально-значимых заболеваний¹. Они должны сопровождать осужденного с момента привлечения к уголовной ответственности, в течение всего времени нахождения в исправительном учреждении, включать разнообразные меры психологического воздействия.

Следует отметить, что Приказом Минюста РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» утверждены Порядок подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации и шаблон самой Индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Оценивая позитивно законодательный шаг, направленный на конкретизацию практической работы в данной сфере, отметим, что пока данный документ не вступит в законную силу и не будет апробирован на практике, преждевременно рассуждать об эффективности его отдельных положений. Однако хотелось бы предостеречь законодателя от риска чрезмерной бюрократизации процесса составления индивидуальной программы ресоциализации в случае, если каждое ее положение будет четко регламентировано. Учитывая специфику субъектов составления такой

¹Как в свое время отмечал М.И. Еникеев, что среди осужденных(заклоченных) – люди, потерявшие ценностные ориентации в жизни, многие из них страдают аутизмом (болезненной социальной отчужденностью), разнообразными психическими аномалиями – психопаты, невротики, лица с крайней пониженной психической регуляцией. Эти люди остро нуждаются в медико-реабилитационном и психотерапевтическом режиме. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. СПб., 2004.

программы, понятно, что без детальной регламентации обойтись будет довольно трудно. Но наше предложение сводится к передаче функций ресоциализации самостоятельной структуре, которая не будет входить в состав уголовно-исполнительной системы, а станет социальной, т.е., более свободной в своих действиях и менее бюрократизированной¹.

Проведенное нами в 20-летней динамике исследование изменений уголовно-исполнительной системы сквозь призму ресоциализации показывает, что реформа УИС не будет эффективна в отрыве от социально-экономической трансформации всего российского общества. Сказанное еще более актуализируется в условиях необходимости экономических преобразований под воздействием санкционного давления и мировой геополитической ситуации. Пока в России будут оставаться места, социально-экономические условия жизни в которых хуже, чем в пенитенциарных учреждениях, где не создано реально действующей системы социального контроля в обществе, пока люди будут стремиться попасть в места лишения свободы, чтобы обеспечить себе комфорт, никакие реформаторские усилия в отношении уголовно-исполнительной системы значительных результатов не дадут. Реформа должна быть комплексной и затрагивать все общество.

Следует отметить, что система исполнения наказаний всегда была и пока еще остается достаточно закрытой. Однако ее связь с социумом очевидна. И любые попытки реформаций изнутри, без взаимосвязи с происходящими в обществе процессами представляются обреченными на провал.

Компаративистские исследования демонстрируют эффективность исполнения наказаний в тех государствах, где в связанные с этим процессы вовлечено все общество. На этом фоне специалисты отмечают определенную пассивность отечественного общества в отношении участия в ресоциализации осужденных², что объясняется, на наш взгляд, наличием некоторой социальной

¹В положительном смысле этого слова, то есть, правовое регулирование деятельности данной структуры будет осуществляться с преимущественным использованием диспозитивного метода.

²Т.А. Денисова отмечает, что значительное количество осужденных требует к себе пристального внимания со стороны общества. Однако общество в лице каждого из нас не только не принимает активного участия в

нестабильности в нем самом. Если законопослушные граждане вынуждены задумываться о своей собственной социализации, то вряд ли они с энтузиазмом отнесутся к идее принимать участие в ресоциализации осужденных.

Но и подвижки в данной области необходимы, так как это связано с безопасностью и самих законопослушных граждан. Вот почему представляется весьма положительным, свидетельствующим об осознании государством важности решения обозначенной проблемы, упоминание в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года в качестве цели повышение уровня открытости и формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы.

Безусловно, само общество в целом, как и каждый отдельный его гражданин, самостоятельно, без определенного «сподвигающего» ресурса не смогут быть вовлеченными в ресоциализаторскую деятельность в отношении осужденных и освобожденных от отбывания наказания лиц. Полагаем, что важная роль в реализации этого процесса принадлежит идеологической составляющей, формируемой государством. В современных условиях информационного общества необходимо использовать соответствующие ресурсы в целях генерации общественного мнения о необходимости, целесообразности, важности и т.д. участия в процессе ресоциализации: распространение информации в медиасфере (блогосфера, ресурсы социальных сетей и мессенджеров), средствах массовой информации, организация пиар-акций, флэшмобов и т.д.

Следует поддерживать (прежде всего, в идеологическом аспекте) инициативы добровольческих организаций, общественных и религиозных структур, направленные на участие граждан в ресоциализаторской деятельности как в период нахождения осужденных лиц в исправительном учреждении, так и в постпенитенциарный период.

исправлении осужденных, но и отмежёвывается от выполнения воспитательной функции, а также функции социального контроля за деятельностью УИС, хотя это и является жизненно необходимым с позиций дальнейшего существования общества и защиты его от обширной криминализации. Денисова Т.А. Наказание воспроизводит преступников? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 145.

Определенным средством, способствующим благоприятному разрешению данного вопроса, считаем обращение к идеям криминофамилистики¹, ориентацию на семью как на основной фактор, способствующий ресоциализации, поддержку положительных социальных связей и перспектив будущего законопослушного поведения.

По данным проведенного нами анкетного опроса осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-6, ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ФКУ ИК-40 УФСИН РФ по Кемеровской области, 91,7% респондентов указали на то, что именно семья сможет, по их мнению, оказать им поддержку после освобождения из исправительного учреждения. Из числа опрошенных 5,8% отметили помощь друзей, 1,6% указали на иных лиц и 0,9% не рассчитывают на помощь вообще. Показательно, что помощь государственных органов и общественных организаций не отметил ни один из опрошенных осужденных, что может свидетельствовать о недостаточной осведомленности последних или об отсутствии уверенности в реалистичности такой перспективы.

Исследования деструктивного влияния семьи на личность преступника и его последующее поведение², демонстрирующие существование корреляционных зависимостей, как представляется, показывают и пути положительного воздействия семьи на его личность сквозь призму ресоциализации. В этой связи полагаем весьма позитивным укрепление правовой защиты семьи путем указания на это в Конституции РФ³.

В развитие данного конституционного установления в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года в целях обеспечения порядка и условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях

¹Основоположителем семейной криминологии (криминофамилистики) является Д.А. Шестаков. См. Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980. С. 14.

²Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. - СПб., 1986; Мясникова К.А. Преступное насилие в криминофамилистике // Общество и право. 2012. № 2 (39). С.153, 154; Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019.

³Ст. 72 п. ж.1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Российская газета. 2020. 4 июля.

УИС предусмотрено увеличение количества свиданий осужденных лиц с родственниками¹. При всей позитивности данного шага полагаем, что этого явно недостаточно.

Идеи антикриминогенного влияния семьи на исправление осужденного могли бы быть реализованы в Концепции более широко. В этой связи предлагаем закрепить взаимодействие с институтом семьи в качестве отдельного направления развития УИС РФ, дополнить пункт IV Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года положением следующего содержания: *«повышение уровня взаимодействия с семьей, как институтом гражданского общества в целях обеспечения ресоциализации и социальной адаптации осужденных, освободившихся от отбывания наказания»*.

О «семейной ресоциализации» можно говорить только в том случае, когда речь идет о положительном воздействии ячейки общества, когда семью осужденного можно считать благополучной и способной оказать ресоциализирующее воздействие. В противоположных ситуациях необходимо по возможности изолировать осужденного от неблагоприятного влияния деструктивной семьи посредством оказания ресоциализирующего воздействия на нее саму.

Следует отметить, что возможности вмешательства в семейные отношения со стороны (прежде всего органов государственной власти) должны быть минимальными, учитывая сложность и приватность сферы семейных отношений, вмешательство в которую чревато усугублением ситуации. В то же время примеры из повседневной жизни демонстрируют тягчайшие последствия, к которым приводит отсутствие должного внимания к сфере семейных отношений². Однако

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

²Так, например, большой общественный резонанс вызвал произошедший в Санкт-Петербурге случай внезапной смерти трёхмесячной девочки, произошедший в результате отравления наркотическим средством. Судебно-медицинская экспертиза установила, что в крови, стенке желудка, печени и почке обнаружено наркотическое средство метадон, а в тонком кишечнике — метадон и его метаболит EDDP. Наркотик могло попасть в организм ребёнка пероральным путем, в том числе при грудном вскармливании. Установлено, что у матери это пятый ребенок, один из которых умер ранее, трое находятся на государственном обеспечении. Семья

перекладывать ответственность за подобные ситуации исключительно на соответствующие органы государственной власти вряд ли целесообразно. Полагаем, что в данной сфере акценты должны быть расставлены в пользу социального контроля, влияния ближайшего окружения, микро-групп положительной направленности при активной поддержке со стороны государства. Предупреждение семейных конфликтов, бытовых проблем, семейного неблагополучия следует осуществлять преимущественно путем социального контроля.

Таким образом, подводя итоги исследованию вопроса о перспективах трансформации российской уголовно-исполнительной системы в условиях постиндустриального (информационного) общества, отметим некоторые принципиальные моменты:

1. На текущий момент отечественная уголовно-исполнительная система находится в периоде стагнационного кризиса, что подтверждается ростом уровня пенитенциарной преступности. Несмотря на снижение количества осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, увеличивается нагрузка на уголовно-исполнительные инспекции. Установлено, что уголовно-исполнительная система нуждается в реформировании, акцент при реализации реформаторских мероприятий должен быть сделан в пользу ресоциализации. Реформирование пенитенциарной системы должно идти не по пути полной рецепции зарубежных социальных практик обращения с осужденными, а учитывать российскую специфику, российский исторический опыт, применяя избирательно в то же время и заслуживающие внимания положительные зарубежные новации.

2. Анализ нормативно-правового обеспечения деятельности УИС системы сквозь призму ресоциализации демонстрирует появление в данной сфере значительного количества источников, однако практика применения нормативно-правовой базы демонстрирует их абстрактный характер, а дальнейшее правотворчество, необходимое для конкретной правоприменительной деятельности в данной области отношений, пока не получило своего развития. В

настоящее время приняты Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», однако устойчивая правоприменительная практика в данной сфере пока не сформировалась, в диссертации обозначены недостатки и возможные риски в связи с практической реализацией указанных нормативных положений.

3. Исследованием установлено, что существенной проблемой, препятствующей эффективной работе уголовно-исполнительной системы, является ее некая архаичность, ориентация на кару, возмездие в отношении лица, совершившего преступление, в ущерб идее ресоциализации. Российские пенитенциарные учреждения в их современном виде не ориентированы на ресоциализацию осужденных. Отмечено, что места лишения свободы не должны быть настолько комфортными, чтобы преступники желали в них оказаться, но и нахождение там не должно причинять осужденному физические неудобства и нравственные страдания.

4. Исследованием установлено, что серьезной проблемой, препятствующей реализации идей ресоциализации в пенитенциарной системе, является имеющая отношение к самим субъектам сложность, коренящаяся в особенностях личности сотрудника учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний. Полагаем, что необходимо ужесточить требования к кандидатам на должности специалистов уголовно-исполнительной системы, предусмотрев в качестве одного из них наличие безупречной репутации, что может быть подтверждено результатами изучения условий жизни и предыдущей деятельности кандидата на должность сотрудника учреждений и органов Федеральной системы исполнения наказаний Российской Федерации. Необходимо избегать формализма при кадровом отборе на должности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Немаловажным представляется улучшение имиджевой составляющей службы в системе ФСИН. Исполнение обязанностей в уголовно-исполнительной системе должно быть почетной, уважаемой в обществе работой, но этой цели невозможно

добиться без активной деятельности самой Федеральной службы исполнения наказаний, демонстрации ее прозрачности и эффективности.

5. Основываясь на доказываемом с позиции теории противопреступной социализации понимании ресоциализации в криминологическом смысле и как процесса, и как цели, в результате исследования предложено в порядке de lege ferenda уточнить норму части 1 статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции: *«1. Исправление осужденных - это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения в целях их ресоциализации»*.

6. Проведенное исследование позволяет предложить отказаться от отрядного содержания осужденных, заменив условия коллективного нахождения большого числа людей в течение значительного времени в едином пространстве на их проживание в помещениях гостиничного типа, рассчитанных максимум на 2-3 человек, с регламентацией распорядка дня и контролем над эффективным распределением личного времени. Как представляется, это позволит повысить эффективность исполнения наказания и будет способствовать ресоциализации.

7. Исследованием подтверждена целесообразность реализации государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной сфере. Однако реформирование в данной области должно учитывать российскую специфику. Необходимо разработать концепцию взаимодействия учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний с бизнес-сообществом (путем государственно-частного партнерства), в которой четко определить все нюансы такого взаимодействия и обозначить границы контроля со стороны государства.

8. Исследованием установлена необходимость реформирования работы отечественной уголовно-исполнительной системы в сфере организации получения осужденными образования и их профессиональной подготовки, а также психолого-педагогического воздействия. В работе предложены конкретные реформаторские меры, в числе которых: а) построение основных профессиональных образовательных программ, реализуемых в исправительном

учреждении, с учетом требований рынка труда (с ориентацией на профстандарты); б) минимизация бюрократизации сферы образования в исправительном учреждении (снижение количества требуемых форм отчетности в пользу высвобождения времени для психолого-педагогической деятельности); в) воспитательное воздействие на осужденного с целью сохранения индивида от дальнейшего скатывания к деградации; г) вывод психологической службы из уголовно-исполнительной системы, организация работы психологической службы на базе предлагаемых к созданию Центров ресоциализации.

9. В ходе проведенного нами в 20-летней динамике исследования изменений уголовно-исполнительной системы сквозь призму ресоциализации установлено, что реформации в данной сфере не будут эффективными в отрыве от социально-экономических преобразований всего российского общества. Максимально эффективным представляется обращение к идеям криминофамилистики, использование антикриминогенного потенциала социального института семьи. В этой связи предложено закрепить взаимодействие с таковым в качестве отдельного направления трансформации уголовно-исполнительной системы. Предлагается дополнить пункт IV Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года положением следующего содержания: *«повышение уровня взаимодействия с семьей как институтом гражданского общества в целях обеспечения ресоциализации и социальной адаптации осужденных, освободившихся от отбывания наказания»*.

4.3. Служба пробации в государственной системе ресоциализации

Зарубежный и отечественный опыт противодействия преступности демонстрирует эффективность системной работы, взаимосвязанными компонентами которой являются деятельность субъектов и меры воздействия, реализуемые на допенитенциарном (профилактическом), пенитенциарном (уголовно-исполнительном) и постпенитенциарном этапах¹.

Ресоциализация, понимаемая как процесс и результат данного процесса, видится максимально результативной, только если она осуществляется в рамках созданной и поддерживаемой государством системы. В этой связи представляет определенный научный интерес исследование предлагаемых доктриной и правоприменительной практикой моделей системной организации ресоциализационной деятельности, в том числе посредством организации службы пробации (помощи, испытания) или аналогичной службы, формулирование на этой основе собственного видения на базе разработанной в настоящей диссертации авторской модели организации государственной системы ресоциализации с учетом российской специфики.

В научной литературе уже высказывались суждения о существовании системы ресоциализации как элемента концепции реализации уголовных наказаний. Так, О.Г. Перминов включал в систему реализации уголовных наказаний систему органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания (единая уголовно-исполнительная система), систему исполнения и отбывания наказаний (карательно-воспитательное воздействие на осужденных) и систему ресоциализации (социальной адаптации) освобожденных от наказания².

Такое суждение обусловлено отождествлением ресоциализации и социальной адаптации и представляет собой выражение узкого подхода к

¹О стадиях (этапах) ресоциализации осужденных см., например, Полякова Е.А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4 (67). С. 112-114. Полагаем, что стадии (этапы) ресоциализации потерпевшего отдельно выделять не следует.

²Перминов О.Г. Функции и задачи уголовного наказания в борьбе с преступностью // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4. С. 15.

ресоциализации как социальной адаптации осужденных. Предлагаемое видение чрезмерно сужает функциональный потенциал ресоциализации, ограничивает ее рамками исполнения наказания, в то время как это далеко не так. С позиций теории противопреступной социализации (ресоциализации), как методологической основы противодействия преступности, процесс ресоциализации осуществляется под воздействием не только и не столько мер уголовного наказания, но и ресурсов всего общества.

В работе системы ресоциализации должны быть задействованы все институты гражданского общества, но главенствующие позиции, как представляется, следует занимать государству. Причем в зависимости от этапа степень участия государства может быть различной: от общего контроля и организации до функций непосредственной реализации мер воздействия.

В отношениях, возникающих на допенитенциарном (профилактическом) этапе противодействия преступности, задействованы все институты гражданского общества, социальные микро-и макро-группы, отдельные индивиды, а также профессиональные участники профилактического воздействия – органы государственной власти. Пенитенциарный (уголовно-исполнительный) этап противодействия преступности связан с деятельностью уголовно-исполнительной системы, осуществляемой Федеральной службой исполнения наказаний с привлечением общественных (в том числе религиозных) организаций, благотворительных фондов и иных представителей гражданского общества.

Работа тех или иных субъектов воздействия на допенитенциарном и пенитенциарном этапах в той или иной мере регламентирована законодательством, чего пока нельзя сказать о постпенитенциарном этапе. В настоящее время нет отдельного законодательного акта, который бы на федеральном уровне регулировал порядок осуществления противодействия преступности на данном этапе, не определен круг субъектов, чей функционал включал бы в себя деятельность, связанную с постпенитенциарным контролем и содействием постпенитенциарной адаптации. Вместе с тем необходимость в организации такой деятельности, ее регламентации именно на федеральном

уровне давно назрела. До некоторой степени эту проблему призван решить Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10 «О пробации в Российской Федерации», однако назвать этот документ комплексным, полностью купирующим брешь в правовом регулировании в данной сфере вряд ли возможно. Тем более, что в отсутствии сложившейся правоприменительной практики судить об эффективности данного нормативно-правового акта пока преждевременно.

Ежегодно в России привлекается к уголовной ответственности порядка 800-900 тысяч человек, осуждается – около 500-600 тысяч, из мест лишения свободы освобождается порядка 300-400 тысяч человек, которые нуждаются в социальном контроле, поддержке в адаптации¹.

До настоящего времени функции контроля и содействия оказываются совершенно разными структурами, чья деятельность не является системной и сколько-нибудь ответственной. Полномочия по подготовке к освобождению из пенитенциарного учреждения осужденных предусмотрены главой 22 УИК РФ, однако они ограничены только сроком пребывания осужденных в исправительном учреждении.

1. Отдельные виды помощи и поддержки предусмотрены федеральным и региональным законодательством, но, как показывает практика, эффективность такой помощи крайне низка. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» освобожденные из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, лица «относятся к категории граждан, испытывающих трудности в поиске работы»². Аналогичная норма содержится в новом Федеральном законе 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»³. Данные субъекты могут быть зарегистрированы как безработные и получать

¹Как отмечает С.В. Шатилов, процесс исправления... исключительно индивидуален и задачи исправления не всегда решаются положительно. По данным проведенного им исследования 40% несовершеннолетних, отбывших уголовное наказание в воспитательных колониях, не соответствуют социальным ожиданиям общества. Шатилов С.В. Освобождение несовершеннолетних из воспитательных колоний и их социальная адаптация: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

²Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 25.12.2023) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

³Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

соответствующее пособие. При необходимости бывшие осужденные могут обратиться в органы местного самоуправления по месту жительства и встать в очередь на получение жилья в общем порядке. По результатам проведенного нами опроса содержащихся в ФКУ ИК-6, ИК-3 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области ФКУ ИК-40 УФСИН РФ по Кемеровской области ранее судимых лиц, только 3% опрошенных после освобождения обратились за помощью в службу занятости населения.

По своему содержанию весьма перспективные законодательные нормы на практике не работают по нескольким причинам. В ситуации, когда законопослушный гражданин не может получить жилья или устроиться на работу, вероятность реализации своих прав бывшими осужденными стремится к нулю. Кроме того, и сами осужденные либо не знают о своих правах (занятия в Школе по подготовке к освобождению не воспринимаются ими серьезно), либо даже не пытаются их реализовать, будучи уверены в безрезультатности.

Проведенное исследование подтвердило это обстоятельство. Так, из числа опрошенных нами осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-6, ИК-3 по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ФКУ ИК-40 УФСИН РФ по Кемеровской области, большинство отметили, что после освобождения они в первую очередь обратятся за помощью к своим знакомым (46,8% респондентов), к родственникам – 33,6%. И только 8,5% выразили готовность обратиться в службу занятости населения, 8,01% - в правоохранительные органы, а 3,14% отметили, что обратятся в иные инстанции. Нельзя сбрасывать со счетов также и значительную степень социальной деградации многих осужденных.

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о необходимости разработки законопроекта, который бы регламентировал процедуру реализации прав освобожденных от наказания лиц на трудовое и бытовое устройство¹,

¹Первозванский В.Б., Голик Н.М. О концепции проекта федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 66-74.

предлагались различные варианты такого документа¹. Встречается и противоположная точка зрения - об отсутствии необходимости отдельного правового регулирования в связи с тем, что «в Российской Федерации имеется... достаточная правовая база для оказания помощи лицам, имеющим судимость. ... Основная проблема состоит не в отсутствии правовых документов, а в качестве исполнения имеющихся законов и подзаконных актов»².

Полагаем, что с таким утверждением отчасти можно согласиться, но отметим, что проблема, скорее, кроется не в неисполнении законов, а в том, что нормативно-правовое регулирование не учитывает специфику личности ранее судимых, рассчитано на широкий круг лиц. Кроме того, в России отсутствует государственный орган, в функционал которого входило бы содействие в социальной адаптации бывших осужденных.

В Российской Федерации 6 февраля 2023 г. принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» № 10-ФЗ³. Разработка такого законопроекта является прогрессивным шагом в решении проблем ресоциализации освобожденных от отбывания наказания лиц. Вместе с тем в осмыслении нуждается содержание данного документа, понимание пробации, которое в нем заложено.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность работы службы пробации⁴, о создании которой острые дискуссии шли и в Российской Федерации, логичным завершением которых явилось принятие соответствующего закона.

Отметим, что формирование службы пробации в РФ было предусмотрено еще в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской

¹Например, проект ФЗ «О социальной помощи лицам, отбывшим наказание, и контроле за их поведением», проект ФЗ «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», проект ФЗ «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы».

²Щербаков С.В. Проблемы нормативного обеспечения социальной помощи лицам, освобожденным от уголовного наказания // Бизнес в законе. 2008. №1. С. 130-131.

³Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

⁴«Пробация» (от лат. «probatio» – испытание) уголовный надзор, – юридический термин, который используется в международном праве для определения названия и деятельности службы, которая исторически создавалась для организации работы с людьми, преступившие закон, осужденными, но не лишенными свободы или освобожденными из-под стражи. См. Зозуля В.В. Об институте условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Воронеж. 2012. С. 62 – 63.

Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р¹, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р². Однако данное предложение не было своевременно реализовано ввиду необходимости значительных финансовых вложений, поскольку служба пробации задумывалась как отдельная структура в составе Минюста РФ.

В ходе дальнейших обсуждений было выработано решение о создании службы пробации на базе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации³, что должно существенно оптимизировать государственные расходы. На наш взгляд, такое решение не способно минимизировать все связанные с этим риски.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2030 годы)»⁴ были заложены финансовые основы создания службы пробации в РФ. Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3683-р⁵ «Об утверждении плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2021 год» в пункт 120 были включены разработка и утверждение к декабрю 2021 г. Федерального закона «О системе пробации в Российской Федерации».

¹Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

²Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

³В настоящий момент данное предложение закреплено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р., в виде создания и развития эффективной системы пробации, закрепления на первом этапе, до 2024 г., института пробации на законодательном уровне, определение функции пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления.

⁴Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 07.02.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2030 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2374.

⁵Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3683-р (ред. от 27.08.2021) «Об утверждении плана законопроектной деятельности Правительства РФ на 2021 год» (вместе с «Планом законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2021 год») // Собрание законодательства РФ. 2021. № 3. Ст. 608.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р предусматривает закрепление на первом этапе (до 2024 г.), института пробации на законодательном уровне, определение функций пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления¹. На данный момент Федеральный закон о пробации принят, разработаны и утверждены Минюстом подзаконные нормативные акты в его развитие. Полагаем, что с учетом такой динамики к 2025 г. следует ожидать окончательных решений по реализации пробации в Российской Федерации.

Международно-правовое регулирование создания службы пробации (или аналогичной службы) регламентировано следующими международно-правовыми актами: Европейской конвенцией о надзоре за условно осужденными и условно освобожденными (ETS No.51); Рекомендацией No.R (92) 16 о Европейских правилах об общественных санкциях и мерах; Рекомендацией No.R (97) 12 о персонале, исполняющем санкции и меры; Рекомендацией No.R (99) 19 в отношении медиации по уголовным делам; Рекомендацией Rec. (2000) 22 о совершенствовании применения Европейских правил об общественных санкциях и мерах; Рекомендацией Rec. (2003) 22 об условном освобождении (пэроуле); Правилами Совета Европы о пробации (CM/Rec (2010)1) от 20 января 2010 г. В этой связи создание службы, аналогичной службам пробации, реализуемым в зарубежных странах, в Российской Федерации можно только приветствовать. Однако полная рецепция зарубежного опыта без учета российской специфики, пожалуй, была бы поспешной и не принесла бы положительных результатов. В этой связи полагаем необходимым проанализировать опыт ряда стран, которые применяют пробацию уже достаточно давно.

Страной, имеющей значительный опыт реализации пробации, является США, в которой пробация была впервые использована в первой половине XIX в.

¹Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

на основе двух институтов – условного осуждения и отсрочки отбывания наказания. Несмотря на достаточно большой опыт применения probation, единый федеральный нормативный акт (Federal Probation Act), как отмечает Н.Б. Хуторская, подробно исследовавшая опыт применения probation в США в своем диссертационном исследовании, был принят только в 1925 г¹. Содержательный анализ института probation США показывает, что по своей сути он представляет собой сочетание надзора и социальной реабилитации лица, совершившего преступление.

Probation в США является достаточно динамичным институтом, за время реализации которого, в течение более 150 лет правила применения probation и подходы к ее организации неоднократно менялись². Следует отметить достаточно сложную структуру органов probation, которые могут не подчиняться друг другу и применять различные способы и приемы, их деятельность не скоординирована. Но подобная организация служб probation обусловлена особенностями государственного устройства страны как конфедеративного государства, существенными различиями в организации самих органов государственного управления в различных штатах.

Полагаем, что в России, где вертикаль реализации публичных полномочий достаточно хорошо выстроена, постепенитенциарную службу следовало бы организовать на федеральном уровне.

Особое внимание в США уделяется сотрудникам служб probation. На должности офицеров службы probation США принимаются лица в возрасте до 37 лет, обладающие юридическим образованием на уровне диплома бакалавра, в то время как помощники офицеров probation могут иметь и иное образование. Кандидат в офицеры probation должен владеть IT- навыками и пройти достаточно серьезные проверки в ФБР. Служба в probation считается почетной и достаточно высоко оплачивается. Безусловно, это также и деятельность, сопряженная с

¹Хуторская Н.Б. Институт probation в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

²Калужина М.А. Особенности функционирования службы probation в США // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 3. С. 29-32.

риском, поэтому особые требования предъявляются к здоровью офицеров и помощников. Сотрудниками служб пробации могут быть и мужчины, и женщины, но понятно, что в связи с рискованностью такой работы приоритет отдается физическим характеристикам претендента на должность.

Полагаем, что и в России необходимо особое внимание уделить повышенным требованиям к сотрудникам постпенитенциарной службы, их профессиональным и личностным характеристикам.

Пробация в США состоит в необходимости соблюдения поднадзорными многочисленных правил, в основном за счет финансовых средств самого поднадзорного, в этой связи пробация в США – это достаточно дорогое удовольствие. Вероятно, что именно экономическая стратегия и послужила основной причиной столь масштабного распространения применения пробации в США. В России, ввиду недостаточности средств у населения, несформированности так называемого «среднего класса», достаточно значительного уровня бедности населения, такая практика не будет успешной.

Несоблюдение пробационных правил, зачастую ввиду недостаточности финансовых средств на их реализацию, в США влечет отмену пробации и водворение нарушителей в места изоляции.

Исследователями отмечаются значительные дискреционные полномочия судей при определении условий пробации, их отмены и видоизменения, так как перечень пробационных условий является открытым¹. Думается, что предоставление судьям или иным должностным лицам пробации неограниченных законом полномочий в России может привести только к произволу и анархии, но не будет способствовать достижению стоящих перед пробацией благородных целей.

Реализуется опыт пробации и в странах бывшего СССР. Так, в 2016 г. служба пробации была создана в Казахстане. Как отмечают специалисты, за годы независимого существования показатель судимости в Казахстане был снижен и

¹Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. 476 с.

государство переместилось в рейтинге с 3 позиции (после США и РФ) в 2011 г. на 31 место¹. Количество осужденных постоянно снижается, и Казахстан очевидно движется по пути такой организации уголовно-исполнительной системы, когда в исправительном учреждении будут находиться только лица, совершившие особо тяжкие преступления.

Государственная служба пробации создана и функционирует в таких странах как Литва, Латвия, Молдова и Украина. С незначительными нюансами пробация реализуется по общим принципам: предусмотрена досудебная пробация и постпенальная (наблюдательная) пробация, предполагающая помощь и поддержку, трудовое и бытовое устройство освобожденных от отбывания наказания лиц.

Отметим, что довольно сложно сравнивать опыт функционирования пробационных служб в данных странах с Россией, учитывая существенную разницу в территории, количестве и национальном составе населения. Укажем лишь на кажущуюся нам значимой деталь: по большей части функционируют такие службы за счет средств различных благотворительных фондов, грантовой и иной негосударственной финансовой поддержки (в основном поддержки со стороны Запада), а затраты на исполнение ограничений перекадываются на плечи самих осужденных. В странах Запада пробация по большей части представляет собой бизнес. Ни о какой гуманности, заботе об осужденном в таком случае речи не идет. Как представляется, этот аспект следует учесть при конструировании постпенитенциарной службы в Российской Федерации.

Анализируя зарубежный опыт, остановимся еще на одном кажущемся нам существенном моменте. В различных странах службы пробации относятся к самым различным ведомствам, в мировой практике нет единства по этому вопросу. Проведенный анализ позволил нам разделить изученные использующие пробацию страны в зависимости от того, какое ведомство (или орган) должны заниматься пробацией, на следующие группы (таблица 10):

¹Первозванский В.Б. Об апробации пробации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 2. С. 18 - 21.

Таблица 10.

Суд, органы судебной системы, Минюст	Службы социальной защиты	Тюремные ведомства, администрации	Независимая структура
Шотландия (Минюст), Венгрия, Кения, Япония	Швейцария, Латвия, Литва	Швеция, Индия	Англия и Уэльс (в тесном контакте с тюремными службами), Чехия, США

Таким образом, в большинстве стран пробационные функции отделены от исполнения наказания. Но даже там, где пробацию осуществляет тюремное ведомство, используется помощь социальных служб.

Такой опыт следует использовать и в России. Служба пробации должна быть в первую очередь социальной. В противном случае она не сможет стать свободной от тех негативных черт, которыми, к сожалению, наделена система исполнения наказаний (ориентация на показатели, связанность жестко вертикально-ориентированным взаимодействием и т.д.).

Насколько можно судить из содержания дискуссий, которые ведутся последнее время на данную тему, принятых недавно законоположений, Россия идет по пути организации службы пробации на базе уголовно-исполнительной системы, а точнее, по пути расширения «пробационных» функций уголовно-исполнительных инспекций¹. Полагаем, что такое решение не будет способствовать нивелированию существующих проблем по следующим причинам.

В настоящий момент уголовно-исполнительные инспекции (далее также УИИ) перегружены работой, нагрузка на одного сотрудника составляет в среднем 200 человек. Даже сокращение нагрузки в два раза не сможет адекватно изменить

¹Уткин, В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 8.

ситуацию. Учитывая формализм и значительную бюрократическую составляющую работы сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, пробационный надзор сведется к статистическому наблюдению и заполнению формуляров.

Не улучшает ситуацию и реализованное Указом Президента РФ от 2 марта 2021 г. № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314» решение о передаче под контроль уголовно-исполнительных инспекций функций по надзору за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания.

Не оспаривая целесообразность данного решения, полагаем, что это еще больше расширило функционал уголовно-исполнительных инспекций и подготовило почву для создания на их базе службы пробации. Но в то же время следует констатировать и увеличение нагрузки на сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, что, на наш взгляд, еще более повысит напряженность в их работе.

Отметим и немаловажный, по нашему мнению, фактор, касающийся особых требований к сотрудникам службы пробации. К лицам, непосредственно осуществляющим пробационный надзор, должны предъявляться повышенные требования, связанные с психологическими особенностями (стрессоустойчивость, коммуникабельность, способность принимать взвешенные решения, другие качества, позволяющие налаживать отношения со специфическим контингентом). Таким сотрудникам следует иметь психологическое образование и быть максимально освобожденными от необходимости выполнять большой объем бюрократических формальностей.

Заметим, что и сами сотрудники российских уголовно-исполнительных инспекций отмечают свою загруженность и недостаточность образования (прежде всего отсутствие психологической подготовки) для работы в рамках пробационного контроля.

Так, в ходе интервьюирования сотрудников филиала по Выборгскому району СПб ФКУ УИИ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, респонденты выражали свою неуверенность в том, что смогут эффективно выполнять возложенную нагрузку, но оценивали данные изменения позитивно, так как надеялись на обусловленный таким реформированием приток денежных средств (повышение заработной платы). В связи с вышеизложенным полагаем, что скорее следует организовывать службу пробации как отдельную службу, акцент в функционале которой необходимо сделать на социальную помощь и социальную защиту.

Анализ практики зарубежных стран показывает, что такой акцент является, пожалуй, основным в содержательной части функционала службы пробации (или аналогичной службы). Сотрудники данной службы «подключаются» к работе на досудебной стадии, фактически с момента возбуждения дела, параллельно с расследованием, осуществляемым следственными органами, собирая информацию о самом преступнике. Результатом данной деятельности является так называемый социальный доклад¹, который сотрудник службы пробации представляет судье перед принятием им итогового решения. В социальном докладе должен быть сформулирован вывод о возможности исправления лица под надзором общества и безопасности для самого общества нахождения в нем преступника. В случае принятия решения об изоляции от общества лица, совершившего преступление, в задачи службы пробации входит так называемое социально-психологическое обращение, в ходе которого сотрудник должен стремиться психологически воздействовать на личность правонарушителя, снимая напряженность, страх, разочарование, агрессивность, неудовлетворенность². Полагаем, что именно такой опыт функционирования службы пробации в России мог бы быть учтен и был бы максимально эффективен.

¹ Специалисты указывают на отрицательные стороны практики социальных докладов, такие как излишняя затратность по времени, формализм. См. об этом Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1 (3). С. 49.

² Янцен М. Организация и деятельность службы пробации за рубежом. URL: <https://pandia.ru/text/80/170/12968.php>.

В качестве одного из аргументов в пользу введения института пробации в Российской Федерации ученые приводят существенную экономию бюджетных средств, которая может возникнуть ввиду сокращения финансовых затрат на уголовно-исполнительную систему¹, однако хотелось бы предостеречь от такого рода иллюзий и возложения чрезмерного объема надежд на данный институт в российских условиях.

Перераспределение финансового бремени с государства на лиц, совершивших преступления, с большой долей вероятности приведет к тому, что эти лица совершат преступления вновь, испытывая все ту же нужду в финансовой помощи и поддержке. Такой результат демонстрирует и опыт зарубежных стран, где за последнее время уровень рецидивных преступлений только растет, как и растет количество лиц, отправляемых для отбывания наказаний в места лишения свободы за нарушение условий пробации².

Проведенный нами опрос сотрудников исправительных учреждений подтвердил наличие определенной доли скепсиса по отношению к идее создания службы пробации в РФ. Отвечая на вопрос анкеты: «По Вашему мнению, какое влияние на состояние преступности окажет внедрение в Российской Федерации системы пробации (аналог европейской системы «обращения с осужденными»), 74% опрошенных затруднились с ответом; 6% указали на то, что уровень преступности увеличится; 10% отметили, что такой шаг никак не скажется на состоянии преступности в России; 10% опрошенных выбрали свой вариант ответа и в комментариях указывали на то, что в России аналог европейской системы службы пробации невозможен. При этом 90% опрошенных высказались за создание именно государственных центров помощи ранее судимым или аналогичной службы, 10% затруднились с ответом на данный вопрос.

С учетом российских реалий необходимо дифференцировать функции постпенитенциарного контроля и постпенитенциарной помощи. Реализация постпенитенциарного контроля сотрудниками подразделений ФСИН (уголовно-

¹ Первозванский В.Б. Указ. соч. С. 21.

²Тюремное население в США: общая картина. URL: <https://www.prisonpolicy.org/reports/pie2020.html>.

исполнительных инспекций) выглядит вполне логично, тогда как выполнение ими обязанностей по оказанию помощи и содействию социальной адаптации трудно себе представить.

В научной литературе высказывается мнение о том, что пробация является комплексным институтом¹. Не оспаривая данное утверждение, отметим, что России не нужна пробация как таковая, нам нужно идти собственным путем, сохраняя уже имеющиеся достижения в области контроля и надзора, развивая положительные социальные практики постпенитенциарной помощи.

В Российской Федерации накоплен достаточный опыт пенитенциарного и постпенитенциарного контроля. Российское уголовное право знает институты условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания, функционирует административный надзор. Реализуемые в рамках обозначенных институтов контрольно-ограничительные мероприятия имеют сходство с пробационными ограничениями, применяемыми в зарубежных юрисдикциях, но, в то же время, учитывают российскую специфику.

Полагаем, что революционное реформирование в данной сфере не приведет к положительным результатам. Сосредоточение функций в рамках одного органа (уголовно-исполнительной инспекции) представляется вполне оправданным. В этой связи полагаем целесообразным передать в ведение уголовно-исполнительных инспекций также функции административного надзора.

В научной литературе справедливо отмечают имеющиеся недостатки в организации постпенитенциарного контроля и высказываются предложения по совершенствованию мер постпенитенциарного воздействия, в частности в виде дифференциации постпенитенциарного контроля на профилактический и строгий². Полагаем, что данное предложение заслуживает внимания и может быть

¹Так, например Е.В. Грибанов, Р.Б. Ивченко отмечают: «Меры пробации по своему характеру являются комплексным инструментом, позволяющим осуществлять контроль, надзор, социальную адаптацию и воспитание несовершеннолетнего». См. Грибанов, Е.В., Иванченко Р.Б. Криминологическая оценка места института пробации в российской правовой и правоохранительной действительности // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 2. С. 4 - 8.

²См., например, Сергеев Д.Н. Дифференциация содержания постпенитенциарного воздействия // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 57 - 60.

реализовано в части совершенствования административного надзора за различными категориями освобожденных от отбывания наказания лиц.

В настоящее время в России не существует отдельного государственного органа (службы), в функции которого входило бы оказание постпенитенциарной помощи (социальной, медицинской, психологической, юридической и т.д.) и воздействия в отношении осужденных и потерпевших от преступления лиц, в этой связи предлагаем создать именно такую службу.

На основе норм Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 100ФЗ «О пробации в Российской Федерации» не предусмотрено формирование самостоятельной структуры, однако функции постпенитенциарной помощи предполагается сосредоточить в одних руках (на базе уголовно-исполнительных инспекций). Наше же предложение сводится к формированию самостоятельной структуры. Принципиальным моментом при организации деятельности данной службы видится ее ориентация на оказание помощи и воздействия именно в отношении бывших преступников и потерпевших, что обладает определенной спецификой¹.

Игнорирование свойств преступности, особенностей прогнозирования индивидуального преступного поведения, оказание помощи осужденным и потерпевшим в одном ряду с нуждающимися законопослушными гражданами (лицами без определенного места жительства, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, безработными и т.д.) не приводит к действенному результату, делает работу в отношении осужденных и потерпевших малорезультативной. В то время как предметная работа со спецконтингентом приносит свои результаты. Так, заслуживает внимания опыт функционирования центров социальной адаптации (реабилитационных центров) для лиц,

¹Значимость оказания помощи освобождаемым из мест лишения свободы отмечал еще в 60-х годах прошлого столетия профессор С.А. Денисов. См. Денисов С.А. К вопросу о становлении и развитии кодифицированного исправительно-трудового законодательства // Актуальные проблемы деятельности внутренних войск и органов внутренних дел в современных условиях: сб. трудов адъюнктов и соискателей; под общ. ред. С.Ф. Зыбина. Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1990. С. 18.

освободившихся из мест лишения свободы¹. Однако, считаем, что такая деятельность должна осуществляться в рамках федеральной службы постпенитенциарной помощи, которой может стать служба ресоциализации.

Служба ресоциализации должна быть отдельным, самостоятельным образованием в структуре Минюста РФ. К полномочиям службы ресоциализации следует отнести:

- социально-психологическое сопровождение лиц со стадии возбуждения уголовного дела, применения мер уголовного воздействия, в том числе подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, нуждающихся в такого рода сопровождении;

- формирование программ социально-психологической помощи, организация участия подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших в такого рода программах, в том числе с использованием процедур медиации;

- социальное сопровождение осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период;

- оказание медицинской, психологической, юридической, материальной и иных видов помощи нуждающимся освобожденным от отбывания наказания лицам.

- выявление проблем в семейных отношениях, реагирование путем направления обращений в компетентные органы и учреждения, оказание консультативной помощи и поддержки семье ресоциализируемого.

Социально-психологическое сопровождение лиц со стадии возбуждения уголовного дела, применения мер уголовного воздействия, в том числе подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, нуждающихся в такого рода сопровождении, предполагает назначение лицу конкретного сотрудника службы ресоциализации, к которому можно было бы

¹Интерес в этой связи представляет опыт деятельности благотворительных организаций. Например, благотворительный фонд «Рука к руке», в задачи которого входит оказание помощи бывшим осужденным. URL: <https://ruka-k-ruke.ru/eto-nado-znat/центры-социальной-адаптации-реабилитации.html>.

обратиться за помощью и поддержкой в решении бытовых вопросов, трудностей психологического характера (возможно, просто поговорить). В то же время такой сотрудник обязан будет осуществлять функции социального контроля за подопечными (звонить, приходить, проявлять интерес к событиям в жизни лица, возбуждать интерес к положительным занятиям, увлечениям и т.д.). Формирование программ социально-психологической помощи, организация участия подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших в такого рода программах, в том числе с использованием процедур медиации, представляет собой самостоятельное полномочие службы ресоциализации, реализация которого предполагает подбор сотрудником для подопечного специальной социально-психологической (реабилитационной) программы (например, лечение от алкоголизма, наркомании, игровой зависимости, обращение к профессиональному психологу для проведения сеансов психотерапии, организация медицинского лечения и т.д.). Социальное сопровождение осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период предполагает взаимодействие службы ресоциализации в решении социальных проблем осужденных с сотрудниками пенитенциарного учреждения и/или уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей функции исполнения наказания и постпенитенциарного надзора в отношении осужденного/освобожденного от наказания лица.

Анализ нормативного содержания Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» демонстрирует его значительный ресоциализационный потенциал, свидетельствует о том, что у государства есть понимание того, что в России на данный момент отсутствует важный элемент единой системы противодействия преступности в формате комплексной работы с осужденным и освобожденным от отбывания наказания лицом.

К положительным моментам анализируемого закона следует отнести достаточную проработанность функционала субъектов пробации, акцентирование внимания на необходимости их взаимодействия в процессе реализации

пробационных мероприятий. Действительно, в комплексной работе, направленной на достижение целей ресоциализации осужденного, необходимо участие всего общества, и закон «О пробации в Российской Федерации» предусматривает возможность участия в этом процессе достаточно широкого круга государственных и негосударственных субъектов. Предвидим определенные трудности в реализации данных нормативных установлений, прежде всего организационного и материально-технического характера, однако полагаем, что при должном уровне вовлеченности, некоем энтузиазме со стороны всех заинтересованных все проблемные вопросы вполне решаемы.

Отечественным федеральным законодательством о пробации предусмотрено три ее вида: приговорная (исполнительная) пробация (меры, применяемые уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества), пенитенциарная пробация в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и постпенитенциарная пробация (меры, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации)¹.

В целом выделение таких видов пробации не вызывает вопросов. Однако, остается не до конца ясным, исходя из анализа текста закона, вопрос о том, почему постпенитенциарная пробация может быть применена только к отдельной категории лиц (осужденным к принудительным работам и лишению свободы), оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Возможно ли применение постпенитенциарной пробации в отношении лиц, освободившихся от отбывания пожизненного лишения свободы, например, если они освобождены по УДО, а также наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части?

Не совсем ясным остается также то, почему в законе для разных видов пробации использованы разные формулировки. Так, указано, что приговорная

¹О создании системы пробации в Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48795/>.

пробация применяется при исполнении «наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества», без конкретизации видов наказания, а в отношении постпенитенциарной probation уже указываются конкретные наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Вызывает вопросы также и то, почему постпенитенциарная probation применяется только в отношении осужденных, попавших в трудную жизненную ситуацию, а не в отношении всех осужденных на основании заявления. Несмотря на то, что в статье 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» содержится определение трудной жизненной ситуации как обстоятельства или обстоятельств, ухудшающих условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых осуществляется probation, последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно, предполагаем, что на практике определение того, является ли конкретная жизненная ситуация трудной, дающей право на постпенитенциарную probation, может вызвать значительные затруднения в силу своей оценочности. Полагаем, что более логичным было бы распространение постпенитенциарной probation на все категории отбывших наказание осужденных.

В качестве еще одного недостатка анализируемого закона укажем на очевидную терминологическую путаницу. Что, в общем, не вызывает удивления ввиду существования достаточной неопределенности в используемых понятиях, в том числе и применяемых в законодательстве, что было уже проанализировано на страницах данного диссертационного исследования. Так, Федеральный закон «О probation в Российской Федерации» оперирует терминами probation, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, содержание которых практически идентично. Под probation понимается совокупность мер, под ресоциализацией – комплекс мер, под социальной адаптацией – комплекс мероприятий, под социальной реабилитацией – совокупность мероприятий.

На наш взгляд, достаточно сложно вычленить существенную содержательную разницу, дающую право использовать самостоятельные формулировки, между совокупностью мер, комплексом мер, совокупностью

мероприятий и комплексом мер. Полагаем, что в такой нормативно-правовой интерпретации - это суть абсолютно одинаковые понятия, различия между которыми совершенно стираются и будут, несомненно, путать правоприменителя. Как полагаем, здесь законодатель опирается на терминологию Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, критикуемого в научной литературе, в том числе в настоящем диссертационном исследовании.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» предполагает создание в России центров пробации, которые будут создаваться «некоммерческими, в том числе религиозными организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями»¹. Поддерживая в целом такую идею, отметим, что силами только гражданского общества, без участия государства, данную проблему вряд ли можно решить. В этой связи полагаем, что создание центров пробации (наше предложение сводится к созданию центров ресоциализации) должно осуществляться силами государства, финансироваться из государственного (федерального или регионального) бюджета. Что же касается негосударственных центров пробации, то они также могут и должны создаваться, но такая инициатива должна быть, поддержана государством. В целях активизации деятельности негосударственных структур по созданию центров пробации необходимо предусматривать льготное налогообложение, субсидии, кредиты и льготы субъектам такой деятельности.

В завершении еще раз отметим, что, несмотря на очевидную значимость и проработанность Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», полагаем, что именно в формате пробации такая форма организации противодействия преступности в контексте ресоциализации в Российской Федерации не приживется. Предлагаем использовать ставшее за достаточно длительный период использования в России уже более привычным понятие ресоциализации или постпенитенциарной помощи. Служба

¹Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.12.2023 № 10-ФЗ // Российская газета. 2023. № 29. 9 февраля.

постпенитенциарной помощи (или служба ресоциализации) должна быть самостоятельной, в своей деятельности ориентироваться на оказание социальной помощи и поддержки осужденным и освобожденным от наказания лицам, а также потерпевшим от преступления, без выделения категорий. В этой связи предлагаем заменить термин «пробация» на «ресоциализация» в наименовании анализируемого Федерального закона и далее по тексту с учетом необходимой его проработки.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, приходим к следующим выводам:

1. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует система постпенитенциарной помощи и постпенитенциарного контроля за осужденными, освобожденными от отбывания наказания. Принятый 6 февраля 2023 г. Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» регламентирует понятие, принципы, субъекты, виды пробации. Пробация - это «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц, контроль и надзор за их поведением, предупреждение совершения ими преступлений и правонарушений»¹. К 1 января 2025 года в России должна быть создана система пробации в Российской Федерации. Однако, как представляется, в настоящее время еще нельзя говорить о том, что такая конструкция реализована полностью и вряд ли это будет сделано в обозначенный срок. Очевидно, что для целей формирования новой системы требуется продолжительное время, достаточные ресурсы и государственная воля. К настоящему моменту определенно следует констатировать только наличие государственной воли, в отношении достаточных ресурсов вопрос пока еще открыт.

2. Полагаем, что с учетом российских реалий необходимо дифференцировать функции постпенитенциарного контроля и

¹Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.12.2023 № 10-ФЗ // Российская газета. 2023. № 29. 9 февраля.

постпенитенциарной помощи. Реализация постпенитенциарного контроля сотрудниками подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (уголовно-исполнительных инспекций) выглядит вполне логично. В этой связи предлагаем передать все полномочия по осуществлению различных видов постпенитенциарного контроля в ведение уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

3. Основываясь на опыте реализации института пробации в зарубежных странах, считаем нецелесообразным организацию службы постпенитенциарной помощи (или службу ресоциализации) на базе уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний России. Такая институция должна быть самостоятельной, в своей деятельности ориентироваться на оказание социальной помощи и поддержки осужденным и освобожденным от наказания лицам, а также потерпевшим от преступления.

4. Служба ресоциализации должна быть отдельным, самостоятельным образованием в структуре Министерства юстиции Российской Федерации. К полномочиям службы ресоциализации следует отнести: а) социально-психологическое сопровождение лиц со стадии возбуждения уголовного дела, применения мер уголовного воздействия, в том числе подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, нуждающихся в такого рода сопровождении; б) формирование программ социально-психологической помощи, организация участия подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших в такого рода программах, в том числе с использованием процедур медиации; в) социальное сопровождение осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период; г) оказание медицинской, психологической, юридической, материальной и иных видов помощи нуждающимся освобожденным от отбывания наказания лицам; д) выявление проблем в семейных отношениях, реагирование путем направления обращений в компетентные органы и учреждения, оказание консультативной помощи и поддержки семье ресоциализируемого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование в соответствии с поставленными целью и задачами позволило сделать научно обоснованные выводы, рекомендации и предложения, касающиеся концептуальных основ построения в Российской Федерации системы противодействия преступности в контексте ресоциализации, которые в обобщенном виде могут быть представлены следующим образом:

1. Проведенный понятийно-категориальный анализ доктринальных суждений о противодействии преступности позволил сделать вывод об использовании термина «противодействие преступности» и дальнейшем исследовании политики противодействия преступности, которая выражается в основных направлениях деятельности по противодействию воспроизводству преступности, включающих в себя весь спектр правовых, социальных, экономических, организационных и иных противопреступных мер. Термин «уголовная политика» в широком смысле может рассматриваться как политика противодействия преступности.

Политика противодействия преступности исходит от государства, поддерживается государственными структурами, но основывается на существующем в обществе социальном запросе, ориентируется на сложившиеся и динамически изменяющиеся общественные отношения, соответствует общепринятым мировым представлениям о добре и зле, учитывает ментальность и социокультурные устои общества. Исследованием определены содержание (содержательные элементы), уровни и направления реализации, методология политики противодействия преступности, что с учетом анализа текущей ситуации позволило выдвинуть гипотезу о теории противопреступной социализации (ресоциализации) как методологии политики противодействия преступности на основе парадигмального подхода.

В работе проанализированы существующие в доктрине точки зрения на понятие противодействия преступности, предложено авторское понятие

противодействия преступности в контексте ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества.

Противодействие преступности в контексте ресоциализации сквозь призму теории противопреступной социализации (ресоциализации) должно выстраиваться на основе баланса репрессивной и нерепрессивной парадигм, основываться на признании положения о том, что можно и нужно противодействовать преступности, не преследуя цели возмездия (кары), но охраняя права и свободы человека как наивысшее благо и ориентируясь, в то же время, на интересы безопасности общества.

Предлагается отказаться от навязываемой с Запада «двухвекторной» модели уголовной политики в пользу политики, основанной на теории противопреступной социализации (ресоциализации), базирующейся на балансе репрессивной и нерепрессивной парадигм противодействия преступности.

2. Исследование понятия ресоциализации в механизме социальных взаимодействий в рамках триады «социализация-десоциализация-ресоциализация» позволило определить концептуальные понятия противопреступной политики в контексте ресоциализации, к числу которых относятся социализация, десоциализация, ресоциализация.

На основе анализа существующих определений предложена авторская дефиниция социализации как динамического процесса усвоения индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющего ему функционировать в роли полноценного члена общества, длящегося в течение всей жизни человека. Высказана научная гипотеза о том, что индикатором положительной социализации является социализированность, обладающая количественными и качественными характеристиками. Исследованием воспринято понятие десоциализации как процесса разрушения усвоенных личностью социальных норм, ценностей и образцов поведения, происходящего под влиянием негативного социального взаимодействия, асоциальных условий среды в зонах дискомфорта человека, связанных с усилением социальных рисков.

Проведенные научные изыскания позволили предложить авторскую дефиницию ресоциализации в криминологическом смысле как процесса и результата процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемого на основе применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса. В работе приведена аргументация авторской позиции об использовании понятия ресоциализации применительно к осужденным и потерпевшим от преступления, что позволяет ввести в оборот понятие ресоциализации в криминологическом смысле. В работе предложена структура ресоциализации в криминологическом смысле, которую составляют: объект (осужденные и потерпевшие/пострадавшие); субъекты (государственные органы, негосударственные структуры, общество в целом); факторы (криминологические, социальные и психологические). Выделены свойства ресоциализации: непрерывность, целостность, динамичность, обусловленность положительными социальными отношениями, целестремительность.

3. Исследование изменения социальных и экономических условий позволило автору сделать вывод о том, что развитие человечества движется по сценарию от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу, от модернизма к постмодернизму, постструктурализму, метамодернизму. Парадигма постиндустриализма фиксирует смещение акцентов в сторону технологий, информации и знаний, но в то же время для постиндустриального общества значительной задачей становится сохранение человека, его социальных связей. Автором на основе прогноза реализации разрабатываемой им теории противопреступной социализации (ресоциализации) в постиндустриальном (информационном) обществе предложена модель организации противопреступной деятельности, характеризующаяся следующими признаками: а) нелинейные социальные взаимосвязи и взаимодействия, в числе

которых процессы социализации, десоциализации, ресоциализации; б) необходимость ресоциализации не только преступника, но и его жертвы; в) вовлеченность каждого члена социума в процесс ресоциализации: либо на позиции объекта воздействия, либо на позиции субъекта воздействия; г) важное значение приобретает социальный контроль; д) стратегия ресоциализации должна разрабатываться и реализовываться государством.

4. Ретроспективное исследование политики противодействия преступности в контексте ресоциализации позволило выделить периоды, отличающиеся той или иной степенью реализации различных парадигм противодействия преступности в контексте ресоциализации: а) уголовная политика раннего периода российской государственности и «периода средневековья» носила исключительно репрессивный характер, не имела ресоциализирующей направленности); б) конец XIX начало XX веков в России отмечено тенденцией реализации нерепрессивной парадигмы, что проявилось в обращении исследователей к вопросу о социальной адаптации осужденных, появлении обществ патроната, Российского Попечительного о тюрьмах общества. Особо следует отметить принятие Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 г. с последующими изменениями и дополнениями, который является прообразом российского законодательства о противодействии преступности; в) ранний «советский период» отличался реализацией репрессивной парадигмы: государство заботилось о преступнике больше для того, чтобы обеспечить безопасность собственную. Политика в сфере противодействия преступности была направлена на физическое уничтожение элитарных, культурных слоев российского дореволюционного общества, борьбу с инакомыслием; г) противопреступная политика советского государства в «период зрелости» была максимально ориентирована на идеи ресоциализации в отношении осужденных, включая помощь в трудовом и бытовом устройстве и социальный контроль. Уголовно-правовая политика строилась на широком применении принципа демократизма, что привело к появлению в уголовном законодательстве не свойственных ему институтов, как, например, передача материалов дела в товарищеский суд. Однако в этом

усматривается проявление гуманистических, общечеловеческих начал уголовной политики; д) 90-е годы прошлого столетия отметились реализацией репрессивной парадигмы, сломом существовавшей системы противодействия преступности; е) конец 90-х годов прошлого столетия по настоящее время – реализация «двухвекторной» модели уголовной политики, когда, с одной стороны, чрезмерно увеличиваются сроки лишения свободы за одни преступления, а с другой стороны, ослабляется защита от преступлений, не представляющих, по мнению законодателя, большой общественной опасности. Наблюдается тенденция реализации нерепрессивной парадигмы в части ее ориентации на идеи ресоциализации осужденных. Термин «ресоциализация» получает законодательное закрепление и дальнейшее развитие. Отмечена бесперспективность реализации двухвекторной модели уголовной политики, необходимость разработки и принятия нового УК РФ, Кодекса о предупреждении преступлений и ресоциализации, Кодекса мер безопасности.

5. В работе аргументируется положение о том, что именно личность преступника является объектом сначала исследования в целях выявления проблем социализации, затем объектом ресоциализирующего воздействия.

На основе изучения имеющихся в научной литературе типологий личности преступника, а также проведенного эмпирического исследования была предложена авторская типологизация в целях выявления особенностей и типичных признаков для разработки стратегии противопреступного воздействия, выбора применимых методов ресоциализации.

Установлено, что в основу типологии личности в обозначенных целях может быть положено несколько оснований, к числу которых следует отнести характер и степень социализации, степень общественной опасности личности, психологические признаки и особенности потребностно-мотивационной сферы. К числу типов личности преступника отнесены: асоциализированный агрессивный (антисоциальный тип), десоциализированный опасный тип, дефектно социализированный (ситуативный) тип, дефектно социализированный (случайный), несоциализированный делинквентный тип.

6. Изучение социально-демографической характеристики личности преступника (пол, возраст, уровень образованности, семейное положение, социальное положение, выполнение трудовой функции, наличие жилья для проживания, отношение к религии, предыдущие судимости, характер совершенных преступлений) является необходимой предпосылкой для осуществления противопреступной социализации (ресоциализации). Изучение социально-демографических признаков в динамике позволило составить перспективный прогноз, имеющий значение для формирования общей стратегии противодействия преступности в контексте ресоциализации. На основе результатов исследования предложена матрица изменений (прогнозный план) социально-демографических характеристик личности преступника с определением ресоциализационного потенциала.

Особого внимания заслуживает исследование свойств личности киберпреступника, бытовая социализация которого зачастую успешна, однако есть дефекты правовой социализации. Развитие цифровых технологий, расширение сферы социального пространства за счет медиасферы ставят вопрос о возможности и необходимости формирования новых подходов к социализации (киберсоциализации) индивида. Полагаем, что говорить о киберсоциализации как об отдельном явлении в настоящий момент преждевременно.

7. Изучение нравственно-психологических свойств личности преступника позволило сделать вывод о том, что во многом причины преступного поведения лежат в плоскости психологии. Кроме того, установлено, что характерной особенностью личности осужденных является наличие ложных ценностей (злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами, психотропными, токсическими веществами), наличие социально значимых и опасных для окружающих заболеваний, не исключающих вменяемости психических отклонений. Данное обстоятельство предопределяет необходимость использования в процессе ресоциализации медико-психологических мер воздействия. Психологическое противопреступное влияние должно осуществляться индивидуально в рамках программ ресоциализации, в

необходимых случаях включать медикаментозное лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, иных видов социально-значимых заболеваний.

Выдвинута научная гипотеза о программном подходе к формированию личности, в соответствии с которым можно предположить, что каждый индивид, проживая свою жизнь, выполняет некую программу действий, содержание которой составляет набор событий, поступков, действий/бездействий и т.д. Каждый из элементов, включенных в такой план, имеет несколько вариантов своего развития, но в динамике все они подчинены единой логической структуре, программе, которая должна быть реализована в течение всей жизни человека.

8. В рамках обоснованной в настоящей работе теории противопреступной социализации (ресоциализации) предложено рассматривать потерпевшего в качестве объекта противопреступной социализации (ресоциализации) и включать его в сферу ресоциализирующего воздействия, что позволит акцентировать внимание именно на восстановлении социально-положительного статуса потерпевшего (процессе и его результате), а не только на профилактической работе (виктимологической профилактике); даст возможность воздействовать на глубинные причины совершения преступлений; обеспечит закрепление и реализацию механизма восстановления благополучия потерпевшего (реститутивная функция).

На основе критического анализа используемых на данный момент средств ресоциализации потерпевших предложен концепт механизма ресоциализации. В работе отмечается, что его составными частями является перечень субъектов и содержание, которое составляют средства ресоциализации.

В диссертационном исследовании предложено на законодательном уровне акцентировать внимание на ресоциализационном потенциале мер защиты, которые могут быть применены в необходимых случаях к потерпевшему. В этой связи рекомендуется внести изменения в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», изложив ее в следующей редакции: «1. *Государственная защита осуществляется в соответствии с*

принципами законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц».

Также предложено расширить круг вопросов, которые могут быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства, что будет способствовать ресоциализации потерпевших. Для чего есть смысл внести в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» изменения следующего содержания: *«В п. 12. слова «споры о возмещении вреда в случае потери кормильца» исключить».* Дополнить п. 13 указанного постановления абзацем 4 следующего содержания: *«При решении вопроса о компенсации морального вреда суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с восстановлением социально-положительного статуса потерпевшего».*

В целях ресоциализации потерпевших предложено создать Центры ресоциализации в рамках системы ресоциализации с подчинением Министерству юстиции РФ. Центры будут курировать потерпевших, в необходимых случаях организовывать поддержку в процессе применения мер защиты и компенсации вреда потерпевшим, а также заниматься вопросами оказания помощи: психологической, организационной, материальной, медицинской и иных. Для организации финансового содействия ресоциализации потерпевших следует создать Национальный фонд поддержки пострадавших от преступлений.

9. Исследованием установлена необоснованность отнесения ресоциализации к формам профилактического воздействия (ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 162 от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Предложено рассматривать ресоциализацию и как процесс, в итоге которого человек не совершает преступления и/или восстанавливает свой социально-положительный статус до уровня, исключающего совершение им преступления, и как результат данного процесса. В

этой связи сделаны следующие предложения в порядке de lege ferenda: в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ:

- пункт 8) части 1 ст. 17 исключить;

- ст. 25 исключить;

- дополнить ст. 2 пунктом 8) следующего содержания: – «ресоциализация – процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения преступлений и/или восстановления социально-положительного статуса».

- дополнить ст. 6 ч. 1 пунктом 2.1. «2.1. обеспечение ресоциализации»

Высказана научная гипотеза о том, что система предупреждения (профилактики) преступлений в РФ все еще находится в стадии построения. И строить ее следует исходя из того, что она является составной частью системы противодействия преступности.

В качестве концептуальной модели законодательного регулирования системы предупреждения преступности предложена основанная на вертикально-территориальном принципе группировка законодательства по уровням: международное, федеральное, региональное, ведомственное. В качестве нормативно-правовой основы системы предупреждения преступлений предложен Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, содержащий четко проработанные и конкретизированные нормы, на основе которых субъекты Российской Федерации будут выстраивать региональное законодательство в данной сфере.

Разработан авторский проект Кодекса о предупреждения преступлений и ресоциализации.

10. На основе концепции единого права противодействия преступности, предложенной профессором Д.А. Шестаковым, представлена авторская

концептуальная модель единого законодательства о противодействии преступности в Российской Федерации, включающего в себя Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации, Кодекс мер безопасности, УК, УПК, УИК.

Предложено уточнить закрепленные УК РФ задачи Уголовного кодекса, дополнить указанием на функции уголовно-правового воздействия, конкретизировать данные функции. В связи с изложенным рекомендовать внести изменения в статью 2 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

УК РФ Статья 2. Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации

1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений и ресоциализация.

2. Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, функции уголовно-правового воздействия, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. К лицу, признанному виновным в совершении преступления могут быть применены меры безопасности в случаях, предусмотренных законодательством РФ.

3. Функциями уголовно-правового воздействия являются защита человека, его прав и свобод, ресоциализация человека.

На основании проведенного исследования представлены предложения по принципам правового регулирования, методам предупредительного воздействия и т.д., по содержанию, структуре Кодекса предупреждения преступлений и ресоциализации.

11. В работе отмечается все более расширяющаяся сфера применения норм безопасности, предлагается аккумулировать нормы безопасности в отдельном

правовом акте, Кодексе мер безопасности, приводятся аргументы в поддержку данной позиции.

Предлагаемая теория противопреступной социализации (ресоциализации) предполагает использование различных мер, в числе которых могут быть меры безопасности.

В целом методология противопреступного воздействия предполагает использование следующих методов: а) поощрение; б) воздействие (медицинское, психологическое); в) воспитание; г) помощь и поддержка (организационное, бытовое, трудовое устройство); д) контроль; е) ограничение и изоляция. Методы контроля, ограничения и изоляции положены в основу применения мер безопасности, составляют их сущность. В работе исследован институт административного надзора за освобожденными от наказания лицами, внесены предложения по его совершенствованию.

12. На основе исследования зарубежного опыта противодействия преступности установлено, что основной тенденцией, обуславливающей стратегии противодействия преступности в современной мировой практике, является характерный для недавнего времени феномен конвергенции правовых систем, что приводит к стиранию до некоторой степени различий в правовом регулировании и проявлении общемировых тенденций (трендов) противопреступной политики. Общим трендом противопреступной политики выступает ориентация на ресоциализацию преступника и идея поиска баланса между безопасностью общества и реинтеграцией в него бывших преступников. В диссертационной работе обосновывается необходимость для российского государства, несмотря на очевидные общие тренды, в целях сохранения самоидентичности определять собственный путь реализации противопреступной стратегии, обусловленный историческими традициями, сложившимся укладом общественных отношений, экономическими, политическими, климатическими и социальными условиями.

В ходе диссертационного исследования отмечена тенденция, характерная для европейских и иных стран, активно использующих пробацию: увеличения

количества нарушений пробации и применения изоляции в пенитенциарных учреждениях вследствие перенесения экономического бремени реализации пробационных ограничений на нарушителя, большого несоизмерного количества ограничений и его неспособности справиться с ними.

В то же время установлена эффективность стратегии реабилитации, использующей различные программы, применяющей электронный мониторинг, но отмечена и опасность данной стратегии, которая заключается в перенесении акцента с нарушения на нарушителя, чрезмерном расширении прав в осуществлении «обращения» с правонарушителем, неопределенности и субъективизме при решении вопроса об освобождении при исправлении. Отмечена значимость социальной работы с преступниками, когда к ресоциализирующей деятельности привлекаются не сотрудники правоохранительных или пенитенциарных органов, а социальные работники, важным направлением деятельности которых является установление доверительных отношений со своими клиентами и возможность обратиться за помощью в любое время.

Как общий вывод отмечено, что успехи противопреступной деятельности наблюдаются в тех государствах, где реализуется адекватная государственная социальная политика, в предупредительную деятельность вовлечены широкие общественные круги, используются различные формы неформального контроля, основой которого является семейный контроль как средство ресоциализации.

13. В работе исследована система наказаний по УК РФ. Обосновано положение о том, что в настоящее время она не отвечает требованиям современного общества, имеющего характеристики информационного (постиндустриального), и нуждается в совершенствовании. Аргументируется положение о том, что в обновленной парадигме информационного общества наказание является крайней мерой реагирования на преступность, количественная доля применения которого должна быть минимальна. Взамен предлагается более широко использовать меры безопасности и меры ресоциализации.

В работе проводится дифференциация регламентированных Уголовным кодексом Российской Федерации видов наказаний по трем группам: а) ресоциализационный потенциал связан с воздействием в условиях контроля и/или изоляции (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части); б) ресоциализационный потенциал связан с привлечением к труду (обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе); в) ресоциализационный потенциал обусловлен только самим фактом назначения наказания (штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград).

Предложено исключить из УК РФ наказания, не применяемые или редко практикуемые в настоящий момент – смертную казнь и арест. Рекомендовано исключить из видов наказаний, предусмотренных УК РФ, являющиеся по своей природе мерами безопасности штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, исправительные работы, ограничение по военной службе, предусмотреть нормы об их применении в Кодексе мер безопасности. Закрепленные в Уголовном кодексе РФ наказания в виде обязательных работ и принудительных работ с точки зрения их ресоциализационного потенциала оценены положительно. Ресоциализационный потенциал мер государственного принуждения в виде пожизненного лишения свободы, лишения свободы на определенный срок, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части обусловлен удержанием лица от совершения преступления путем установления постоянного наблюдения над ним и воздействия со стороны субъектов исполнения наказания.

В работе предлагается акцентировать внимание на некарательном аспекте исполнения данных видов наказания, подчеркнуть их ресоциализационный потенциал путем указания в нормах Уголовного кодекса РФ. В порядке *de lege*

ferenda предлагается дополнить ст.ст. 53, 55, 56, 57 УК РФ частью 2.1 следующего содержания: *«2.1. При назначении вида наказания учитывается возможность оказания в отношении осужденного социально-психологического воздействия, помощи и поддержки».*

В работе поддерживается идея отказа от закрепления в УК РФ целей наказания в пользу функций уголовно-правового воздействия ввиду невозможности и практической нецелесообразности определения достижимости целей уголовного наказания. Однако аргументируется нецелесообразность полного отказа от идеи исправления осужденного. Предлагается исключить из Уголовного кодекса РФ часть 2 статьи 43 УК РФ, использовать категорию исправление осужденного применительно к исполнению наказания.

14. В результате исследования сделан вывод о том, что в настоящее время уголовно-исполнительная система РФ находится в периоде стагнационного кризиса, что подтверждается ростом уровня пенитенциарной преступности. Несмотря на снижение количества осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, увеличивается нагрузка на уголовно-исполнительные инспекции. Установлено, что уголовно-исполнительная система нуждается в реформировании, акцент при реализации реформаторских мероприятий должен быть сделан в пользу ресоциализации с учетом российской специфики. Необходимо формирование конкретной нормативно-правовой базы, регламентирующей все аспекты деятельности уголовно-исполнительной системы, ее взаимодействие со структурами общества на основе нормативных положений принятого Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

В работе доказано, что существенной проблемой, препятствующей эффективной работе уголовно-исполнительной системы, является ее некая архаичность, ориентация на кару, возмездие в отношении лица, совершившего преступление, в ущерб идее ресоциализации. Российские пенитенциарные учреждения в их современном виде не ориентированы на ресоциализацию осужденных. В качестве решения проблемы предложено в процессе

реформирования уголовно-исполнительной системы отказаться от отрядного содержания осужденных, заменив условия коллективного нахождения большого числа людей в течение значительного времени в едином пространстве на их проживание в помещениях гостиничного типа, рассчитанных максимум на 2-3 человек, с регламентацией распорядка дня и контролем над эффективным распределением личного времени. Как представляется, это позволит повысить эффективность исполнения наказания и будет способствовать ресоциализации.

Исследованием установлено, что серьезной проблемой, препятствующей реализации идей ресоциализации в уголовно-исполнительной системе, является вопрос о личности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний. Полагаем, что необходимо ужесточить требования к кандидатам на должности сотрудников ФСИН, предусмотрев в качестве одного из них наличие безупречной репутации, что может быть подтверждено результатами изучения условий жизни и предыдущей деятельности кандидата на должность сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний РФ. Необходимо избегать формализма при кадровом отборе на должности сотрудников ФСИН. Немаловажным представляется улучшение имиджевой составляющей службы в уголовно-исполнительной системе. Такая работа должна быть почетной, уважаемой в обществе, но этой цели невозможно добиться без эффективной деятельности самой Федеральной службы исполнения наказаний.

Основываясь на доказываемом с позиции теории противопреступной социализации понимании ресоциализации и как процесса, и как результата, в исследовании предложено в порядке *de lege ferenda* уточнить норму части 1 статьи 9 УИК РФ, изложив ее в следующей редакции: *«1. Исправление осужденных - это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения в целях их ресоциализации»*.

Исследованием подтверждена целесообразность реализации государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной сфере. Однако реформирование в данной области должно учитывать российскую специфику.

Необходимо разработать концепцию взаимодействия уголовно-исполнительной системы с бизнес-сообществом (путем государственно-частного партнерства), в которой четко определить все нюансы данного взаимодействия и обозначить границы контроля со стороны государства.

В работе отмечена необходимость трансформации организации получения осужденными образования, а также профессиональной подготовки, психолого-педагогического воздействия, предложены конкретные реформаторские меры, в числе которых: а) построение основных профессиональных образовательных программ, реализуемых в исправительном учреждении, с учетом требований рынка труда (с ориентацией на профстандарты); б) минимизация бюрократизации сферы образования в исправительном учреждении (снижение количества требуемых форм отчетности в пользу высвобождения времени для психолого-педагогической деятельности); в) воспитательное воздействие на осужденного с целью сохранения индивида от дальнейшего скатывания к деградации; г) вывод психологической службы из уголовно-исполнительной системы, организация работы психологической службы на базе предлагаемых к созданию Центров ресоциализации.

В ходе проведенного в 20-летней динамике исследования изменений уголовно-исполнительной системы сквозь призму института ресоциализации установлено, что уголовно-исполнительная реформа не будет эффективна в отрыве от социально-экономической трансформации всего российского общества. Максимально эффективным представляется обращение к идеям криминофамилистики, использование антикриминогенного потенциала семьи как социального института.

В этой связи предложено закрепить взаимодействие с институтом семьи в качестве отдельного направления развития уголовно-исполнительной системы, для чего дополнить пункт IV Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года положением следующего содержания: *«повышение уровня взаимодействия с семьей как институтом гражданского общества в целях*

обеспечения ресоциализации и социальной адаптации осужденных, освободившихся от отбывания наказания».

15. В работе отмечено, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует система постпенитенциарной помощи и постпенитенциарного контроля за осужденными, освобожденными от отбывания наказания. Нет единого законодательного акта, который бы на федеральном уровне регулировал порядок осуществления противодействия преступности в комплексе, не определен круг субъектов, чей функционал включал бы в себя деятельность, связанную с постпенитенциарным контролем и содействием постпенитенциарной адаптации. Однако предпринимаются реальные усилия по созданию системы помощи и содействия ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации осужденных и освобожденных от отбывания наказания лиц в формате пробации. В феврале 2023 г. был принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», разработаны и утверждены подзаконные нормативные акты.

В настоящем диссертационном исследовании изложено авторское видение организации системы помощи и содействия ресоциализации осужденных в постпенитенциарный период. В качестве предложения высказано положение о необходимости дифференциации функций постпенитенциарного контроля и постпенитенциарной помощи. Полномочия по осуществлению различных видов постпенитенциарного контроля следует передать в ведение уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний РФ. Функции постпенитенциарной помощи должна осуществлять вновь создаваемая служба ресоциализации (служба постпенитенциарной помощи), которую логично организовать в системе Минюста РФ. Она должна быть самостоятельной, в своей деятельности ориентироваться на оказание социальной помощи и поддержки осужденным и освобожденным от наказания лицам, а также потерпевшим от преступления.

К полномочиям службы ресоциализации следует отнести: а) социально-психологическое сопровождение лиц со стадии возбуждения уголовного дела,

применения мер уголовного воздействия, в том числе подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, нуждающихся в такого рода сопровождении; б) формирование программ социально-психологической помощи, организация участия подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, потерпевших в такого рода программах, в том числе с использованием процедур медиации; в) социальное сопровождение осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период; г) оказание медицинской, психологической, юридической, материальной и иных видов помощи нуждающимся освобожденным от отбывания наказания лицам; д) выявление проблем в семейных отношениях, реагирование путем направления обращений в компетентные органы и учреждения, оказание консультативной помощи и поддержки семье ресоциализируемого.

Реализация сделанных в результате диссертационного исследования предложений позволит, как представляется, организовать действенную систему противодействия преступности в Российской Федерации, будет способствовать снижению рецидивной преступности, улучшению общего криминогенного фона, продолжению научных исследований в указанной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; Российская газета. – 2020. – 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (Ч. I). – Ст. 4921.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 1.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
8. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.
9. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10 // Российская газета. – 2023. – № 29. – 9 февраля.

10. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

11. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

12. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

13. Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.06.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193.

14. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3851.

15. Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5237.

16. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.

17. Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2039.

18. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

19. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 7. – Ст.1027.

20. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

21. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

22. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

23. Федеральный закон от 27.11.2023 г. № 548-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 49 (Часть III). – Ст. 8665.

24. Федеральный закон от 12.12.2023 N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 51. – Ст. 9138.

25. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-I (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с

изменениями и дополнениями) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

26. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 25.12.2023) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1915.

27. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

28. Указ Президента РФ от 5.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

29. Указ Президента РФ от 9.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

30. Указ Президента РФ от 9.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945.

31. Указ Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 № 1314» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 10. – Ст. 1568.

32. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

33. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией

долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

34. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 20. – Ст. 3397.

35. Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3683-р (ред. от 27.08.2021) «Об утверждении плана законопроектной деятельности Правительства РФ на 2021 год» (вместе с «Планом законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2021 год») // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 3. – Ст. 608.

36. Распоряжение Правительства РФ «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» от 2.09.2022 № 2523-р // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 37. – Ст. 6381.

37. Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 07.02.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2030 годы)» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 16 (Часть II). – Ст. 2374.

38. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4916

39. Постановление Правительства РФ от 30.12.2016 № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» (вместе с Правилами проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 2 (Часть II). – Ст. 392.

40. Приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2023.

41. Приказ Министерства юстиции РФ от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы // Бюллетень Минюста РФ. – 2006. – № 3.

42. Приказ Министерства юстиции РФ от 19.03.2015 № 62 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» // Российская газета. – 2015. – № 73. – 8 апреля.

43. Приказ ФСИН России от 14.08.2020 № 555 (ред. от 17.04.2023) «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 № 60221) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.10.2020.

44. Закон Кировской области от 03.08.2017 № 92-30 «О профилактике правонарушений в Кировской области» // Кировская правда. – 2017. – № 73. – 8 августа.

45. Областной Закон Ростовской области от 29.12.2016 № 933-ЗС «О профилактике правонарушений на территории Ростовской области» // Наше время. –2017. –№ 17-51. –24 января.

46. Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 № 493-III «О профилактике правонарушений в Республике Саха (Якутия)» // Сборник законов Республики Саха (Якутия). –2005. –Том 2.

47. Закон города Москвы от 19.03.2008 № 14 «О системе профилактики правонарушений в городе Москва» // Ведомости Московской городской Думы. – 2008. – № 4. –Ст. 51.

48. Закон Краснодарского края от 01.11.2013 №2824-КЗ «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае» // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. – 2013. – № 12 (201). – 5 ноября.

49. Закон Ставропольского края от 08.02.2019 № 3-кз «О некоторых вопросах профилактики правонарушений в Ставропольском крае» // Ставропольская правда. – 2019. – № 16 (27350). – 15 февраля.

50. Закон Брянской области от 02.05.2017 № 26-3 «О профилактике правонарушений в Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.05.2017.

51. Закон Нижегородской области от 06.07.2012 № 88-З «О профилактике правонарушений в Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2012. – № 126. – 17 июля.

52. Закон Ленинградской области от 06.06.2016 № 46-оз «О ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера, в Ленинградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2016.

53. Закон Ленинградской области от 20.02.2024 № 18-оз «Об обеспечении реализации полномочий органов государственной власти Ленинградской области

в сфере probation» // Сетевое издание «Электронное опубликование документов» www.npa47.ru, 20.02.2024.

54. Закон Московской области от 14.06.2019 № 116/2019-оз «О профилактике правонарушений в Московской области среди лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» // Ежедневные новости. Подмоскowie. – 2019. – № 116. – 28 июня.

а. Закон Хабаровского края от 21.12.2016 г. № 232 «О регулировании отдельных вопросов профилактики правонарушений в Хабаровском крае» // Собрание законодательства Хабаровского края. – 2017. – № 12 (Том 1). – 31 января.

55. ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения. (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст. (ред. от 17.10.2013). М., Стандартинформ, 2006; ГОСТ Р 54990-2018. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем. (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 08.08.2018 № 468-ст. М., Стандартинформ, 2006.

56. Рекомендации Комитета министров Res (2006) 2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах / Документ опубликован не был // СПС «Гарант».

57. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 3.04.1999 № 13-4 «О правовом обеспечении противодействия преступности на территории стран Содружества» // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1999. № 21.

58. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, – 2002.

59. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, – 2002.

60. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. Пер. на русск. яз. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, – 2001.
61. Уголовный кодекс Таиланда / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева, Ю.В. Голика. – СПб.: Юридический центр Пресс, – 2005.
62. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева, пер. с кит. – М.: Юридическая фирма Контракт, – 2021.
63. Уголовный кодекс Дании / пер. с датск. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб.: Юридический центр Пресс, – 2001.
64. Закон Латвии от 30.12.2003 «О Государственной службе пробации». [Электронный ресурс] // URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-430>.
65. Закон Грузии от 19.06.2007 № 4956-Іс «О порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации» // Законодательный вестник Грузии. [Электронный ресурс] // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33400/10/ru/pdf>.
66. Закон Республики Казахстан от 30.12.2016 № 38-VI ЗРК «О пробации». [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36232217.
67. Закон Украины от 5.02.2015 № 160-VIII «О пробации» [Электронный ресурс] // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/160-19#Text>.
68. Уголовно-исполнительный кодекс Украины от 11.07.2003 № 1129-IV. [Электронный ресурс] // URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno-ispolnitelnyj_kodeks_ukraini/statja-6.htm.

Правовые акты, утратившие силу

69. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

70. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (Часть II). – Ст. 212.

71. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 01.10.2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» конкретизировал деятельность Общественного совета при ФСИН РФ // Бюллетень Минюста РФ. – 2014. – № 2.

72. Приказ Минюста России от 13.01.2006 № 2 (ред. от 26.12.2019) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.01.2006 № 7426) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 7. – 13 февраля.

73. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Св. зак. т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

75. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

76. Исправительно- трудовой кодекс РСФСР от 18.12.1970 (ред. от 21.12.1996). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

77. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.09.1965 б/н. «Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях при исполнительных

комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 1995. – № 29. – 8 февраля.

79. Закон Ульяновской области от 09.03.2016 № 31-зо «О правовом регулировании отдельных вопросов, связанных с участием исполнительных органов государственной власти Ульяновской области в ресоциализации проживающих на территории Ульяновской области лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, и лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, находящихся в трудной жизненной ситуации и (или) утративших социальные связи» // Ульяновская правда. – 2016. – № 31. – 14 марта.

Иные официальные материалы и статистика

80. Статистические данные о состоянии преступности в РФ // Сайт МВД РФ. [Электронный ресурс] // <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

81. Данные судебной статистики // Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

82. Справочная информация: «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами Консультант Плюс). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

83. Преступность по данным Росстат [Электронный ресурс] // <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-4>.

84. Российская Федерация. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 177 с.

Определения и постановления Конституционного Суда Российской Федерации

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 21. – Ст. 3673.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 2022. – № 267. – 25 ноября.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. – 2020. – № 240. – 23 октября.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15 (ред. от 22.12.2022) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. – 2017. – № 110. – 24 мая.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 117. – 1 июня.

Судебная и иная правоприменительная практика

92. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 15-КА19-3 от 24.01.2020 г. [Электронный ресурс] // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=.

93. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 78-КА20-6 от 10.06.2020 г. [Электронный ресурс] // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1896254.

94. Постановление Президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 г. по делу № 44у-126/2015. [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/f7p37yIzaEK/>.

95. Решение Элистинского городского суда № 2А-3272/2019 2А-3272/2019~М-3198/2019 М-3198/2019 от 20.11.2019 г. по делу № 2А-3272/2019. [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/Qb3EzWPjB25X/>.

96. Приговор суда Дзержинского района г. Оренбурга по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ дело № 1-346/2017. [Электронный ресурс] // <https://sud-praktika.ru/precedent/422334.html>.

97. Опубликованная судебная практика. [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc>.

98. Опубликованная судебная практика. [Электронный ресурс] // <https://sud-praktika.ru/precedent/>.

99. Постановление ЕСПЧ от 12.03.2019 по делу "Петухов (Petukhov) против Украины (N 2)" (жалоба N 41216/13). // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 10.

Монографии, учебники, учебные пособия

100. Абельцев, С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия/ С.Н. Абельцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 206 с.

101. Аванесов, Г.А. Криминология: учебник / Г.А. Аванесов. - М., 1984 – 500 с.

102. Административный надзор / Серия «Знай свои права!». Сост. В.М. Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2017. – 64 с.

103. Аистова, Л.С. Об уголовном праве зарубежных государств: от истоков до современности / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев. – СПб., Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – 271 с.

104. Алауханов, Е.О. Криминология: учебник / Е.О.Алауханов. – СПб: Юридический центр Пресс, 2013. – 606 с.

105. Александров, А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А.И.Александров ; под ред. Лукашевич В.З. – СПб., 2003. – 562 с.

106. Алексеев, А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А.И.Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. – М.: НОРМА, 2001. – 481 с.

107. Алексеев, А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса /А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006. – 143 с.

108. Алексеев, А.И. Криминология: курс лекций / А.И. Алексеев. – М.: Щит-М, 1998. – 336 с.

109. Алексеев, А.И. Криминология: учебник / А.И. Алексеев. – М., 2000. – 331 с.

110. Аликперов, Х.Д. Неизведанные грани наказания и тайны его бытия («Учение о нечеловекотворности наказания») / Х.Д. Аликперов; предисл. И.М. Рагимова ; отв. ред. А.П. Данилов. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. — 105 с.

111. Андреева, Г.М. Социальная психология: учеб. для высш. учеб. заведений / Г.М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 376 с.

112. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: избр. труды / П.К. Анохин. — М., 1978 — 400 с.

113. Антонян, Ю.М. Изучение личности преступника / Ю.М. Антонян. — М., 1982 — 79 с.

114. Антонян, Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. — М.: Наука, 1987. — 208 с.

115. Антонян, Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян. — М., 2000. — 451 с.

116. Антонян, Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. — М. 1996 — 335 с.

117. Бабаев, М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — М.: Проспект, 2014. — 296 с.

118. Баянова, Т.А. Социально значимые заболевания. Эпидемиология и профилактика инфекционных заболеваний: туберкулез, ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты В, С: учебное пособие для студентов / Т.А. Баянова, А.Д. Ботвинкин, Н.Ю. Куприянова; ГБОУ ВПО ИГМУ Минздрава России, Кафедра эпидемиологии. — Иркутск: ИГМУ, 2015. — 49 с.

119. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М. 2004. - 783 с.

120. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н.А. Беляев. — Л., 1986. — 175 с.

121. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. — М.: ЮрИнфоР, 2004. — 293 с.

122. Бурлаков, В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования / В.Н.Бурлаков. – СПб., 1998. – 235 с.
123. Бытко, Ю.И. Понятие рецидива преступлений (исторический очерк) / Ю.И.Бытко. – Саратов, 1978. – 73 с.
124. Волков, Б.С. Мотивы преступлений / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. – 152 с.
125. Воронин, М.Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития / М.Ю.Воронин. – М., 2000. – 24 с.
126. Воронин, Ю.А. Введение в криминологию: курс лекций / Ю.А.Воронин. – М., 2008. – 250 с.
127. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 501 с.
128. Герцензон, А.А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А.А. Герцензон. – Л., 1970. – 286 с.
129. Гогель, С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / С.К. Гогель ; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 386 с.
130. Головненков, П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона П.В. Головненков / П.В. Головненков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Проспект, 2014. – 311 с.
131. Горшенков, Г.Н. Криминологический словарь / Г.Н. Горшенков. – Н. Новгород, 2004. – 240 с.
132. Гришанин, П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву / П.Ф. Гришанин. – М., 1974. – 150 с.
133. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. – М., 1990. – 304 с.

134. Дагель, П.С. Теоретические основы установления вины / П.С. Дагель, Р.И. Михеев. – Владивосток, 1975. – 167 с.

135. Дагель, П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве / П.С. Дагель. – Владивосток, 1970. – 132 с.

136. Детков, М.Г. Содержание пенитенциарной политики российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов / М.Г. Детков. – М., 1992. – 192 с.

137. Дзигарь, А.Л. Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике / А.Л. Дзигарь. – Ростов н/Д, 2005. – 368 с.

138. Еникеев, М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов / М.И. Еникеев. - М.: Юрист, 1996. – 630 с.

139. Еникеев, М.И. Юридическая психология: учебник / М.И. Еникеев. - СПб., 2004. – 256 с.

140. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009. – 400 с.

141. Жинкин, С.А. Психологические проблемы права / С.А. Жинкин. - СПб: Юридический центр Пресс, 2009. – 371 с.

142. Забрянский, Г.И. Криминология несовершеннолетних / Г.И. Забрянский. - М.: Рос. Академия адвокатуры и нотариата, 2013. – 352 с.

143. Зазулин, Г.В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013) / Г.В.Зазулин. - СПб: Юридический центр Пресс, 2013. – 326 с.

144. Загородников, Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: учебное пособие / Н.И. Загородников. – М., 1979. – 99 с.

145. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И.Э. Звечаровский. – СПб: Юридический центр Пресс, 2001. – 97 с.

146. Зелинский, А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении / А.Ф. Зелинский. – Харьков, «Вища школа», 1986. – 167 с.

147. Зорькин, В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл / В.Д. Зорькин. – СПб: Конституционный Суд РФ, 2021. – 154 с.
148. Ивин А.А. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Туманит, 1997. – 384 с.
149. Игнатов, А.Н. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М., 2001. – 549 с.
150. Игошев, К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. – Горький, 1974. – 167 с.
151. Иншаков, С.М. Криминология: учебник / С.М. Иншаков. – М.: Юриспруденция, 2000. – 432 с.
152. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М.: ИНФРА-НОРМА, 1997. – 374 с.
153. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М., 1961. – 381 с.
154. Исаев, И.А. История государства и права России: полный курс лекций / И.А. Исаев. – М., 1995. – 447 с.
155. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М., 1973. – 287 с.
156. Квашиш, В.Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашиш; предисл. Ю.Е. Пудовочкина. – СПб.: Юридический центр пресс, 2011. – 606 с.
157. Ковалев, А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя / А.Г. Ковалев. – М., 1968. – 136 с.
158. Козочкин, И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 476 с.
159. Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. – М., 1967. – 383 с.
160. Коновалов, В.П. Изучение потерпевших с целью профилактики правонарушений / В.П. Коновалов. – М., 1982. – 72 с.

161. Коробеев, А.И. Уголовная политика России: от генезиса до кризиса / А.И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 352 с.
162. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск. 1991. – 240 с.
163. Косоплечев, Н. Система мер предупреждения преступности: деятельность государственных органов и общественных организаций / Н.Косоплечев, В. Григорян, И. Федулов. – М., 1988. – 128 с.
164. Кочин, А.А. Современное учение о жертвах преступлений: монография / А.А. Кочин, В.С. Харламов. – СПб.: ООО Печатный элемент, 2021. – 114 с.
165. Криминология: учебник / Г.М. Миньковский, Н.Ф. Кузнецова, М.Н. Голоднюк. [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: БЕК, 1994. – 415 с.
166. Криминология: учебник для вузов / А.И. Долгова; под ред. А.И. Долговой. – М.: Изд-во НОРМА. – М., 2005. – 912 с.
167. Криминология: учебник; под ред. В.Е. Эминова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 157 с.
168. Криминология: учебник / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1997. – 512 с.
169. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. – 62 с.
170. Криминология: учебник для аспирантов / И.И. Аминов, Е.А. Антонян, Г.В. Дашков [и др.]; под ред. И.М. Мацкевича. – М.: Норма: ИНФРА. – М, 2017 – 368 с.
171. Криминология: учебник; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – 2-е изд.: перераб. и доп. – М., 2004. – 640 с.
172. Криминология: курс лекций ; под ред. В.Н. Бурлакова, С.Ф.Милюкова, С.А. Сидорова, Л.И. Спиридонова. – СПб., 1995. – 424 с.
173. Крылова, Н.Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия): учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 1997. – 187 с.

174. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1984. – 208 с.
175. Кургузкина, Е.Б. Личностные особенности и преступное поведение / Е.Б. Кургузкина // Организованная преступность, миграция, политика. – М., 2002. – С. 137-145.
176. Кутырев В.А. Философия постмодернизма / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. – 95 с.
177. Лейкина, Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность / Н.С.Лейкина. – Л., 1969. – 128 с.
178. Лекарь, А.Г. Профилактика преступлений / А.Г. Лекарь. – М., 1972. – 102 с.
179. Личность преступника / В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Кондрашков, Н.С. Лейкина [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. – М., 1975. – 272 с.
180. Личность преступника и ее криминологическое изучение; под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. – 195 с.
181. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтер Клувер, 2009. – 579 с.
182. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М. 2011. – 799 с.
183. Марданов, А.Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии / А.Б. Марданов. – СПб.: Юридический центр Пресс. 2014. – 183 с.
184. Морозов, Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии / Н.А. Морозов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 215 с.
185. Новиков, А.Д. Методология / А.Д. Новиков, Д.А. Новиков. – М.: СИНТЕГ 2007. – 668 с.
186. Орлов, В.Н. Криминологическое законодательство: учебное пособие / В.Н. Орлов. – СПб., 2021. – 178 с.

187. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. – М.: Юрист, 1997. – 630 с.
188. Панченко, П.Н. Советская уголовная политика / П.Н. Панченко. – Томск. 1988. – 198 с.
189. Парыгин, Б.Д. Социальная психология как наука / Б.Д. Парыгин. – Л., 1967. – 262 с.
190. Пермяков, Ю.Е. Введение в основы уголовной политики / Ю.Е. Пермяков. – Самара. 1993. – 103 с.
191. Петровский, А.В. Российская институциональная система криминологических норм: монография / А.В. Петровский. – Краснодар; Кубанский гос. ун-т, 2019. – 211 с.
192. Пищелко, А.В. Реадаптация и ресоциализация / А.В. Пищелко, Д.В. Сочивко; под общ. ред. Ю.И. Калинина. - М.: PerSe, 2003. – 207 с.
193. Предупреждение рецидива преступлений; под ред. С.А. Елисеева. – Томск, 1990. – 128 с.
194. Право Европейского Союза: учебник для вузов; под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: Изд-во Юрайт, 2002. – 172 с.
195. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / И.С. Власов, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Голованова [и др.]. – М., 1991. – 287 с.
196. Прикладная юридическая психология: учебник / И.И. Аминов, А.И. Афиногенов, А.Г. Гельманов [и др.] ; под ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 639 с.
197. Рагимов, И.М. О нравственности наказания / И.М. Рагимов; предисл. Х.Д. Аликперова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. – 221 с.
198. Рагимов, И.М. Преступность и наказание / И.М. Рагимов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.
199. Рассказов, Л.П. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы / Л.П. Рассказов, И.В. Упоров. – Краснодар, 1999. – 490 с.

200. Ревин, В.П. Уголовная политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.П. Ревин, Ю.С. Жариков, В.В. Ревина. – М.: Юрайт. 2018. – 404 с.
201. Репецкая, А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике / А.Л. Репецкая. – Иркутск, 1994. – 151 с.
202. Ресоциализация осужденных средствами образовательного пространства / Н.И. Скок, Л.Л. Мехришвили, Е.Ю. Екимова и др. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 236 с.
203. Рогачевский, Л.А. Эмоции и преступления / Л.А. Рогачевский. - Л., 1984. – 32 с.
204. Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XVI – XVII веков / В.А. Рогов. – М.: Юрист, 1995. – 288 с.
205. Розум, С.И. Психология социализации и социальной адаптации личности / С.И. Розум. – СПб. 2007. – 365 с.
206. Романова, Л.И. Наркопреступность: цена, характеристика, политика борьбы: монография / Л.И. Романова. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
207. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах; под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 430 с.
208. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах; под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
209. Российское уголовное право: курс лекций / Т.А. Бушуева, Ю.В. Голик, А.И. Коробеев и [др].; науч. ред. А.И. Коробеев. Том 1. Преступление. – Владивосток, 1999. – 602 с.
210. Рыбак, А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология: монография / А.З. Рыбак. – М.: Перо, 2019. – 369 с.
211. Рябинин, А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права Российской Федерации: вопросы дифференциации и индивидуализации наказания / А.А. Рябинин. – М., 1995. – 208 с.

212. Солодкин, Н.Н. Очерки истории русского уголовного права / Н.Н.Солодкин. – Л., 1961. – 170 с.

213. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 368 с.

214. Социология: хрестоматия / О.Н. Козлова [и др]. – М.: Соц. полит. журнал. 1993. – 256 с.

215. Старков, О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник / О.В. Старков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 1046 с.

216. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Том 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.

217. Тарарухин, С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты / С.А. Тарарухин. – М., 1974. – 224 с.

218. Тепляшин, П.В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем: монография / П.В. Тепляшин. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 144 с.

219. Уголовная политика Российской Федерации: учебник: в 2-х ч. Ч. 1. / под ред. Л. И. Беляевой. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – 184 с.

220. Уголовное право России. Общая часть; под ред. А.И. Рарога. - М., 1998. – 722 с.

221. Уголовное право России: общая часть: учебник / А.И. Бойцов [и др.]; под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб., 2006. – 1061 с.

222. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс [Текст]: в 10 т. / [Наумов А. В. и др.]; под ред. Н. А. Лопашенко. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность. – М., 2016. – 751 с.

223. Уголовно-исполнительное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ); под общ. ред. В.В. Марчука, В.М. Хомича. – Минск: Амалфея, 2020. – 444 с.

224. Уголовно-правовое воздействие / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев; под ред. А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2015. – 288 с.

225. Узнадзе, Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

226. Филяновский, И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению / И.Г. Филяновский. – Л., 1970. – 173 с.

227. Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. – Омск, 1970. – 173 с.

228. Философские проблемы теории адаптации; под ред. Г.И. Царегородцева. – М., 1975. – 277 с.

229. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – СПб: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. – 514 с.

230. Частная криминология: учебник / Д.А. Шестаков [и др.]; отв. ред. Д.А. Шестаков. Автор 4 разд. А.А. Раськевич. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 768 с.

231. Чукмаитов, Д.С. Влияние первого преступления на последующую противоправную деятельность рецидивистов / Д.С. Чукмаитов. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. – 88 с.

232. Чубинский, М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М.П. Чубинский; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

233. Шестаков, Д.А. Введение в криминологию семейных отношений / Д.А. Шестаков. – Л., 1980. – 81 с.

234. Шестаков, Д.А. Предотвратить семейную драму / Д.А. Шестаков. – Л.: «Знание», 1981. – 36 с.

235. Шестаков, Д.А. Сужения о преступности и вокруг нее / Д.А. Шестаков. – 2-е издание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. – 140 с.

236. Шестаков, Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник / Д.А. Шестаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 561 с.

237. Яковлев, А.М. Социальная психология о преступности / А.М. Яковлев. - М. 1975. – 48 с.

Научные статьи

238. Агашков, Е.И. Исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ / Е.И. Агашков // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 2. – С. 35-39.

239. Адоевская, О.А. Подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания как механизм ресоциализации и реального включения их в гражданское общество / О.А. Адоевская // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – № 2. – С. 156-164.

240. Азархин, А.В. Вопросы целесообразности применения уголовных наказаний / А.В. Азархин // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы IV международной науч.-практ. конф. Самара, 21–22 июня 2013 г. / Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара, 2014. – С. 98-101.

241. Алексеев, В.И. Правовое регулирование исполнения уголовных и исправительных наказаний: аспект соотношения 1879-1917 / В.И. Алексеев // Адвокатская практика. – 2016. – № 2. – С. 60-64.

242. Алексеева, А.П. Понятие противодействия преступности / А.П. Алексеева, П.И. Бабошкин // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ. – 2008. – № 3. (28). – С.33-35.

243. Аликперов, Х.Д. Глобальная система дистанционного контроля над преступностью (проблемы допустимости): тезисы доклада в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 9 декабря 2016 г. / Х.Д. Аликперов. – СПб., 2016. – 56 с.

244. Ананиан, Л.Л. 98.02.050. Когнитивно-поведенческий тренинг в реабилитации осужденных: опыт Федеральной исправительной службы Канады

(научно-аналитический обзор) / Л.Л. Ананиан // РЖ Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература. Серия 4 государство и право. – 1998. – № 2. – С. 201-204.

245. Андрианов, А.В. Личность преступника и индивидуализация уголовной ответственности / А.В. Андрианов // Актуальные проблемы права России: сб. науч. тр. – Калининград, 1999. – С. 67-68.

246. Антонян, Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н., Бовин В.Г. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков, В.Г. Бовин // Личность преступника и предупреждение преступлений: сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 13-26.

247. Антонян, Ю.М. Об «асоциальном» типе преступника / Ю.М. Антонян // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сб. науч. тр. – М., 1979. – С. 60-65.

248. Арзамасцев, О.П. Анализ проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / О.П. Арзамасцев // Вестник ПензГУ. – 2015. – №2 (10). – С. 48-49.

249. Артамонова, Е. О назначении наказания с позиций справедливости / Е. Артамонова // Правозащитник. Ежеквартальный журнал для неправительственных организаций. – 2004. – № 1. – С. 36-41.

250. Арутюнова, А.Б. Криминологические проблемы процесса виктимизации несовершеннолетних / А.Б. Арутюнова // Следователь. – 2002. – № 6. – С. 27-29.

251. Астемиров, З.А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы / З.А. Астемиров // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР. – Рязань, 1973. – С. 60-76.

252. Афонченко, Т.П. Ресоциализационный потенциал постпенального контроля в законодательстве Республики Беларусь / Т.П. Афонченко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – №1. – С. 67-62.

253. Бабаев, М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. Бабаев, Ю. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.

254. Бабаев, М.М. Духовная культура и преступность / М.М. Бабаев // Влияние социальных условий на преступность: сб. науч. трудов. – М., 1983. – С. 59-73.

255. Бабаян, С.Л. Совершенствование законодательства, устанавливающего ответственность осужденных, признанных больными наркоманией, за уклонение от возложенной на них судом обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию / С.Л. Бабаян, И.А. Лакина, Л.П. Питкевич // Российское правосудие. – 2020. – № 12. – С. 92-99.

256. Байков, Н.М. Особенности социализации и социальной адаптации личности / Н.М. Байков // Труды Камчатского филиала Дальневосточного государственного университета: вып. 3; отв. ред. С.В.Гунько. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 3-10.

257. Бархатова, Е.Н. Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.Н. Бархатова // Lex Russica. – 2018. – № 7 (140). – С. 72-81.

258. Баталин, Д.Е. Особенности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, в США / Д.Е. Баталин // Теоретические и прикладные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: сб. науч. тр. - М.: Изд-во НИИ УИС Минюста России. – 2004. – № 1. – С. 221-227.

259. Белик, В.Н. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: отдельные аспекты исполнения уголовных наказаний / В.Н. Белик // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2017. – № 423. – С. 202-206.

260. Блохин, Ю.И. Оценка достижимости уголовным наказанием исправления осужденного / Ю.И. Блохин // Ученые записки юридического факультета Ростовского филиала российской таможенной академии. – Ростов-на-Дону: РФ РТА, 2007. – С 10-14.

261. Блохин, Ю.И. Оценка целесообразности применения уголовного наказания / Ю.И. Блохин // Проблемы взаимодействия международного и национального уголовного права в условиях глобализации: материалы V междунац.

науч.-практ. конф. памяти Митрофана Ивановича Ковалева. – Екатеринбург, 2008. – С. 55-61.

262. Бовин Б.Г., Количественные и качественные изменения состава осужденных на современном этапе развития УИС / Б.Г. Бовин, М.М. Москвитина // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 1. – С. 154-163.

263. Борсученко, С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование / С.А. Борсученко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 74-79.

264. Брусиловский, Д.А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций / Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 4. – С. 39-43.

265. Бурлаков, В.Н. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее / Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. // Известия ВУЗов. – Правоведение. – 2016. – № 6 (329). – С. 134-145.

266. Бурлаков, В.Н. Преподавание криминологии в современных условиях. Отчет о криминологическом семинаре / В.Н. Бурлаков, Я.И. Гишинский, Д.А. Шестаков // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 12-25.

267. Бутенко, Т.П. Понятие «исправление осужденного» в уголовно-исполнительном законодательстве / Т.П. Бутенко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – №70. – С. 72-76.

268. Вагин, О.А. О трудоустройстве и социальной адаптации лиц, отбывших наказания, в сельском хозяйстве / О.А. Вагин, Л.В. Кондратюк // Российский следователь. – 2007. – № 8. – С. 17-20.

269. Воронов, В.А. Ресоциализация преступника – основная цель нового уголовного наказания / В.А. Воронов // Цели уголовного наказания. – Рязань, 1990. – С. 70–73.

270. Ворошук, В.Б. Особенности организации социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными в колониях-поселениях в условиях

развития уголовно-исполнительной системы России / В.Б. Ворошук // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 118-125.

271. Высочайше утвержденный доклад Министра Духовных дел и Народного Просвещения «Об утверждении в России Попечительного Общества о тюрьмах» // Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 г. по 12 дек. 1825 г. Т. 1. – СПб: Тип. 2-го отделения собств. е.и.в. канцелярии, 1830 - 1851. 1819.

272. Гишинский, Я.И. Наказание в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гишинский, А.В. Рабош // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 170-175.

273. Гишинский, Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? / Я.И. Гишинский // Вестник Казанского института МВД РФ. – 2019. – №1 (35). – С. 6-13.

274. Гишинский, Я.И. Уголовное право: возможности и пределы / Я.И. Гишинский // Российский криминологический взгляд. – 2021. – № 1. – С. 334-338.

275. Голик, Ю. О национальной концепции уголовного права / Ю. Голик, Л. Иногамова-Хегай, В. Комиссаров, В. Номоконов // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 18-20.

276. Гончаров, Д.Ю. «Уголовно-правовая» и «криминологическая» составляющие законодательства о противодействии преступности / Д.Ю. Гончаров // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – № 2. – С. 254-264.

277. Горшенков, Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале / Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 300-302.

278. Горшенков, Г.Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии / Г.Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 19-25.

279. Грибанов, Е.В. Криминологическая оценка места института пробации в российской правовой и правоохранительной действительности / Е.В. Грибанов, Р.Б. Иванченко // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 2. – С. 4 - 8.

280. Громов, В.В. Социальная помощь осужденным в ИТУ и освобожденным от наказания: генезис, проблемы, предложения / В.В. Громов, В.В. Лебедев, В.И. Попов // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний: сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 87– 89.

281. Громов, В.В. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных / В.В. Громов, А.С. Крылов // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. – М., 1989. – 129 с.

282. Груничева, Г.А. Об эффективности наказания в виде лишения свободы / Г.А. Груничева // Российский судья. – 2001. – № 12. – С. 27-28.

283. Данилов, А.П. «Право безопасности» против уголовного права / А.П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 4 (51). – С. 39-41.

284. Данилов, А.П. Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей / А.П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 71-76.

285. Даххаев, М.М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы / М.М. Даххаев // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 4. – С. 108-111.

286. Дворянсков, И.В. К вопросу о новой концептуальной модели наказания (телеологический аспект) / И.В. Дворянсков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 8. – С. 10–16.

287. Дебольский, М. Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации / М.Г. Дебольский // Российский психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 119- 130.

288. Денисов, С.А. Декриминализация деяний как одно из направлений уголовно-правовой политики / С.А. Денисов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической

конференции; под общ. ред. Т.А. Огарь, Д.М. Кокина; сост. Н.И. Кузнецова. – СПб., 2022. – С. 89-95.

289. Денисов, С.А. К вопросу о становлении и развитии кодифицированного исправительно-трудового законодательства / С.А. Денисов // Актуальные проблемы деятельности внутренних войск и органов внутренних дел в современных условиях: сб. трудов адъюнктов и соискателей; под общ. ред. С.Ф. Зыбина. – Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1990. – С. 16-19.

290. Денисова, Т.А. Наказание воспроизводит преступников? / Т.А.Денисова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2006. – № 2 (11). – С. 144-152.

291. Джатиев, В.С. О российской антикриминальной политике / В.С. Джатиев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). – С. 31-37.

292. Дикаев, С.У. Концепция развития уголовно-исполнительной системы российской федерации и проблемы организации отбывания наказания в виде лишения свободы / С.У. Дикаев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2 (25). – С. 65-70.

293. Дикаев, С.У. Право безопасности и доктрина информационной безопасности России / С.У. Дикаев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 1. – С. 37-39.

294. Долгова, А.И. Личность преступника как криминологическая проблема / А.И. Долгова // Личность преступника и ее криминологическое изучение; под ред. А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. – С. 3-16.

295. Дробышева, В.В. Личностные особенности осужденных, больных наркоманией / В.В. Дробышева // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 103-106.

296. Дук, Ю.И. Некоторые вопросы внедрения систем дистанционного контроль над преступностью / Ю.И. Дук // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4. – С. 69-72.

297. Дук, Ю.И. Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы РФ / Ю.И. Дук // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 52-56.

298. Дуюнов, В.К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности / В.К. Дуюнов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной науч.-практ. конф. – М., 2007. – С. 17-21.

299. Егоров, В.С. История уголовного наказания в период становления Российского права / В.С. Егоров // Государство и право. – 2006. – № 5. – С. 114-117.

300. Елеськин, М.В. Уголовно-правовая и пенитенциарная характеристика личности лидеров преступной среды / М.В. Елеськин // Следователь. – 2000. – № 9. – С. 25-27.

301. Епифанова, Н.В. России необходима концепция уголовно-правовой политики / Н.В. Епифанова // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 26-31.

302. Еремин, А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации / А.Л. Еремин // Гигиена и санитария. – 2020. – 99(4). – С. 351-355.

303. Журавлева, М.С. Правовая социализация личности / М.С. Журавлева // Безопасность, личность, общество: социально-правовые аспекты: сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб: Петрополис. – С. 307-310.

304. Заплатаина, Е.А. Особенности личности женщины-рецидивистки / Е.А. Заплатаина // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1990. – С. 73-81.

305. Звонов, А.В. Терминология системы уголовных наказаний: краткий анализ / А.В. Звонов // Бизнес в законе. – 2014. – № 6. – С. 43-46.

306. Зикеев, В.А. Понятие криминологического законодательства / В.А. Звонов // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2015. – С. 75-77.

307. Зозуля, В.В. Об институте условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы / В.В. Зозуля // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. – Воронеж, 2012. – С. 62 – 63.

308. Зубарев, С.М. Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: некоторые аспекты гуманизации карательной политики / С.М. Зубарев // Журнал российского права. – 2004. – № 4 (88). – С. 26-40.

309. Зубкова, В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития / В.И. Зубкова // Пенитенциарная наука. – 2013. – № 2 (22). – С. 24-29.

310. Зязин, С.Ю. О возможности создания условий системы ресоциализации отбывших наказание представителей мусульманской культуры в условиях современного урбанизированного сообщества / С.Ю. Зязин // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 3. [Электронный ресурс] // https://elibrary.ru/download/elibrary_41357107_26193520.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. яз. рус., англ.

311. Иванов, А.К. Вопросы опасного состояния рецидивной личности преступника / А.К. Иванов // Вестник Саратовской Государственной Академии права. – 1998. – № 4 (15). – С. 27-30.

312. Иванов, Н. Свобода воли в преступном поведении / Н. Иванов // Законность. – 1993. – № 10. – С. 37-40.

313. Иванова, С.В. Влияние деструктивных сообществ на школьников: постановка проблемы / С.В. Иванова, Ж.В. Садовникова // Ценности и смыслы. – 2022. – № 5 (81). – С.83-92.

314. Измайлов, В.В. Динамическая модель преступности: новый взгляд на «Воронку Шестакова» / В.В. Измайлов // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – 2015. – № 4. – С. 26-27.

315. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальное хозяйство и постиндустриальное общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) / В.Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140-152.

316. Ишигеев, В.С. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования / В.С. Ишигеев, Н.Л. Романова, А.Я. Бондарь // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (37). – С 132-136.

317. Йорг, Арнольд. К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы ввиду трансформаций безопасности, понятия «лицо, представляющее угрозу», а также судебной практики Федерального конституционного суда, имеющей отношение к понятию «свобода» / Арнольд Йорг // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 3 (50). – С. 20-29.

318. Кабанов, П.А. О кодификации Российского криминологического законодательства: рассуждения по случаю / П.А. Кабанов // Криминология вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 1(48). – С. 21-25.

319. Калашников, Г.М. Анализ организации трудовой занятости осужденных исправительных учреждений УФСИН России / Г.М. Калашников, О.А. Рубан, П.А. Михайленко, М.А. Мышкин // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 3 (89). – С. 73-80.

320. Калужина, М.А. Особенности функционирования службы пробации в США / М.А. Калужина // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 3. – С. 29-32.

321. Катаев, Н.А. Размышления о доминантах формирования преступного поведения и проблемах ресоциализации личности / Н.А. Катаев // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. – Рязань, 1994. – С. 49-51.

322. Ким, В.В. Ресоциализация как основа индивидуальной профилактики преступности лиц, больных туберкулезом / В.В. Ким // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 475-479.

323. Кириловская, Н.Н. Организационные и правовые последствия присоединения Российской Федерации к Совету Европы в уголовно-исполнительной сфере: теория и практика / Н.Н. Кириловская // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 4. – С. 22-25.

324. Клейменов, М.П. Криминологическое законодательство / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2017. – № 1 (50). – С. 179-184.

325. Клейменов, М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России / М.П. Клейменов // Lex russica. – 2018. – № 2 (135). – С. 148-159.

326. Кленова, Т.В. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него / Т.В. Кленова, Н.П. Щукина, О.А. Адоевская // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2017. – № 4 (26). – С. 41-45.

327. Ключников, А.Ю. Применение позорящих наказаний: опыт США и перспективы в России / А.Ю. Ключников // Уголовный процесс. – 2019. – № 9. – С. 80-86.

328. Ковалева, А.И. Ресоциализация / А.И. Ковалева, Н.А. Перинская // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2016. – № 1. – С. 297-300.

329. Козаченко, И.Я. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 74-80.

330. Козловский, С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях / С.Н. Козловский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 122-128.

331. Козюля, В.Г. Психологические особенности личности правонарушителей, способствующие их социальной дезадаптации / В.Г. Козюля, В.К. Очнев // Личность преступника и предупреждение преступлений: сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 65-72.

332. Кокурин, А. Психологические аспекты изучения личности осужденного / А. Кокурин, Б. Бовин, А. Мокрецов // Преступление и наказание. – 2004. – № 9. – С. 18-20.

333. Колемасов, В.Н. Борьба с пьянством и алкоголизмом в России в 1917-1930 годах / В.Н. Колемасов // Наука. Общество. Государство. – 2016. – № 2 (14) [Электронный ресурс] // <https://esj.pnzgu.ru/page/25760>.

334. Колоколов, Н.А. Ресоциализация бывших заключенных: от утопии к утопии / Н.А. Колоколов // Адвокатская практика. – 2019. – № 3. – С. 10-17.

335. Колоколов, Н.А. Уголовная политика государства: в поисках «дорожной карты» / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 3-12.

336. Корецкий, С.В. Критерии разграничения типологии личности преступников / С.В. Корецкий, В.А. Петьков // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2015. – № 1. – С. 48-58.

337. Костылева, Г.В. Типичная личность преступника и жертвы при исследовании убийств, связанных с исполнением религиозного обряда / Г.В. Костылева // Следователь. – 2004. – № 2. – С. 43-47.

338. Крайнова, Н.А. Цели наказания как инструмент уголовной политики / Н.А. Крайнова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 57-60.

339. Крутер, М.С. Социально-демографические факторы детерминации молодежной преступности / М.С. Крутер // Юридический мир. – 2002. – № 10. – С. 27-37.

340. Кузнецов, А.Г. Роль всестороннего изучения личности преступника и криминалистическая характеристика группового киднеппинга / А.Г. Кузнецов, Л.Н. Иванов, А.С. Волков // Право и политика. – 2001. – № 10. – С. 52-61.

341. Кузнецов, А.П. Противодействие преступности – основное направление реализации уголовной политики / А.П. Кузнецов // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права, Москва, 29-30 мая 2008 г. – М., 2008. – С. 411-413.

342. Кузнецов, М.И. Социальная реабилитация в Швейцарии / М.И. Кузнецов // Преступление и наказание. – 2001. – № 8. – С. 17-19.

343. Кузьмин, С. Волки преступного мира / С. Кузьмин // Молодая гвардия. – 1995. – № 7. – С. 252-319.

344. Кулаков, А.В. К вопросу психических патологий осужденных, совершающих пенитенциарные преступления / А.В. Кулаков // Вестник ЧелГУ. - 2012. – № 29 (283). – С. 84-87.

345. Курганов, С.И. Теоретические вопросы изучения личности преступника / С.И. Курганов // Личность преступника и предупреждение преступлений. – М., 1987. – С. 26-33.

346. Лаврухин, С.В. Криминалистическая концепция поведения преступника / С.В. Лаврухин // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 58-65.

347. Лелеков, В.А. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних и молодежи, осужденных за преступления, связанные с наркотиками / В.А. Лелеков, В.Г. Бочаров, А.Г. Мусейбов // Территориальные различия преступности: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. – С. 19-25.

348. Лесников, Г.Ю. О современных тенденциях уголовной политики России / Г.Ю. Лесников // Российский криминологический взгляд. – 2006. – № 2. – С.99-107.

349. Лукашева, Н.Н. Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации / Н.Н. Лукашева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – № 3. – С. 218-228.

350. Лукьянова, Е. Принципы справедливости и равенства перед законом в уголовно-исполнительном праве / Е. Лукьянова // Преступление и наказание. – 2004. – № 11. – С. 30-31.

351. Майоров, А.В. Правовые основы защиты жертв преступности в России / А.В. Майоров // Виктимология. – 2016. – № 2 (8). – С. 16-21.

352. Макогон, И.В. Проблема социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / И.В. Макогон, Л.В. Косарева // Наука XXI века: опыт прошлого - взгляд в будущее: материалы Международной науч.-практ. конф.

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ). – Омск, 2015. – С. 385-388.

353. Максимов, С.В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения / С.В.Максимов, Н.В. Валуйсков // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6 (58). – С. 150-165.

354. Максимов, С.В. Цели принудительных мер воспитательного воздействия / С.В. Максимов // Российский следователь. – 2002. – № 11. – С. 43-44.

355. Маликов, Б.З. Лишение свободы: проблемы назначения и исполнения / Б.З. Маликов // Следователь. – 2001. – № 3. – С. 5-6.

356. Мальцев, В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве / В. Мальцев // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 51-53.

357. Мардахаев, Л.В. Социализация и ресоциализация в формировании здорового подрастающего поколения Отечества / Л.В. Мардахаев // Социализация и ресоциализация несовершеннолетних в обеспечении безопасности подрастающего поколения Отечества: материалы Всерос. конф. с междуна. участием «XXI социально-педагогические чтения», посвященные 130-летию Антона Семёновича Макаренко, г. Москва, 23 марта 2018 года; под ред. Л.В. Мардахаева. – М.: Изд-во ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2018. – С. 6-17.

358. Махмудов, З.Ш. Постпенитенциарная адаптация: к вопросу о понятии / З.Ш. Махмудов // Уголовно-исполнительное право. – 2011. – № 1. – С. 39-42.

359. Мацкевич, И.М. Криминологический портрет наемного убийцы / И.М. Мацкевич // Прокурорская и следственная практика. – 2003. – № 1-2. – С. 139-150.

360. Меркурьев, В.В. Концепция развития системы наказаний в России: тезисы / В.В. Меркурьев, А.В. Звонов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2017. – № 2. – С. 38-43.

361. Милюков, С.Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан / С.Ф. Милюков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 26-29.

362. Миненок, М.Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. – СПб.: Юридический центр, 2001. – 367 с.

363. Минкина, Н.И. Проблема определения культуры личности преступника / Н.И. Минкина // Сибирский юридический вестник. – 2003. – №1. – С. 84-91.

364. Минкина, Н.И. Характеристика личности взяточполучателя / Н.И. Минкина // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 57-58.

365. Михлин, А.С. Изучение личности в ИТУ / А.С. Михлин. – М., 1975. – 32 с.

366. Мишин, А.А. Проблемы организации Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях / А.А. Мишин // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 4 (33). – С. 150-154.

367. Могилевский, А.А. Истоки правонарушений: социально-психологический аспект / А.А. Могилевский. – Ашхабад, 1987. – 243 с.

368. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности осужденных, переживших смертный приговор / В.Г. Морогин, Г.В. Залевский // Психологический журнал. – 1999. – № 2. – С. 73-81.

369. Мясникова, К.А. Преступное насилие в криминофамилистике / К.А. Мясникова // Общество и право. – 2012. – № 2 (39). – С.147-154.

370. Наумов, А.В. Международное уголовное право, как научная и учебная дисциплина / А.В. Наумов // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 45-49.

371. Наумов, А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX века и его перспектива в XXI веке / А.В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 50-58.

372. Наумов, Е.В. Опыт зарубежных стран в предупреждении рецидива преступлений средствами контроля и надзора / Е.В. Наумов // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика:

материалы Международной заочной научно-практической конференции; отв. ред. В.Е. Бурый. – Могилев, 2016. – С. 189-192.

373. Никитеев, И.В. Проблемы ресоциализации осужденных / И.В. Никитеев // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всероссийской научн. - практ. конф. (26-27 октября 2017 г.). – Киров, 2017. – С. 9-12.

374. Новиков, Е.Е. Правовое регулирование и организация исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в Китайской народной Республике / Е.Е. Новиков // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 2 (15). – С. 57-67.

375. Новикова, А.А. Восстановление прав потерпевшего в уголовном процессе: актуальные вопросы и правовые ошибки / А.А. Новикова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2012. – № 43 (302). – С. 53-57.

376. Ной, И.С. О возможностях использования генетики в криминологии / И.С. Ной // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сб. науч. тр. – М., 1979. – С. 165-170.

377. Номоконов, В.А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации / В.А. Номоконов // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. – 2014. – № 1(15). – С. 32-36.

378. Номоконов, В.А. Возвращение личностного подхода необходимо / В.А. Номоконов // Личность преступника и ее криминологическое изучение; под ред. А.И. Долговой. – М., 2018. – С. 21-29.

379. Номоконов, В.А. Манифест позитивной криминологии / В.А. Номоконов // Наука и жизнь Казахстана. – 2020. – № 10. – С. 209-214.

380. Номоконов, В.А. Некоторые проблемы правовой политики / В.А. Номоконов // Правовая политика субъектов Российской Федерации: материалы круглого стола, 26 сентября 2001 г. – Владивосток. – С. 28-30.

381. Номоконов, В.А. Позитивная криминология в борьбе за человека / В.А. Номоконов, Т.М. Судакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 20-29.

382. О критическом положении в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (материалы «круглого стола») // Российская юстиция. – 1999. – № 2. – С. 52-54.

383. Ольховик, Н.В. Правовые основы деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний и ее территориальных органах / Н.В. Ольховик // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 4. – С. 8-10.

384. Орлов, В.Н. Криминологическое право: понятие, предмет, метод и система / В.Н. Орлов // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Пермь, 2018. – С. 22-27.

385. Орлов, В.Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ / В.Н. Орлов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2005. – № 4. – С. 142-151.

386. Остроумов, С.С. Значение криминологии и уголовной статистики для эффективного осуществления уголовного процесса / С.С. Остроумов // Вестник МГУ. – 1970. – № 6. – С. 21-23.

387. Панова, О.Б. Правовая ресоциализация воспитанников детских исправительных учреждений: монография / О.Б. Панова. - Вологда: Вологод. ин-т права и экон. ФСИН России, 2013. – 216 с.

388. Панченко, П.Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики / П.Н. Панченко // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. трудов; под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1996. – С. 104-112.

389. Паульская, В.В. Развитие института наказания в законодательстве России (Период начало X века – эпоха Петра I) / В.В. Паульская // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: сб. науч. тр. – М., 1993. – С. 68-75.

390. Первозванский, В.Б. О концепции проекта федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения

свободы» / В.Б. Первозванский, Н.М. Голик // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3 (28). – С. 66-74.

391. Первозванский, В.Б. Об апробации пробации / В.Б. Первозванский // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 2. – С. 18 - 21.

392. Первозванский, В.Б. Ресоциализация осужденных и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы как средства реализации национальной идеи / В.Б. Первозванский, В.И. Силенков // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 3 (32). – С. 74–81.

393. Перинская, Н.А. Ресоциализация / Н.А. Перинская // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2005. – № 4. – С. 161–162.

394. Перминов, О.Г. Функции и задачи уголовного наказания в борьбе с преступностью / О.Г. Перминов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 7-28.

395. Петровский, А.В. Институты российского криминологического законодательства / А.В. Петровский // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 49 - 52.

396. Петропавловский, В. Нужна не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключенных / В. Петропавловский // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 43-44.

397. Писарев, В.Б. Ресоциализация освобожденных от отбывания наказания / В.Б. Писарев // Исполнение наказаний и социальная адаптация освобожденных: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 4-5.

398. Пискунов С.А. История становления и деятельности органов по трудоустройству населения в РСФСР, 1967-1987 г.г. / С.А. Пискунов, А.В. Баранов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2022. – № 3. С. 40-54.

399. Платонов, К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. - М.: Наука, 1986. – 254 с.

400. Побегайло, Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э.Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 112-117.

401. Побегайло, Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э.Ф. Побегайло // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние: сб. науч. тр.; под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004. – С. 87-109.

402. Полякова, Е.А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Е.А. Полякова // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4 (67). – С. 112-114.

403. Попова, Е.Э. Как опыт исторических практик по социальной адаптации осужденных применяется в современных условиях / Е.Э. Попова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 5. - С. 34-36.

404. Попова, С.А. Современные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы / С.А. Попова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 48-51.

405. Потемкин, В.С. Социологический подход к изучению лиц, освобожденных их мест лишения свободы / В.С. Потемкин // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности: тр. по криминологии. – Тарту, 1985. – С. 123-132.

406. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Г.Н. Горшенков. [и др.]; под ред. Д.А. Шестакова. – СПб: Юридический центр Пресс. 2003. – 353 с.

407. Радченко, Т.А. Правовая социализация личности / Т.А. Радченко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 4. – С. 192-199.

408. Разгильдиев, Б.Т. Категория «уголовно-правовая политика»: содержание и форма / Б.Т. Разгильдиев // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы: сб. науч. тр.; под ред. Н.И. Матузова. – Тольятти, 2001. - С. 242-245.

409. Режапова, И.М. Зарубежный опыт предупреждения рецидивной преступности (на примере США, Великобритании и Канады) / И.М. Режапова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей; под ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. – М. 2019. – С. 77-79.

410. Режапова, И.М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) / И.М. Режапова, Ю.М. Заборовская // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4). – № 1. – С. 40–46.

411. Ресоциализация несовершеннолетних: проектный опыт: пособие для специалистов / С.Ю. Артюхова [и др.]. – М.: Оргсервис-2000, 2005. – 140 с.

412. Ривман, Д.В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии / Д.В. Ривман // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. - Иркутск, 1982. - С. 15-24.

413. Ромашов, Р.А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России / Р.А. Ромашов, С.А. Арбузова // Ведомости УИС. – 2014. – № 6 (145). – С. 37-41.

414. Рубанцова, Т.А. Десоциализация и личностные формы отчуждения в обществе / Т.А. Рубанцова, Е.А. Крутько // Идеи и идеалы. – 2016. – № 4 (30). – С. 87-92.

415. Руденкин, Д.В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования / Д.В. Руденкин // Социодинамика. – 2022. – № 1. – С. 36-55.

416. Садчикова, Д.Н. Принудительные работы как «трудовое» наказание в Российской Федерации: преимущества и риски / Д.Н. Садчикова // Вестник БелЮИ МВД России. – 2022. – № 3. – С. 48-53.

417. Седых, В.А. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В.А. Седых, В.В. Авдеев,

А.В. Родионов, А.П. Скиба // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 10 (221). – С. 53-61.

418. Селиверстов, В. И. Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций / В.И. Селиверстов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4). – № 2. – С. 185-199.

419. Селиверстов, В.И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности / В.И. Селиверстов // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов, г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.: избранные материалы; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016. – С. 399-409.

420. Селиверстов, В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность / В.И. Селиверстов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 30-37.

421. Селиверстов, В.И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А.И. Зубкова / В.И. Селиверстов // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития: материалы межвузовской науч.-практ. конф., г. Рязань, 8 февраля 2019 г. Рязань, 2019. – С. 259-266.

422. Селиверстов, В.И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / В.И. Селиверстов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – в 2-ух частях. Том Часть 1, г. Самара, 30-31 мая 2019 г. – Самара, 2019. – С. 200-203.

423. Сенатова, Е.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы как субъектов уголовно-исполнительных отношений / Е.В. Сенатова // Административное право и процесс. – 2021. – № 1. – С. 60 - 63.

424. Сеок Чанг Юн. Внеинституционные меры обращения с правонарушителями, применяемые в Южной Корее / Чанг Юн Сеок //

РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 106-107.

425. Сергеев, Д.Н. Дифференциация содержания постпенитенциарного воздействия / Д.Н. Сергеев // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 57 - 60.

426. Сергеевский, Н.Д. Наказание в русском праве XVII веке / Н.Д. Сергеевский. – СПб., 1887. – 300 с.

427. Сизова, В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия / В.Н. Сизова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3 (31). – С. 156-158.

428. Синяков, А.Н. Испанское законодательство об исправлении осужденных / А.Н. Синяков // Российский юридический журнал. – 2020. – № 4. – С. 28-35.

429. Скиба, А.П. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021-2022 годах / А.П. Скиба, Н.С. Малолеткина // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 2. – С. 176 - 194.

430. Смирнов, Л.Б. О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями / Л.Б. Смирнов // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права, Москва, 28-29 мая 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 95-100.

431. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью; науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: 2005. – 592 с.

432. Соловьева, Т.И. Социальные процессы как объект социального познания / Т.И. Соловьева // Новая советская литература по общественным наукам. Философские науки. – 1987. – № 3. – С. 42-44.

433. Спицын, В. Наказание и его исполнение в местах лишения свободы Японии / В. Спицын // Преступление и наказание. – 2004. – № 12. – С. 31-33.

434. Старков, О.В. О методике исследования роли криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях / О.В. Старков // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1981. – № 6. – С. 78-84.

435. Стерликов, С.А. Эпидемическая ситуация по туберкулезу в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации / С.А. Стерликов, Е.М. Белиловский, С.Б. Пономарев, Г.А. Постольник // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2018. – № 4. – С. 1-21.

436. Сухов А.Н. Преодоление асоциализации личности как научно-практическая проблема / А.Н. Сухов // Человеческий капитал. – 2022. – № 11 (167). – С. 163-169.

437. Танатова, Д.К. Понятийно-терминологическая триада «социализация-десоциализация-ресоциализация» и обозначаемый этими терминами круг явлений социокультурного характера / Д.К. Танатова, С.Ю. Зязин, И.В. Лескова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 2. [Электронный ресурс] // <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. яз. рус., англ.

438. Тепляшин, П.В. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества в Англии и Уэльсе / П.В. Тепляшин // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 64-65.

439. Третьякова, О.Д. Конструкция юридической конвергенции / О.Д. Третьякова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 777-781.

440. Трикоз, Е.Н. Цели уголовного права Австралии / Е.Н. Трикоз // Право и политика. – 2000. – № 11. – С. 81-84.

441. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: монография / Т.П. Бутенко, Д.В. Горбань, Ф.В. Грушин и [др.]; под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы ; ун-т ФСИН России; Академия ФСИН России; журнал «Российский криминологический взгляд». – 3-е изд., исправл. и доп. – М.: Криминологическая библиотека, 2020. – 295 с.

442. Упоров, И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве / И.В. Упоров // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 86-90.

443. Урманцев, Ю.А. Природа адаптаций (системная экспликация) / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. – 1998. – № 12. – С. 21-36.

444. Усс, А. Допустимо ли исправлять осужденных? / А. Усс // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1(2). – С. 29-30.

445. Уткин, В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации / В.А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2012. – № 1 (3). – С. 45-50.

446. Уткин, В.А. О перспективах пробации в России / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 4. – С. 5-8.

447. Ушатиков, А.И. Личность наркозависимого осужденного и ее особенности / А.И. Ушатиков, И.С. Ганишина // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3 (90). – С. 194-197.

448. Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / Кан Уэда; пер. с яп. О.А. Белявской; под общ. ред. и с вступ. сл. Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Еремина. – М.: Прогресс, 1989. – 253 с.

449. Фирсова, А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и содержание / А.П. Фирсова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 158-165.

450. Фолиева, Т.А. К вопросу об уточнении содержания некоторых категорий теории социализации / Т.А. Фолиева // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Общественные науки. Социология. – 2014. – № 2 (30). – С. 127-137.

451. Фомин, В.В. Религия и ее влияние на осужденных к лишению свободы / В.В. Фомин // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 2. – С.101-107.

452. Фрейд, З. Двадцать восьмой президент США. Психоаналитическое исследование / З. Фрейд, У Буллит, Томас Вудро Вильсон. – М., 1992. – 292 с.

453. Хлыщева, Е.В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного / Е.В. Хлыщева // Вопросы элитологии. – 2021. – № 2. – С. 10-21.

454. Чернобровкина, Н.И. Информационный контроль в России и мире: реальные основания и практики / Н.И. Чернобровкина // Гуманитарий юга России. – 2014. – № 4. – С. 134 – 141.

455. Чернышова, Н.Д. Социальные и биологические факторы, влияющие на формирование преступного поведения / Н.Д. Чернышова // Наука и мир. – 2018. – № 3 (55). – С. 45-48.

456. Честнов, И.Л. Право в ситуации постмодерна / И.Л. Честнов // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: сборник материалов III науч.-практ. конф. с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г.; под науч. ред. Н.А. Крайновой. – СПб.: 2020. – С. 70-80.

457. Чиронова, И.И. Соотношение репродуктивного и продуктивного видов деятельности при осуществлении перевода / И.И. Чиронова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 12. – С. 141-146.

458. Шамионов, Р.М. Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность / Р.М.Шамионов // Известия Саратовского ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – № 4. – С. 3-8.

459. Шамсунов, С.Х. Реформирование уголовно-исполнительной системы России: проблемы, тенденции и перспективы / С.Х. Шамсунов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3 (94). – С.7-12.

460. Шестаков, Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 1 (32). – С. 13-23.

461. Шестаков, Д.А. К стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Д.А.Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4. – С. 22-27.

462. Шестаков, Д.А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 1(48). – С. 13-20.

463. Шестаков, Д.А. Основы учения о противодействии преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2 (53). – С. 13-22.

464. Шестаков, Д.А. От понятия преступности к криминологии закона / Д.А. Шестаков // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 139-140.

465. Шестаков, Д.А. Поголовное чипирование как подмена Бога шайкой земных хозяев (возвращаясь к Достоевскому) / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4. – С. 57-59.

466. Шестаков, Д.А. Психология преступного поведения / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2006. – № 2(11). – С. 39.

467. Шестаков, Д.А. Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) / Д.А. Шестаков // Вестник ЛГУ. – 1989. – № 6. – С. 56–61.

468. Шестаков, Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: избранное / Д.А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 430 с.

469. Шестаков, Д.А. Чего я жду от криминологии уже завтра? / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 4 (31). – С. 21-25.

470. Шинкевич, Н.Е. Проблема оказания юридической помощи потерпевшим от преступлений / Н.Е. Шинкевич // Вестник ОГУ. – 2006. – № 5 (55). – С. 24-26.

471. Шишков, С. О принудительном лечении осужденных с психическими аномалиями / С.О. Шишков // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С. 49-50.

472. Шмотикова, С.А. Гражданский иск в уголовном процессе: разъяснения Пленума ВС РФ / С.А. Шмотикова, Е.А. Маркина // Уголовный процесс. – 2020. – № 12. – С. 24-28.

473. Шнайдер, Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер; пер. с нем. Ю.А. Неподаева; под ред. и с предисл. Л.О. Иванова. – М., 1994. – 502 с.

474. Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография / Н.В. Щедрин. – Красноярск. 1999. – 179 с.

475. Щедрин, Н.В. От исполнения мер уголовного наказания к исполнению мер уголовного воздействия / Н.В. Щедрин // Уголовно-исполнительные системы Республики Казахстан и Российской Федерации: существующие проблемы и перспективы дальнейшего развития: монография. – Екатеринбург; Костанай, 2018. – С. 315-328.

476. Щедрин, Н.В. От права наказания к праву воздействия: развитие или регресс российского уголовного права? / Н.В. Щедрин // Российское право и правовая система: материалы VI Междун. науч.-практ. конф., г. Харбин (Китай), 15-16 июля 2015 г. – М., 2016. – С. 148-152.

477. Щедрин, Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права / Н.В. Щедрин // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 59-62.

478. Щербаков, С.В. Проблемы нормативного обеспечения социальной помощи лицам, освобожденным от уголовного наказания / С.В. Щербаков // Бизнес в законе. – 2008. – №1. – С. 130-131.

479. Яковлев, А. Социально-психологические детерминанты личности неосторожного преступника / А. Яковлев // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 110-112.

Диссертации и авторефераты диссертаций

480. Архипов, В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Архипов Владислав Владимирович. – СПб., 2019. – 757 с.

481. Бадалянц, Э.Ю. Криминологические и правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бадалянц Элеонора Юрьевна. Бадалянц, Э.Ю. Криминологические и правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бадалянц Элеонора Юрьевна. – М., 1993. – 217 с.

482. Багреева, Е.М. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Багреева Елена Геннадиевна. Багреева, Е.М. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра юрид. наук М., 2001. – 369 с.

483. Баранов, Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Баранов Юрий Валерианович. – М., 2008. – 37 с.

484. Бурлаков, В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурлаков Владимир Николаевич. – СПб., 1998. – 46 с.

485. Васильева, Я.С. Социальные и психологические факторы ресоциализации лиц с делинквентным поведением: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.13 / Васильева Яна Сергеевна. – СПб., 2011. – 185 с.

486. Волкова, О.В. Уголовная политика в сфере защиты личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Волкова Олеся Викторовна. – М., 2014. – 24 с.

487. Волкова, Т.Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Волкова Татьяна Николаевна. – М., 1995. – 130 с.

488. Гета, М.Р. Пробация и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гета Максим Ростиславович. – Усть-Каменогорск, 2000. – 221 с.

489. Гончаров, Д.Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Гончаров Денис Юрьевич. – Екатеринбург, 2014. – 49 с.

490. Гузь, Е.В. Ресоциализация женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гузь Екатерина Владимировна. – М., 2014. – 191 с.

491. Дзиконская, С.Г. Рецидивная преступность и ее предупреждение на региональном уровне (по материалам Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дзиконская Светлана Григорьевна. – Краснодар, 1999. – 186 с.

492. Евтушенко, И.И. Условно-досрочное освобождение в аспекте ресоциализации осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Евтушенко Инна Ивановна. – Саратов, 2003. – 247 с.

493. Ершов, С.Н. Обеспечение профилактики насильственных преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ершов Сергей Николаевич. – Краснодар, 2000. – 26 с.

494. Жевакин, С.Н. Социальное управление и правовая социализация личности: дис. ... канд. юрид. наук: 22.00.08 / Жевакин Сергей Николаевич. – М., 1992. – 127 с.

495. Жулева, Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: Правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Жулева Юлия Викторовна. – Рязань, 2000. – 223 с.

496. Зайцева, О.В. Рецидивная преступность лиц с психическими отклонениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зайцева Олеся Викторовна. – Саратов, 2002. – 25 с.

497. Иванов, И.И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Иван Иванович. – СПб., 2004. – 418 с.

498. Кайшев, А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кайшев Александр Владимирович. – М., 2005. – 24 с.

499. Коваль, М.И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Коваль Михаил Иванович. – Рязань, 1995. – 306 с.

500. Колесникова, Н.Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05 / Колесникова Наталья Евгеньевна. – М., 2011. – 239 с.

501. Крайнова, Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Крайнова Надежда Александровна. – Владивосток, 2002. – 255 с.

502. Кургузкина, Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кургузкина Елена Борисовна. – М., 2003. – 59 с.

503. Латышева, Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Латышева Людмила Александровна. – Екатеринбург, 2015. – 269 с.

504. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Лесников Геннадий Юрьевич. – М., 2005. – 48 с.

505. Мальцев, А.А. Преступность несовершеннолетних в Республике Корея: криминологические, уголовно-правовые, уголовно-политические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мальцев Александр Анатольевич. – Владивосток, 2009. – 30 с.

506. Михайлов, А.Н. Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения: психологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 19.00.03 / Михайлов Александр Николаевич. – Тверь, 1998. – 176 с.

507. Мощицкая, Е.Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних (по материалам Иркутской области): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мощицкая Елена Юрьевна. – Иркутск, 2004. – 190 с.

508. Неткачев, К.Н. Формы реализации уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам республики Хакасия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Неткачев Кирилл Николаевич. – Красноярск, 2005. – 189 с.

509. Орлов, В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Орлов Владислав Николаевич. – М., 2015. – 605 с.

510. Пайзулаева, БА. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Пайзуллаева Бурлият Айгумовна. – Махачкала, 2011. – 149 с.

511. Палий, А.В. Понятие и цели уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Палий Анатолий Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 24 с.

512. Панченко, П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Панченко Павел Николаевич. – М., 1990. – 32 с.

513. Прысь, И.В. Ресоциализация несовершеннолетних женского пола, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Прысь Ирина Евгеньевна. – Рязань, 2011. – 211 с.

514. Радошнова, Н.А. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Радошнова Наталия Валерьевна. – Саратов, 2015. – 28 с.

515. Романова, Л.И. Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе (криминологические и уголовно-правовые аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада: 12.00.08 / Романова Лариса Ивановна. – Владивосток, 2001. – 63 с.

516. Рыбак, М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Рыбак Михаил Степанович. – Саратов, 2001. – 450 с.

517. Садовникова, М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: по материалам Восточной Сибири: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Садовникова Марианна Николаевна. – Иркутск, 2011. – 227 с.

518. Соломатина, И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Саламатина Ирина Ивановна. – М., 2007. – 368 с.

519. Старков, О.В. Роль криминогенных ситуаций в бытовых насильственных преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Старков Олег Викторович. – М., 1981. – 24 с.

520. Темаев, Т.В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03 / Темаев Тимур Вадудович. – Саратов, 2017. – 451 с.

521. Тумаров, К.С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Тумаров Константин Сергеевич. – Ставрополь, 2012. – 164 с.

522. Финаева, А.Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Финаева Анастасия Геннадьевна. – Саратов, 2012. – 150 с.

523. Фомин, Н.С. Теория и методика социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Фомин Николай Степанович. – М., 2005. – 355 с.

524. Хасмамедов Эльдар Али Оглы. Уголовно-правовые и социальные меры предупреждения рецидивной преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хасмамедов Эльдар Али оглы. – М., 1993. – 236 с.

525. Харламов, В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое

исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Харламов Валентин Станиславович. – СПб., 2019. – 43 с.

526. Хармаев, Ю.В. Криминологические проблемы социализации воспитанников детских домов и школ-интернатов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хармаев Юрий Владимирович. – М., 1998. – 179 с.

527. Хребтов, А.В. Нормативное регулирование воспитательной работы с лицами, лишенными свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хребтов Алексей Валерьевич. – М., 1993. – 24 с.

528. Хуторская, Н.Б. Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хуторская Наталья Борисовна. – М., 1992. – 193 с.

529. Чернышева, А.В. Ресоциализация женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях: правовые и организационные вопросы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чернышева Алла Валентиновна. – М., 1990. – 263 с.

530. Шатанкова, Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шатанкова Елена Николаевна. – М., 2008. – 249 с.

531. Шатилов, С.В. Освобождение несовершеннолетних из воспитательных колоний и их социальная адаптация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шатилов Сергей Владимирович. – М., 1997. – 156 с.

532. Шевченко, В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности: на материалах Санкт-Петербурга: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шевченко Вадим Феликсович. – СПб, 1998. – 161 с.

533. Щедрин, Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Щедрин Николай Васильевич. – Красноярск, 2001. – 348 с.

534. Шестаков, Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Шестаков Дмитрий Анатольевич. – СПб., 1986. – 45 с.

535. Шустова, Н.Е. Социальная адаптация личности: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Шустова Наталья Евгеньевна. – Саратов, 1999. – 132 с.

Источники на иностранном языке

536. Challenge Incarceration Program (CIP). [Электронный ресурс] // <https://www.inmateaid.com/prisons/challenge-incarceration-program-cip-3183>.

537. Erik Herber. Crime prevention in Japan orchestration, representation and impact of a volunteering boom // International Journal of Law, Crime and Justice. – Volume 54. – September 2018. – P. 102-110.

538. Gross K.-H. Correction and rehabilitation of offenders in the penal law and court practice of the Federal Republic of Germany // UNAFEI resource material ser. – Tokyo. – 1988. – № 34. – P. 22.

539. James Byrne and Gary Marx. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact Cahiers Politiestudies Jaargang. –2011-3. – Nr. 20. – P. 17-40 © Maklu-Uitgevers ISBN 978-90-466-0412-0.

540. Mass Incarceration: The Whole Pie 2020. [Электронный ресурс] // <https://www.prisonpolicy.org/reports/pie2020.html>.

541. Montau, R. (1996). Täter als Opfer: Jugendliche Gewalttäter als Legitimierungskünstler. Psychologie und Gesellschaftskritik. – 20(1/2). – P. 63-79.

542. Ronald P. Corbett, Jr. The Burdens of Leniency: The Changing Face of Probation. [Электронный ресурс] // https://minnesotalawreview.org/wp-content/uploads/2015/09/Corbett_4fmt_PDF.pdf.

543. Rush G. The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group. – 1991. – P. –264.

544. Yunhan Zhaoa Steven F. Messnera Jianhong Liub. The influence of importation and deprivation factors on prison adaptation: Insights from Chinese prisons // International Journal of Law, Crime and Justice. – Volume 63. – December 2020. – 100425. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2020.100425.

545. Сітарська Б. Теоретичні і методологічні засади дидактичних завдань з педагогіки у процесі підготовки та вдосконалення вчителів: Переклад з польської мови Ігор Родюк / Барбара Сітарська. – К.: Основа, 2005. – 363 с.

Иные источники

546. «Культуру отмены» в отношении России обсудили на ПМЭФ // Сайт Российской газеты. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmeny-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html>.

547. «Решение принято»: в России появится киберполиция. В МВД объявили о создании киберполиции в ближайшем будущем. [Электронный ресурс] // <https://www.gazeta.ru/tech/2020/12/18/13405898/cyberpolice.shtml>.

548. Александр Калашников обратил внимание руководителей территориальных органов ФСИН на персональную ответственность за выполнение требований законодательства, недопущение повторных нарушений // Сайт ТАСС. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/obshchestvo/10891047>.

549. Безработица в России к концу 2021 года составит чуть меньше 5% // Сайт ТАСС. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/ekonomika/948350>.

550. Благотворительный фонд «Рука к руке», сайт. [Электронный ресурс] // <https://ruka-k-ruke.ru/eto-nado-znat/центры-социальной-адаптации-реабилитации.html>.

551. Более 1,3 млн. россиян стали потерпевшими от преступлений в 2020 году // Сайт ТАСС/ [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/proisshestviya/11229729>.

552. Бортникова С. Расстрелы популяризируют в соцсетях. Как бороться с деструктивным влиянием? [Электронный ресурс] // https://stav.aif.ru/save/rasstrely_populyariziruyut_v_socialnyh_setyah_kak_borotsya_s_destruktivom.

553. В Генпрокуратуре составили портрет российского преступника 2020. [Электронный ресурс] // <https://e.ugpr.ru/rssnews>.

554. Владимир Путин провел встречу с Константином Чуйченко // Сайт Минюста РФ. [Электронный ресурс] // <https://minjust.gov.ru/ru/events/48724/>.

555. Воспоминания жертв серийного таксиста. [Электронный ресурс]. // <https://www.fontanka.ru/2020/11/06/69531561/>.

556. ВС запретил произвольно снижать сумму компенсаций морального вреда // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс] // https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/28609/.

557. ГУЛАГ не предлагать. Труд арестантов предложено использовать на стройках и в поле // Сайт Российской газеты. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2015/02/04/trud.html>.

558. Делягин Д. «Цифровой след» личности. Новый смысл существования человечества и некоторые следствия этого. [Электронный ресурс] // https://zavtra.ru/blogs/tcifrovoj_sled_lichnosti_novij_smysl_sushestvovaniya_chelovechestva_i_nekotorie_sledstviya_etogo_deklaratsiya_male.

559. Дело Алексея Ткачева, на счету которого три жертвы. [Электронный ресурс] // <https://47news.ru/articles/183489/>.

560. Дело Владимира Санкина, защищавшего подростков от педофила, но, как установили следственные органы, убившего его // Сайт Российской газеты [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2020/02/05/reg-pfo/v-ufe-obshchestvennost-vstala-na-zashchitu-muzhchiny-spassego-detej-ot-pedofila.html>.

561. За три года втрое возросло число дел о превышении полномочий сотрудниками ФСИН. [Электронный ресурс] // <https://pasm.ru/archive/253499/#:~:text=Выявлено%20почти%2068%20тыс.%20нарушений%20,которые%20не%20остаются%20без%20внимания>.

562. Заключение сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права РАН о недостатках Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской

Федерации» и предложения по его совершенствованию. [Электронный ресурс] // http://igpran.ru/public/publiconsite/Zaklyuch_sektora_UPKP_o_FZ_No182-FZ.pdf.

563. Итоги работы УФСИН за 2020 год // Сайт ФСИН РФ. [Электронный ресурс] // <https://78.fsin.gov.ru/statistics/itogi-raboty-ufsin-za-2020-god.php>.

564. Как использовать соцсети для благотворительных целей. [Электронный ресурс] // <https://trends.rbc.ru/trends/social/621c0b169a794724116d7102>.

565. Калинин Ю.И. Реформирование уголовно-исполнительной системы в России. [Электронный ресурс] // <https://docviewer.yandex.ru/view/>.

566. Клаус Шваб, Тьерри Маллере, COVID-19: Великая перезагрузка. [Электронный ресурс] // <https://www.litlib.net/bk/135579/read>.

567. Костина О. Забытая жертва. Система поддержки людей, ставших жертвами преступников, требует серьезной корректировки // Сайт Российской газеты. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuets-serьeznoj-korrektirovki.html>.

568. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Сайт ФСИН РФ // Сайт ФСИН РФ. [Электронный ресурс] // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

569. КС защитил право потерпевших на возмещение расходов на адвокатов. [Электронный ресурс] // <https://fparf.ru/news/fpa/ks-zashchitil-pravo-poterpevshikh-na-vozmeshchenie-raskhodov-na-advokatov/>.

570. Кудрявцев В. Преступление против брака. Влияет ли матримониальный статус на криминальное поведение. [Электронный ресурс] // <https://www.vtimes.io/2021/02/14/prestuplenie-protiv-braka-a3161>.

571. МРОТ 2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

572. Начисление зарплаты осужденным. [Электронный ресурс] // <https://vturme.info/nachislenie-zarplaty-osuzhdennym/>.

573. Номоконов В.А. Политике нужна криминологическая оценка / Отклик на основной доклад беседы Санкт-Петербургского криминологического клуба на тему «Политическая криминология», 12 марта 2021. [Электронный ресурс] //

<https://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/416-2021-01-30-15-16-22.html>.

574. О создании системы пробации в Российской Федерации // Сайт Минюста РФ. [Электронный документ] // <https://minjust.gov.ru/ru/events/48795/>.

575. Основные тренды российской преступности в 2021 году: исследование «Если быть точным». [Электронный ресурс] // <https://tochno.st/materials/osnovnye-trendy-rossiyskoj-prestupnosti-v-2021-godu-issledovanie-esli-byt-tochnym> <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>.

576. От чего умирают российские эки. [Электронный ресурс] // <https://life.ru/p/1024540>.

577. Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступления. Аналитический доклад. [Электронный ресурс] // [https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=18&*="](https://docviewer.yandex.ru/view/635968484/?page=18&*=).

578. Президент Литвы предложит парламенту ужесточить условия пробации. [Электронный ресурс] // <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/prezident-litvy-predlozhit-parlamentu-uzhestochit-usloviya-probacii.d?id=69532910>.

579. Приговор с шестью нолями. Верховный суд рекомендовал повысить суммы компенсаций морального вреда пострадавшим // Сайт Российской газеты. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2020/08/11/vs-rekomendoval-povysit-summy-kompensacij-moralnogo-vreda-postradavshim.htm>.

580. Принудительные работы назначают все чаще. [Электронный ресурс] // <https://pravo.ru/news/212775/>.

581. Принудительные работы, как альтернатива лишению свободы. [Электронный ресурс] // <https://crimea.mk.ru/incident/2022/04/29/prinuditelnye-raboty-kak-alternativa-lisheniyu-svobody.html>.

582. Путин рассказал, надо ли бояться искусственного интеллекта. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2023/12/14/putin-rasskazal-nado-li-boiatsia-iskusstvennogo-intellekta.html>.

583. Пушкина подготовит закон с запретами для освободившихся убийц и маньяков // Сайт РБК [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru/society/24/03/2021/605a5b169a7947106adafd5c>.

584. пытки, голод и коррупция: как региональные управления ФСИН пытаются скрыть нарушения от Москвы. [Электронный ресурс] // <https://pasm.ru/archive/302753/>.

585. Российские компании начали активнее привлекать на работу осужденных к принудительному труду. [Электронный ресурс] // <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/01/987869-rossiiskie-kompanii-nachali-aktivnee-privlekat-na-rabotu-osuzhdennih>.

586. С 1 декабря 2022 года госорганы должны будут вести официальные аккаунты в "ВКонтакте" и "Одноклассниках". [Электронный ресурс] // <https://www.garant.ru/news/1564104/>.

587. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс] // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24969>.

588. Тюремное население в США: общая картина. [Электронный ресурс] // <https://www.prisonpolicy.org/reports/pie2020.html>.

589. Уровень безработицы в России в июле обновил исторический минимум. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/obschestvo/18621701>.

590. Фишман Л.С. Асоциализация несовершеннолетних потребителей ПАВ и их ресоциализация. [Электронный ресурс] // <https://arnar.ru/stati/asotsializatsiya-nesovershennoletnih-potrebiteley-pav-i-ih-resotsializatsiya/>.

591. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных учреждениях для взрослых // Сайт ФСИН РФ [Электронный ресурс] // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Har-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.

592. Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в Интернете. [Электронный ресурс] // https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml.

593. Швабауэр А. Угрозы Закона об основах системы профилактики правонарушений. [Электронный ресурс] // https://ruskline.ru/analitika/2016/07/21/ugrozy_zakona_ob_osnovah_sistemy_profilaktiki_pravonarushenij.

594. Экс-директора ФСИН Реймера обвинили в мошенничестве около 3 млрд. [Электронный ресурс] // <https://pasm.ru/archive/121833/>.

595. Экспертиза нашла метадон в крови умершей на Комендантском новорожденной. [Электронный ресурс] // <https://78.ru/news/2023-12-21/ekspertiza-nashla-metadon-v-krovi-umershei-na-komendantskom-novorozhdennoi>.

596. Эксперты АЮР рассказали, как устроен надзор за освободившимися преступниками. [Электронный ресурс] // https://vk.com/aurrossii?w=wall-18864988_28061.

597. Электронный надзор за заключенными уже работает. [Электронный ресурс] // <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/elektronniy-nadzor-za-zaklyuchnnimi-uzhe-rabotaet.a144248/>.

Приложение 1.

**Анкета для опроса осужденных, поступающих в ИУ,
для индивидуализации подхода в выборе средств
и методов психологической работы**

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА (карантин)

Просим Вас ответить на нижеприведенные вопросы, касающиеся Вашей биографии. Анкетирование проводится для обобщения и систематизации данных. Данные, полученные при анкетировании, будут использованы лишь психологами учреждения, для индивидуализации подхода в выборе средств и методов последующей работы.

1. Дата заполнения _____
 2. Фамилия, имя, отчество _____
 3. Дата и место (город, поселок) Вашего рождения _____
 4. Национальность _____
 5. Семейное положение (подчеркнуть):
 - Вдовец
 - Гражданский брак
 - Не состою в браке
 - Разведен
 - Состою в браке
 - Иное _____
 6. Состав вашей семьи (в какой семье Вы воспитывались (мама, папа, опекуны, детский дом): _____
 7. Дети: есть, нет. Количество: _____
 8. Взаимоотношения в семье (с детьми, женой, родителями): _____
 9. Ваше образование (что окончили, где еще учились) _____
-
10. Ваша профессия (специальность) до осуждения, место работы (учебы) и должность _____
 11. Какая это судимость по счету _____, укажите номер(а) статьи(ей) по которым Вы привлекались ранее _____
 12. Статья (и) УК последней судимости _____
 13. Почему совершили последнее преступление _____
 14. Есть ли у вас иск? (если да, то какой) _____
 15. Согласны ли вы с приговором? (если нет, то почему) _____
 - Признали свою вину? _____
 - Имели ли Вы взыскания до прибытия в ИК(подчеркнуть): **да; нет**, если да (имели) укажите количество нарушений _____
 - состоите ли на профилактическом учете? _____

Биографические данные:

16. Служба в армии: **да; нет** (года службы _____) род войск _____
17. Служба в «горячих точках»: **да; нет** (место, год) _____
18. Участие в боевых действиях: **да; нет** (место, год) _____

Анкетные данные:

19. Выросли в полной семье? **да; нет**
- Воспитывали бабушка/дедушка
 - сирота
 - только мать
 - только отец
20. Если вырос без родителей, то (подчеркнуть):
- в детском доме
 - в интернате
 - воспитали опекуны
 - с какого возраста без родителей _____
21. Употребляете ли Вы спиртные напитки? С какого возраста? _____
- Да, выпивал много
 - Умеренно
 - Бывали запои
 - Нет
22. Курите ли Вы? **да; нет**. С какого возраста? _____
23. Судимы ли Ваши родственники? **да; нет**
24. Если да, то кто? Когда? за что? _____
25. Употребляли ли Вы наркотики?
- Пробовал, но не употреблял
 - Да, но не более 5 раз
 - Да, употреблял (какие) _____
 - Нет
26. Употребляли ли Вы спайс?
- Да, пробовал
 - Да, но не более 5 раз
 - Да
 - Нет
27. Ваши жизненные ценности:
-
-
28. Укажите события, оказавшие влияние на Вашу жизнь:
-
29. Есть ли у Вас шрамы? (если да, то какие) **да; нет** _____
30. Совершали ли когда-либо попытки самоубийства (подчеркнуть): **да; нет**

31. Совершали ли когда-либо самоповреждения (самопорезы, глотание инородных предметов и другое) (подчеркнуть): да; нет
32. Когда _____ Где _____ Что делали _____
Зачем _____
33. Нюхали ли Вы бензин, клей, др.? **да; нет**
34. Состояли ли Вы в несовершеннолетнем возрасте на учете в милиции: **да; нет**
35. С какого возраста _____ по какой причине _____
36. Перенесенные заболевания: гепатит, ВИЧ, туберкулез, иное _____
37. Состояли ли на учете (подчеркнуть, указать диагноз):
- Туберкулезном _____
 - Наркологическом _____
 - Психоневрологическом _____
 - не состоял
38. Были ли в семье лица (подчеркнуть, **кто именно указать**):
- ранее судимые _____
 - совершившие самоубийство, или попытку самоубийства _____
 - злоупотребляющие спиртными напитками _____
 - имеющие психические заболевания _____
 - употребляющие наркотические вещества _____
39. Каково Ваше отношение к азартным играм? **положительное, отрицательное**
40. Имеются ли у Вас проблемы психологического характера (подчеркнуть): **да; нет**
если имеете, здесь можете указать какие _____
41. Увлечения, любимые занятия _____
42. Как Вы относитесь к религии? _____
43. К какой религии вы себя относите? _____
44. Ниже приведены предложения, которые необходимо завершить одним или несколькими словами, первыми пришедшими в голову:
- ✓ Думаю, что я достаточно способен, чтобы _____
 - ✓ Я мог бы быть очень счастливым, если бы _____
 - ✓ Будущее мне кажется _____
 - ✓ Когда мне начинает везти, я _____
 - ✓ Больше всего я хотел бы в жизни _____
 - ✓ Ближайшие планы на будущее _____
 - ✓ Знаю, что глупо, но боюсь _____
 - ✓ Когда я был ребенком, _____
 - ✓ По сравнению с большинством других семей моя семья _____
 - ✓ Надеюсь на _____
 - ✓ Думаю, что мой отец _____
 - ✓ Супружеская жизнь кажется мне _____

- ✓ Моей самой большой ошибкой было _____
- ✓ Моим самым живым воспоминанием детства является _____
- ✓ Я люблю свою мать, но _____

Спасибо за работу. С уважением, психологи ПЛ ФКУ ИК-3.

Приложение 2.
Анкета для опроса осужденных, освобождаемых
от дальнейшего отбывания наказания в ИУ,
для оценки результатов нахождения в ИУ

Пожалуйста, отнеситесь к заполнению данной анкеты серьезно, не пропускайте вопросы.

УДО, ИТР, ПТР (обведите нужное) _____

ФИО _____

№ отряда _____ Чем занимаетесь в ИК-3 _____

Были ли у Вас нарушения режима в этот срок? (какие, когда, сколько) _____

Сколько всего судимостей? __ Сколько из них в МЛС? __ Какое преступление совершили (что именно сделали?) _____ Причины совершения преступления (почему, зачем) _____

Признали свою вину? _____ Сумма иска _____ Сколько осталось выплатить _____

Согласны с приговором? _____ Да/Нет __ С чем именно не согласны _____

Освобождались ли Вы УДО, ИТР, ПТР? (сколько раз, в каких годах, выдержали ли срок, если нет, то почему) _____

Употребляли ли вы наркотики? никогда/ не более 5 раз/ да/ была система/ причина преступления

Употребляли ли вы спиртные напитки? да / причина преступления / бывали запои / умеренно / нет

Опишите мотивы УДО, ИТР, ПТР (зачем Вам это) _____

Ваше семейное положение (обведите нужное) женат, гр. брак, разведен, холост.

Есть ли дети? _____

С кем из родственников поддерживаете связь? _____

С кем собираетесь жить после освобождения? _____

Чем собираетесь заниматься после освобождения? _____

Опишите свои планы на ближайший год? _____

Опишите свои планы на ближайшие 5 лет? _____

- 1.4. Затрудняюсь ответить.
7. Как Вы думаете жить после отбытия наказания?
- 7.1. Вернусь на прежнее место жительства.
- 7.2. Вернусь к прежней работе.
- 7.3. Постараюсь начать новую жизнь на новом месте жительства.
- 7.4. Не считаю нужным менять свой образ жизни.
- 7.5. Затрудняюсь ответить.
- 7.6. Свой вариант _____
8. Назовите причины совершенных(ого) Вами преступлений(я).
- 8.1. Легкомыслие.
- 8.2. Плохая семейная обстановка.
- 8.3. Попал под влияние дружков.
- 8.4. Жажда наживы, легких денег.
- 8.5. Злоупотребление спиртным, наркотиками.
- 8.6. Иные (какие именно) _____
- 8.7. Затрудняюсь ответить.
9. Каким было Ваше первое преступление?
- 9.1. Против личности.
- 9.2. Против собственности.
- 9.3. Против общественной безопасности.
- 9.4. Против государственной власти.
- 9.5. Транспортное преступление.
- 9.6. Иное (какое именно) _____
10. Были ли Вы осуждены за совершение первого преступления? Если да, то к какому виду наказания?
- 10.1. Да, к лишению свободы.
- 10.2. Да, к исправительным работам.
- 10.3. Да, но наказание отбывал условно.
- 10.4. Иное (какое именно) _____
- 10.5. Нет, не осуждался.
- 10.6. Затрудняюсь ответить.
11. Сколько времени Вы провели в местах лишения свободы в общей сложности?
- 11.1. До 5 лет. 11.3. До 15 лет.
- 11.2. До 10 лет. 11.4. Иной срок (укажите, какой) __
12. Пригодилась ли Вам в местах лишения свободы Ваша гражданская специальность?
- 12.1. Да. 12.2. Специальности не имею. 12.3. Нет.
13. Сколько времени составил перерыв между первым и вторым преступлением?
- 13.1. До 1 года.
- 13.2. Более 1 года. 13.3. Иной срок (укажите, какой) __
14. Поддерживаете ли Вы традиции и обычаи преступного мира?
- 14.1. Да 14.3. Не во всём.
- 14.2. Нет 14.4. Затрудняюсь ответить.
15. Будете ли Вы поддерживать традиции и обычаи преступного мира в повседневной жизни после освобождения из ИУ?

- 15.1. Да 14.3. Не во всём.
 15.2. Нет 14.4. Затрудняюсь ответить.
16. Ваше отношение к труду в исправительном учреждении.
 16.1. Положительное 16.3. Никакое.
 16.2. Отрицательное 16.4. затрудняюсь ответить.
17. По Вашему мнению, оказывает ли влияние на исправление осужденного соблюдение режима в ИУ?
 17.1. Да, значительное влияние. 17.3. Нет.
 17.2. Оказывает, но незначительное 17.4. Затрудняюсь ответить.
18. Имеете ли Вы собственную жилплощадь на свободе?
 18.1. Да.
 18.2. Нет.
 18.3. Собственной нет, но мне есть, где жить.
19. Посещают ли Вас в ИУ родственники?
 19.1. Да, часто.
 19.2. Да, редко. 19.3. Нет.
20. По Вашему мнению, кто может оказать Вам поддержку после освобождения из ИУ?
 20.1. Семья. 20.3. Друзья. 20.4. Иные лица, _____
 20.2. Общественные организации. 20.5. Никто.
 20.3. Государственные органы.
21. По Вашему мнению, какого рода помощь будет необходима Вам после освобождения из ИУ?
 21.1. Материальная. 17.5. Никакой не нужно
 21.2. Помощь при устройстве на работу.
 21.3. Моральная.
 21.4. Иная помощь (укажите, какая именно) _____
22. Если у Вас возникнут проблемы с трудоустройством после освобождения из ИУ, куда Вы в первую очередь обратитесь?
 22.1. К родственникам.
 22.2. К знакомым.
 22.3. В правоохранительные организации.
 22.4. В службу содействия занятости населения.
 22.5. В иные инстанции (укажите, куда именно) _____
23. По Вашему мнению, окажет ли судимость влияние на Ваши взаимоотношения с людьми? Если да, то какое?
 23.1. Да, отношения ухудшатся.
 23.2. Да, люди будут меня бояться.
 23.3. Да, люди будут сторониться меня.
 23.4. Другие отношения (какие именно) _____
 23.5. Нет.
 23.6. Затрудняюсь ответить.
24. Встречаются ли, по Вашему мнению, случаи, когда осужденные оказывают материальную или иную помощь семьям своих товарищей, либо самим осужденным, освободившимся из ИУ?

- 24.1. Да, это бывает часто.
 24.2. Да, это бывает, но редко.
 24.3. Нет.
 24.4. Затрудняюсь ответить.
25. Как Вы считаете, происходят ли какие-либо отрицательные изменения в характере человека после отбытия наказания в ИУ? Если да, то какие?
- 25.1. Да, человек обозляется.
 25.2. Да, человек становится равнодушным.
 25.3. Да, человек «ломается» как личность.
 25.4. Иные изменения (какие) _____
 25.5. Нет.
 25.6. Затрудняюсь ответить.
26. Что, по Вашему мнению, требуется для того, чтобы, оказавшись на свободе, Вы больше не совершали преступления?
- 26.1. Бросить употреблять алкоголь.
 26.2. Бросить употреблять наркотики.
 26.3. Изменить окружение.
 26.4. Начать работать.
 26.5. Иное мнение (что именно требуется) _____
 26.6. Затрудняюсь ответить.
27. Как Вы оцениваете результаты Вашего пребывания в ИУ?
- 27.1. Отрицательно.
 27.2. Положительно (я пересмотрел свою жизнь).
 27.3. Никак не оцениваю.
 27.4. Не думал об этом.
 27.5. Затрудняюсь ответить.
 27.6. Свой вариант _____
28. Есть ли у Вас цель жизни?
- 28.1. Нет. 28.2. Да, заработать много денег.
 28.2. Да, жить в достатке. 24.4. Да, уехать за границу.
 28.3. Да, воспитать ребенка. 24.6. Найти интересную работу.
 28.4. Создать семью.
 28.5. Иная цель (какая именно) _____
 28.6. Затрудняюсь ответить.
29. По Вашему мнению, возможна ли такая ситуация, что Вы вновь совершите преступление?
- 29.1. Нет. 29.2. Да. 29.3. Не уверен в ответе.
- Немного о себе:
30. Пол:
 30.1. Мужской. 30.2. Женский.
31. Возраст:
 31.1. 18-24. 31.2. 25-39 31.3. 40-49 31.4. 50-59 31.5. 60 лет
и старше.
32. Образование:

- 32.1. Начальное (до 4 кл.) 32.5. Среднее специальное
32.2. Незаконченное среднее (до 9 кл.) 32.6. Незаконченное высшее
32.3. Основное общее (9 кл.). 32.7. Высшее
32.4. Среднее полное общее (11 кл.) 32.8 Нет образования
33. Где Вы получили своё образование?
- 33.1. В исправительном учреждении. 33.3. Не получал.
33.2. На «свободе» 33.4. Затрудняюсь ответить
34. Как Вы относитесь к возможности получения образования в ИУ?
- 34.1. Положительно, образование мне пригодится.
34.2. Отрицательно, потому что _____
34.3. Безразлично. 34.4. Затрудняюсь ответить.
35. Профессия до совершения преступления: _____
36. Профессия, полученная в ИУ: _____
37. Семейное положение:
- 37.1. Женат. 37.2. Холост.
38. Сколько раз создавали семью?
- 38.1. Один раз. 38.3. Более (сколько) _____
38.2. Два раза. 38.4. Ни разу.
39. Сколько детей?
- 39.1. Нет. 39.3. Двое детей
39.2. Один ребенок. 39.4. Более
(сколько) _____
40. Сколько раз пришлось менять место работы, почему? _____
-
41. Ваше отношение к религии?
- 41.1. Положительное 41.3. Безразличное
41.2. Отрицательное 41.4. Затрудняюсь ответить
42. Благодарим за помощь!
43. Здесь Вы можете изложить свое мнение по любому вопросу:

Приложение 4
Анкета для изучения личности лиц,
отбывших уголовное наказание

Мы просим Вас ответить на ряд вопросов, имеющих отношение к проблеме ресоциализации осужденных. Полученная информация будет использоваться строго конфиденциально и только в научных целях.

Правила заполнения анкеты:

- выберите нужный ответ и подчеркните его;
- если Вы имеете иное мнение по этому вопросу, то напишите его;
- если ответов больше, чем один, то поставьте цифры 1, 2, 3... в зависимости от важности;
- указывать фамилию не надо, так как нас интересуют только обобщенные сведения.

Выражаем большую благодарность за оказанную помощь.

1. Сколько раз Вы были судимы?

1.1. Один	1.3. Три.
1.2. Два	1.4. Более трех
(сколько) _____	
2. Сколько раз Вы реально отбывали уголовное наказание в виде лишения свободы?

2.1. Один	2.3. Три
2.2. Два	2.4. Более трех
(сколько) _____	
3. Привлекались ли Вы к ответственности до осуждения? Если да, то к какому виду?

3.1. Да, к административной.	3.5. Нет
3.2. Да, к дисциплинарной.	
3.3. Да, доставлялся в вытрезвитель.	
3.4. Да (указать, к какой именно) _____	
4. Влиял ли когда-либо кто-нибудь из лиц, ранее судимых, на Ваше решение совершить преступление?

4.1. Да.	
4.2. Да, но это влияние не имело решающего значения.	
4.3. Нет.	
4.4. Затрудняюсь ответить.	
5. Каким было Ваше первое преступление?

5.1. Против личности.	5.4. Против государственной власти.
5.2. Против собственности.	5.5. Транспортное преступление.
5.3. Против общественной безопасности.	5.6. Иное (какое именно) _____
6. Назовите причины первого совершенного Вами преступления.

6.1. Легкомыслие	6.5. Жажда наживы, легких денег.
------------------	----------------------------------

- 6.2. Плохая семейная обстановка. 6.6. Злоупотребление спиртным, наркотиками
- 6.3. Попал под влияние дружков. 6.7. Затрудняюсь ответить.
- 6.4. Иные (какие именно) _____
7. Назовите причины последующих совершенных Вами преступлений.
- 7.1. Легкомыслие. 7.5. Жажда наживы, легких денег.
- 7.2. Плохая семейная обстановка. 7.6. Злоупотребление спиртным, наркотиками
- 7.3. Попал под влияние дружков. 7.7. Затрудняюсь ответить.
- 7.4. Иные (какие именно) _____
8. Когда Вы совершали первое преступление, думали ли Вы о возможном наказании?
- 8.1. Да.
- 8.2. Да, думал, но был уверен, что удастся избежать ответственности.
- 8.3. Нет.
- 8.4. Затрудняюсь ответить.
9. Были ли Вы осуждены за совершение первого преступления? Если да, то к какому виду наказания?
- 9.1. Да, к лишению свободы. 9.4. Иное наказание (какое именно) _____
- 9.2. Да, к исправительным работам. 9.5. Нет, не осуждался.
- 9.3. Да, но наказание отбывал условно. 9.6. Затрудняюсь ответить.
10. Сколько времени Вы провели в местах лишения свободы в общей сложности?
- 10.1. До 5 лет. 10.3. До 15 лет.
- 10.2. До 10 лет. 10.4. Иной срок (укажите какой) _____
11. Пригодилась ли Вам в местах лишения свободы Ваша гражданская специальность?
- 11.1. Да. 11.2. Нет 11.3. Специальности не имею
12. Сколько времени составил перерыв между первым и вторым преступлением?
- 12.1. До 1 года 12.3. Иной срок (укажите, какой) _____
- 12.2. Более 1 года.
44. Поддерживаете ли Вы традиции и обычаи преступного мира?
- 44.1. Да 14.3. Не во всём.
- 44.2. Нет 14.4. Затрудняюсь ответить.
45. Будете ли Вы поддерживать традиции и обычаи преступного мира в повседневной жизни после освобождения из ИУ?
- 45.1. Да 14.3. Не во всём.
- 45.2. Нет 14.4. Затрудняюсь ответить.
46. Ваше отношение к труду в исправительном учреждении.
- 46.1. Положительное 16.3. Никакое.
- 46.2. Отрицательное 6.4. Затрудняюсь ответить.
47. По Вашему мнению, оказывает ли влияние на исправление осужденного соблюдение режима в ИУ?
- 47.1. Да, значительное влияние. 17.3. Нет.
- 47.2. Оказывает, но незначительное 17.4. Затрудняюсь ответить.

13. Когда Вы находились в местах лишения свободы в последний раз, задумывались ли Вы о своей жизни на свободе?
- 13.1. Нет, не задумывался.
 - 13.2. Думал вернуться на прежнее место жительства.
 - 13.3. Думал вернуться к прежней работе.
 - 13.4. Думал начать новую жизнь на новом месте жительства.
 - 13.5. Не считаю нужным менять свой образ жизни.
 - 13.6. Затрудняюсь ответить.
14. Имеете ли Вы собственную жилплощадь на свободе?
- 14.1. Да.
 - 14.2. Нет
 - 14.3. Собственной нет, но мне есть, где жить
 - 14.4. Затрудняюсь ответить.
15. К кому в первую очередь Вы обратились за помощью после освобождения из ИУ в последний раз?
- 15.1. К семье.
 - 15.2. К друзьям, с которыми отбывал наказание.
 - 15.3. В государственные органы (какие именно?) _____.
 - 15.4. В общественные организации (какие именно?) _____.
 - 15.5. Никуда.
 - 15.6. К иным лицам, в организации (укажите, куда именно) _____.
16. По Вашему мнению, какого рода помощь была необходима Вам после освобождения из ИУ?
- 16.1. Материальная.
 - 16.2. Моральная.
 - 16.3. Помощь при устройстве на работу.
 - 16.4. Иная помощь (укажите, какая именно) _
 - 16.5. Никакой не нужно.
17. Возникали ли у Вас проблемы с трудоустройством после освобождения из ИТУ (ИУ)?
- 17.1. Да.
 - 17.2. Нет.
 - 17.3. Затрудняюсь ответить.
18. С какими проблемами Вы столкнулись после освобождения из ИУ в последний раз?
- 18.1. Трудности с трудоустройством.
 - 18.2. Трудности в семейных отношениях
 - 18.3. Жилищные проблемы.
 - 18.4. Проблемы со здоровьем
 - 18.5. Проблемы адаптации к условиям современной жизни.
 - 18.6. Проблемы взаимоотношений с людьми.
 - 18.7. Иные (какие именно?) _____.
 - 18.8. Проблем не было.
19. Как отнеслась Ваша семья к факту совершения Вами преступления и отбытия наказания за него?
- 19.1. Семья меня поддержала.
 - 19.2. Семья меня отвергла.
 - 19.3. Равнодушно.
 - 19.4. Иное отношение (какое именно?) _____.
 - 19.5. Затрудняюсь ответить.

20. По Вашему мнению, оказала ли судимость влияние на Ваши взаимоотношения с людьми? Если да, то какое?
- 20.1. Да, отношения ухудшились.
 - 20.2. Да, люди меня боятся.
 - 20.3. Да, люди сторонятся меня.
 - 20.4. Другие отношения (какие именно) _____
 - 20.5. Нет.
 - 20.6. Затрудняюсь ответить.
21. Встречаются ли случаи, когда осужденные оказывают материальную или иную помощь семьям своих товарищей, либо самим осужденным, освободившимся из ИУ?
- 21.1. Да, это бывает часто
 - 21.2. Да, это бывает, но редко
 - 21.3. Нет
 - 21.4. Затрудняюсь ответить
22. Как Вы считаете, происходят ли какие-либо отрицательные изменения в характере человека после отбытия наказания в ИУ? Если да, то какие?
- 22.1. Да, человек обозляется.
 - 22.2. Да, человек становится равнодушным.
 - 22.3. Да, человек “ломается” как личность.
 - 22.4. Иные изменения (какие) _____
 - 22.5. Нет.
 - 22.6. Затрудняюсь ответить.
23. Что, по Вашему мнению, требуется для того, чтобы Вы больше не совершали преступления?
- 23.1. Бросить употреблять алкоголь.
 - 23.2. Бросить употреблять наркотики.
 - 23.3. Изменить окружение.
 - 23.4. Начать работать.
 - 23.5. Иное мнение (что именно требуется) _____
 - 23.6. Затрудняюсь ответить.
24. Есть ли у Вас цель жизни?
- 24.1. Нет.
 - 24.2. Да, жить в достатке.
 - 24.3. Да, воспитать ребенка.
 - 24.4. Создать семью.
 - 24.5. Иная цель (какая именно) _____
 - 24.6. Да, заработать много денег.
 - 24.7. Да, уехать за границу.
 - 24.8. Найти интересную работу.
 - 24.9. Затрудняюсь ответить.
25. По Вашему мнению, возможна ли такая ситуация, что Вы вновь совершите преступление?
- 25.1. Нет.
 - 25.2. Да.
 - 25.3. Не уверен в ответе.
- Немного о себе:
1. Пол:
 - 1.1. Мужской.
 - 1.2. Женский.
 2. Возраст:
 - 2.1. 18-24.
 - 2.2. 25-39
 - 2.3. 40-49
 - 2.4. 50-59
 - 2.5. 60 лет и старше.
 3. Образование:
 - 3.1. Начальное (до 4 кл.)
 - 3.5. Среднее специальное

- 3.2. Незаконченное среднее (до 9 кл.) 3.6. Незаконченное высшее
 3.3. Основное общее (9 кл.). 3.7. Высшее
 3.4. Среднее полное общее (11 кл.) 3.8 Нет образования
4. Где Вы получили своё образование?
 4.1. В исправительном учреждении. 4.3. Не получал.
 4.2. На «свободе» 4.4. Затрудняюсь ответить
5. Как Вы относитесь к возможности получения образования в ИУ?
 5.1. Положительно, образование мне пригодится.
 5.2. Отрицательно, потому
 что _____
 5.3. Безразлично. 5.4. Затрудняюсь ответить.
6. Профессия до совершения преступления: _____
7. Профессия, полученная в ИУ: _____
8. Семейное положение:
 8.1. Женат. 8.2. Холост.
9. Сколько раз создавали семью?
 9.1. Один раз. 9.3. Более (сколько) _____
 9.2. Два раза. 9.4. Ни разу.
48. Сколько детей?
 48.1. Нет. 39.3. Двое детей
 48.2. Один ребенок. 39.4. Более (сколько) _____
49. Сколько раз пришлось менять место работы, почему? _____
50. Ваше отношение к религии?
 50.1. Положительное 41.3. Безразличное
 50.2. Отрицательное 41.4. Затрудняюсь ответить
51. Благодарим за помощь!
52. Здесь Вы можете изложить свое мнение по любому вопросу:

Приложение 5

Анкета экспертной оценки

Уважаемый коллега!

Мы просим Вас высказать свое мнение по ряду вопросов, касающихся проблемы ресоциализации осужденных в России.

Полученная информация будет использоваться конфиденциально и строго в научных целях.

Правила заполнения анкеты:

- выберите нужный ответ и подчеркните его;
- если Вы имеете иное мнение по этому вопросу, то напишите его;
- если ответов больше, чем один, то поставьте цифры 1, 2, 3 ... в зависимости от важности;
- указывать фамилию не надо, так как нас интересуют только обобщенные сведения.

Выражаем большую благодарность за оказанную помощь.

1. По Вашему мнению, происходит ли рост уровня рецидивной преступности в настоящее время в России?
 - 1.1. Да.
 - 1.2. Нет.
 - 1.3. Затрудняюсь ответить.
2. По Вашему мнению, происходит ли рост уровня рецидивной преступности в настоящее время в Санкт-Петербурге и Ленинградской области?
 - 2.1. Да.
 - 2.2. Нет.
 - 2.3. Затрудняюсь ответить.
3. Как Вы думаете, какими причинами может быть обусловлен рост рецидивной преступности?
 - 3.1. Экономическими.
 - 3.2. Политическими.
 - 3.3. Социальными.
 - 3.4. Культурными.
 - 3.5. Обострением национальной обстановки
 - 3.6. Иными (укажите, какими) _____
4. Как часто Вам приходится сталкиваться с ранее судимыми лицами в повседневном общении (помимо профессиональной деятельности)?
 - 4.1. Редко.
 - 4.2. Часто.
 - 4.3. Очень часто.
 - 4.4. Затрудняюсь ответить.
5. По Вашему мнению, имеет ли особенности поведение ранее судимых лиц в местах лишения свободы по сравнению с поведением впервые осужденных? Если да, то в чем состоят отличия?

- 5.1. Да, они агрессивнее.
 - 5.2. Да, они легче осваиваются.
 - 5.3. Да (указать, чем именно отличается) _____
 - 5.4. Нет.
 - 5.5. Затрудняюсь ответить.
 - 5.6. Свой вариант _____
6. Каков процент, по Вашему мнению, ранее судимых лиц среди общей массы осужденных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области?
 - 6.1. До 10%.
 - 6.2. От 10 % до 30%.
 - 6.3. От 30 % до 50 %.
 - 6.4. Свыше 50%.
 - 6.5. Затрудняюсь ответить.
 7. По Вашему мнению, оказывает ли пребывание в местах лишения свободы влияние на последующее поведение судимого?
 - 7.1. Да.
 - 7.2. Нет.
 - 7.3. Незначительное влияние.
 - 7.4. Затрудняюсь ответить.
 - 7.5. Свой вариант _____
 8. Каков, по Вашему мнению, уровень правовой подготовки (знание действующего законодательства) у ранее судимых лиц?
 - 8.1. Высокий.
 - 8.2. Средний.
 - 8.3. Низкий.
 - 8.4. Знают только уголовное законодательство.
 - 8.5. Затрудняюсь ответить.
 9. По Вашему мнению, нуждаются ли ранее судимые, отбывшие наказание, в профессиональной помощи? Если да, то в какой именно?
 - 9.1. Да, в юридической.
 - 9.2. Да, в медицинской.
 - 9.3. Да, в психологической.
 - 9.4. Да, в материальной.
 - 9.5. Да, в иной (указать, какой) _____
 - 9.6. Нет.
 10. Характерно ли для ранее судимых лиц злоупотребление алкоголем, наркотиками, токсическими веществами?
 - 10.1. Нет.
 - 10.2. Да.
 - 10.3. Да, для некоторых.
 - 10.4. Затрудняюсь ответить.
 11. По Вашему мнению, каков процент среди ранее судимых составляют лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотическими, токсическими и т.д. веществами?

- 11.1. До 10%.
 - 11.2. От 10 % до 30%.
 - 11.3. От 30 % до 50 %.
 - 11.4. Свыше 50%.
 - 11.5. Затрудняюсь ответить.
12. По Вашему мнению, каков процент среди ранее судимых составляют лица с психическими отклонениями, не исключающими вменяемости?
- 12.1. До 10%.
 - 12.2. От 10 % до 30%.
 - 12.3. От 30 % до 50 %.
 - 12.4. Свыше 50%.
 - 12.5. Затрудняюсь ответить.
13. Каков процент, по Вашему мнению, среди осужденных составляют дезадаптированные к условиям отбывания наказания лица?
- 13.1. До 10%.
 - 13.2. От 10 % до 30%.
 - 13.3. От 30 % до 50 %.
 - 13.4. Свыше 50%.
 - 13.5. Затрудняюсь ответить.
14. По Вашему мнению, вырабатывается ли в характере ранее судимого лица антиобщественная установка?
- 14.1. Да.
 - 14.2. Нет.
 - 14.3. Затрудняюсь ответить.
 - 14.4. Свой вариант _____
15. Каков, по Вашему мнению, процент впервые осужденных, отбывших наказание в местах лишения свободы, вновь совершающих преступления?
- 15.1. До 10%.
 - 15.2. От 10 % до 30%.
 - 15.3. От 30 % до 50 %.
 - 15.4. Свыше 50%.
 - 15.5. Затрудняюсь ответить.
16. Каков, по Вашему мнению, процент отбывших наказание в виде лишения свободы за совершение повторных преступлений вновь осуждаются к лишению свободы?
- 16.1. До 10%.
 - 16.2. От 10 % до 30%.
 - 16.3. От 30 % до 50 %.
 - 16.4. Свыше 50%.
 - 16.5. Затрудняюсь ответить.
17. С какими проблемами, по Вашему мнению, наиболее часто сталкиваются ранее судимые лица после выхода на свободу?
- 17.1. Трудности с трудоустройством.
 - 17.2. Трудности в семейных отношениях.
 - 17.3. Жилищные проблемы.

- 17.4. Проблемы со здоровьем.
- 17.5. Проблема адаптации к нормальным условиям жизни.
- 17.6. Проблема отношений с людьми.
18. Иные (указать, какие) _____
19. По Вашему мнению, к кому чаще всего обращаются ранее судимые после освобождения из ИУ?
- 19.1. К семье.
- 19.2. К друзьям, с которыми вместе отбывали наказание.
- 19.3. К знакомым.
- 19.4. В государственные учреждения (какие именно) _____
- 19.5. В общественные организации (какие именно) _____
- 19.6. Затрудняюсь ответить.
20. Вашему мнению, оказывает ли религия положительное влияние на ранее судимых, находящихся в ИУ?
- 20.1. Нет.
- 20.2. Да.
- 20.3. Незначительное.
- 20.4. Затрудняюсь ответить.
- 20.5. Свой вариант _____
21. По Вашему мнению, будет ли способствовать решению проблемы рецидивной преступности создание альтернативных негосударственных центров помощи ранее судимым?
- 21.1. Да.
- 21.2. Нет.
- 21.3. Затрудняюсь ответить.
22. По Вашему мнению, будет ли способствовать решению проблемы рецидивной преступности назначение наказаний, не связанных с лишением свободы?
- 22.1. Нет.
- 22.2. Да.
- 22.3. Незначительное.
- 22.4. Затрудняюсь ответить.
- 22.5. Свой вариант _____
23. По Вашему мнению, способствует ли действующая система исполнения наказаний исправлению осужденных?
- 23.1. Да.
- 23.2. Нет.
- 23.3. Затрудняюсь ответить.
- 23.4. Свой вариант _____
24. По Вашему мнению, оказывает ли положительное воздействие на поведение осужденного административный надзор?
- 24.1. Да.
- 24.2. Да, но не в таком виде, как сейчас в Российской Федерации.
- 24.3. Нет.
- 24.4. Затрудняюсь ответить.
- 24.5. Свой вариант _____

25. По Вашему мнению, какое влияние на состояние уровня преступности окажут вышедшие на свободу ранее судимые лица?

25.1. Уровень преступности увеличится.

25.2. Уровень преступности не изменится.

25.3. Затрудняюсь ответить.

25.4. Свой вариант _____

26. По Вашему мнению, какое влияние на состояние уровня преступности окажет внедрение в РФ системы пробации (аналог европейской системы обращения с осужденными)?

26.1. Уровень преступности увеличится.

26.2. Уровень преступности не изменится.

26.3. Затрудняюсь ответить.

26.4. Свой вариант _____

Немного о себе:

27. Ваш возраст: _____

28. Пол: _____

29. Образование: _____

30. Специальность: _____

31. Должность: _____

32. Сколько лет Вы работаете в системе правоохранительных органов: .

Здесь Вы можете изложить свое

**ПРОЕКТ
КОДЕКС О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И
РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ**

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Цели и задачи предупреждения преступлений и ресоциализации

1. Целями предупреждения и ресоциализации являются противодействие криминализации общества, сокращение преступности и темпов ее роста, защита личности, общества, государства от преступных посягательств.

2. Задачами предупреждения и ресоциализации являются общее профилактическое воздействие в отношении населения, профилактическое воздействие в отношении криминогенных слоев населения, индивидуальное профилактическое воздействие на лиц, демонстрирующих противоправное поведение, снижение у населения риска стать жертвами преступления, индивидуальное профилактическое воздействие в отношении потерпевших от преступлений, восстановление социально положительного статуса лиц, подвергшихся мерам уголовного воздействия.

Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

В целях настоящего Кодекса используются следующие основные понятия:

1) *Виктимологическая профилактика* – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, физических лиц, иных субъектов, направленная на выявление, устранение и нейтрализацию причин и условий, формирующих виктимное поведение, а также социальная, психологическая, организационная и иная работа с жертвами преступлений.

2) *Государственная политика противодействия преступности* – основные направления деятельности государства по противодействию преступности, включающие в себя весь спектр правовых, социальных, экономических, организационных и иных противоправных мер.

3) *Криминогенные слои населения* – стратификационная категория лиц, к которым относятся лица, ранее совершавшие преступления, лица, занимающиеся проституцией, страдающие алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, нелегальные мигранты, лица с психическими отклонениями и т.д.

4) *Мониторинг в сфере предупреждения и ресоциализации* – система наблюдений за состоянием реализации мер предупреждения преступлений и ресоциализации, анализ и прогнозирование причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также оценка эффективности деятельности субъектов предупреждения преступлений и ресоциализации.

5) *Ресоциализация* - процесс и результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и/или осужденному за него

и/или потерпевшему от преступления, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

6) *Предупреждение преступлений* – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, физических лиц, иных субъектов, направленная на устранение или уменьшение причин и условий совершения преступлений путем их выявления, устранения и нейтрализации при помощи правовых, социальных, экономических, организационных и иных противопреступных мер.

7) *Профилактика преступлений* – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, физических лиц, иных субъектов, направленная на выявление, устранение и нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений, оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения преступлений, иных правонарушений или антиобщественного поведения.

Статья 3. Законодательство о предупреждении преступлений и ресоциализации

1. Правовую основу регулирования отношений в сфере предупреждения и ресоциализации составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, законодательство о предупреждении преступлений и ресоциализации.

2. Законодательство о предупреждении преступлений и ресоциализации состоит из настоящего Кодекса, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов Российской Федерации, иных нормативно-правовых актов.

3. Нормы, регулирующие отношения в сфере предупреждения и ресоциализации должны соответствовать настоящему Кодексу.

4. Президент Российской Федерации, Федеральное собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Федеральные органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут в пределах своей компетенции издавать нормативно-правовые акты в сфере предупреждения преступлений и ресоциализации.

Статья 4. Организационные основы предупреждения и ресоциализации

1. Президент Российской Федерации:

определяет основные направления государственной политики в области предупреждения и ресоциализации;

устанавливает в пределах своих полномочий компетенцию федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять деятельность по предупреждению и ресоциализации;

координирует взаимодействие в сфере осуществления деятельности по предупреждению и ресоциализации.

2. Правительство Российской Федерации:

устанавливает в пределах своих полномочий компетенцию федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять деятельность по предупреждению и ресоциализации;

организует разработку и осуществление мер по предупреждению преступлений и ресоциализации;

организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по предупреждению и ресоциализации

3. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции осуществляют деятельность по предупреждению и ресоциализации.

4. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации осуществляют деятельность по предупреждению преступлений и ресоциализации на добровольных началах.

Статья 5. Принципы предупреждения и ресоциализации

1. Под принципами предупреждения и ресоциализации понимаются основополагающие начала, на основе которых осуществляются регулирование и реализация предупредительной деятельности.

2. Принципами предупреждения и ресоциализации являются:

Принцип справедливости;

Принцип законности;

Принцип гуманизма;

Принцип системности;

Принцип комплексности;

Принцип приоритета прав человека;

Принцип приоритета профилактики преступлений;

Принцип социальной обусловленности применения предупредительных мер;

Принцип участия в предупреждении преступлений всех субъектов общественных отношений;

Принцип индивидуализации применения ресоциализирующих мер;

Принцип непрерывности предупредительного воздействия.

Статья 6. Объекты предупреждения и ресоциализации

1. Под объектами предупреждения и ресоциализации понимаются социальные микро-и макро-группы, воздействие в отношении которых имеет свою специфику.

2. Виды объектов предупреждения и ресоциализации:

1). Криминогенные слои населения (их ресоциализация);

2). Несовершеннолетние правонарушители (их социализация);

3). Потерпевшие (жертвы) от преступлений (их ресоциализация);

4). Объекты специального социального контроля – ранее судимые лица (их ресоциализация).

Статья 7. Методы предупреждения и ресоциализации

1. Под методами предупредительного воздействия (методы предупреждения и ресоциализации) понимаются реализуемые в рамках законодательства РФ приемы и способы предупреждения преступлений и ресоциализации.

2. Методами предупредительного воздействия являются:

- 1). ограничение;
- 2). поощрение;
- 3). контроль;
- 4). воздействие;
- 5). воспитание;
- 6). помощь и поддержка.

Статья 8. Субъекты предупреждения и ресоциализации

1. Субъектами предупреждения и ресоциализации являются:

- 1). Федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации;
- 2). Органы прокуратуры Российской Федерации;
- 3). Следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- 4). Органы системы Министерства внутренних дел Российской Федерации;
- 5). Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;
- 6). Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- 7). Органы местного самоуправления;
- 8). Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации.

2. Субъекты предупреждения и ресоциализации осуществляют свою деятельность в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, федеральными законами Российской Федерации, иными нормативно-правовыми актами, принимаемыми в Российской Федерации.

Статья 9. Мониторинг в сфере предупреждения и ресоциализации

1. В целях оценки удовлетворенности деятельностью государственных субъектов предупредительной деятельности проводится мониторинг удовлетворенности.

2. Мониторинг в сфере предупреждения преступлений и ресоциализации направлен на выявление недостатков в деятельности субъектов предупреждения и ресоциализации, определение передовых методик и действенных мер предупреждения преступлений и ресоциализации, а также масштабирование эффективных социальных практик предупреждения преступлений и ресоциализации.

3. Механизм мониторинга удовлетворенности предупредительной деятельностью включает в себя:

- 1). сбор, обработку и систематизацию информации о принимаемых субъектами предупреждения преступлений и ресоциализации мерах;
- 2). анализ и прогнозирование причин и условий, способствующих совершению преступлений;
- 3). оценку эффективности деятельности субъектов предупреждения преступлений и ресоциализации по минимизации (нейтрализации) указанных причин и условий;
- 4). оценку удовлетворенности деятельностью субъектов профилактики со стороны населения страны.

4. В пределах своей компетенции мониторинг в сфере предупреждения и ресоциализации осуществляют органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

5. Полномочия единого центра мониторинга в сфере предупреждения преступлений и ресоциализации

Глава 2. Виды и формы предупреждения преступлений и ресоциализации

Статья 10. Виды предупреждения преступлений

1. Общее предупреждение преступлений направлено на устранение причин, порождающих преступления и условий, способствующих совершению преступлений, а также повышение уровня правовой грамотности и развития массового правосознания путем выработки государственной политики противодействия преступности, реализации правовых, социальных, экономических, организационных и иных противопреступных мер.

2. Индивидуальное предупреждение преступлений направлено на оказание воспитательного и иного ресоциализирующего воздействия на лиц, входящих в круг объектов предупреждения и ресоциализации, устранение факторов, оказывающих негативное влияние, а также оказание помощи и поддержки.

Индивидуальное предупреждение преступлений осуществляется на основе разработанной в отношении конкретного лица индивидуальной программы ресоциализации.

Индивидуальное предупреждение преступлений может осуществляться с применением специальных мер профилактики преступлений.

Статья 11. Основания для осуществления предупреждения преступлений и ресоциализации

1. Предупреждение преступлений осуществляется при возникновении социальных, экономических, правовых и иных причин и условий, способствующих совершению преступлений.

2. Ресоциализация осуществляется в связи с совершенным преступлением и заключается в применении к лицу, совершившему преступление и осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, комплекса

правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

3. Специальные меры предупреждения преступлений, предусмотренные законодательством Российской Федерации, могут быть применены в ходе предупреждения преступлений и ресоциализации при выявлении преступлений, криминогенных ситуаций либо иных причин и условий, способных привести к совершению преступлений, на основании и в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Статья 12. Индикаторы эффективности предупредительной деятельности

1. В целях оценки степени эффективности предупредительной деятельности используются следующие индикаторы:

- 1). устойчивое снижение количества зарегистрированных преступлений за определенный период времени;
- 2). устойчивое снижение уровня рецидивной преступности за определенный период времени;
- 2). состояние удовлетворенности принимаемыми в регионе мерами предупреждения преступности со стороны населения, фиксируемое результатами социологических опросов.

2. В целях оценки эффективности предупредительной деятельности в отношении отдельных видов преступлений субъектами предупреждения преступлений могут разрабатываться иные индикаторы эффективности предупредительной деятельности.

Статья 13. Индикаторы эффективности ресоциализации

1. В целях оценки степени эффективности ресоциализации используются следующие индикаторы:

- 1). устойчивое правомерное поведение лица, совершившего преступление в течение определенного периода времени;
- 2). удовлетворенность потерпевшего мерами компенсаторного характера, применяемыми в связи с совершенным преступлением;
- 3). состояние удовлетворенности принимаемыми в регионе мерами предупреждения преступности со стороны населения, фиксируемое результатами социологических опросов.

2. В целях оценки эффективности ресоциализации в отношении отдельных категорий субъектов могут разрабатываться иные индикаторы эффективности предупредительной деятельности.

Статья 14. Формы предупредительного и ресоциализирующего воздействия

1. Предупредительное и ресоциализирующее воздействие может осуществляться в следующих формах:

- 1). правовое просвещение и правовое информирование;
- 2). профилактическая беседа;
- 3). профилактический учет;

- 4). внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления;
- 5). профилактический надзор;
- 6). социальная адаптация;
- 7). социальная реабилитация;
- 8). помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми.

2. Предупредительное и ресоциализирующее воздействие в формах, предусмотренных пунктами 3-5 части 1 настоящей статьи, в пределах своей компетенции осуществляют должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 15. Правовое просвещение и правовое информирование

1. В целях правового просвещения и правового информирования субъекты предупреждения преступлений и ресоциализации доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера.

2. В целях правового просвещения и правового информирования субъекты предупреждения преступлений и ресоциализации могут использовать информационно-коммуникационные технологии, ресурсы социальных сетей в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, под контролем федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

Статья 16. Профилактическая беседа

1. Профилактическая беседа состоит в разъяснении лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения.

2. Порядок проведения профилактической беседы устанавливается нормативными правовыми актами субъектов профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией.

Статья 17. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления

1. В случае выявления причин и условий, способствующих совершению преступления, уполномоченный в соответствии с законодательством Российской Федерации субъект предупреждения преступлений и ресоциализации вносит в соответствующие орган или организацию независимо от форм собственности либо общественное объединение обязательное для исполнения представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления.

2. Порядок внесения представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных вносить указанное представление, устанавливаются законодательством Российской Федерации.

3. Орган или организация обязаны в месячный срок рассмотреть адресованное им представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, и сообщить в письменной форме о принятых мерах субъекту предупреждения преступлений и ресоциализации, внесшему указанное представление, в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Статья 18. Профилактический надзор

1. Профилактический надзор состоит в наблюдении за поведением лица, состоящего на профилактическом учете, и соблюдением им ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Профилактический надзор осуществляют органы службы ресоциализации (пробации) Российской Федерации, иные субъекты предупреждения преступлений и ресоциализации в соответствии со своей компетенцией.

Статья 19. Социальная адаптация (социализация)

1. Социальная адаптация представляет собой процесс, направленный на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве.

2. Меры по социальной адаптации применяются в соответствии с законодательством Российской Федерации в отношении следующих категорий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации:

- 1). безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние;
- 2). лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством;
- 3). несовершеннолетние, подвергнутые принудительным мерам воспитательного воздействия;
- 4) другие категории лиц, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в том числе лица, прошедшие курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию, а также лица, не способные самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия.

3. Мерами социальной адаптации являются:

- 1) стимулирования деятельности организаций, предоставляющих рабочие места лицам, нуждающимся в социальной адаптации, а также лицам, прошедшим курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию;
- 2) предоставления лицам, нуждающимся в социальной адаптации, в том числе лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социальных услуг в организациях социального обслуживания в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 3) предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 4) привлечения общественных объединений для оказания содействия лицам, нуждающимся в социальной адаптации;
- 5) применение социальных адаптивных методик в отношении лица, находящегося в трудной жизненной ситуации путем установления шефства. Шефство может быть установлено по месту работы или месту жительства такого лица.

Статья 20. Социальная реабилитация

1. Социальная реабилитация представляет собой процесс, направленный на восстановление утраченных социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в том числе потребляющими наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях.

2. Мерами социальной реабилитации являются:

- 1) разъяснение существующего порядка оказания социальной, профессиональной и правовой помощи;
- 2) оказание психологической помощи;
- 3) содействие в восстановлении утраченных документов, социально-полезных связей.

3. Социальная реабилитация осуществляется организациями социального обслуживания в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации. К организациям социального обслуживания относятся организации, предоставляющие социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-трудовые, социально-правовые и иные виды социальных услуг.

Статья 21. Помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми

Помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми, направлена на оказание правовой, социальной, психологической, медицинской и иной поддержки указанным лицам, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации с их согласия в целях минимизации последствий преступлений либо снижения риска стать пострадавшими от преступлений.

Глава 3. Предупреждение преступлений и ресоциализация осужденных лиц

Статья 22. Организационные основы предупреждения преступлений и ресоциализации осужденных лиц

1. Президент Российской Федерации:

определяет основные направления государственной политики в области предупреждения и ресоциализации осужденных лиц как части уголовно-исполнительной политики;

устанавливает в пределах своих полномочий компетенцию федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять деятельность по предупреждению и ресоциализации осужденных лиц;

координирует взаимодействие в сфере осуществления деятельности по предупреждению и ресоциализации осужденных лиц.

2. Правительство Российской Федерации:

устанавливает в пределах своих полномочий компетенцию федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять деятельность по предупреждению и ресоциализации осужденных лиц;

организует разработку и осуществление мер по предупреждению преступлений и ресоциализации осужденных лиц;

организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по предупреждению и ресоциализации осужденных лиц.

3. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции осуществляют деятельность по предупреждению и ресоциализации ранее судимых лиц, в том числе планируют мероприятия, осуществляют социальное, медицинское, правовое и материально-техническое сопровождение такой деятельности.

4. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации осуществляют деятельность по предупреждению преступлений и ресоциализации осужденных лиц на добровольных началах.

5. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции разрабатывают меры по стимулированию деятельности граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации лиц без гражданства, общественных, религиозных и иных организаций по предупреждению преступлений и ресоциализации осужденных лиц.

Статья 23. Этапы ресоциализации осужденных лиц

1. Этапами ресоциализации осужденных лиц являются временные промежутки, различающиеся характером и субъектами применения мер предупредительного воздействия.

2. Этапами ресоциализации осужденных лиц являются:
 - 1). допенитенциарный;
 - 2). пенитенциарный;
 - 3). постпенитенциарный.

Статья 24. Допенитенциарный этап ресоциализации осужденных лиц

1. Допенитенциарный этап ресоциализации осужденных лиц предполагает применение к осужденным с момента возбуждения уголовного дела, при исполнении приговора с назначением наказания, не связанного с изоляцией от общества, иных мер уголовно-правового характера комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний.

2. На допенитенциарном этапе ресоциализации осужденных лиц могут быть применены профилактическая беседа, меры социальной адаптации и социальной реабилитации.

3. Субъектами допенитенциарного этапа ресоциализации осужденных лиц являются в соответствии со своей компетенцией органы предварительного расследования, суд, уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, иные органы исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации могут участвовать в ресоциализации осужденных на добровольных началах.

Статья 25. Пенитенциарный этап ресоциализации осужденных лиц

1. Пенитенциарный этап ресоциализации осужденных лиц предполагает применение к осужденным в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ и лишения свободы комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия, направленных на подготовку осужденных к освобождению, с целью исправления, недопущения совершения противоправных деяний.

2. Содержание и порядок применения мер воздействия на пенитенциарном этапе ресоциализации осужденных лиц определяются уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Статья 26. Постпенитенциарный этап ресоциализации ранее судимых лиц

1. Постпенитенциарный этап ресоциализации ранее судимых лиц предполагает применение к лицам, освобожденным от отбывания наказания или подвергшимся иным мерам уголовно-правового характера комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия, направленных на ресоциализацию, с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса ранее судимого лица.

2. Субъектами постпенитенциарной ресоциализации являются в соответствии со своей компетенцией органы исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации могут участвовать в ресоциализации осужденных на добровольных началах.

Статья 27. Пробация

1. Предупреждение преступлений и ресоциализация осужденных, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, может осуществляться в форме пробации.

2. Формы и порядок осуществления пробации определяются федеральным законом и иным законодательством о пробации в Российской Федерации.

Глава 4. Виктимологическая профилактика

Статья 28. Организационные основы виктимологической профилактики

1. Субъектами виктимологической профилактики в соответствии со своей компетенцией являются органы исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

2. Специализированными субъектами, осуществляющими виктимологическую профилактику, являются структурные подразделения Прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства труда и социального развития Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации, государственные учреждения службы занятости населения, комиссии по делам несовершеннолетних, центры ресоциализации.

3. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации осуществляют виктимологическую профилактику на добровольных началах.

Статья 29. Цели виктимологической профилактики

Виктимологическая профилактика осуществляется в целях повышения активности защитных реакций человека, обеспечении его личной и имущественной безопасности, что минимизирует вероятность человека стать жертвой преступления.

Статья 30. Виды виктимологической профилактики

1. Общая виктимологическая профилактика осуществляется в отношении неопределенного круга лиц и направлена на повышение правовой осведомленности населения об обстоятельствах виктимогенного характера, виктимных ситуациях и мерах их профилактики.

2. Индивидуальная виктимологическая профилактика осуществляется в отношении конкретного лица и направлена на повышение правовой осведомленности населения об обстоятельствах виктимогенного характера, виктимных ситуациях и мерах их профилактики.

3. Обстоятельствами виктимогенного характера являются такие внешние обстоятельства, которые могут провоцировать совершение преступления в отношении конкретного лица (условия микросреды, субкультуральные обстоятельства, социально-психологические и личностные факторы и т.д.).

4. Виктимные ситуации представляют собой совокупность событий, которые способствуют совершению преступления в отношении конкретного лица (жертвы преступления).

Статья 31. Формы виктимологической профилактики

1. Формами виктимологической профилактики являются:

- 1). правовое воспитание;
- 2). правовое просвещение и правовое информирование;
- 3). профилактическая беседа;
- 4). контроль поведения потенциальной жертвы преступления;
- 5). психологическая помощь и реабилитация;
- 6). помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми.
- 7). меры, обеспечивающие личную безопасность пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми.

2. Виктимологическая профилактика может осуществляться и в иных формах, не противоречащих законодательству Российской Федерации.

Статья 32. Правовое воспитание

1. Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность по формированию правовой культуры и механизмов разрешения конфликтов в обществе.

2. Правовое воспитание осуществляется в отношении лиц, потенциально способных стать жертвой преступления в целях формирования у таких лиц способности противостоять обстоятельствам виктимогенного характера.

3. Субъектами правового воспитания являются перечисленные в части 2 статьи 28 настоящего Кодекса специализированные субъекты, а также средства массовой информации, институты гражданского общества, семья.

Статья 33. Правовое просвещение и правовое информирование

Правовое просвещение и правовое информирование проводится в отношении лиц, потенциально способных стать жертвами преступлений, в порядке и формах, предусмотренных статьей 15 настоящего Кодекса.

Статья 34. Профилактическая беседа

Профилактическая беседа проводится в отношении лиц, потенциально способных стать жертвами преступлений в порядке и формах, предусмотренных статьей 16 настоящего Кодекса.

Статья 35. Контроль поведения потенциальной жертвы преступления

1. Контроль поведения потенциальной жертвы преступления состоит в наблюдении за поведением лица, подверженного риску стать пострадавшим от преступления со стороны специально уполномоченных субъектов.

2. Контроль поведения потенциальной жертвы преступления осуществляют в пределах своих полномочий сотрудники центров ресоциализации, создаваемых в системе Министерства юстиции Российской Федерации.

3. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации могут осуществлять контроль поведения потенциальной жертвы преступления на добровольных началах.

Статья 36. Психологическая помощь и реабилитация

1. Психологическая помощь и реабилитация в отношении пострадавших от преступления и/или лиц, потенциально способных стать таковыми, оказывается амбулаторно или в стационарных условиях учреждениями Министерства здравоохранения Российской Федерации. Психологическая помощь и реабилитация в отношении пострадавших от преступления и/или лиц, потенциально способных стать таковыми, могут оказываться в соответствии с их компетенцией иными субъектами в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Психологическая помощь и реабилитация оказываются в случаях и порядке, предусмотренном законодательством РФ.

3. Лицо, нуждающееся в психологической помощи и реабилитации, может инициативно обратиться в центр ресоциализации, создаваемый в системе Министерства юстиции Российской Федерации. Сотрудники центра ресоциализации в пределах своей компетенции рассматривают конкретную ситуацию, направляют для консультаций к специалистам, в необходимых случаях организуют психологическое и иное сопровождение нуждающегося лица.

Статья 37. Помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми

1. Лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми, при необходимости может быть оказана материальная, организационная, техническая или иная помощь.

2. Помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми, в соответствии с компетенцией оказывается органами

исполнительной власти Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

3. Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, общественные, религиозные и иные организации могут оказывать помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми на добровольных началах.

Статья 38. Меры, обеспечивающие личную безопасность пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми

1. В отношении лица, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми, при необходимости могут быть применены меры, обеспечивающие личную безопасность.

2. Виды, порядок, условия и субъекты применения мер, обеспечивающих личную безопасность пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми, устанавливаются законодательством Российской Федерации.

3. В процессе применения мер, обеспечивающих личную безопасность пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми, обеспечивается соблюдение прав и законных интересов личности, охраняемых законом интересов общества и государства.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

Глава 5. Предупреждение преступлений несовершеннолетних

Статья.....

Глава 6. Предупреждение преступлений террористического характера

Статья.....

Глава 7. Предупреждение преступлений коррупционной направленности

Статья.....

Глава 8. Предупреждение преступлений экстремистской направленности

Статья.....

Глава 9. Предупреждение преступлений экономического характера

Статья.....

Глава 10. Предупреждение преступлений, совершаемых организованными группами

Статья.....

Глава 11. Предупреждение преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами

Статья.....

Глава 12. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий

Статья.....

Москва, Кремль

Президент
Российской Федерации
В.В. ПУТИН